

Тиана
ВЕСНИНА

Кто хочет процветать

Кто хочет процветать

ТИАНА

ВЕСНИНА

Кто хочет процветать

«Так что же нужно делать, чтобы и богатым быть, и живым?» — сейчас многие задают себе этот вопрос, пытаясь совместить несовместимое.

Богатство порождает зависть и желание присвоить его себе. Преступник строит планы, приводит их в исполнение. Однако «подлинно есть фатум на свете» — и то, что готовишь себе, может достаться другому.

ISBN 5-17-030239-8

9 785170 302390

г о р о д с к о й р о м а н

г о р о д с к о й р о м а н

Тяна
ВЕСНИНА

Кто хочет процветать

ИЗДАТЕЛЬСТВО

АСТРЕЛЬ

МОСКВА

2005

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В38

Серийное оформление
А. А. Кудрявцев и Е. А. Коляда

Художник
Ю. Н. Николаева

Охраняется законом РФ об авторском праве.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается без письменного разрешения издателя.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

Веснина Т.

В38 Кто хочет процветать : [роман] / Тиана Веснина. — М.:
Астрель: АСТ, 2005. — 462, [2] с. — (Городской роман).

ISBN 5-17-030239-8 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 5-271-11539-9 (ООО «Издательство Астрель»)

«Так что же нужно делать, чтобы и богатым быть, и живым?» —
сейчас многие задают себе этот вопрос, пытаясь совместить несов-
местимое.

Богатство порождает зависть и желание присвоить его себе. Пре-
ступник строит планы, приводит их в исполнение. Однако «подлин-
но есть фатум на свете» — и то, что готовишь себе, может достаться
другому.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Подписано в печать 02.02.2005 г. Формат 84х108 /32. Усл. печ. л. 24,36
Гарнитура Журнальная. Печать офсетная. Тираж 2000 экз. Заказ № 2350

Общероссийский классификатор продукции ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры
Санитарно-эпидемиологическое заключение № 77.99.02.953.Д.000577.02.04 от 03.02.2004

ISBN 5-17-030239-8

(ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 5-271-11539-9

(ООО «Издательство Астрель»)

© Веснина Т., 2005

© ООО «Издательство Астрель», 2005

Моему брату Игорю Соколову

Кто желает процветать на этом свете, не должен
бояться, что его скоро отправят на тот.

*Генри Фильдинг. Политик из кофейни,
или Судья в ловушке.*

ГЛАВА 1

Из полумрака вестибюля прямо на него вышла солидная фигура. Замешательство длилось долю секунды: «Да это же я сам!» Он слегка замедлил шаг, чтобы краем глаза полюбоваться на этого импозантного, безупречно одетого джентльмена.

«Полноват... но ведь солидный мужчина не может быть тонким», – подумал он, улыбаясь в усы.

Телохранитель вызвал лифт. Он вошел в кабину и опять с удовольствием глянул на себя в зеркало, которое, не обращая внимания на его хвастливые мысли, отражало со свойственной только ему беспристрастностью толстощекое, слегка обрюзгшее лицо, нос с сеточкой синевато-лиловых прожилок, крупный подбородок, глаза, прикрытые пухлыми веками с короткими и редкими ресницами, колючую щетину усов, небольшие бакенбарды и еще довольно густые волосы.

– «Да!.. – вздохнул он. – Всего достиг и стало скучно. Вот оно все – на ладони, а дальше что? Двое взрослых детей, вторая жена, любовницы, сменяющие друг друга. Нет, конечно, бывали мгновения... Но потом вновь спина жены и жгучая, снедающая тоска.

Пятьдесят пять! Поворотные цифры!.. Тут только два пути: или по проторенной дороге – к старости, или все сначала, очертя голову, в будущее. Только теперь ощущения радости, наслаждения не спонтанные и само собой разумеющиеся, а единственные и неповторимые. Удовольствие от каждого яркого, полнокровного мгновения. И побольше таких мгновений! Сумерки свести до минимума, мрак изгнать, – вспомнились ему его же мысли,

когда в банкетный зал вкатили огромный торт с пятьюдесятью пятью свечами и он обвел взглядом своих гостей. – Но ведь так самому не повернуть. Не остановить склоняющуюся к закату жизнь. Нужен стимул! Э-хе-хе, – безнадёжно вздохнул он. – Нет, видно, придется, как всем, тихо катить в своей вагонетке к конечной станции».

Иными словами, на праздновании своего юбилея он, Станислав Михайлович Пшеничный, поставил на себе крест.

* * *

Он сидел в своем кабинете за письменным столом в стиле ампира, когда позвонила дочь от первого брака, Милена, и осторожно напомнила ему, что у нее скоро день рождения, но намекнуть, какой бы подарок ей хотелось получить, не осмелилась. Станислав Михайлович всех этих намеков, указаний издали не терпел.

Находясь под влиянием не оставлявших его последнее время унылых мыслей, он подумал, что вот, кроме дочери и сына, никого у него нет. Хотя и они какие-то ласково отчужденные, но тем не менее родная кровь.

«Что бы такого купить девочке?..»

Он вызвал своего референта, Ангелину Максимовну, даму неопределенного возраста в вечном деловом костюме и безукоризненно свежей блузке.

– Для вашей дочери?.. Подарок? – задумалась она. – Я проконсультируюсь со своей племянницей, ей тоже, как и вашей Милене, двадцать два.

Четверть часа спустя она вернулась в кабинет:

– Племянница советует съездить в салон «Интальо», что на Новом Арбате. Там большой выбор женских радостей, – с высокомерным презрением подчеркнула Ангелина Максимовна.

– Хорошо, съезжу туда, – ответил Пшеничный и попросил вызвать шофера. – Да! – задержал он Ангелину Максимовну. – Как там у нас дела с новым романом Астровой?

– Сдан в набор.

– Отлично! – не удержался от алчного жеста Станислав Михайлович и потер руки. – Ну-ка, дайте-ка я еще раз взгляну на обложку.

Ангелина Максимовна принесла образец и положила на стол перед Пшеничным.

Он взял его и принялся придирчиво рассматривать. Кровь точно стекала по блестящей, асфальтового цвета обложке ему на руки.

– Хорошо, – протянул он. – Люди пугаются собственной крови, но любят смотреть, содрогаясь от холодка любопытства, на чужую. Собственная кровь – это страх и жалость. Чужая – завораживающее зрелище.

Пшеничный встал, развел руки, чтобы выпрямить спину.

– Вернусь минут через сорок, – сказал он и вышел из кабинета.

* * *

В салон «Инталио» Станислав Михайлович вошел походкой человека, который может купить в нем все. Вопрос только в том, чтобы ему хоть что-то понравилось. Подбежавшему менеджеру, вертлявой женщине лет сорока, он сообщил о цели своего визита:

– Дочери исполняется двадцать два года. Хочу сделать хороший подарок.

– О! – с радостью выдохнула она, точно услышала приятное известие. – Могу предложить вам ювелирные изделия, шубы, меховые палантины, платья и только что полученную из Парижа великолепную коллекцию нижнего белья.

Пшеничный прервал ее нетерпеливым жестом:

– Начнем с платьев.

– Прошу вас, – пригласила его менеджер в просторный зал.

Усадив Пшеничного в кресло, она, предложив ему выпить чашку кофе, попросила подождать минуты две. От кофе Пшеничный отказался и стал просматривать журналы. Пролистав, позевывая, несколько страниц, он услышал приятную музыку.

– Обратите ваше внимание... – начала с подобострастием в голосе менеджер, указывая на появившуюся на подиуме девушку в платье цвета электрик.

Станислав Михайлович с интересом принялся разглядывать блондинку со слегка выдающимися вперед верхними зубами, что отнюдь не портило ее, а придавало лицу непосредственное и забавное выражение. Девушка то приближалась к важному покупателю, то отходила, то поворачивалась, замирая в изящных эпольманах. Менеджер ткала словесный узор, описывая достоинства данного наряда.

Пшеничный в задумчивости насупился.

«В принципе, нормально. Милене понравится!» – подумал он и решил больше не терять времени, но тут вышла следующая манекенщица.

Она с милой застенчивостью улыбнулась важному клиенту и застыла посередине подиума, чтобы он мог лучше рассмотреть предлагаемый ею наряд: блузку из вышитого тюля, надетую поверх золотистого корсажа, при этом создавалось впечатление, будто цветы распустились прямо на коже девушки.

Пшеничный с жадностью стал поедать глазами редкой красоты манекенщицу: пышные, свивающиеся полукольцами черные волосы, лицо с ярко-розовым натуральным румянцем, темные сверкающие глаза и родинка над губой...

– Я вижу, – вступила менеджер, – что вечерний туалет «Золотой цветок» произвел на вас особенное впечатление. Уверена, что ваша дочь по достоинству оценит ваш выбор! – произнесла она заготовленную фразу и чуть вытянула шею, готовясь оформить заказ.

Но Пшеничный молчал. Менеджер пристально взглянула на манекенщицу, и та закружилась, расцветая улыбкой.

– Ну?.. Как?.. – теряя терпение, спрашивала дама.

– Да! – громко сглотнул слюну Станислав Михайлович и провел пересохшим языком по толстой нижней губе. – Беру! Жарко тут у вас, – помотал он головой и вынул носовой платок.

– Странно, – заметила менеджер, – у нас в зале работает кондиционер.

Она сделала знак, и Пшеничному подали минеральную воду.

– Может быть, вы посмотрите и нашу коллекцию нижнего белья? – предложила она.

Пшеничный поморщился:

– Нет уж, пусть дочь сама. Я в этом не разбираюсь.

– Ну не скажите! – игриво покачала головой менеджер. – Мужчины в этом деле – первые знатоки! – Девочки! Ну-ка, представьте коллекцию «Шат нуар» – воскликнула она и доверительно шепнула Пшеничному: – Прямо из Парижа.

Стройные длинные ноги, плоские животы, кокетливые взгляды из-под золотистых ресниц, бантики, резинки, кружева, шелк... Он готов был купить все, лишь бы вновь увидеть ту, черноволосую, с бело-розовой кожей и родинкой над губой.

Она вышла в темно-вишневом корсаже, отделанном черным кружевом с серебристыми зубчиками. На ней были чулки с подвязками, туфли на высоких каблуках, а в руках – шелковая маска. Она шла прямо на Пшеничного, сдержанно улыбаясь и игриво прикрывая лицо маской. Пышные волосы были подобраны вверх, открывая точечную линию шеи.

Станислав Михайлович не мог разобраться со своими мыслями. Они нахлынули на него, закружили. И мысли были какие-то новые, странные. Ему казалось, что к пятидесяти пяти годам он уже все свои мысли передумал и знал их наперечет. А тут просто буйство карнавальных красок... И внезапно – холодок, радостный, перехватывающий дыхание: «И невозможное возможно... пока живу!...»

Менеджер, с профессиональной ловкостью воспользовавшись отстраненностью, а следовательно, незащищенностью клиента, погруженного в себя, предложила ему еще полущубок из норки и парочку самых дорогих пеньюаров.

– Заверните! – миролюбиво махнул рукой Станислав Михайлович.

– Минуточку! – улыбнулась дама и скрылась в комнате манекенщиц.

– Лилия! – обратилась она к черноволосой девушке с родинкой над губой. – Получишь за сегодняшний день прибавку. Клиент не мог оторвать от тебя глаз. Пойди отнеси ему покупки и пригласи еще заглянуть в наш салон.

Торжественная процессия во главе с менеджером, боем с коробками и очаровавшей клиента манекенщицей подошла к Пшеничному.

– Мы благодарим вас за то, что вы выбрали наш салон, – начала менеджер...

– И будем рады видеть вас снова, – заключила Лилия.

Станислав Михайлович благосклонно кивнул и пошел к выходу. Проходя мимо зеркальной стены, он был удивлен, заметив, что за ним следует только бой с покупками. А как же главное его приобретение?!

«Почему не завернули?!» – чуть не вскричал он.

Пшеничный остановился и подозвал менеджера.

– Я хотел бы поблагодарить девушку за помощь в выборе подарков, – сказал он.

Менеджер состроила серьезное лицо и неопределенно повела глазами.

– Вообще-то это... – Она поиграла пальцами в воздухе. – Но... на наших постоянных клиентов, конечно, некоторые правила не распространяются. Лилия! – позвала она девушку, а сама тактично удалилась.

Девушка подошла к Пшеничному и с такой простотой посмотрела ему прямо в глаза, что выдавший виды Станислав Михайлович смутился:

– Э... вот хотел бы вас поблагодарить... Без вас я бы и не знал, что купить...

Она улыбнулась так искренне, точно эти подарки предназначались ей:

– Я рада!

Пшеничный собрался наконец-то со своими покрасневшими от смущения мыслями, отчего на лбу его выступил пот, а на щеках появились багровые пятна.

– Вас зовут Лилией?

– Да!

– А я Стас.

– Очень приятно, – ответила девушка.

– Сегодня вечером вы свободны? – прямо спросил Станислав Михайлович. Ему было недосуг перебрасываться пустыми словами вежливости. – В девять «Мерседес» МОН 282 будет стоять напротив салона. До вечера! – не дожидаясь ответа, с нарочитой суровостью в тоне бросил Пшеничный и поторопился уйти.

Выйдя на улицу, он подставил свое лицо ветру.

«Это же все с начала, все с чистого листа! – Станислав Михайлович просунул руку под пиджак, чтобы в случае чего поймать норовившее выскочить от радости сердце. – Ведь каждый об этом мечтает, чтобы еще раз с самого начала, но с учетом всех сотворенных глупостей. Не тех, милых и простительных, а тех, идиотских, от которых-то все кувырком. – Он сделал несколько шагов к машине и опять остановился прямо посреди шумной улицы. Косые нити дождя полосонули по лицу. – Да ведь только же вчера все было мертво: и сердце, и мысли, и чувства, и главное, я знал, что ни одна женщина не сможет меня растормошить, вернуть желание любить и жить так, чтобы дух захватывало. – Станислав Михайлович подошел к машине, шофер открыл дверцу. – Да с чего это я?.. Девчонка, может, в кого-то влюблена, и я ей триста лет не нужен. – Он усмехнулся в усы: – Я-то, может, и не нужен, а вот мои возможности!.. Нет! Так не пойдет! Я все отдам с радостью, но только в ответ на самую простую, самую бесхитростную любовь. Она меня подкупила своей искренностью. Не было в ее взгляде этой алчности молодых: все схватить, поглотить, урвать, – неважно, – обманом, подлостью. – Пшеничному ли не знать об этой алчности! Сам был молод. – Не почувствовал я в ней желания подловить богатого клиента и вытянуть из него, сколько удастся. Редкая девушка: милая, спокойная, точно витающая в других сферах. Ну а сколько ей? Лет двадцать?.. – и чуть за голову не схватился. – Это тридцать пять лет разницы!!»

Вечером Лилия вышла из салона и, постукивая по плитам тонкими каблуками, подошла к «Мерседесу» с номерным знаком МОН 282. Шофер открыл дверцу. Она наклонилась, придерживая на груди шелковый плащ с воротником шалью, и сказала:

– Передайте, пожалуйста, Стасу, что я не могу принять его приглашение.

Водитель опешил. Ведь даже он привык к заискиванию со стороны женщин: какая упросит пустить ее на заднее сиденье, чтобы неожиданно обнять Пшеничного за шею; какая выпросит время, когда он будет выходить из офиса, чтобы невзначай покарать его у машины. А эта!..

– Эй! – выйдя из кабины, крикнул он вдогонку длинноной. – Эй!.. Как тебя?! Ты, видно, чего-то не поняла!

Она остановилась, обернулась вполоборота, все так же придерживая плащ на груди. Свет фонарей обрисовал ее тонкий силуэт на мокрых от дождя плитах.

– Шеф... он же тебя поужинать пригласил. В ресторан. И только.

– Передайте ему мои извинения, – ответила девушка и поспешила уйти.

Водитель пожал плечами, покрутил ус, – носил усы в подражание хозяину, – подумал пару секунды и пробормотал:

– Чудная!

В отдельный кабинет ресторана «Морское дно» заглянул осторожно. Пшеничный вскинул глаза:

– Проходи! Что случилось?

– Да девчонка странная какая-то попала. Сказала, извинитесь, мол, перед Стасом, а я не могу принять его приглашение.

Пшеничный сразу не понял, заморгал короткими белесыми ресницами и чуть не подавился куском заливной стерляди: приступил к ужину, не дожидаясь госты.

– Да! – протянул, откашлявшись. – Ну-ну!..

– Станислав Михайлович, может, кого подвезти?! – предложил шофер. – Вы только позвоните, а я мигом слетаю.

Пшеничный промокнул усы салфеткой:

– Не надо! – И вновь принялся за прерванный ужин.

Шофер ретировался.

Несколько кусков стерляди Станислав Михайлович съел по инерции, а потом отодвинул тарелку, налил стопку водки, выпил и задумался.

«Неужели хитрит? Или, действительно, вот такая и есть, чистосердечная до наивности?.. Да ведь тем же мне и понравилась, что на шею не вешалась, глазами не стреляла, бедрами не крутила, и даже когда по подиуму шла, точно говорила: «Вот оно, мое тело, красивое, стройное, я зарабатываю тем, что надеваю на него дорогие тряпки, какие вы покупаете своим женам, дочерям, шлюхам... Я вынуждена так зарабатывать». – Пшеничный налил еще водки. – А если все-таки хитрит? Но откуда у нее уверенность, что после того, как фыркнула, я к ней опять подойду?.. Э, да что гадать! Надо проверить! – с азартом опрокинул он стопку и поморщился от удовольствия: – Хорошо пошла!»

* * *

На следующий день он позвонил в салон и попросил к телефону Лилию.

– Я слушаю, – раздался ее голосок.

Пшеничный кашлянул, чтобы вернуть свой мужественный голос, который неожиданно охрип.

– Лилия, это Стас, – проговорил он с легкой игривостью. – Что ж вы вчера заставили меня ужинать в полном одиночестве?

– Я уже приносила свои извинения через вашего шофера. Но могу еще раз...

– Ну что вы! Просто мы друг друга не совсем поняли. Забудем. А как вы посмотрите, если я вас приглашу в ночной клуб «Камыш», там сегодня будет петь Марианна Горсткова.

– Марианна?! – Голос от восторга пресекся. – Я... даже не знаю... Я... – Станислав Михайлович улыбался, представляя себе растерявшуюся Лилечку: как хлопают ее ресницы, как подрагивает родинка над губкой.

– Я бы с удовольствием, но... Как же мне тогда вернуться домой? Выступление заканчивается поздно.

– Да где же вы живете? В недосыгаемости от земли, что ли? Может, на звезде?! – острил, радуясь своей находчивости, Пшеничный.

– Нет, конечно, не на звезде, – рассмеялась Лилия, – в Перловке.

– Так о чем мы говорим? После концерта отвезем вас в Перловку.

– Правда?!

Станислав Михайлович представил, как она подпрыгнула от радости.

– В восемь я заеду за вами, договорились?

– Хорошо, – с заметным смущением в голосе ответила Лилия.

Станислав Михайлович нетерпеливо поглядывал на часы и непроизвольно поправлял хрусткий целлофан, в который был завернут букет белых лилий.

Увидев девушку, он открыл дверцу и вышел из машины:

– Прошу!

Она села и звонко воскликнула:

– Ой, здесь цветы!

– Это вам! – сказал Пшеничный и сел рядом. – Я предлагаю поужинать в небольшом ресторане, а потом поехать в клуб, прямо к началу выступления.

Лилия с очаровательной покорностью кивнула.

Ресторан Пшеничный выбрал из дорогих и утонченных. Девушка бегло оглядела дизайнерские изыски в оформлении зала и спокойно опустилась на стул. Станислав Михайлович был бы не против, если бы она выразила хоть какой-нибудь наивный восторг, который так к лицу милой, но бедной девушке.

Официант предложил меню. Лилия выбрала салат и рыбу.

«Либо она действительно простодушна, либо... Нет, ну вот почему так? – до разлива багровой краски по щекам разозлился Станислав Михайлович. – Как встретишь чистого, неиспорченного человека, вечно начинаешь вы-

искивать в нем какие-нибудь темные инстинкты, которые он вроде бы желает удовлетворить за твой счет: обвести, оставить в дураках и потом надсмеяться. Но что эта девушка может мне сделать?..»

– Вы, простите за вопрос, профессиональная манекенщица или подрабатываете в салоне? – спросил Пшеничный.

– Подрабатываю. Все дело в том, что я уже два года подряд безуспешно пытаюсь поступить в академию легкой промышленности, хочу стать дизайнером. А манекенщицей устроилась работать случайно. Шла по улице, увидела на двери салона объявление. Зашла, и меня приняли.

– Простите, а сколько вам лет?

– Девятнадцать.

– Но, может быть, вам стоит попробовать свои силы в модельном бизнесе? У вас есть все данные для этого.

Разговор прервался, пока официант разливал вино.

– Мне предлагали, – поворачивая на свет бокал с искрящимся белым вином, ответила Лилия. – Но... там... – она запнулась. – В общем, там такие требования, которые я не желаю и не считаю нужными выполнять. Я осталась работать в салоне. Как только поступлю, как только смогу зарабатывать иначе, сразу же уйду оттуда.

– А, так вы все-таки намерены поступать вновь?

– Обязательно! И я верю, что поступлю. Потому что это мечта. Такая сильная, такая... – Не найдя слов, она смутилась своей горячностью и рассмеялась.

– Это прекрасно, что у вас такое стремление. А я вот тоже занимаюсь делом, недалеким от дизайнерских исканий. Я издатель. Может, слышали книжное издательство «Стас»?

Лилия сначала всплеснула руками, потом поднесла их к щекам и словно в чашу опустила свое лицо.

– Боже!.. Не может быть!.. Я обожаю читать книги одного вашего автора, Веры Астровой.

– Без ложной скромности скажу: это я ее открыл.

– Как замечательно, – полуприкрыла глаза Лилия, – открывать таланты.

– А вы с кем живете? – перепрыгнул Станислав Михайлович через несколько положенных по ходу ознакомительного разговора вопросов и ответов.

– С мамой и младшей сестренкой.

Он в один миг представил пятиэтажку, две комнатки трамвайчиком, тусклые обои, старенький, скрипящий диван, две узкие кровати в детской; мать, еще не старую, но поблекшую, кутающуюся в пуховый платок, и милое десятилетнее создание с черными кудряшками, – младшую сестренку, донашивающую невесть какие наряды старшей сестры.

– Тяжело, наверное?.. – машинально высказал он вслух свою мысль.

– Да, – тихо ответила Лилия.

Пшеничный уставился на нее своими выпуклыми каре-желтыми глазами.

– А вот скажите, почему же вы, как бы это выразиться поточнее? – задумался он, поставив локоть на стол. Рукав пиджака приспустился, и в свете люстры блеснул «Ролекс». – Почему вы, когда вошли в ресторан, столь безразлично оглядели его великолепие, не понравилось?

Лилию несколько удивил вопрос.

– Нет, мне очень понравился интерьер, но... Как бы теперь мне вам объяснить? Знаете, роскошь, это ведь тот же наркотик. Попробуешь всего несколько раз и захочется постоянно. А я четко понимаю: не моя это жизнь и не моя эта роскошь, и никаких иллюзий у меня выйти из Золушки в принцессы нет. Потому и смотрю мимо, чтобы не засмотреться.

Пшеничный насторожился. Провел салфеткой по усам, пряча двусмысленную ухмылку.

– Уж очень вы, Лилечка, рассудительны для вашего нежного возраста.

– А разве это плохо? У меня пример был хороший. В кавычках. Я знаю, куда Золушки попадают, и не хочу туда.

– Да ну? – решил этим вопросом подловить девушку Пшеничный. – И какой же это пример?

– Соседка наша, – обреченно махнула она рукой. – Пропала девчонка.

«Слова какие-то шаблонные: «пропала девчонка»!.. А какие бы я хотел услышать?.. Да она, вероятно, просто повторяет то, что говорит ее мать...»

– Скажите, Лилечка, а вы с мамой дружно живете?

Вопрос, как показалось Станиславу Михайловичу, поставил девушку в тупик.

– А как же еще можно жить? – после паузы спросила она.

– В самом деле... – решил замять свое любопытство Пшеничный.

– Ой! – вскричала Лилия. – А мы на выступление Горстковой не опоздаем?!

Станислав Михайлович взглянул на часы:

– Успеем!

* * *

Черные, окованные «серебром» двери клуба распахнулись перед ними. Поддерживая Лилию под руку, Пшеничный повел ее вверх по лестнице, едва различимой в розово-фиолетовом полумраке. Как только они вошли в зал, музыка оглушила их.

– Теперь и словом не перекинешься, – почти прижавшись губами к ушку Лилии, проговорил Станислав Михайлович и почувствовал запах простеньких духов.

Метрдотель усадил их за столик прямо перед эстрадой, на которой в световом ореоле появилась певица. Лилия устремила на нее неотрывный взгляд и стала покачивать головой в такт популярной песни.

Пшеничный тоже покачивал головой в такт, но не мелодии, а своим размышлениям.

«Все ясно! И раз узнавать нечего. Ее выдали духи! Хищница, ловкая обманщица, охотница за богатыми любовниками или мужьями никогда бы не пошла на это. Все, что угодно: бельишко скромное, платишко с турецким шиком, но паршивенькие духи – увольте. Их носы все вытерпят, но только не запах дешевого парфюма. Вот, во всем и во всех я ищу двойное дно, – опять напустился на себя Станислав Михайлович. – С чего мне вообще в голову взбре-

ло, что она именно таким способом решила ко мне подбаться? Действовала бы напрямик, а то, мама, пагубный пример соседки... – Пшеничный с нежностью перевел взгляд на тонкую, точно стебелек, шею Лилии. – Милая, чистая!»

– Стас! – вывел Пшеничного из созерцательной задумчивости возглас его приятеля, известного бизнесмена. – Потихоньку вошел и не стал ни с кем здороваться, – протягивая свою широкую ладонь, с добродушием подвыпившего человека говорил тот.

Его взгляд остановился на Лилии. Он понизил голос и, наклонившись к Станиславу Михайловичу, шепнул:

– Теперь понимаю. Черт возьми, славная девчушка. Давно она у тебя?

В глазах Пшеничного заметалось возмущение. Он потянул приятеля за руку и усадил рядом с собой.

– Она не из тех, о ком ты подумал.

– Да? – с большим сомнением переспросил бизнесмен, разглядывая Лилию в свете мерцающих огней. – А где ж ты ее откопал, не такую?

– В самом прозаичном месте.

К ним подошли еще двое знакомых.

– Пригласи Марианну за столик, – обратился бизнесмен к одному из них.

Тот отрицательно покачал головой:

– Нежная на вид, стальная на принципы. «В клубах никогда и ни с кем».

– Ну и черт с ней! – поморщился бизнесмен и, жестом подозвав официанта, что-то тому шепнул.

Не успела Марианна покинуть эстраду, как ей передали большой букет роз. Она прижала его к груди и с искренней благодарностью окинула взглядом зал.

– Каждый может обидеть артиста, – заметил бизнесмен, – но и каждый может осчастливить! – назидательно поднял он палец.

Лилия, невольно привлеченная громким разговором, стала рассматривать друзей Пшеничного. Станислав Михайлович не преминул похвастаться их именами.

– Я уважаю людей, которые сумели пробиться в жизни, – от души произнесла она заезженную фразу.

И тут Пшеничного осенила одна не совсем достойная мысль: оставить на некоторое время Лилию одну, а самому подсмотреть, как она будет вести себя, попав в созвездие московского бизнеса. И, словно по заказу, появился Фил, красивый молодой человек, занимающийся рекламным бизнесом. Станислав Михайлович подскочил с кресла и поспешил перехватить Фила перед самым носом устремившихся к нему девиц.

– Давно не виделись! Как дела? – тянул он его к своему столику. – Давай за встречу!

Фил, ничего не имея против, весело помахал девицам рукой, мол, подожду попозже, и присел рядом с Пшеничным.

– Да, Фил, познакомься. Это Лилия! – точно спохватившись, воскликнул Станислав Михайлович.

Лилия, услышав свое имя, повернула голову и встретилась взглядом с молодым человеком. Он привстал и представился:

– Фил!

– Очень приятно, – улыбнулась Лилия.

– Три картины, – бросил Фил официантам, не отводя глаз от девушки.

Пшеничный суетливо завертелся, вынул сотовый, озабоченно покосился на Лилию и, разведя руками, попросил извинения, что вынужден ее ненадолго оставить.

– Фил, ты уж побудь с Лилечкой, она здесь в первый раз, а я – через пять минут. Всего пару деловых звонков.

– Не волнуйся! – Ирония фосфорными огоньками сверкнула в глазах Фила.

Пшеничный направился к стеклянной двери, выходящей на широкую площадку второго этажа. По краям дверь была обрамлена тяжелыми портьерами синего бархата. Пшеничный, делая вид, что говорит по телефону, острым взглядом принялся следить за Филом и Лилией.

«Вот же уродился дьявол – красивым. Ну на какую ни глянет, каждая его. Тут прыгаешь, щеки раздуваешь, выставляешь все, что имеешь: деньги, именитых друзей,

связи, засыпаешь подарками, – сетовал Станислав Михайлович, – а этот только скользнет взглядом, только изволит заметить ее, как уже «Ах!.. Влюблена!..». Может, я зря все это затеял? Девчонка молодая, серьезная, а я ее, будто змей-искуситель, в объятия развратника толкаю?..»

Между тем Фил пригласил Лилию танцевать. Пшеничный вышел из своего укрытия, покусывая губы и попадающиеся короткие щетинки усов. Едва музыка смолкла, как вокруг Фили тотчас образовался кружок из его приятельниц. Станислав Михайлович насторожился. Если Лилия останется с ним... Но она, с трудом выбравшись из толпы напиравших друг на друга девиц, направилась к столику.

– Стас, отвезите меня домой, пожалуйста, – попросила она Пшеничного, шумно сопящего от переживаний, устроенных им самому себе.

– Но еще не так поздно!

– Нет, я устала, и потом мне завтра рано вставать. Я же хожу на курсы при академии.

– А!.. – протянул Пшеничный. – Тогда поехали.

Старенький дом, точно такой, каким его мысленно представлял Станислав Михайлович, выплыл неровными очертаниями в свете одинокого фонаря. Пшеничный открыл дверцу машины. Лилия вышла и рассмеялась по-детски звонко, прижимая букет к груди:

– Представляю, как мама удивится такому шикарному букету! Ну я пошла?! – полувопросительно взглянула она на него.

Пшеничный кивнул, подумав: «Котенок, да и только! Позевывала всю дорогу, словно пушистик, собирающийся сладко вздремнуть».

Лилия подошла к подъезду, помахала рукой и скрылась за дверью. Пшеничный сел в машину рядом с водителем, но трогаться команды не давал. Свет зажегся на первом этаже. Через неплотные сатиновые шторы виднелись два силуэта: один стройный с пышным букетом, другой худенький, кутающийся в шаль.

– Трогай! – наконец-то проговорил Пшеничный.

ГЛАВА 2

День как день: рабочий, кипучий, выпивающий всю энергию. Некогда! Некогда бросить слово по телефону приятелю, некогда позвонить жене, утром выглядевшей слишком хмурой, сердитой, да, в принципе, и не хочется. Окончательно вымотал разговор с художником. Пшеничный в который раз вытирал пот со лба. Дизайнер – это всегда проблема для издательства. Его никто не знает, но то, что он делает, – видят все. Не нравился Пшеничному дизайн обложки для только что сданной рукописи Веры Астровой: ее печатают без промедления, она приносит прибыль.

С серо-синими кругами под глазами неделю назад пришла Вера и принесла дискету с новым детективом.

– Стучала по клавиатуре до онемения пальцев. А потом всю ночь было такое ощущение, будто по рукам ток пропустили, – жаловалась она.

– Меньше надо заниматься обработкой текста, – в который раз заметил ей Пшеничный. – Книгу пишете за три месяца, а потом столько же сидите за редактурой. Кто назовет вас умной?!

– Я не могу суррогат выпускать! – устало, но с гордым достоинством художника возразила Вера.

Пшеничный, откинувшись на спинку кресла, захохотал, искренне и даже не обидно.

– Веруня, неужели вы, как это говорится, в тайниках своей души веруете, что творите на века?! Ведь все, что вы написали и еще напишете, это же не книги, а увлекательное чтиво для ежедневного употребления и по употреблении, что особенно важно, полного забвения. Все эти детективы тем и хороши, что их можно издавать и пере-

издавать. Читатель по прошествии времени покупает одно и то же содержание только в другой обложке.

Вера в негодовании сняла очки и, сотрясаясь от желания сказать Пшеничному все, сказала только:

– Вы, Станислав Михайлович, у любого автора отобьете охоту писать.

Пшеничный поднялся с кресла, обошел вокруг стола, обнял Веру за плечи и с легким пафосом произнес:

– Веруня, вы же не просто автор, вы талант! А то стал бы я с вами возиться и терпеть все ваши редактуры. Я бы брал ваши идеи, отдавал в руки нескольких разработчиков, и сыпались бы книга за книгой. Но я уважаю вас! Вы лицо моего издательства. Во всем этом хаосе бумагомарательства под аляповатыми обложками должна быть капля достойного. И это вы!

– Спасибо, Станислав Михайлович, – вновь надев очки, с удовольствием выслушав и впитав хвалебные слова, отозвалась Астрова.

И вот сегодня Пшеничный отвергал одну за другой обложки, предлагаемые художником.

– Я и так закрываю глаза на весь этот цветовой, лишенный капли таланта бред. Где вы учились? С чего вы взяли, что можете быть художником? Что это за сочетания блекло-сиреневого с долларовой зеленью? Что это за дикие морды?.. Согласен, читатель любит острое, что цепляло бы взгляд, но это – безвкусица... Короче, все варианты отвергаю. Иди думай, создай!

Потом появилась главный бухгалтер, дама в строгом красном костюме, и началось – кредиты, налоги, платежи, штрафные санкции...

– Задерживаем выплаты гонораров авторам уже на два месяца.

– Это каким же авторам?

– Приличным.

– Ничего, подождут, они хорошо получают. Это мы мелочным писакам сразу платим их копейки. Они довольны и тем, что видят свое имя на обложке. А кому не нравится – пусть проваливают, на их место тысячи других

найдутся. Россия страна пишушая! Это, наверное, у нас в крови. Начали с челобитных, кляуз, доносов и вот теперь это вылилось в широкое литтворчество масс. Какова самодетельность?! Какой охват?! Даже в СССР такого количества самодетельных талантов не было.

Пшеничный любил беседовать с главным бухгалтером, женщиной умной, с нормальной долей цинизма смотрящей на жизнь.

Станислав Михайлович попросил кофе. Вошла секретарша в узкой черной юбке и короткой кофточке, из-под которой виднелся пупок с вонзенным в него колечком.

«Старается меня заманить, не иначе, – с внутренней ухмылкой подумал он. – А я – плевал. Все вижу насквозь. Тебе, деточка, мои деньги нужны, а я как приложение. Можно, конечно, указать тебе на дверь, но ты расторопная и пунктуальная, так что работай пока в своих двух качествах, секретарши и девушки для снятия напряжения. А мечтать, когда я снимаю напряжение с твоей помощью, ты можешь о чем угодно. Даже как околпачишь в один прекрасный день самого Пшеничного».

– А что, Наталия Сергеевна, хорошо новый год начать с чистого листа? Огрехи и грехи похоронить в годовом балансе и все сначала? – неожиданно спросил он.

– Хорошо! – согласилась бухгалтер. – При условии, что никто по прошествии определенного времени не приступит к эксгумации этого годового баланса.

– А не приступит!

– Тогда точно хорошо! – прищурила она прозорливые глаза и с удовольствием пригубила рюмочку ликера, поданного к кофе.

– А в жизни... тоже хорошо? – с ироничной, но внутренне настороженной полуулыбкой поинтересовался Станислав Михайлович.

– В жизни?... – раздумывая, протянула Наталия Сергеевна. – А что? Жизнь – тот же баланс. Надо держать равновесие. Но иногда так перекосит, что уж и не знаешь, как выправиться, – вздохнула она. – И если вдруг появляется шанс закрыть старое, но только так, – потрясла она рукой

для придания солидности своим словам, – основательно, навсегда, и пойти по новой, то это редкая удача.

– Вот и я думаю, что удача, – проговорил Пшеничный. – А то жизнь не в жизнь, точно лямка бурлацкая.

Наталия Сергеевна рассмеялась:

– Значит, Станислав Михайлович, вашу любимую картину, – указала она кивком головы на стену, где висело огромное полотно «Бурлаки на Волге», – вскоре сменит другая.

Пшеничный хотел что-то сказать, но она поднятым указательным пальцем остановила его:

– Дайте-ка подумать, какая же будет? Может, Брюллов?.. «Полдень»! Помните, там такая юная красотка с огромными глазами снимает спелый, налитой прозрачным соком виноград?!

Пшеничный, несколько озадаченный, пожал плечами:

– А с чего это у вас такие ассоциации?

– Ну как же, – слегка разминая сигарету, продолжала Наталия Сергеевна, – девушка, по-моему, тут разъяснения не нужны, а вы – тот спелый виноград, который она собирает.

– То есть вы хотите сказать, что она соберет, а потом съест и только косточки выплюнет?!

– Э, нет! Не с той стороны взглянули. Она собирает, чтобы насладиться им. И ему, смею предположить, приятно будет растечься соком между ее белых зубов. Ведь, так или иначе, он налил и ему либо лопнуть, либо скиснуть. А так – удовольствие обоим: ей съесть, ему разлиться живительной влагой. К тому же тот виноград, что у Брюллова, он без косточек, – заметила Наталия Сергеевна, затушив окурок и собрав бумаги. – Если что, я у себя, – обернувшись в дверях, напомнила она.

«Умная женщина, – в который раз отметил Пшеничный. – Не дай бог такую жену иметь!»

Отрешившись в приятной истоме, он еще некоторое время сидел за столом. Затем поднялся и прошел в ванную комнату. Включил яркий свет и придирчиво глянул на себя в зеркало: не скис ли еще? Нет! Лицо («Вот же

подметила, бестия бухгалтерская, лицо ну точно налитая лоснящаяся виноградина!»). Станислав Михайлович провел рукой по щекам: гладкие, точно отполированные, расчесал усы, впрыснул мощную шею туалетной водой, гордо вскинул голову и подмигнул своему отражению.

Вернулся в кабинет, надел плащ, и уже у двери его застиг телефонный звонок. «Я уже ушел или еще нет?! – Постоял секунду в нерешительности, подошел к столу. – Оказывается, нет!» Поднял трубку и сразу чуть отстранил ее от уха – такой сильный, переливающийся звонкой радостью голос обрушился на него:

– Папа! Папочка!.. Ну ты!.. Я проснулась утром, а мама мне говорит, что был от тебя посыльный с подарками!.. И!.. – заверещало в трубке. – Я бегом в залу, а там!.. Пап!.. Ну это по-суперкоролевски!.. Это здорово!.. Даже мама, ты же знаешь это ее наджизненное парение, и то не выдержала и сказала, что ты просто Крез!.. Пап, ну это все – «восторг и песнопение», все твои подарки!.. Полушубок – душка, нижнее белье – отпад в шикарную жизнь, платье – полет на Марс...

Пшеничный довольно ухмылялся. Вообще-то дочь в него, а от матери только эти неумеренные восторги, когда та была в ее возрасте. Вот точно так же она говорила о своей возлюбленной поэзии. Вздыхала по Блоку, словно по покинувшему ее любовнику, и вздрагивала, заметив чей-то похожий на него силуэт, будто он наяву мог выйти ей навстречу из переулка.

– Я рад, Миленка, что тебе понравилось. С днем рождения, дочка! Надеюсь, не подведешь фамилию Пшеничных. Будешь крепким и прозорливым финансистом. Кстати, как у тебя дела в академии?

– Все отлично, папа. Ты же знаешь, я в тебя, если взялась за дело, то добыю его до конца.

Пшеничный рассмеялся:

– Раньше говорили: «Доведу до конца».

– Доводить можно, но это длительный процесс, лучше добыть!

– Ну тогда добивай науку и ко мне на работу. А сейчас, прости, спешу.

– Папка, я тебя целую тысячу раз! А ты ко мне заедешь? Ну хотя бы на свечи дунуть, а? Мы отмечаем в «Марионе». Приезжай, а?

– Ладно! Как же не дунуть?! – с приятным чувством тепла у сердца ответил Пшеничный.

– Ура! – прокричала Милена и чмокнула в трубку.

* * *

Выйдя из машины у салона «Интальо», Станислав Михайлович полной грудью вдохнул обновленный весной воздух и вошел в вестибюль. Охранник вызвал лифт.

Первой, с кем Пшеничный столкнулся в дверях, была дама менеджер.

– Да-да, – в ответ на ее вопросы произнес Пшеничный, – дочери все понравилось и подошло. Но я, собственно, к вам не за покупками, впрочем, может, что и куплю. Я хотел бы видеть Лилию, она здесь?

Менеджер на секунду, более она себе не позволила, задумалась и кивнула головой:

– Здесь. Пойдемте, я вас провожу.

Они пошли по небольшому коридору, в который выходили всего четыре двери. Менеджер взялась за ручку одной из них, но та оказалась запертой. Дама сердито застучала сильным кулачком.

– Что это за мода запирается! – возмущенно воскликнула она.

Дверь тотчас открыли.

– Лилия, к тебе пришли, – сказала менеджер и посторонилась, пропуская Пшеничного.

Взгляд девушки током пронзил Станислава Михайловича. Недоуменный, доверчивый, чуть затуманенный пребыванием в книге, которую она читала.

«Учебник, наверное. Готовится», – подумал Пшеничный, заметив на столике увесистый том.

– Я... переодевалась и забыла отпереть дверь, – пробормотала Лилия.

– Единственная непорочная в нашем монастыре, – усмехнулась менеджер. – Все переодеваются, даже не обеспокоившись прикрыть дверь, одна ты – на замок.

Лилия что-то прошептала в ответ, но менеджер уже ушла.

Комната была маленькая, в одно окно. Зеркало, столик, ширмочка со смешными китайскими рожицами, длинный железный стержень от одной стены до другой, на котором висели платья. Станиславу Михайловичу было тесно в таком ограниченном пространстве.

– Здесь есть место, где можно поговорить?

– Да! – то ли с изумлением, то ли с испугом воскликнула Лилия. – Бар на шестом этаже.

Станислав Михайлович схватил девушку за руку и потянул за собой.

– Не могу находиться в крошечных комнатах, душно.

Лилия, на ходу оправляя платье с многочисленными кнопками-застежками, едва поспевала за ним. Охранник, на расстоянии, шел впереди.

Полукруглый бар с большими окнами, в которые вливалось солнце, успокоил мятущиеся мысли и чувства Пшеничного. Заказав кофе, он приступил к разговору:

– Лиля, как у тебя дела? Все в порядке? На занятия не опоздала?

– Спасибо, все хорошо.

– Ну это ладно, – сам себе заметил вслух Пшеничный и спросил: – А ты замуж не хотела бы выйти?

Лилия, приходя во все большее недоумение, ответила:

– Как это не хотела бы? Конечно, хотела бы!

– Ага! А за кого?

– За того, кто понравится... Кого полюблю, – теряясь под его пристальным горящим взглядом, говорила она.

– А у тебя уже есть кто-нибудь на примете?

Лилия окончательно смутилась и очень тихо произнесла:

– Нет.

– Но ведь пора бы. Тебе уже девятнадцать, – заметил Станислав Михайлович. И, помолчав немного, спросил: – А я тебе как, нравлюсь?

Лилия с таким возмущением посмотрела на Пшеничного, что ему стало даже неловко.

– Послушайте, Стас, я вам повода не давала.

– Так я же с открытой душой. Ты пойми, Лилечка, у меня времени нет на ухаживания. Я тебе предлагаю конкретно – уик-энд в Финляндии.

– Вы... – начала Лилия, но Станислав Михайлович решил тотчас внести уточнение:

– Нельзя же сразу в ЗАГС, не познакомившись, не попробовав друг друга. – Тут он слегка призадумался и спросил: – Прости, может, у тебя еще не было мужчины?

Лилия прерывисто вздохнула, с тоской огляделась вокруг и неожиданно без всяких оценок ответила:

– Нет, был...

Станислава Михайловича будто к стулу пригвоздили.

– ...мальчик один... – на легком выдохе, опустив глаза, прошептала она.

«Мальчик один...» – продолжали эхом отдаваться ее слова в голове Пшеничного.

Перед его мысленным взором тотчас возник «один мальчик», обнимающий и бесстыдно ласкающий Лилию. Но когда он ясно нарисовал себе эту картину, то, как ни странно, от сердца отлегло. «Мальчик и девочка, невинное начало. Вот если бы она сказала тридцатилетний или сорокалетний выдавший виды развратный мужчина, а то мальчик... Да просто пасторальная шалость, просто Дафнис и Хлоя, не ведущие, что творят».

– А сколько этому мальчику лет было? – все-таки решил уточнить Станислав Михайлович.

Лилечка опять вздохнула:

– Семнадцать.

– И где же он теперь?

– Уехал. В Германию. Денег заработать. Обещал вернуться через год, но не вернулся. Сначала письма писал... Не часто, но все-таки, а потом...

– А ты все его ждешь?

– Нет. Перестала.

– Тогда вернемся к моему предложению познакомиться поближе. Ты мне нравишься, а я как тебе? – попытался скрыть свое волнение под маской цинизма Пшеничный.

– Да я о вас вообще не думала. Вы-то наверняка женатый.

– Ты еще забыла сказать о разнице в возрасте, – с ироничной учтивостью подсказал Станислав Михайлович.

– Нет, не забыла. Но какое это имеет значение? Любят ведь человека, а не его возраст.

– Хорошо сказала, – ухмыльнулся Станислав Михайлович. – Ну так что?..

Лилия чуть заметно пожала плечами:

– Не знаю. Да вы ведь женаты?..

– Пусть это тебя не волнует. Считаю, что развелся и свободен, если подойдем друг другу.

– Как-то так сразу...

– Почему же сразу? Вот поедem на гигантском пароме в Финляндию. Я забронирую две каюты. Захочешь, придешь ко мне, не захочешь... – Станислав Михайлович взмахнул рукой, показывая, что она вольна в своих действиях.

– Ну, не знаю... – покусывая губы, с горящими от волнения щеками ответила Лилия.

Станислав Михайлович рассмеялся:

– Зато я знаю. Паспорт заграничный есть?

– Нет.

– Значит, сделаем.

– А как же курсы, моя работа в салоне? Меня менеджер ни за что не отпустит.

– Верно, ни за что не отпустит, а за что-то еще и счастливого плавания пожелает. Вылетаем в Питер в пятницу. Ночью садимся на паром. Субботу и воскресенье проводим в Хельсинки. Ночью опять на паром и днем в понедельник в Москве. А пока будут делать тебе паспорт, думаю, за три дня уложатся, я начну ухаживать за тобой, чтобы не так сразу, – рассмеялся Станислав Михайлович.

Лилия тоже рассмеялась:

– Да ну вас! А как вы будете это делать?

– Очень просто. Куда ты хочешь пойти сегодня вечером?

Ему нравилась ее почти детская растерянность, какая бывает, когда на день рождения дарят сразу столько коробок, что не знаешь, с какой же начать открывать.

После размышлений Лилия призналась, что никуда особенно не хочет.

— Ладно, сначала поужинаем, а потом решим. В половине восьмого я за тобой заеду.

* * *

Он подъехал, опоздав минут на пятнадцать. Лилии у выхода из салона не было.

— Сноровом, — невольно произнес вслух шофер и осекся.

Но Станиславу Михайловичу очень понравились его слова. Он вышел из машины и направился в салон, высокие окна которого были ярко освещены. Лилия оказалась на подиуме. Она демонстрировала наряды двум клиентам. Пшеничный подозвал менеджера и шепнул той, чтобы немедленно отпустила девушку.

— Но мне ее нечем заменить! — возмутилась она.

— У вас у самой отличная фигура, — заметил Пшеничный, протягивая ей пятьдесят евро.

Менеджер, отведя взор как бы в сторону, двумя пальчиками взяла купюру.

— Ладно, посмотрю, может, Маша еще не ушла.

Четверть часа спустя Лилия и Станислав Михайлович, смеясь, уже садились в машину.

— Как здорово, что вы меня освободили от этих противных теток. Они наши давние клиентки. Мучают ужасно. Одну и ту же вещь им сто раз показывай. Только снимешь, они опять требуют, чего-то там не рассмотрели. И так до бесконечности.

Станислав Михайлович предложил поужинать в ресторане с кавказской кухней.

— Как хотите, — ответила Лилия. — Я нигде не была, мне все равно.

— Значит, едем туда, — бросил он водителю, но, посмотрев на часы, пробормотал с досадой: — Вот черт, забыл. Ты

понимаешь, – обратился он к Лилии, – мне надо заехать в один клуб. Там отмечают день рождения. Надо поздравить. Я не надолго. Ты подождешь в машине, ладно?!

– Хорошо, – согласилась девушка.

Пшеничный попросил шофера остановиться перед цветочным магазином. Он выбрал двадцать одну чайную розу и одну пунцовую. Букет был уложен в прозрачную коробку, а пунцовая роза перевязана шелковой лентой.

Станислав Михайлович разошелся с матерью Милены, когда той исполнилось пять лет. Он позабыл о ней, едва закрыл за собой дверь квартиры, которую благородно оставил бывшей жене и ребенку. Да и зачем она была ему нужна, обыкновенная трехкомнатная квартира, когда он приобрел пятикомнатную в доме, построенном по европейскому образцу.

Пшеничный исправно платил алименты, не забывал о подарках ко дню рождения. Был, одним словом, образцовым отцом, оставившим семью. Но по прошествии восьми лет на пороге его кабинета появилась хорошенькая самоуверенная блондиночка.

– Ба! Милена, ты, что ли? – воскликнул Пшеничный.

– Я!

Возникла пауза. Пшеничный непонимающе смотрел на девушку с пунцовыми от волнения щеками.

– Сегодня день моего рождения, – сказала она.

– Я помню и послал тебе подарок, – ответил Станислав Михайлович.

– А я больше не хочу подарков без... – она силилась произнести слово «папа», но не хватало духа, – не хочу подарков без тебя!

Станислав Михайлович с интересом ожидал, что будет дальше.

– Так чего же ты хочешь?

– Хочу... Хочу с тобой в цирк, в парк... Мороженого... Понимаешь, – пронзительным звоночком зазвенел ее голосок, – хочу с тобой!

С того дня дочь вновь вошла в его жизнь. Станислав Михайлович даже привязался к ней. У них был общий

стержень. Они были Пшеничные, чего, к сожалению для него, нельзя было сказать об Олеге, сыне от второй жены.

Милена выскочила из-за стола, едва заметив, что отец вошел в зал, и бросилась ему навстречу.

– Папка, думала, что ты уже не придешь, – шепнула она, прижимаясь к его плечу.

Он протянул ей коробку с букетом и отдельно – пунцовую розу.

– Нельзя же дарить четное число, вот я и разделил его.

– Только ты догадался, как подарить на двадцатидвухлетие на каждый год по розе. Просто сделал двадцать один и один, – восхищенно проговорила Милена и громко крикнула: – А теперь торт!

Вкатили пышный торт. Милена, Станислав Михайлович и его первая жена, мать Милены, Зоя, подошли к многоэтажному сладкому сооружению, сверкающему свечами.

– Ну, помогайте! – обратилась Милена к родителям и изо всех сил принялась дуть на золотистые огоньки.

Гости зааплодировали. Милена, вооружившись серебряным ножом и лопаткой, стала резать торт и раскладывать по тарелкам.

– Спасибо, что пришел, – сказала Станиславу Михайловичу Зоя. – Милена очень привязана к тебе. И очень на тебя похожа. Такая же прагматичная, – не скрывает она вздох сожаления.

– Прямо уж и такая, – беззлобно поддел он ее. – Книжки как любит!

– Вот-вот, – подтвердила Зоя, – у нее любовь к книгам точно такая же, как и у тебя, коммерческая.

– Что поделаешь, исключительно на издании интеллектуальной литературы заведомо прогорим. Печатаем то, что требует рынок. А рынок требует ужасов, страстей и крови.

– Папа, – подлетела к ним со сверкающими глазами Милена, – а ты попробуешь мой торт?

– Обязательно!

Он надломил ложкой кусочек торта, протянутый ему дочерью.

– Вкусно. Необыкновенно! – ответил на ее немой вопрос. Вытер салфеткой усы и сказал: – Ну все, Миленка, мне пора!

– Пап!.. – захныкала дочка. – Побудь еще!

– Не могу! Дела! Вот окончишь свою финансовую академию, придешь ко мне работать, поймешь тогда, что такое издательство. В каждой напечатанной книге, – перешел он на шутливый тон, – капля моего пота и крови, понятно?

– Ладно! Пошли провожу тебя!

Они вышли в вестибюль. Милена в своем открытом платье ежилась от прохлады.

– Беги! Гости ждут! – целуя ее в щеку, сказал Станислав Михайлович.

Она кивнула, но не ушла. Подойдя к окну, смотрела, как отец садится в машину. И тут ее острый молодой глаз выхватил из мрака салона силуэт девушки. Щеки Милены мгновенно покраснели от досады. Она даже не решилась сразу вернуться к гостям, а потихоньку заглянула в банкетный зал и знаком подозвала подругу:

– Слушай, принеси сигарету и зажигалку.

Выполнив просьбу, подруга хотела составить ей компанию, но Милена отослала ее. В курительной комнате она присела на диван и задумалась, забыв зажечь сигарету, которую держала во рту.

«Да, в принципе, все понятно. Инге-то уже, если не ошибаюсь, сорок два. Семнадцать лет с отцом. Надоела, наверное. – Милена невесело усмехнулась. – Злорадствовать по этому поводу глупо. Каждую женщину ждет то же самое. – Опомнилась и щелкнула зажигалкой. – Выходит, захотелось папе чего-то свеженького. Но разводиться с Ингой он не станет. Она хорошо, молодо выглядит. Правда, психованная. Да и Олег не лучше. Но папе-то пятьдесят пять. Нет, в таком возрасте жен не меняют, а потихоньку шалят на стороне», – пришла Милена к успокоительному выводу и, затушив окурочек, поспешила к гостям.

После ужина в ресторане Пшеничный отвез Лилию в маленький домик в предместье, так он окрестил ее более чем скромное жилище. С непонятной нежностью он вновь засмотрелся на окно, за тонкими шторами которого двигались фигуры матери и дочери. «Младшая давно спит», – улыбнулся он и все не давал команды шоферу возвращаться в Москву.

– Что, Stanisław Михайлович, – обернулся к нему шофер, – потихоньку трогаемся?

– Да! – спохватился он.

Ухаживания продолжались еще неделю. Stanisław Михайлович не мог дня прожить, чтобы не увидеть свою Лилию.

На паром ступили перед самым отплытием и сразу в ресторан. Лилия была точно черный цветок в изумрудной зелени шелка. Она высоко подколола волосы, отчего стала казаться чуть старше и загадочнее. После ресторана сидели в баре, хохотали, сами не зная над чем. Что-то он вспоминал, что-то она. Волосы ее распустились, бретелька платья соскользнула... Она вздрогнула, точно искры, горящие во взгляде Пшеничного, упали на ее обнаженное плечо... И пришла к нему в каюту.

О, это была Хлоя. Невинная и наивная. Stanisław Михайлович испугался за свое сердце, бившееся от счастья с такой быстротой и грохотом, что, казалось, хотело выскочить из груди и пуститься в пляс.

Паром глухо ухал в морской пучине, а Stanisław Михайловичу грезилась его новая жизнь. У него скоро будет семья, не такая, как те две, ошибочные, а настоящая. Лилечка, не успеешь оглянуться, может и ребенка родить.

Лилечка спала, склонив головку к левому плечу и приоткрыв ротик. Простыня, словно на картине Рубенса, воздушной волной охватывала лишь ее дивные чресла, оставляя открытой грудь.

«Ребенок! – более отчетливо подумал Stanisław Михайлович, приподнявшись на локте и жадными глазами

созерцая свое сокровище. – Как же я буду его любить! Я перецелую каждый его пальчик! Я буду с ним все свободное время. К черту всех девиц и друзей с кружками пива, к черту весь футбол и сауны с китаянками...

Миленку вообще маленькой не помню. Одно осталось в памяти, что у нее болели уши и она ужасно орала по ночам, когда жутко хотелось спать. Олег?.. Тоже прошел как-то мимо. Надо было работать, крутиться, чтобы удержаться на поверхности во время крутых перемен в стране. А вот теперь я смогу действительно выйти в настоящие отцы. Чего скрывать, хочу семью не просто, чтобы была, как у других и для других, а чтобы для меня».

Месяца четыре спустя, как и предчувствовал Пшеничный, Лилечка сказала, что ждет ребенка. И переход в новую жизнь был начат. Станислав Михайлович сделал Лилии предложение, не удержавшись, впрочем, от внешне ироничного вопроса: любит ли она его? Волновался, что скрывать, вдруг скажет, не знаю. Но Лилечка встала из-за стола, они были на даче, села к нему на колени, обвила руками его за шею и прошептала:

– Я и не знала, – все-таки не обошлась без своего любимого выражения, – что можно так любить.

ГЛАВА 3

– Сволочь, подонок... – Брызги слез из глаз. Инга захлебывалась в словах и рыданиях.

Она то бросала в Пшеничного подушками, то сама падала на них и забывалась на несколько секунд. Но гнев вновь придавал ей силы. Вскочив с пола, она кинулась к нему.

– Осторожней! – Станислав Михайлович легко отвел жадно протянутые к нему руки с длинными ногтями. – Не поцарапай мне лицо. У меня сегодня важная встреча.

Инга замерла, остановленная его спокойным повседневным тоном.

– Какая же ты сволочь! – голосом по нарастающей выкрикнула она, взметнув вверх руки, точно через воздух все-таки хотела царапнуть его холеные полные щеки, раздувавшиеся от самодовольства.

Она впиалась взглядом в ненавистное ей лицо Пшеничного, которое только по истечении семнадцати лет она с большим трудом научилась как бы не замечать. Они стояли друг напротив друга в просторном салоне с окнами во всю стену, под которыми полукругом выгнулся коричневый с бордовым вкраплением диван. Картины, светильники, вазы, столики – все было развешано, расставлено опытной рукой дизайнера. Это был выставочный салон, в котором люди не жили, а существовали, наполняя его своим присутствием, как статисты съемочную площадку. Души не было. Было прохладно, ровно, спокойно.

И вот первое вулканической силы возмущение. Первое за семнадцать лет.

– Пойди прими свое лекарство, и мы попытаемся поговорить, – сказал жене Станислав Михайлович.

Инга взглядом метнула в него проклятие и ушла в спальню. Вернулась, перевязывая на ходу пояс халата. Села за стол, расположенный в нише за раздвижными дверями. Станислав Михайлович расположился неподалеку в кресле.

– Отчасти, – начал он, – мне понятно твое возмущение. Действительно, мое предложение о разводе прозвучало неожиданно, хотя, полагаю, не стоит скрывать, что мы уже несколько лет как охладели друг к другу.

– А ты бы хотел, чтобы всю жизнь шиповником алым пламенела супружеская любовь?! – колко спросила Инга. – От шиповника в супружестве остаются только шипы, лепестки осыпаются на свадебную фату и тут же вянут. Это мое тебе предостережение. Твоя новая любовь исчезнет точно так же, едва вы обменяетесь кольцами.

Пшеничный усмехнулся:

– Не надо судить о других по себе. Было время, мы очень любили друг друга, – напомнил он. – Я оставил Зою ради тебя. И поверь, она мне не устраивала никаких сцен.

– Еще бы! – встала из-за стола Инга и, подойдя к стойке бара, налила себе бокал martini. – Она же натура возвышенная, она вся там, где нас нет! В своем литературном мире. И тебе это как раз не нравилось. Ты говорил мне: «Ты живая, настоящая! Твои желания понятны мне своим примитивизмом». Да, у меня были примитивные желания. А знаешь почему? – Инга приблизилась к краю стола и наклонилась к мужу, чтобы до него быстрее дошел безжалостный смысл ее слов: – А потому, что я тебя никогда не любила. Никогда! Понял?! – торжествующе усмехнулась она.

Станислав Михайлович лениво махнул рукой:

– Сейчас мне это уже безразлично. И к тому же я отдаю себе отчет, что в тебе говорит обида. Зачем же тогда ты вышла за меня?

– Безразлично?! – взвизгнула Инга и захлебнулась martini. Стала откашливаться, брызгая слюной.

Пшеничный брезгливо поморщился.

– Безразлично?! – с ядовитой иронией в голосе повторила она, придерживая рукой, натужно вздымающуюся

грудь. – В том-то и дело, что не безразлично. – Она сделала паузу, размышляя, сказать или нет. Если скажет, то обратный путь для нее заказан. А если не скажет сейчас, а бросит вдогонку, когда все уже свершится, когда момент истины будет утерян, то все прозвучит фальшиво и бесполезно, как бранное слово, пущенное в спину, которое, скорее всего, не расслышат. Пшеничный уже будет упоен своим новым счастьем. «Нет, надо сейчас, – чувствуя, как холодеют ее ладони, решила Инга, – пока в нем еще дремлет сомнение, что любят не его, а то, что ему принадлежит: деньги и положение в обществе. Надо разбудить это сомнение и дать в пищу его мозгу. Он такие нарисует картины, такие проиграет ситуации, что тошнота сведет судорогой его самодовольную физиономию». Ее лицо посерьезнело, даже отчасти прояснилось, она посмотрела ему в глаза и сказала: – Я никогда, ни одной минуты за все эти семнадцать лет не любила тебя.

Пшеничный не перебил ее.

– Все эти семнадцать лет я боролась с чувством омерзения к тебе. И вот, когда мне его наконец-то удалось победить, когда ты стал мне абсолютно безразличен, вот как этот стол, – с силой ударила она ладонью по крышке стола, – ты объявляешь мне, что хочешь развестись. Так зачем же я мучилась? – железным, точно заведенным ключом голосом говорила она. – Чтобы остаться ни с чем?

Станислав Михайлович досадливо усмехнулся, прикрыв каре-желтые глаза тяжелыми веками:

– Хватит психовать! Успокойся! Нам надо серьезно поговорить. Собственно, решение я принял, а ты должна, нравится тебе это или нет, согласиться с ним.

Губы Инги нервно подергивались. Она поднесла бокал ко рту, жадно глотнула, но тот оказался пустым. Она в ярости швырнула его на пол. Пшеничный медленно встал, подошел к барной стойке и налил ей martini, а себе виски. Поставил перед Ингой бокал и вновь опустился в кресло.

– Развод будет оформлен в течение недели. Ты вместе с Олегом переедешь в очень хорошую двухкомнатную квартиру.

Из горла Инги вырвался хрип возмущения, найти хоть какие-то слова оказалось выше ее возможностей. Станислав Михайлович резким движением руки как бы зажал ей рот на расстоянии и продолжил:

– Потом, когда Олег станет самостоятельным, окончит университет, устроится на работу, я куплю ему квартиру. Таким образом, ты останешься одна на шестидесяти квадратных метрах. Неплохо, правда?

Инга, пристально глядя ему в глаза, проговорила:

– А теперь послушай меня. Я из этой квартиры, которую заслужила всеми семнадцатью долгими годами, никуда не выеду! Это моя жилплощадь!

Пшеничный, теряя терпение, провел рукой по усам:

– Нам больше нечего выяснять. Даю тебе два дня на сборы.

Он поднялся, желая покончить с разговором.

– Нет!.. – ожесточенно мотая головой, воскликнула Инга. – Ты не понял! Я же тебя терпеть не могла, я же мучилась!

– Лжешь! – вышел из себя Станислав Михайлович. – Хотя знаешь, что все бесполезно. Я же помню твои глаза, твое тело... Они не могли настолько вводить меня в заблуждение, чтобы я не почувствовал явного отвращения.

– Ты видел только то, что хотел видеть.

– Ладно, тогда зачем ты вышла за меня? Кто неволил?

Инга почти весело усмехнулась, вставила сигарету в мундштук, прищурила глаза и сказала:

– Хороший вопрос! Сейчас расскажу. – Жестом руки она предложила ему сесть в кресло. – Но клятву давать, что все истина, не буду. Ты сам поймешь, что не лгу. Итак, – она с удовольствием затянулась сигаретой. – Мне было двадцать пять, когда мы поженились. По взглядам того времени, если бы к этому возрасту я не вышла замуж, я из девушек-невест перешла бы в разряд старых дев. У меня не было выхода. – Она вздохнула, вновь болезненно переживая то давнее, что мучило. – Я, конечно, грезила о любви. Искала, как к тому призывали красивые кинофильмы и романтическая литература, любви необычайной, не искореженной

бытом. Припомни-ка те благословенные времена. Никаких тебе ни посудомоечных машин, ни multifunctional стиральных, ни микроволновых печей, ни сплит-систем... – Она запнулась, прижала пальцами пульсирующую жилку на виске и продолжила, сама дивясь тому, что говорила: – Очереди, очереди... серые, злые... За всем, начиная от молока и кончая зубной щеткой. Никаких тебе супермаркетов... Ничего... А я не хотела, чтобы мою любовь разъял этот страшный, прожорливый советский быт. Все, с кем я встречалась, были славные ребята, но среднего достатка. Конечно, можно было бы выйти замуж и совместно чего-то там строить и добиваться. Но любовь-то уже уйдет, пока чего-нибудь достигнешь. И потом, замужество – переход не только количественный, но и качественный. Все должно измениться в лучшую сторону. А если этого не произойдет, то замужество обернется несчастьем, – Инга потерла пальцами виски. – Ну что-то в этом роде я тогда думала. Был... был у меня мальчик, такой, о каком мечтают. Высокий, стройный, светлые волнистые волосы, глаза синие... Одевался, я всегда придавала значение внешнему облику, модно. Но когда мы стали с ним встречаться, ну там кафе, мороженое, кино, парк с каруселями – какие тогда были развлечения? – выяснилось, что живет он с мамой, папой, старшим братом и его женой с годовалым ребенком в трехкомнатной квартире на окраине Москвы. Что родители его инженеры самые что ни на есть обыкновенные, никаких перспектив, никаких связей. Что одежда его – это подарки с барского плеча сына двоюродного брата его матери. Что мать ходит к своему этому братцу, он был каким-то там сотрудником какого-то посольства, и забирает то, что сынок того относил и бросил. И выходило, что жить нам, если решим пожениться, негде, кроме как у меня. То есть с родителями в двухкомнатной квартире. Хорошенькая перспектива – притащить мужа в свою собственную комнату. Мы расстались. А возраст подпирал, и вот... – она мелко, с ядовитым повизгиванием, рассмеялась: – ...Знаменательная встреча в стенах райкома партии. Ты начальник отдела, я молодой специалист, которого часто использовали в роли курьера. «Ингоч-

ка, будь добра, сбегай-ка в райком, отнеси Станиславу Михайловичу», — и тут обязательный вздох нашей начальницы, у нее дочь уже была старая дева: «Ах, какой молодой, всего тридцать семь, — мне, правда, ты казался старым, — и уже такой пост, начальник отдела. Ах, какой достойный мужчина. Ну, конечно, женат. А как иначе?» — вновь вздыхала она. И в сто первый раз, пока я собиралась, начиналось обсуждение с другими сотрудницами твоего образа жизни.

«Летом отдыхал с семьей на Золотых Песках. Загар!.. Не то что на нашем побережье. Чудо как хорош! Ведь вот жене повезло. Ничего не знает: где купить, где достать. Все на дом привозят. Вот, — это уже было обращение ко мне, — какого мужа надо искать».

Я не искала. Обычно я приходила к твоим инструкторам и оставляла очередную бумажку. Но в тот летний день мы случайно столкнулись с тобой в коридоре. Ты, раньше мельком видевший меня, спросил: «Мне бумагу несете?!» Я ответила. Ты пригласил зайти в твой кабинет. Я зашла. Прохлада, кожаные кресла. Ты налил восхитительный по тем временам напиток — пепси-колу. Дальше вспоминать? — В презрительно-насмешливом вопросе приподнялась ее верхняя губа. Станислав Михайлович молчал. — Что ж! — продолжила она. — Сначала ты пригласил меня в ресторан, потом последовали валютный бар, Большой театр. На день рождения — французские духи. Ты сказал, что без ума от меня, что любишь. Намекнул, что готов даже на развод, чтобы только я стала твоей. Да, несомненно, ты любил меня. Разводы в партийной среде не поощрялись. О повышении на длительное время можно забыть. Скорей всего ожидало понижение, а лучшим исходом этого рискованного шага было — удержаться на прежнем месте.

И началось: мама, папа, бабашка и даже дед твердили мне: «Выходи за Пшеничного! Лучшей партии не найдешь!» И впрямь, какие у меня были перспективы? Да никаких. А тут и двадцать пять скоро — веселый юбилей, если к этому времени ты уже замужем и упакована, как тогда говорили, на все сто. А я, — расхохоталась Инга, — и не замужем, и совсем не упакована. Какой, к черту, юбилей! Стыд от под-

руг и родни. Ну как их собирать? Как опять слушать одно и то же из года в год переходящее пожелание – выйти замуж?! Как опять сидеть в маленьком, полутемном зале двухкомнатной квартирki и есть свекольный и морковный салаты, приправленные майонезом с чесноком? Как опять разливать на всех приглашенных две бутылки шампанского и пить напиток «Медовый»: желтоватую воду, в которой пушистыми хлопьями плавал осадок? Как?! Вот я и поехала с тобой в Дом отдыха партийных работников, вот я и забеременела под шум листвы и тихий плеск речки. В результате чего ты развелся и я стала твоей женой.

Зато какой получился юбилей! Гостям желать было нечего: я замужем, и живот явно давал об этом знать. Гуляли в банкетном зале ресторана. Столы ломились от изысков. Гости языки проглотили. Ошалели. И все было бы чудно, если бы ты, несмотря на все твои одеколоны и импортные костюмы, не был мне противен до тошноты. Думала, даже больше, надеялась, что пройдет. Мама все тихонько и упорно твердила: «Стерпится – слюбится!» Нет! Стерпится – сненавидется, вот это точно. Видишь, какой неологизм я создала. И вдохновитель ты!

В голове Пшеничного так полыхнуло, что красная пелена заволокла глаза.

«Ведьма, – подумал он, когда отхлынула закипевшая кровь. – Ненавистью заморозила свою и мою жизнь. Если не врет от злобы, то нет ей прощения».

– В ответ на твою тираду скажу: получила по заслугам, – бросил он сквозь зубы заметно охрипшим голосом. – Ты искала не любви, а материальных благ. За них и платила по счетам. А теперь я делаю тебе королевский подарок: дарю свободу.

Инга опустила глаза в стол и сидела не шелохнувшись. Потом вскинула на него страшный, сверлящий взгляд и произнесла:

– Свободу и эту квартиру.

– Не может быть и речи! – отрезал он.

– Что ж ты меня, свою жену, выселять будешь? Судебных приставов позовешь?

– Оговоришься, запамятовала, должно быть, – едко заметил Пшеничный. – Не свою жену, а бывшую. Большая разница!

Лицо Инги перекосилось от злобы, которая, распирая ее, вырвалась через раздувшуюся шею в искривленно открывшийся рот:

– Да я тебе такое устрою, что!.. – Она заметалась по салону. – Да я всех своих подруг, приятельниц позову...

Пшеничный согласно кивнул головой:

– Чем доставишь им несказанное удовольствие.

– Да они тебя... тебе...

– Они посмеются и позубоскалят на твой счет. Мол, такая дура оказалась, мужа не удержала. Но ты не волнуйся, может, та, которая выскажет это суждение первой, первая по твоим стопам и пойдет. На этом, полагаю, дискуссия окончена, – подытожил он. – Два дня на сборы. Мой адвокат уведомит тебя о дне бракоразводного процесса.

– А я вот не дам тебе развод! – уперлась в бедра руками Инга, что так не шло к ее изысканному силуэту, да натура, как не заталкивай ее в силуэт, в момент «Х» всегда выйдет наружу.

– Вот встретишься с адвокатом, побеседуешь и сделаешь, как пожелаешь, – усмехнулся Пшеничный и вышел из салона, но тут же вернулся и добавил, тоже злоба искала, как ужалить побольнее: – Проблема твоя в том, что ты никого, кроме себя, не можешь любить. Не дано тебе. Убогая ты на любовь, – смерил презрительным взглядом и ушел.

Инга сидела на диване, опершись подбородком на руки. В голове стояла пустота со звоном. Потом проскочило:

«Бред!.. Бред какой-то!.. В один день все!.. Нет! Нет! – затрясся подбородок. – Это невозможно! Я же живой человек! И это моя квартира ровно настолько, насколько и его! – Мысли путались. – Как он меня назвал? Убогой на любовь?! – Она отрешенно улыбнулась: – Нет! Я любила! Как я тогда обрадовалась, когда в стране все начало ру-

шиться! Вот, – подумала, – вылетишь ты из своего райкомовского кресла, что делать будешь? И точно, партию отменили, райкомы закрыли, и он таки вылетел. А я встретила Андрея и полюбила его. Всем тогда было трудно. Андрей тоже пострадал, его НИИ распустили. Перебивался кое-как. И Стас кое-как. И я решила – через месяц переезжаю к Андрею. У него была такая славная однокомнатная квартирка. В каком же районе?.. Метро там не было. Славная такая... Да, так я и решила: Олежку к маме на время, а сама все оставляю Пшеничному и ухажу. Андрей даже обои переклеил, вместе выбирали... Но тут этот проклятый Пшеничный так извернулся, вот же сволочь! – брызнула она слюной. Встала, взяла бутылку виски и, наполнив стакан, поставила ее на пол рядом с собой. – Вывернулся, закрутил какое-то дело. Что-то купил, что-то вложил, что-то продал. И деньги, деньги, это было что-то страшное, сюрреализм какой-то – пачками! И доллары! Запретные доллары вдруг стали возможны. Опьянение, другого слова не подберешь, чтобы описать то состояние ума. Все достижимо. Все позволено, и никто не контролирует. Едешь за границу – трать сколько хочешь. Ой, мы тогда с ним чего только не накупили в Париже! И он еще сказал: «Погоди, будет у нас с тобой домик во Франции». И вместо того, чтобы уйти к Андрею, – слезы побежали по ее обиженному «судьбой» лицу, а рука вновь потянулась за бутылкой, – я уехала отдыхать в Испанию. Ах, мне так хотелось хоть глазком взглянуть на эту страну. Подумала, к Андрею всегда уйти успею... Так и не ушла. Потом он женился. Я опомнилась. Стала искать с ним встречи. Как я старалась возродить в нем бывшее чувство, но нет! – Стакан выпал из ее ослабевших пальцев. Она чертыхнулась. – «Забуди!», говорит. У!.. – погрозила возникшему на горизонте памяти силуэту Андрея. – Так любил, значит! Я же не семью его разбить хотела, я же только немного ласки и нежности просила. Хотя бы раз, всего раз в неделю! – Она устремила свой взгляд в одну точку и сконцентрировалась на вопросе: «Кто виноват?» Когда больно, всегда должен быть кто-то виноват. – Ну не

я же! – возмутилась до крика. – Андрей, надо признать, несколько поторопился жениться... А виноват – Пшеничный со своими подлыми, мерзкими деньгами. О, как он виноват!.. Вот же сволочь! Эх, сейчас напьюсь виски и таблеток! Устала. Надо отдохнуть. Нет! – подскочила, точно змею увидела у своих ног. – Сейчас не время! Надо бороться! Надо отстоять квартиру!

ГЛАВА 4

Милена лениво слушала Ингу по телефону, совершенно не веря тому, что она ей говорила. «Очередной нервный срыв и потеря ориентации», – решила Пшеничная.

– Твой отец сбрендил! Идиот старый! С ума сошел! – в промежутках между нападавшей на нее икотой выкрикивала Инга. – Жениться собрался. Кретин!

Милена поморщилась и бодро встала, пытаясь вернуть Ингу к действительности:

– Инга, послушай, ты, наверное, немного перебрала мартини. Отец-то уже женат, – она не договорила «на тебе», как раздался сдавленный всхлип:

– Да ты что! – И Инга съехала вниз по стене. Милене было слышно это ее телодвижение. – Уже женат! Вот же тварь!.. Не разведясь, женился! А кто она?!

Милена почувствовала неладное.

– Послушай, Инга, Олег дома?

– Нет, одна я, только этот адвокат-стервятник прилетал клевать мое сердце. Миленка, ты пойми, он меня из квартиры вышвыривает, как пса шелудивого. – Милена услышала звук жидкости, которую переливали прямо из горлышка бутылки в рот. – Куда же я? Под забор? Вот содохну, пусть потом мучается. И Олег никогда ему этого не простит. И ты не прощай! Он всех обманет, он все на свою шлюху перепишет... Ой, за что мне такое?!

– Успокойся! – прикрикнула Милена. – Я еду к тебе!

Когда Инга открыла дверь, то была вынуждена крепко ухватиться за нее, чтобы удержать равновесие.

– Видишь, до чего довел. Твоей матери повезло, что он от нее ушел, а то была бы сейчас на моем месте.

Милена с неприязнью взглянула на Ингу:

- Она в свое время уже побывала на своем.
- А! – махнула рукой Инга. – Тогда, что? Он же вам квартиру оставил. А меня изгоняет! С сыном изгоняет!
- Так, давай пройдем в гостиную и ты мне все расскажешь.

Когда Милена выслушала сбивчивый, но в общем внятный рассказ Инги об уже случившемся и о том, что случится вскоре, она только подивилась.

– Странно, отец мне ничего не говорил. Странно, – поразмышляв, продолжила она, – вот так сразу, в один день...

– Это он специально, чтобы не было у меня времени на защиту, на спасение.

– Да какая защита? О чем ты говоришь? Разве на него можно найти управу?! Это он, чтоб ты ему настроение недолго портила, объявил и тотчас сделал.

Инга согласно кивнула:

– Верно! Верно подметила. Ну а что ж нам-то делать? Я ему сначала наотрез отказалась давать развод. Так он мне этого адвоката-упыря подсунул. Я в себя прийти не успела, как звонок. Подхожу к двери, смотрю на экран монитора, стоит такой в песочном костюмчике, глаза огромные бледно-серые, налысо, как сейчас модно, подстрижен и губы толстые, сосущие все – и воздух и кровь. Я смотрю и молчу, он представляется, какой-то там Семен Фомич или Федорыч, не помню и неважно. Я, говорит, по поручению Станислава Михайловича, адвокат. Впустила, – перевела дыхание Инга, – и сразу, чтобы время не тратить, заявила, что развода не дам, а если и дам, то при условии, что вот это, – она широко развела руки и с силой потрясла ими, – останется за мной. Он покивал своей тщательно подстриженной лысиной и тихонько, ну комар-кровосос, на стул присел. «Вы, Инга Климовна, не волнуйтесь, разберитесь сначала. И я вам в этом помогу. Что предлагает Станислав Михайлович? – задал он мне и себе вопрос таким противным интеллигентно-наигранным голосом. – А предлагает он вам двухкомнатную квартиру, заметьте, шестьдесят квадратных метров, и не где-нибудь, а в отличном доме рядом со станцией метро «Беговая». Переезд, обустрой-

ство за его счет. И главное, как вам известно, Станислав Михайлович составил завещание в основном в пользу своих детей, а именно Милены Станиславовны и Олега Станиславовича, но и вам по нему причитается очень разумная сумма. Каково процентное соотношение раздела между детьми – это, по желанию Станислава Михайловича, останется в тайне. После заключения нового брака он внесет соответствующие дополнения в свое завещание, и хочет, чтобы вам об этом тоже было известно. Если у него родится ребенок от нового брака, то он войдет в число его основных наследников, его же новой супруге, как и вам, будет причитаться определенная сумма. Полагаю, что надо отдать должное Станиславу Михайловичу за его открытость в столь щепетильном вопросе. Но!.. – И тут он, будто упырь, вытянул морду и замолчал, пережевывая губами воздух, – в точности передала свои ощущения Инга. – Если вы будете возражать против развода, чинить всевозможные препятствия, то завещание будет переделано в пользу дочери от первого брака и новой супруги. Однако, надеюсь, вы отдаете себе отчет, что месяцем раньше или месяцем позже Станислав Михайлович все равно разведется с вами, и вы останетесь ни с чем, а главное, ваш сын будет исключен из числа наследников! Вот тебе крест, – размашисто перекрестилась Инга, – слово в слово передала, как ни была пьяна, а протрезвела в мгновение ока.

– Да!.. От такого потрясения и бочка виски не спасет, – заметила Милена и плеснула себе виски в стакан. – Ну и что ты?

– А! – спрятала за ладонями лицо Инга. – Дала согласие, подписала... – И вдруг, судорожно собрав рукою на груди халат, со страхом посмотрела в глаза Милены: – Скажи, только честно, я правильно поступила?

– А как тут можно поступить иначе? – ответила Пшеничная, щелкая зажигалкой и безуспешно пытаясь закурить. Огонь выбивался и тут же потухал. Она в сердцах отбросила зажигалку и сигарету. – Вот же черт! – принялась покусывать ногти. – Отцу перечить бесполезно, самой хуже только будет.

— Я так и подумала, — приободрилась Инга. — И еще подумала, а как он умрет, ну, скоропостижно, так я опять при своем интересе, да еще без него. — Заметив странный взгляд Милены, она поняла свою оплошность и принялась извиняться: — Миленочка, прости, я настолько искренне отношусь к тебе, потому все без задней мысли и говорю. Меня он обидел, вот я... Да и тебя он обидел! Ведь правда же? — заглянула она ей в лицо. — Бросил, когда тебе только пять лет было.

— Ой, Инга, давай не будем! Бросил он нас с мамой из-за тебя, из-за твоей скоропостижной беременности. Так что все мы тут обиженные. Дело сейчас не в этом. Как ты правильно сказала, между нами, тобой, мной и Олегом, которого я люблю как своего родного брата, сложились близкие, доверительные отношения и нам чужой не нужен. Давай лучше подумаем, нельзя ли как-нибудь помешать намерению отца, но только очень осторожно, чтобы на нас и тень подозрения не упала.

Инга наморщила лоб, поразмышляла и только пожала плечами.

— Ты узнала, кто она? — поставила конкретный вопрос Милена.

— Она?! — приоткрыв рот и тут же прикрыв его ладонью, сдавленно вскричала Инга. — Не знаю!

Милена стукнула в досаде кулаком по столу.

— Да ведь это надо было перво-наперво узнать.

— Да-да! — приложила руку к горящему лбу Инга. — Но как?.. А ты позвони отцу и спроси.

— Ты что, с ума сошла? Надо выяснить окольными путями.

— Верно! Я сейчас Таньке позвоню, ну Таньке, жене Стасова дружка. Эта стерва все знает. Вот же тварь, не предупредила о надвигающемся на меня горе, а затаилась и ждала, как я буду рыбой биться на берегу. Ведь знала! Уверена!

Инга включила громкую связь, чтобы Милена могла слышать разговор, и набрала номер.

— Привет, это я!

– О, привет! – раздался слегка гундосый голосок. – Только о тебе подумала, а тут ты звонишь.

– Догадываюсь, по какому поводу подумала, – с грустной усмешкой подхватила Инга.

– Да... увы!.. Прямо снег на голову в июльский полдень. Я, признаюсь, даже боюсь представить себя на твоём месте. Что же ты будешь делать? Неужели пойдешь работать? Но куда?..

Инга молчала. Что было говорить?

– Скажи, кто она, эта новая мадам Пшеничная? – спросила только.

Последовала пауза, которую заполнил стук сердец Милены и Инги.

– Не знаю, – ответила Татьяна, но в голосе явно слышалась неуверенность, вызванная внутренней борьбой: сказать или не сказать? «А, скажу! Что мне?!» – Ну, я точно не в курсе, но слышала, что какая-то мелкая манекенщица из одного салона, по-моему, «Интальо», что на Новом Арбате. Зовут Лилия. Девятнадцать лет.

– Так я и знала! – в сердцах выпалила Инга. – Вот же подлец! Чтоб он сдох! – Она уже хотела бросить трубку, как услышала дрожащий от любопытства голос собеседницы:

– Ингочка, он что... уже потребовал развод... да?

– Я его уже дала, пусть подавится!

Инга швырнула трубку.

– Манекенщица, Роза-Мимоза!

Милена молчала с остановившимся взглядом.

– Ну, что молчишь?! – слезливо взвизгнула Инга. – Ну узнали, что она Фиалка Арбата, и что дальше?

– Все гораздо хуже. Гораздо... Впрочем, этого следовало ожидать, не для того же он оставляет тебя, чтобы жениться на ровеснице. А эта молодая ему может столько детей нарожать, что наши доли с Олегом станут просто смехотворными, да и вообще, он может нас вычеркнуть. Кто мы? Взрослые люди. Дети по документам. А те маленькие, беззащитные. Да и Мимозу свою он не захочет обидеть.

В прихожей хлопнула дверь.

– Олег пришел, – с ужасом во взгляде прошептала Инга. – Боже мой, какой это будет для него удар.

Милена с сочувствием смотрела на замершую на месте Ингу, постаревшую, испуганную, со сжатыми в замок до побелевших косточек пальцами.

Когда отец впервые пригласил Милену в свой дом, то с явной гордостью познакомил ее с Ингой. В первое мгновение она не понравилась Милене. Волосы цвета черной вишни, острый подбородок, чуть удлинненные глаза, но потом, когда пригляделась, оценила ее своеобразное очарование. В ней было что-то от журнальных моделей, – что-то, что притягивает взгляд.

В гостиную вошел Олег. Острые черты матери не смягчились в нем солидными линиями породы Пшеничных. Худенький, похожий на птичку. Вредную, взбалмошную, избалованную...

– О, привет! – помахал Олег рукой, увидев Милену. – Что это вы такие хмурые? – оглядев мать и сестру, спросил он:

– Понимаешь, Олежек, – довольно решительно приступила Инга, – понимаешь... Дело в том... Ой, Милена, скажи ты...

– Да что случилось?! – уже с испугом смотрел на них Олег.

– Ты не поверишь, но отец разводится с Ингой и женится на другой, – с нервной усмешкой проговорила Милена.

– Что?! – У Олега подогнулись колени, и он смешно присел посреди комнаты. – Вы что, с ума сошли? Я вчера видел отца, и он мне ничего не сказал. Вот же вы!.. – он со злостью сжал кулаки.

– Не злись! – осадила его Милена. Инга же только скорбно моргала глазами. – Это правда. Нашел себе девятнадцатилетнюю манекенщицу.

– Ничего себе! Тридцать пять лет разницы! – присвистнул Олег. – Ну отец дает! И что, он сам сказал тебе, что собирается на ней жениться? – обратился он к матери.

– Сам! Уже и адвоката присылал, я была вынуждена дать согласие на развод.

Олег от ярости повернулся вокруг себя.

– Что ты наделала! Зачем? – набросился он на мать, нервно подергивая шейю и заикаясь от клокочущего гнева.

– А иначе он грозился, и ты знаешь, он свои угрозы всегда выполняет, вычеркнуть тебя из завещания.

– Как это вычеркнуть?! – остоленел Олег. – Какое он имеет право? Я его сын!

Инга остожно погладила его по плечу:

– Спорить со Стасом бесполезно.

– А ты, что будет с тобой? Ты же не работаешь. Мы же останемся совсем без денег. Какой позор! Я из сына богатого, известного человека превращусь в черт знает кого!

Олега всего затрясло от этой мысли.

– Не волнуйся, Олежек, – поспешила успокоить его Инга. – Он будет платить алименты, пока ты учишься, и целый год будет выплачивать мне содержание.

– Год? Всего год? А потом?! Мама, ведь это же конец! Ты не сможешь жить так, как привыкла. Мы станем изгоями! Как ты будешь поддерживать отношения со своими приятельницами? Ты уже не сможешь заниматься в фитнес-клубе, не сможешь отдыхать с ними на дорогих курортах, ходить на престижные концерты, одеваться, как того требует мода! Ну и подлец! – перешел он, не переводя дыхания, на личность отца. – В один день все перевернул с ног на голову. Я ему этого никогда не прощу! Не прощу! – изо всех сил принялся колотить кулаком в стену Олег.

Милена с Ингой с трудом удалось его успокоить.

– Ничего! Ничего! – гладила Инга склоненную к ее плечу голову сына. – Все устроится.

– Ну и ладно! Пусть проваливает со своей мелкой шлюшкой! Я его больше на порог не пущу! – не в силах бороться со слезами, прорыдал Олег.

Инга с немим вопросом в глазах посмотрела на Милену: «Не говорить?!» Милена развела руками: «Как же не говорить, если послезавтра приедут за мебелью грузчики, а вещи надо начинать собирать уже сегодня». Инга всхлинула, тихие слезы тонкими дорожками побежали по ее лицу. Милена закурила, сделала несколько затяжек и затушила сигарету.

– Действительно, ситуация из неприятнейших, – откашливаясь, начала она. – Но лучше знать все! – Она не успела перевести дыхание, как Олег встрепенулся и воскликнул с ужасом:

– Что еще знать?!

– Отец хочет, чтобы вы с Ингой переехали на другую квартиру. Эту он решил продать.

– Что?! – Олег подскочил с дивана, вырвавшись из обнимавших его рук матери. – Что?! Да... да... – Он захлебнулся.

– Олежек, сынок! – умоляюще глядя на него, шептала как заведенная Инга. – Не надо!.. Не надо так!..

Олега трясло и перекашивало, как в припадке. Милена подошла и от души тряхнула его за плечи.

– Прекрати! – сурово прикрикнула она. – Тут не до пляски святого Витта, тут действовать надо!

– Нет, подожди, – отстранил он ее и устремился к матери. – Это куда же он нас хочет засунуть?

– На «Беговую», – с глубоким вздохом ответила Инга. – В двухкомнатную, шестьдесят квадратных метров. Но сказал, что как только ты окончишь университет, купит тебе квартиру.

Олег обхватил голову руками и рухнул на диван. Повисло тягостное молчание.

– Ну и что ты предлагаешь? – сжав кулаки, обратился он к Милене. – Он ведь и тебя запросто может вычеркнуть из завещания. У него теперь новые наследники появятся.

– Единственное, что как-то может помочь нам в этой ситуации, – это компромат, – сосредоточенно проговорила Милена.

– Компромат! – понимающе повторила Инга.

– Ну да! Необходимо как можно быстрее собрать материал на эту... – Милена запнулась, – ...Амброзию. Что-то должно быть. На то она и манекенщица.

– А если ему именно порок в ней приглянулся? – высказала свое сомнение Инга.

– Насколько я знаю отца, вряд ли. Да, кажется, я ее однажды видела.

– Неужели?! – почти одновременно воскликнули мать с сыном.

– Почти уверена, что это была она, – восстанавливая в памяти картину прошлого, в задумчивости повторила Милена. – Так, мельком, случайно заметила. Он тогда приехал в клуб поздравить меня с днем рождения, я вышла его проводить и в машине увидела девушку. Разглядеть, конечно, ее я не смогла, но почему-то холодок вполз в душу. А вот разум дал осечку. Встрепенулсь было, но потом уверил, что все пустяки, что эта девица лишь мимолетное увлечение, что в его пятьдесят пять уже не разводятся, чтобы жениться заново. Слишком он занятой для всей этой волокиты. Могла ли я тогда подумать, что все так обернется?! А теперь времени в обрез.

– Я... Я просто не представляю, как ты будешь собирать этот компромат? – высказала свое сомнение Инга, потирая руки, чтобы унять дрожь.

– Тут главное – не засветиться, чтобы отец не прознал. Иначе вылечу из наследниц в мгновение ока. Ну да ладно! Короче, собирать будем вместе.

– Но как?! – опять задала вопрос Инга.

– Да так! – разозлилась Милена. – Желание жить, как привыкла, подскажет. Одевайся! – бросила она Инге. – Выезжаем немедленно!

– Мама, – приободрился Олег, – Милена права. Мы еще покажем этому подлецу! – погрозил он кулаком в пространство.

ГЛАВА 5

Удивительные, пронизывающие время и пространство, дразнящие, счастливые, гордые, невероятные мысли – все им подвластно.

За несколько секунд, пока поднимался лифт, Станислав Михайлович мысленно вновь прожил последние полгода, прожил с удовольствием в ожидании еще большего счастья. Он приготовил Лилии великолепный свадебный подарок. Все эти перстни, шубы, «Фольксваген» пустяки. Ведь вначале он сказал ей, что внесет ее и их ребенка в число своих наследников, но буквально за неделю до свадьбы любовь захлестнула Станислава Михайловича так, что он решил: «Все для Лилечки! Только она и ребенок (которого он уже обожал) должны в случае... – здесь он оборвал свою мысль и продолжил после паузы, – стать моими наследниками».

Ни Милена, ни тем более Олег, на которого он смотрел как на никчемное создание, занятое лишь поиском развлечений, ни Инга, кто она вообще такая, не получают ни копейки... «Ну разве Миленке все-таки что-нибудь, девка с головой».

О том, что происходило за его спиной, он думать не хотел. Он знал, что Инга живет только на уколах, что Олег пропадал на несколько дней, вернулся помятый, избитый. Он помнил осторожный намек Милены, что следовало бы лучше узнать прошлое своей юной невесты. Станислав Михайлович тогда только в удивлении приподнял бровь.

– Что ты хочешь этим сказать? – холодно поинтересовался он у дочери.

Ее лицо покрылось розовыми пятнами.

– Ничего... – проговорила она невнятно, но все же решилась добавить: – Мне Ингу жаль. Как же она без тебя?

– Да так же, как и твоя мать. Спокойно.

– Вряд ли, – выразила сомнение Милена. – Мама сильная, увлеченная своей работой. А у Инги – пустота. Она привыкла тратить, не задумываясь, она привыкла...

– Так что, – Stanisław Михайлович даже усмехнулся, – я должен оставаться ее мужем только потому, что ей это удобно?

– Но ведь и ты привык к ней и...

– Тебе-то что за забота?! – резко бросил он. – Признаться, не ожидал я от тебя глупой женской солидарности. Мне казалось, что ты выше этого.

– Я, папа, не столько за Ингу, сколько за тебя волнуюсь.

– За меня? – с наигранным недоумением переспросил он. – Беспокоишься, что разлюблю свою новую жену? Или что она намного моложе меня?

– Нет, – смешалась Милена.

– А! За часть своего наследства волнуешься!

– Как ты можешь такое думать! – с негодованием воскликнула Милена. – Сощурила глаза и подчеркнуто иронично произнесла: – Мне казалось, что ты выше подобных мыслей. Ты для меня столько сделал, что большего требовать или просить с моей стороны было бы наглостью. Я не забывала никогда, что я дочь оставленной тобой жены. Что я дочь от первого брака и твое внимание ко мне, это твоя свободная воля. Поверь, я умею это ценить!

– Ух! – воскликнул Stanisław Михайлович. – Теперь вижу, что Пшеничная!

Все это он помнил, но с совершенным безразличием к еще недавно близким ему людям. Stanisław Михайлович улыбнулся, представив, как будет приятно Лилечке прочесть текст нового завещания, по которому все отпущено ей. Умирать он, конечно, не собирался, и это завещание было лишь, так сказать, материальным подтверждением его чувств.

До свадьбы оставалось два дня. Лилечка позвала его в салон, чтобы он помог выбрать подвенечное платье. Толь-

ко вчера туда поступил грандиозный заказ свадебных туалетов из Парижа.

Утром она позвонила Пшеничному и напомнила, чтобы он обязательно приехал в салон, хотя он и так каждый день приезжал туда к часу, чтобы вместе с ней пообедать в соседнем ресторане. Когда Станислав Михайлович вошел в зал, Лилечка белоснежным цветком кружилась по подиуму. Заметив Пшеничного, она подбежала к краю и, склонившись, обхватила его за шею.

– Посмотри, посмотри! – восклицала Лилечка, вновь принявшись кружиться. – А сейчас я переодеюсь, и ты посмотришь другое платье.

Глаза ее горели, губы искрились смехом, родинка подрагивала... Снежным вихрем пролетела она по подиуму и скрылась.

Станислав Михайлович сел в кресло. К нему, широко улыбаясь, подошла менеджер.

– Вам предстоит сложный выбор, – заметила она. – Лилечка уже несколько часов примеряет и никак не может ни на чем остановиться.

– А вы что посоветуете?

Дама тонко улыбнулась:

– Посоветую купить три платья. Потому что обычно самый мучительный выбор одного из трех.

– Три? Но что с ними делать? Она будет их бесконечно примерять, и мы не доедем до ЗАГСа, – рассмеялся Пшеничный.

– Нет, набоот, три платья очень удобно. Первое – для ЗАГСа, второе для венчания в церкви, третье для торжественного вечера в ресторане. Лилечка в них будет очаровательна и совершенно счастлива, что вы не заставили ее мучиться выбором.

Станислав Михайлович решил, что мадам не так уж нагла в своем стремлении продать побольше. «В самом деле, у девочки такой день единственный в жизни, пусть радуется!»

Лилечка вылетела в новом платье, точно снежинка. Он подошел к подиуму и протянул руку, чтобы удержать ее.

– Стасик, а это как тебе? – взволнованно спросила она.
– Великолепно, – ответил Пшеничный и попросил: – Спустись на минутку.

Лилечка спорхнула с подиума в его объятия.

– Вот, садись и посмотри, – протянул он ей папку с бумагами.

– Что это? – подняла она на него глаза и утомленно вздохнула.

– Устала, моя девочка, – прошептал Станислав Михайлович, склонившись к ее щеке.

Она чуть вздрогнула от колючего прикосновения его усов. Открыла папку. Прочла заглавие первого листа и замерла.

– Что это? Зачем? – проговорила потухшим голосом.

– А ты прочти!

– Нет, не хочу! – Она силой всунула ему в руки папку. Губы ее дрожали, пальцы нервно перебирали край фаты.

Пшеничный растерялся:

– Лилечка, это же так... Это просто...

– Я не хочу об этом думать... никогда!

– Ты и не думай! Просто я хотел, чтобы ты знала, как я тебя люблю. Мне казалось, что ты меня слегка ревновала к моим детям. Поэтому я решил, раз они уже взрослые люди, пусть дальше живут самостоятельно. Я и так для них много сделал. Все должно принадлежать только тебе и нашему ребенку. – Лилечка, нахмурившись, молчала. – Ну пойми, это так принято. Во всех странах. Это на всякий случай. Я хочу, чтобы ты была уверена, что, став моей женой, ты будешь полностью обеспечена, если... ввиду каких-либо обстоятельств... – не стал уточнять Пшеничный. – К тому же у нас скоро родится ребенок, это важно для него.

Лилечка улыбнулась:

– Ты прав, для него это важно. Я так хочу, чтобы он не столкнулся в своей жизни с бедностью. Я так хочу, чтобы он был счастлив.

– Ну и отлично! Так ты рада? – заглянул он ей в лицо.

– Рада! – рассмеялась юная невеста и вновь поспешила на подиум.

Выбирали, спорили, шутили. Голова Станислава Михайловича сладко кружилась в такт с белоснежными воланами платьев.

«Сокровище! Сокровище из плоти и крови! Нежная, милая, моя невеста, а через два дня – жена, а еще через семь месяцев – мать моего сына...»

Как и предсказала менеджер, самый сложный выбор оказался между тремя нарядами. Лилечка, будучи одетой в одно из подвенечных платьев, покусывала губы, подпирала щечку рукой, зорко бегая взглядом от одного платья к другому, которые были надеты на двух манекенщицах. Девушки едва сдерживали себя в рамках внешней любезности. Зависть раскрасила их щеки в багрово-лиловые тона, свела губы в неестественной, вымученной улыбке и наполнила глаза черными молниями, которые они метали в Лилечку: «За что ей такое везение? Ну старый козел он, кто спорит, но ведь богат! Королевой заживет, а мы по-прежнему будем живыми вешалками для богатых стерв!..»

Станислав Михайлович, посмеиваясь про себя, любовался переживаниями Лилечки: ее порозовевшими щечками, ее растерянным взглядом, ее приоткрытыми губами, носиком, порывисто вдыхающим воздух.

– Я предлагаю, – громко произнес он, – купить все три платья!

Лилия вздрогнула от этих слов и повернулась к нему с изумлением в глазах. Внимательно посмотрела, улыбнулась и, понимая кивнув, сказала:

– Шутишь!

– Нет! Тебе нравятся все три?

Она пожала плечами:

– Ну вообще-то да! Но я выберу!..

– Не стоит! – не удержался от широкой улыбки Станислав Михайлович и обратился к менеджеру: – Мы покупаем все три!

Та одобрительно кивнула:

– И правильно!

Лилечка, обхватив ладонями лицо, с очаровательным недоумением хлопала ресницами и слегка покачивалась

в такт негромко звучащей музыке. Пшеничный с сожалением посмотрел на часы и вновь перевел взгляд на вальсирующую по подиуму Лилию.

— Мне пора! — вздохнул он.

Она спустилась по ступеням. Он обнял ее и шепнул:

— Танцуй! Увидимся вечером. На обед времени не осталось.

Она радостно кивнула, коснулась его щеки губами и взлетела на подиум.

Приятно навязчивая мелодия крутилась в голове Пшеничного. Он вошел в лифт и прикрыл глаза, телохранитель нажал на кнопку.

Станислава Михайловича не беспокоили страшные мысли, которые всегда на страже, чтобы омрачить радость. Он не думал, что Лилечка может попасть в аварию на своем новом автомобиле, что она может разлюбить его. Счастье Станислава Михайловича было таким полным, мощным, что лишь радужные переливы окрашивали его мысли и искристые фейерверки пролетали перед глазами. Он уже кружился в свадебном вальсе, он уже чувствовал под своей влажной ладонью прохладный шелк ее белого платья...

Пшеничный вышел на крыльцо, солнечные лучи пробивались сквозь сероватые облака и вдруг... что-то ударило его в грудь, он был не в состоянии понять, что произошло, отчего мир покосился и словно поплыл перед его глазами. Пытаясь удержаться, он зашатался. Ноги его странно заплелись, и он со всего размаху упал на спину, чуть раскинув руки.

* * *

Джип с оперативной группой, возглавляемой майором Терпуговым, перестроился в левый ряд, включил мигалку и помчался по направлению к салону «Инталио».

— Только что было совершено покушение на Новом Арбате, — кратко сообщил майор своим подчиненным.

Те лишь присвистнули. Они возвращались на Петровку с задания. Несколько часов провели на квартире, где

была убита жена банкира. Не успели и десяти минут проехать, как поступила новая команда.

– Тебе везет, – невесело усмехнулся майор и, повернувшись, посмотрел на Сергея Фролова. – Впечатление за впечатлением!..

Художника Сергея Фролова он взял к себе в группу по просьбе одного высокого милицейского начальника.

Много лет назад Фролов, еще будучи студентом академии живописи, задумал создать цикл рисунков «Последнее впечатление». Он хотел уловить и передать то самое последнее, что запечатлевалось на лице и в глазах человека, умершего насильственной смертью. Человека, полного сил и стремлений, думающего, может, о самом наипустейшем и даже отдаленно не предчувствовавшего, что вот этот миг, позолоченный солнцем, или обдуваемый ветром, или заштрихованный дождем, – его последний миг на земле.

Сергей хотел сделать цикл зарисовок угольным карандашом. Сначала работал с большим желанием, чувствовал, что получалось... А потом не то что охладел, а завертелся в жизненном вихре... И долго вертелся. Но на одном из витков его выбросило. Он огляделся, ошалел от пустоты, испугался и спрятался в работу.

Приехал на дачу. Большой обветшалый дом встретил его грустным скрипом. Каждая ступенька точно жаловалась, как скучает она по веселому топанию ног, которое некогда не смолкало до глубокой ночи. Поднялся на второй этаж. На стенах висели запылившиеся картины. На мольберте стоял неоконченный портрет девушки.

Сколько жадных замыслов было высказано и передумано здесь... Сергей пару раз вздохнул, зацепился ногой за бутылку, и она покатилась по полу. Он поморщился, что-то пробурчал под нос, вынул из шкафа папку, сдул с нее пыль, развязал тесемки, сел на широкий подлокотник дивана и принялся рассматривать эскизы «Впечатлений». Пересматривал долго и придирчиво. Остался доволен. Думал, что ужаснется, но нет, действительно неплохо. Можно даже, доработав, представить цикл на выставку. Он разложил листы на длинном столе и скрес-

тил на груди руки. Внутреннее чутье подсказывало: «Не хватает... чего-то... Нужны новые впечатления, и тогда цикл будет завершен».

За помощью Фролов обратился к другу своего отца, занимавшему высокий милицкий пост. Тот с искренним недоумением посмотрел на него:

– Ты же, если не ошибаюсь, уже что-то такое рисовал... Лет десять назад. И что, до сих пор не закончил? Я даже несколько раз брал тебя с собой...

Сергей понуро молчал.

– Да... – Милицкий начальник потер подбородок. – Ну что? Одно слово – художник! – объяснил он самому себе. – Ладно! Дам распоряжение. Прикомандируют тебя к какой-нибудь опергруппе. Убийств много, думаю, в неделю соберешь материал. – Напоследок не удержался: – Ты, вижу, за ум взялся! Давно пора!

Сергей уже третий день выезжал на места преступлений, чашку кофе некогда было выпить. Устал, зарос, но взгляд, как ни странно, ожил. Он жадно ловил и меткими, быстрыми штрихами наносил на лист то последнее, с чем уходил человек.

Джип, мигая и оглушительно воя, въехал на тротуар и остановился около жадной до всего толпы, которую едва сдерживали телохранитель и шофер потерпевшего, а также подоспевший к ним на помощь охранник салона. Милиционеры проложили дорогу майору Терпугову и оттеснили толпу. Сергей с папкой и карандашом остановился в разрешенном ему пределе. Его поразила поза пострадавшего. Складывалось такое впечатление, что он, положив ногу на ногу, прилег отдохнуть на широком крыльце под навесом.

Вдруг раздался крик, и из двери вылетело что-то ослепительно белое, развевающееся на ветру. Все обомлело. Это белое кометой пролетело между милиционерами и бросилось к пострадавшему. Упало на колени и запричитало быстро-быстро:

– Стасик, Стасик, что с тобой? Что?..

Только тут разглядели, что это невеста. Майор подошел к ней. Сергей, воспользовавшись неожиданной пау-

зой, присел на корточки и стал пристально вглядываться в лицо лежавшего мужчины. Он не двигался, не стонал. Но глаз, левый, был наполнен слезой, она чуть заметно дрожала и вдруг выкатилась, теплая, живая слеза... из помертвевшего глаза.

– Он жив! – воскликнула девушка.

Майор взял ее за локти, приподнял и увел от потерявшего.

Завыла сирена «скорой помощи». Прибывшие врачи констатировали смерть от огнестрельного ранения в грудь.

Фролов продолжал делать свои наброски, быстрым, острым взглядом схватывая самое важное. Карандаш бежал по бумаге, а лихорадочные мысли будоражили воображение. Будущая картина возникала перед его внутренним взором: серый день, пронзаемый лучами солнца; прозрачный полукруглый навес, точно сложенный из крыльев гигантских стрекоз, под ним – распростертое тело убитого и рядом упавшая на колени невеста...

«С освещением придется основательно поработать», – думал Сергей, перенося на лист сочувственно любопытные и безразличные лица окружающих, фигуры милиционеров, сдерживающих толпу, экспертов, работающих у тела убитого, майора, разговаривающего с телохранителем, не сохранившим тела...

Фролов ловил, фиксировал и кончиком карандаша останавливал мгновения.

– А недурно умереть с таким последним впечатлением: прекрасная юная особа в подвенечном платье, с любовью и скорбью во взгляде склоненная над тобой... – закрывая папку, пробормотал он.

ГЛАВА 6

Прошло пять лет...

Астрова вошла в здание издательства и стала подниматься по широкой лестнице на второй этаж. Со стены площадки, от которой далее лестница расходилась в разные стороны, смотрел на нее с портрета основатель издательства «Стас» Станислав Михайлович Пшеничный. Если встретишься случайно взглядом с его каре-желтыми, слегка выпуклыми глазами, то они не отпустят тебя, пока не проследят, куда идешь, пока не заглянут в душу и не вызовут воспоминания, в которых он предстанет живым.

Вера невольно вздохнула, замедлила шаг. «Да... – проскользнула мысль, – сколько за пять лет изменилось! Мне покойный Станислав Михайлович представлялся акулой, готовой проглотить кого угодно и что угодно, лишь бы получить прибыль. А на самом деле он был великодушным человеком. Пенял, посмеивался, советовал, но к стенке не припирал: «Или ты делаешь так, как мне надо, или мы расстаемся». Торопил с написанием, не без этого... Тогда я злилась, жаловалась на непонимание. – Она не удержалась от саркастической усмешки. – Зато теперь – полное понимание и максимальная выгода издательству и мне. Только я себя спрашиваю: «Неужели те книги с нарочито яркими обложками, на которых изображены красавицы с акульми улыбками, бокалы с ядами, ножи, пистолеты и которыми заставлены магазинные полки, забиты ларьки, завалены раскладные столы в переходах, – все это мои книги?»

Вера остановилась перед портретом.

– Станислав Михайлович, если бы вы только знали, что со мной сделали! – забывшись, проговорила она. И стало ей себя жаль!.. Подняла руку, чтобы убрать со щеки

невидимую слезу, и зацепилась перстнем за шелк платья. Взглянула на перстень и поджала губы: «Плакать нельзя, забыла, что линзы вставила».

– Линзы вставила... – повторила вслух и поспешила отойти от портрета.

«Ведь сама виновата. Сама! Вот за эти линзы, за удобства жизни и продалась», – в бессильной злобе ругала себя Вера, но улыбка уже играла на ее губах.

– Здравствуйте! – приветствовала Астрову молодая сотрудница издательства. – Вас уже ждут.

Вера кивнула, поправила завиток волос, выбившийся из-за уха, на мочке которого искрился бриллиантовый цветок.

В зале собралось много приглашенных. Повод был значительный – пять лет, как во главе издательства, эмблемой которого были золотые пшеничные колосья, стоит дочь основателя, Милена Пшеничная. За эти пять лет она сумела не только сохранить, но и превратить доставшееся ей по наследству издательство в крупное, многофункциональное, четко работающее предприятие. И первым лицом этой книжной империи была Вера Астрова.

Журналисты, заметив Веру, тут же окружили ее плотным кольцом. Посыпались вопросы, поздравления по случаю выхода новой книги, тираж которой побил все предыдущие рекорды. Вера отвечала на вопросы, подходила к стендам, на которых были выставлены ее книги, замирала, с полуулыбкой глядя в объективы камер. Когда в зал вошла Милена, часть журналистов отхлынула к ней и подвела ее к Вере. Теперь они уже вдвоем с заинтересованными лицами рассматривали новое произведение Астровой.

– Думаю, не ошибусь, если скажу, что этот роман, – произнесла в микрофон Милена и приподняла книгу, – лучшее, что было написано Верой Астровой. Невероятно интригующее построение сюжета, легкая ирония, что так свойственно стилю Астровой, тонкое понимание психологии... – уверенным, отлично поставленным голосом говорила Пшеничная, а Вера, чуть подавшись назад, не сводя с нее глаз, точно замерла, околдованная потоком слов.

Сначала она просто бездумно смотрела на Милену, красивую, высокую двадцатисемилетнюю блондинку в светло-бежевом костюме. Но потом обожгла мысль: «Господи, что она говорит?! Как стыдно!.. Я только вчера пролистала несколько страниц этой книги и пришла в ужас от глупости, упакованной в яркую гляцевую обложку, на которой стоит мое имя! Да мое ли оно?»

Отчетливо вспомнился тот день, будто вчера все было.

«Да может, и вчера. Время, оно ведь неподвижно. Это нас несет, это мы придумали дни и годы, а время стоит себе, не шелохнувшись. Так что, очень может быть, что я только вчера впервые вошла в издательство...»

* * *

Встретили новоявленного автора с приветливым безразличием.

— Здравствуйте! — робко улыбнулась Вера редактору, пышной блондинке. — Я Польшникова, я вам звонила... Вы сказали, что я могу принести рукопись...

— Присаживайтесь, — ответила блондинка и подняла трубку зазвонившего телефона.

Вера села на краешек стула и оглядела комнату со стеллажами, уставленными книгами. Она уже была в одном издательстве. Там рукопись читали месяца два, потом пригласили ее и не то чтобы отказали, прямо сказав, что не подходит, а принялись как-то мяться, мол, еще сами не знаем, будем ли печатать в этом году детективы, надо подождать. Вера согласилась и была готова оставить им свою рукопись, но ей намекнули, что будет лучше, если рукопись она заберет.

Глотая слезы, Вера отправилась домой. Вспомнив, что у нее пустой холодильник, зашла в торговый центр. Приобретая самое необходимое, остановилась, раздумывая, купить или не купить банку кофе. Хотелось, но дорого! Размышляя, она смотрела на мелькавших перед нею людей, и вдруг среди десятка похожих друг на друга силуэтов, лиц выделился Он, как что-то инородное. Дорогая

куртка, часы. Одет элегантно, стильно. Да, именно, стильно. Интеллигент. В небольшом торговом центре, рассчитанном на кошельки массовых потребителей, он смотрелся неподобающе. Да он и вправду заблудился, подошел к Вере и спросил, какой выход в сторону метро.

Вера быстрым пристальным взглядом точно сфотографировало его лицо: красивое, но землистого оттенка и под глазами мешки, видно, пьет. Она ответила. Он поблагодарил и пошел. А ей хотелось догнать его и попросить: «Мужчина, не пейте!!» Уж так не вязался его облик с «трактирной стойкой». Но, конечно же, вслед не побежала, вместо себя мысль отправила. А вот лицо его запомнила на удивление четко. И время от времени почему-то вспоминала.

Странно, такого в жизни еще не было. Даже думала о нем. «Кто он?» Решила, что человек богемный. И тогда стало ясно, отчего пьет. «Видно, неудачи извели».

На следующее утро Вера вновь открыла телефонный справочник и принялась звонить. Издательство «Стас» изъявило желание ознакомиться с детективом начинающего автора. И вот Вера сидела перед редактором и ждала, когда та закончит свой разговор с очередным литератором.

– Да, хорошо, приносите рукопись. Обычно мы читаем месяца два. До свидания!

Не успела она положить трубку, как телефон опять зазвонил.

– А, здравствуйте! К сожалению, ваша рукопись нам не подходит...

Вера съежилась от внутреннего холода, тотчас представив себя на месте получившего отказ. «Вот и мне так же скажут, – автоматически подумала она и тут же спохватилась: – Нет, нельзя себя настраивать на провал. Я написала неплохой детектив, и его обязательно напечатают... Ну если не в этом издательстве, так в другом».

А редактор, выслушав жалобы неудачливого литератора, сухо сказала:

– Свою рукопись вы можете забрать, когда вам будет удобно, – и положила трубку.

– Что у вас? – посмотрела она на Веру.

– Детектив, – почему-то полушепотом ответила По-
лынникова.

– Давайте!

Вера положила на стол увесистую папку.

– Так, – взглянула редактор на титульный лист. – Свой номер телефона указали, очень хорошо. Значит, если я вам не позвоню через месяц, звоните сами и справляйтесь.

Вера с улыбкой кивнула. Редактор тоже что-то изобразила на своем лице в ожидании, что Полынникова встанет и уйдет, но она продолжала сидеть.

– В принципе... – вынуждена была произнести редактор, уставшая от всех этих пишущих и без усталости приносящих свои рукописи, – я вас больше не задерживаю.

Вера подскочила и извиняющимся тоном пролепетала:

– Да-да, конечно.

Безусловно, с одной стороны, редактор понимала, что, собственно, издательству нужны авторы, и чем больше, тем лучше. Из нескольких сот бездарных писаний можно отобрать с десятка два приличных. Но с другой стороны, редактор так устала от этих доморощенных талантов, что видеть их уже было наказанием для нее. Эти надоевшие просительно-выжидательные взоры, эти заплетающиеся от растерянности языки, эти замедленные уходы, эти обиды и даже гнев, если рукопись отклонили.

Но не успела закрыться за Полынниковой дверь, как вновь на пороге возникла фигура очередного литератора, уверенного, что уж он-то написал шедевр.

Четыре месяца ожидания. Осторожные звонки редактору. Ее неперменный ответ: «Вы знаете, еще не прочли». Затем ответ более обнадеживающий: «Да, я получила две рецензии. Они, в принципе, положительные. Но теперь я сама должна прочесть рукопись». И опять ожидание. Наконец: «Мы будем вас печатать. Зайдите подписать договор!»

Вера так и осталась сидеть с телефонной трубкой, прижатой к груди. «Неужели свершилось?!»

Договор подписала, немного опешив от скромности указанного в нем гонорара. Рука, готовая к росчерку, лишь на мгновение зависла в воздухе...

Полгода спустя вышла первая книга в мягкой обложке с фотографией автора. Ликующая душа Веры, казалось, вырвалась из груди, взлетела в небесную лазурь, перевернулась, сладко замерев, и поспешила вернуться обратно, чтобы Вера не умерла от счастья.

Приятельниц Полынниковой выход книги привел в заметное волнение. Кто подхихикивал, вынуждая себя все же поздравить Веру, кто обходил свершившийся факт подчеркнутым молчанием, кто принимался по буквам разбирать ее книгу. Эти последние были особенно навязчивы, мотивируя свои колкости наличием у них «редакторской жилки».

– Да у всех эта «жилка» есть, – замечала Вера. – Каждый, кому не лень, только и занимается тем, что редактирует чужие жизни.

В ответ с нескрываемым презрением поджимали губы:

– Но хочется, чтобы ты писала лучше!

Вера поначалу отмахивалась:

– Пишу, как могу!

– А надо лучше!

– Вот сами и пишите! – огрызнулась было Вера.

– Э!.. «Одни достойны похвал и прославления за то, что хорошо пишут, другие – за то, что вовсе не пишут»¹, – съязвила одна подруга, воспользовавшись чужим афоризмом. – Я же, в отличие от некоторых, – последовала выразительная пауза, – очень самокритично смотрю на себя.

– Правильно, – согласилась Вера. – Вот на себя и смотри.

Но не смотрелось на себя, головы постоянно поворачивались в сторону Полынниковой то с ироничной усмешкой, то со взглядом, в котором клубились ядовитые язычки злобы...

Вере все это надоело.

¹ Жан де Лабрюйер.

– Друзья, – обратилась она к тем, кого считала за таковых и кто себя почитал таковыми, – похвалите мои книги, по буквам их разнесут враги!

Не вняли!..

Как-то после выхода уже третьей книги Вера столкнулась в коридоре издательства с маститым литератором. Разговорились случайно, и она высказала свою горечь:

– Ну почему они так? Почему никто искренне не обрадовался выходу моей книги?

– О! – понимающе протянул литератор. – Как вы еще наивны!

Вера во все глаза смотрела на него.

– Они же боятся! – пояснил он.

Вера неуверенно улыбнулась, полагая, что литератор не так понял ее, и спросила:

– Чего боятся?

Литератор ухмыльнулся:

– А того, что вы прославитесь вдруг!

– Ну и что? Им то что? Они ведь книг не пишут.

– Светлые у вас мысли! – не удержался от смеха литератор. – Они не пишут, и вы не писали. Вы, простите, кто по образованию?

– Историк.

– Ну вот, вы были, как все они, ваши приятельницы, знакомые, родственники, просто... историком. А теперь вы литератор. И в любой момент к вам может прийти известность, кто знает? И тогда вы будете уже не такой, как они. Вот это-то им и неприятно.

Вера задумалась и проговорила все с тем же недоверием:

– Неужели? А как же, когда другие...

– А какое им дело до других! Они их знать не знают. Пусть прославляются, пусть гонорары сумасшедшие получают, главное, чтобы не вы! Вы ведь рядом, вы на глазах... И ваш успех!

Вера покатила со смеху:

– У меня его нет!

Литератор склонил голову набок:

– А вдруг?!

За радостью, что ее напечатали, Вере было недосуг мечтать об известности. Литератор заставил ее задуматься: «Как же она приходит, эта известность?»

Однажды Полынникова зашла в книжный магазин. Книги признанных авторов были выставлены на отдельных стеллажах, рядом с которыми висели рекламные плакаты, призывающие читать только их произведения. Вера подошла к полкам с книгами неизвестных. Полубопытствовала, взяла одну, чужую, просмотрела, потом другую, потом свою, только что вышедшую. Вдруг услышала:

– Полынникова – это бред!

Вера с удивлением повернула голову и увидела женщину лет шестидесяти в черной искусственной шубе и песцовой шапке.

– Вы лучше вот эту книгу купите! – уверенным тоном посоветовала она, снимая с полки том и протягивая Полынниковой. – Вы только взгляните, какая она красавица, – указывая на снимок писательницы, продолжала женщина. – Или вот эту! Захватывающе написано. А это вообще прелесть! Вот это писатель!

Вере стало интересно, почему женщина хвалит книги практически всех авторов, собранных на этой полке, кроме ее. Она спросила:

– А что, Полынникова вам не нравится?

Женщина захлебнулась от негодования:

– Чушь! Сидит себе на Николиной горе и пишет!

– А что вам конкретно не нравится?

– Все!

– А вы все ее книги читали?..

– Ну да!

– Когда ж успели, вот эта, третья, только вышла.

– Да бред это! – отмахнулась женщина и скороговоркой проговорила, как бы советуясь сама с собой: – Так, все это читала... Что бы купить еще?.. – и потихоньку стала отходить от Веры.

Полынникова в недоумении постояла у полки, а затем пошла в отдел исторической литературы. Что-то купила.

Направляясь к кассе, завертевшись в людском водовороте, невольно вновь оказалась у стеллажа с детективами, из-за которого до нее донесся нервно подрагивающий голос:

– Это отличная книга, я читала. Прекрасно пишет... захватывающе, персонажи, точно живые... Это тоже хорошая... А это бред!

Вера догадалась, что потенциальный покупатель обратил внимание на ее книгу.

– ...Сидит себе на Николиной горе и пишет, не зная жизни... Вы вот лучше взгляните, какая красавица эта писательница и пишет замечательно... Я читала...

У кассы Вера неожиданно осенило:

«Да ведь это же самая настоящая клака... только литературная! Заплати, и будут тебе «аплодировать» языками. Если у автора есть связи, если издательство по тем или иным причинам сделало на него ставку, ему, не скупясь, делают рекламу. На телевидении такие авторы из одной программы переходят в другую, в журналах, газетах печатают статьи, восхваляющие их. А как быть тем, кто хочет, но не может стать известным, так сказать, ни материальные средства, ни скудные личные связи не позволяют?.. А нанять вот таких молодых пенсионерок. Им делать уже нечего, а энергия еще есть и заработать не прочь. Вот и ходят они из магазина в магазин и высказывают «мнение знатока». Покупатель, задумавшись, стоит перед выбором: какую книгу взять?.. И эта обложка интригует, и та!.. И это название захватывает, и то!.. Стоит, размышляет и вдруг – голос, разрешающий сомнения. И покупатель решает: «Лучше возьму ту, которую хвалят, чем ту, о которой молчат или, хуже того, отзываются с пренебрежением». Вот таким образом и привлекают внимание к своим книгам некоторые авторы. А интересно, если я подойду к этой тетке и предложу ей?.. А сколько они берут? Подойти или нет? – Вера ослабила шарф: стало жарко от волнения. – А вдруг она на меня набросится, обругает? И все же рискну!..»

Вера отошла от кассы, выждала момент, когда тетка-клакер осталась без потенциального клиента, и вновь воз-

никла в поле ее зрения. Та глянула на Веру и сделала вид, что занята выбором. Вера подошла поближе.

– Так вы советуете не покупать новую книгу Полынной? – спросила как бы между прочим.

– Да хотите покупайте! Я вам только могу повторить свое мнение – бред!

Вера вздохнула:

– А ведь я ее знаю...

– Кого? – явно намеренно не поняла женщина.

– Полынникову. Мы с ней знакомы. – Клакерша нервно дернула головой. – И так хотелось бы мне, чтобы ее книги покупали...

– Пусть хорошо пишет, тогда и покупать будут, – неожиданно миролюбиво высказалась женщина.

– А вот если бы вы, ведь вы, как я поняла, знаток детективного жанра... – тянула Вера, не зная, как ловчее приступить к делу, – вот если бы вы не ругали, а хвалили ее книги, ну, как других...

Женщина в ожидании приподняла брови.

– Я... Я понимаю. – Вера открыла сумку и вынула сто рублей.

Клакерша глянула, пожевала губами и быстро схватила купюру.

– Ладно! Через недельку загляните опять!

Вера поспешно кивнула и ретировалась из магазина. Но любопытство взяло верх. Вернулась, воровато проскользнула между стеллажей и услышала:

– Полынникова хорошо пишет! – с ударением на «хорошо». – Захватывающе! Обязательно купите ее новую книгу!

Вера вышла на улицу и расхохоталась.

«С неделю я буду писать хорошо, а затем опять отправлюсь на Николину гору и понесу бред». Прошла, посмеиваясь, два квартала, а потом взгрустнулось: «Да, видно, известность ко мне не придет. Разве только чудо поможет...» И вдруг свершилось то, что не поддается объяснению, то есть чудо! Но в первый момент было ощущение катастрофы.

В небольшой офис, где Полынникова работала секретарем, другого места она себе подыскать не смогла, позвонила редактор:

– Вера, зайдите завтра в издательство, надо кое-что решить.

Постеснявшись расспросить, в чем же дело, она только ответила:

– Хорошо!

Положила трубку, и обдало ее сначала холодом, а потом кипятком.

«Это они со мной хотят расстаться красиво. Скажут, мол, плохо идут ваши книги. Нет, если расстаться, то за чем же приходить?.. Сразу, без объяснений, сказали бы, что ваша последняя рукопись не подходит, – нашла успокоительный аргумент она. – Или все-таки откажут мне?..»

На следующий день, едва дождавшись перерыва, Вера поспешила в издательство.

– Здравствуйте! – с трудом переводя частое дыхание, выпалила она, войдя в кабинет.

Редактор чуть дольше, чем допускало приличие, задержала на ней свой взгляд.

– Здравствуйте, – о чем-то продолжая размышлять, ответила она и, поднявшись из-за стола, сказала: – Пойдемте!

Глаза Веры за стеклами очков заматались в испуге.

– Куда?

– С вами хочет побеседовать Станислав Михайлович.

– Кто? – переспросила Полынникова.

– Пшеничный! – веско пояснила редактор и проследовала к двери, увлекая Веру за собой.

– А... А зачем? – с бьющей через край тревогой допытывалась Вера.

– Узнаете!

Они спустились на этаж ниже и вошли в приемную.

– Скажите Станиславу Михайловичу, что пришла Полынникова, – обратилась редактор к секретарше.

– Минутку! – ответила та и скрылась за массивной дверью.

Сердце Веры стучало, точно кованые сапоги по асфальту.

– Проходите! – пригласила их девушка.

Первой вошла редактор, Вера чуть замешкалась.

– Вот, Станислав Михайлович, – приятно улыбаясь, начала редактор, – Вера Полынникова.

– А!.. – с интересом разглядывая Веру, произнес Пшеничный. – Садитесь, – предложил он ей. – А вы пока свободны, – обратился к редактору.

Вера осторожно опустилась в пышное кожаное кресло. Окинуть взглядом весь кабинет у нее не хватало духа, видела только черный блестящий стол с золочеными венками и лентами в стиле ампира и самого Пшеничного. Огромного, с выпуклыми желто-кариими глазами и усами щеткой. Пролетела совершенно глупая мысль: «Когда целуется, наверное, усы ужасно неприятно колются...»

Пшеничный не торопился начинать разговор. Он, не беспокоясь смущением Полынниковой, которая невольно сжималась под его взглядом, продолжал смотреть на нее.

«Ну да, в принципе, такой я себе ее и представлял. Женщина неопределенного возраста, погруженная в свою писанину. По паспорту ей тридцать три, но на вид больше. Никакая женщина... Волосы, перехваченные резинкой, платьишко серенькое, глаза такие же и очки. Ни толстая, ни худая... А была бы женщиной с искоркой, о которых сама пишет, как было бы славно! – выскочила шаловливая мысль, заставившая Пшеничного улыбнуться. – Было бы славно и ей, и мне. Но что поделаешь, женщины с искоркой занятых детективов не пишут. Им некогда, они заняты своей жизнью, а не описанием чужих. Что ж, пусть будет такая, какая есть. Слегка заумная, скажем, погруженная в мир своих внутренних переживаний, неприметно одетая, скажем, некогда ей, духовно богатой, украшать себя побрякушками... ну и так далее. Для этого у меня специальный отдел есть».

– Вера, – прервал молчание Пшеничный, – мне понравился ваш последний детектив и вот о чем я подумал!..

Полынникова сидела не шелохнувшись.

– Вы вообще быстро пишете? – задал он вопрос.

– Как сказать... – замялась Вера.

– Понятно! Значит, что я предлагаю... У вас очень хорошие сюжеты, поэтому вы намечайте только линии, а уж редакторы займутся разработкой.

– Как это?! – забыв всякую осторожность, чтобы не вызвать недовольство Пшеничного, воскликнула она.

– Да очень просто! – завораживал ее выпученными глазами Станислав Михайлович. – Незачем время тратить. Вы даете сюжетную линию, специалисты доводят ее до товарного вида.

– Не-е... – подалась Вера назад. – Я так не могу. Я все должна сама. И потом стиль!.. Как же?!

– Так же! – передразнил ее Пшеничный. – Кому он нужен, ваш стиль?! Я хочу вас раскрутить. Чтобы наше сотрудничество было выгодно и вам, и мне, ясно?!

Лицо Веры побледнело и осунулось, точно у нее силой хотели забрать самое дорогое. Станислав Михайлович это понял.

«Ну а что, в самом деле, для этой никакой женщины ее писанина – это все! Это ее жизнь! Ладно, подождем пока!»

– Значит, Вера, я решил переиздать ваши книги, создав специально под вас новую серию. Если вы так уж хотите все доводить до конца, пожалуйста, но работать придется в два-три раза быстрее.

Пшеничный не давил, не требовал, он склонял. Он действовал как Искуситель, ласково и настойчиво вбивая в непокорную голову нужную ему мысль.

– Я... я смогу быстрее! – поспешила заверить Вера.

– Ну и отлично!

Пшеничный связался с секретаршей:

– Пригласи ко мне ведущего редактора и юриста.

Вера как замороженная слушала и исполняла все, что говорил ей Пшеничный. Подписала новый договор, выдавила улыбку в ответ на предложенный гонорар, не сумев разумом охватить его, столь большой тогда показалась сумма.

– Да! – воскликнул Станислав Михайлович, когда все уже собрались уходить. – Мне «Полынникова» не нра-

вится! Горькая на вкус и приземленная. Дайте-ка мне что-нибудь астральное...

Редактор остановилась, прошла по кабинету.

– Астральное?! – повторила она вслух.

– Да! – подтвердил Пшеничный. – Звездное!

Вера стояла и остекленевшими глазами смотрела на них.

– Ну а вы, что вы предложите, Вера? – попытался растормошить ее Станислав Михайлович.

– Не знаю... По-моему... – Она хотела сказать, что и Полынникова очень неплохо, но не посмела. – А... астральное... – проговорила тихо. – Астрова, может быть?!

– Великолепно! То, что надо! Астрова! В точку попали! – довольный быстрым решением, воскликнул Пшеничный. – Итак, Вера Астрова! А, как звучит?! – обратился он к редактору.

Та, прислушиваясь к своему голосу, повторила несколько раз:

– Вера Астрова!.. По-моему, хорошо!..

Так с книжных полок убрали едва успевшую появиться Веру Полынникову и зажгли звезду – Веру Астрову.

ГЛАВА 7

«Счастье!.. Это же самое настоящее счастье! Не придуманное мной, не подгоняемое под понятие, а оно само! – Мир кружился перед глазами Веры, привыкшими прятаться от него за стеклами очков. – Это же счастье, что из нескольких десятков авторов Пшеничный выбрал именно меня! Ну моя заслуга тут тоже есть, хорошо пишу...» – отдала она себе должное в глубине души, однако отлично сознавая, что ей все-таки просто повезло.

«Счастье» заставило ее трудиться так, что только что было засверкавший мир покрылся синим мраком усталости. Целыми днями Вера работала, сидя за компьютером.

А как радовалась она, что смогла уйти из офиса!.. Правда, гонорар, показавшийся ей вначале огромным, сильно уменьшился, когда она позволила себе купить самое необходимое, в чем до сих пор отказывала.

«Все! Вот сдам этот роман и попрошу у Пшеничного один месяц отдыха, так и скажу ему – больше не могу, – дописывая последнюю главу, думала Вера, с тоской сознавая, что предстоит еще редактировать эту рукопись. – Где взять силы? – в отчаянии вздыхала она. – Но надо!.. А то все полетит к черту! Роман получился отличный: многоплановый, с яркими персонажами. Вот стиль подправить... – Пальцы ее точно зажало. Она попыталась пошевелить ими, чтобы продолжить работу, но они онемели. – Надо! Надо!..»

Чувствовала Вера завистливое дыхание в спину обойденных особым вниманием издательства авторов, которые только и ждали, чтобы Астрова споткнулась, замешкалась... А они тут как тут!

Пшеничный же тихо посмеивался в усы, глядя на ее изможденное лицо.

– Что, Веруня? – как-то завел он разговор. – Может, ну его этот стиль и доведение текста до состояния, близкого к совершенству? Ведь денег не хватает на жизнь, а? – лукаво поблескивая каре-желтыми глазами, ловил он усталое отрешенный взгляд Астровой. – Ведь все равно ничего такого, что осталось бы в веках, вы не напишете.

Вера повела плечами и кивнула, вынужденная согласиться с суровой правдой.

– А хочется? Да, Веруня?! – не удержался, хохотнул Пшеничный. – Но, увы, – расхаживая по кабинету и пребывая в игриво-задиристом настроении, продолжал рассуждать Станислав Михайлович, – это мечта несбыточная. Во-первых, потому что вы женщина. Пример веков, думаю, вас убеждает лучше, чем мои слова, и все же замечу: ни одна женщина не создала ничего, равного по силе воздействия тому, что написано мужчинами. А почему? Да потому, что Афина появилась на свет из головы Зевса. Из чего следует: чем мужчина думает, тем и производит, а женщина... – во всю мощь расхохотался Пшеничный.

– Да ну вас, Станислав Михайлович, – отмахнулась от него Вера, сама еле сдерживаясь, чтобы не рассмеяться.

– А разве я не прав? Я специально из мифологии пример привел, чтобы вам, как историку, понятнее было. Итак, это во-первых, а во-вторых, время не то, Верочка. Не то! Каждое время благоприятно для расцвета определенного вида искусства. Не появятся более художники, подобные да Винчи. Не возникнет на нашем горизонте новый Достоевский, одними ругаемый, другими почитаемый, но всех одинаково мучающий своими романами. И вы ничего такого не напишете. Всем вам, авторам детективных романов, не дает покоя самый знаменитый детектив – «Преступление и наказание». Всем вам хочется, жажжется, мечтается создать что-нибудь подобное, но...

– Не создается, – насмешливо разочарованным тоном подхватила Вера.

– Вы на ходу мои мысли улавливаете, поразительно! – колко заметил Пшеничный. – А из этого следует, что раз уж мы живем в век компьютеров и невероятного техни-

ческого прогресса, нам надо как можно быстрее и как можно больше заработать на золотиносной жиле массовой литературы. Заработать! А там... Кто знает, к чему приведет этот прогресс, может, книги выйдут из обихода и станут музейным достоянием.

– Я вас понимаю и согласна, но...

– Терпеть не могу эти дамские «но»! – резко бросил Пшеничный. – Ну какого черта вам неделями сидеть над одной рукописью? Повторяю, не те сейчас запросы, взгляды!.. Поймите, утерян натуральный звук! Настало время синтеза. Время компьютерной литературы. Раньше все было натуральное, от природы: клей, древесина, потому и звук музыкальных инструментов был натуральный, завораживающий... И писали от руки. Перо, чернила – тоже, кстати, были натуральные. Сейчас – другое. Можно, конечно, писать пером и даже при свече, но вряд ли вы будете услышаны. Вы попросту потеряете время. Другие раньше вас скажут то, что вы хотели, пусть хуже, но раньше... Ваша книга, еще не появившись, уже устареет! А вы, – глядя в глаза Астровой, говорил Станислав Михайлович, – работаете за компьютером. Значит, литература ваша – компьютерная.

– Вот потому и правлю ее от руки!

Пшеничный закурил и, задрав подбородок, выпустил изо рта струйку дыма.

– Дерзкая вы, Вера. Но все равно, ничего, что стоило бы правок, потери времени, вы не напишете, – помимо воли начал заводиться Станислав Михайлович.

Он подошел к бару, налил себе и Астровой немного сухого martini.

– Самое ценное, что? – спросил он и сам же ответил: – Жизнь! Но что ценнее: жизнь человека не плохого, не хорошего или портрет Моны Лизы?.. А представьте, вот стоит такой человек, присоединенный каким-то самым невероятным образом проводками к этому портрету. И можно спасти только одного, другой – погибнет. Как быть?..

Губы Веры шевельнулись, но не для ответа, а в замешательстве.

– Но «Джоконда» для человечества – это же не просто картина, даже чудесная. «Джоконда» – это часть самого человечества. И вот ситуация – абсурдная! Смотрим! – запросто предложил Пшеничный Вере войти в созданную им ситуацию. – Первое, что попадает в поле зрения, – глаза. Глаза человека, вопиющего о сострадании и спасении: «Я – плоть, я кровь – мне страшно!! Она – это всего лишь холст и краски». Как я заметил в начале, для примера я взял простого человека, не наделенного философским складом ума, который мог бы мыслить приблизительно следующим образом: «Умру сейчас, или через год, или через пятьдесят лет, какая разница?! Даже если что и создам полезное, оно все равно будет не сравнимо с Моной Лизой. И то, еще создам или нет?!» Но перед нами – человек простой, не обремененный глубокими мыслями. И потому в глазах его – жажда жизни, мольба к ему подобным: «Спасите!»

И взгляд Джоконды – сначала такой, каким мы его привыкли воспринимать: чуть насмешливый, отчужденный... В глазах – века, не более. И вдруг – глаза Леонардо! «Я душу оставил на Земле! Вам! Мне без нее дико, невыносимо. Но я ее оставил, и вы не убережете?!»

Теперь зададимся вопросом: что этот человек? Что он оставит после себя? Выводок потомства. И все! А «Джоконда», она то, что жизнь имеет смысл, что мир не погибнет. Он не исчезнет, пока в нем есть улыбка и душа Леонардо! И как быть?

Вера задумчиво пила мартини.

– Ну вообще-то спасти человека! Хотя... – Астрова не договорила, но смысл был понятен.

– Хорошо, спасем! Но вопрос для нас с вами не в этом, а в том, сразу ли решат спасти или будут думать, спорить?

– Конечно, спорить! Еще как спорить! Миллионы найдутся, кто выберет Мону Лизу.

– Ну, Вера?! – внезапно перешел на спокойный, дружелюбный тон Пшеничный.

– Что?

– Как что? – искренне удивился он. – Я вам такой пример придумал, опять-таки связав его с историей, а вы!

– Да что я? – недоумевала Астрова.

– Да то, что если бы все, что вы написали и еще напишете, противопоставить в подобной абсурдной ситуации жизни человека, то никто и секунды думать не станет, тотчас все единогласно решат: взорвать к черту и книги, и дискеты этой Астровой. Человека бы только спасти!

Вера понимающе кивнула:

– Смысл тот же: какого черта сидеть и выписывать мелодику предложений, переставлять слова в поисках гармоничных сочетаний. Настукала – и готово!

– Правильно! Ведь главное – идея! Вы даете идею, мы доводим ее до товарного вида.

– Ужас!

– Вера, но этот ужас хорошо оплачивается. Ведь вам нужны деньги!

– Нужны, – согласилась Вера.

Пшеничный уже хотел хлопнуть в ладони, как Астрова опять возникла со своим «но»:

– Но я так не могу, Станислав Михайлович. Не могу! Мне стыдно будет за книгу, изданную под моим именем.

«Долго созревает, – хмурясь, подумал Пшеничный. – Ну да я тебя подгоню. Есть у меня еще кандидатура. Выдвину чуть-чуть, тут же разыграет твое самолюбие, страх вползет в бескомпромиссную душу, что не нужна ты более, и тогда прибежишь ко мне и согласишься. Вредная тетка ты, Вера, да уж больно сюжеты у тебя хитро и тонко сплетены, уж так ты умеешь закрутить, что пока равных тебе не вижу. Но ничего, помучайся, пострадай, поразрывайся своей честной душой, все равно будем работать так, как считаю нужным я. Потом спасибо скажешь!»

Станислав Михайлович для остротки сдвинул брови и сухо бросил:

– Что ж, более не задерживаю!..

Вера хотела было что-то объяснить, но, лишь смешно дернувшись, постояла в нерешительности и сочла за лучшее тихонько удалиться. Об отпуске даже не заикнулась.

Попробуй! Пшеничный сразу бы сказал: «Пожалуйста, только сначала дайте несколько сюжетных линий и езжайте. Вернетесь из отпуска, а у вас уже три книги готовы».

* * *

«Я, вероятно, непроходимо глупа!..» – с такой мыслью вышла Вера в приемную.

Секретарша с удивлением смотрела на нее, бредущую подобно сомнамбуле.

– Вера! – окликнула она ее. – Может, кофе? Вы так побледнели...

Астрова остановилась посредине комнаты, поднесла руку к голове и с ожесточением потерла висок:

– Да! Я устала! – Она упала в кресло. – Кофе... Очень хорошо!

Девушка поставила на столик чашку и вазу с шоколадными конфетами.

– Спасибо, – пытаюсь собраться с мыслями, поблагодарила Астрова. – Что-то с головой у меня. Да... устала...

Выпив кофе и даже побеседовав о чем-то с секретаршей, она вышла на улицу.

«Нет, это, несомненно, я глупа как пробка! – опять ясно возникла та же мысль. – Конечно!»

Вера даже всплеснула руками оттого, что поняла. Раньше все было как-то недосуг. А теперь стало ясно, каким образом авторы, которых издательство печатало большими тиражами и которые составляли его славу, ухитрялись писать книгу за книгой.

«Наверное, и литературные рабы – это не выдумка журналистов... Ах, да неужели?.. Какой ужас!.. Ну точно! Иначе и быть не может! Не в состоянии человек писать по шесть, семь, десять книг за год. И меня Пшеничный решил ввести в эту нечистоплотную компанию. Да, они зарабатывают, это видно. Но как это мерзко! Продавать себя! Свое имя! – Вера сморщилась, прикрыв лицо рукой. Опомнилась и быстрым шагом полетела вперед. – Я на это ни за что не пойду! – успокаивала она себя. – Не заставит же он

меня силой, – подумала с гордой злостью и сникла. – Не заставит. Зачем ему возиться со мной. Он и так сделал все, что мог: убеждал, приводил примеры. Он просто укажет мне на дверь и займется другим автором, более податливым и понятливым».

Тех, кто уже приобрел известность до ее появления в издательстве «Стас», Астрова воспринимала как данность, но тех, кто мог потеснить ее, она опасалась.

«Как же быть? – терзалась Вера. – Как быть? Деньги, известность... Я, правда, уже известна, пусть не столь широко, но все же... – Мысль оборвалась. Вера удивленно оглянулась, увидев, что забрела в сквер. Высмотрела пустую скамейку. – Да!.. Деньги, известность, издание за границей – это фантастически хорошо, но ведь это обман, причем низкопробный... Но ведь покупают и читают. Вот что самое странное! Читают какое-то коллективное варено, выпускаемое под брэндом, – чьим-то именем. И нравится! Нравится!.. Так чего же думать? Нет, не могу! И выход один – писать, как я умею и понимаю!» – пришла к заключению Астрова, откинулась на спинку скамейки, прикрыла глаза и вздрогнула от пронзившей ее мысли: «Ну и дура же ты, Вера! Другие только мечтают о таком, а тебе предлагают!..»

Как ни силилась Астрова после разговора с Пшеничным вновь приступить к работе, ничего не выходило. Мысли шли по прямой линии, не вырисовывая никаких интригующих сюжетов.

В тот день Вера все же заставила себя сесть за компьютер: посвежела голова, точно ветерком повеяло, и появились неплохие идеи. В перерыве сварила кофе и, включив телевизор, – выронила чашку из рук прямо на колени. Взвизгнула, вскочила, не отрывая взгляда от экрана.

На крыльце под высоким прозрачным навесом лежал Станислав Михайлович, а голос за кадром сообщал жуткие подробности:

«Сегодня в 13 часов 40 минут было совершено покушение на владельца издательства «Стас» Пшеничного Станислава Михайловича. Выстрел был произведен из

пистолета марки «Макаров». Стреляли, по предварительному заключению экспертов, из припаркованного невдалеке, метрах в десяти, автомобиля «Шкода». Пшеничный скончался от пулевого ранения в грудь спустя несколько минут. В связи с убийством возбуждено уголовное дело...»

Комната поплыла перед глазами Веры. «Не может быть! Как же это?! Станислав Михайлович!.. — Она по-своему была отчасти привязана к нему. — А что со мной будет? С издательством? Только-только стала выходить в известные писатели, как... Да как же теперь без Станислава Михайловича?!»

Слезы с болью выкатились из глаз. Всего несколько слезинок. А ужасные мысли уже вгрызались в мозг. Он их порождал, они же его и грызли: «Что-то со мной теперь будет?..»

* * *

После убийства Пшеничного прошло более полугода. Вера работала, сама не зная, куда понесет свою рукопись. Заходила как-то в издательство, сказали: «Ничего не известно. Сидим и гадаем, что будет...»

Судьбоносный телефонный звонок раздался, как всегда, неожиданно.

— Вера! — узнала она голос секретарши Пшеничного. — Зайдите в издательство. С вами хочет встретиться Милена Станиславовна.

— Кто? — удивленно переспросила Астрова.

— Милена Станиславовна, — повторила девушка ровным голосом и шепотом пояснила: — Дочь Пшеничного.

— А!.. — протянула, немного опешив, Вера и, спохватившись, торопливо добавила: — Да, конечно!

Войдя в знакомую приемную, Астрова обменялась взглядом с секретаршей. Та совершенно искренне заморгала глазами, как бы говоря: «Понятия не имею о намерениях!..» И нажала на кнопку селектора:

— Милена Станиславовна, к вам Вера Астрова.

— Хорошо!

– Заходите! – пригласила секретарша.

Вера не без робости вошла.

За ампирным столом вместо внушительных размеров Пшеничного сидела тоненькая девушка. Ее светлые, с золотистым отливом волосы были подняты наверх, а на лицо с одной стороны спускалась мягкая волнистая прядь. Она приветливо улыбнулась, вышла из-за стола, движением руки предложила Вере сесть в кресло, и сама, элегантно скрестив ноги, села напротив.

– Очень рада с вами познакомиться, – начала Милена.

Вера улыбнулась.

– Да... – вздохнула Пшеничная. – Кто бы мог подумать, что все так случится. – Она немного помолчала.

Вера в свою очередь тоже не удержалась от прерывистого вздоха.

– Ну да ничего не поделаешь, – окончила минуту молчания Милена. – Я ознакомилась с состоянием дел. Ваши книги пользуются хорошим спросом, – взглянула она прямо в глаза Вере. – Но их количество не совместимо с политикой, какую отныне будет проводить издательство.

Душа Веры похолодела: «Хочет расстаться красиво. Книги пользуются спросом, да политика будет иной. Ну и ладно, найду себе другого издателя. Я все-таки Астрова!..»

– Я хочу сделать вас лицом издательства, – сдвинув брови и разминая сигарету тонкими пальцами, продолжала Милена. – Я хочу сделать из вашего имени брэнд.

Вера, помня, что она все-таки Астрова, сказала:

– Подобное мне уже предлагал Станислав Михайлович.

Милена закурила и, кивнув, заметила:

– Но не успел выполнить задуманное.

– Нет, я не согласилась.

Светлые брови Милены, слегка подкрашенные коричневым карандашом, приподнялись в неподдельном изумлении:

– То есть?.. Не понимаю, почему вы отказались?

– Просто я не могу, – добрым тоном, желая только одного – быть понятой, – начала Вера, – согласиться на

то, чтобы под моим именем издавалось... Не знаю, как это и назвать... Коллективное варево из сюжетов и слов. Я не хочу отдавать мои идеи на разработку другим. Я сама в состоянии довести их до конца.

Милена курила, внимательно слушая Астрову.

– Да не всегда будут даже нужны ваши идеи. И без них можно издавать то, что требует рынок. А он требует ярких обложек и раскрученного имени. А что будет под этими обложками, не столь важно. Как недорогие продукты необходимы, чтобы насытить ими нетребовательные желудки, точно так же необходима и массовая литература, чтобы наполнить головы невзыскательных читателей. Если прибыли растут, значит, рынок работает правильно.

– Но, Милена Станиславовна, поймите... – задыхаясь от волнения, пыталась возразить Вера.

– Да я все поняла, Вера Евгеньевна, и потому не смею вас задерживать, – загасив окуроч в пепельнице, ответила Пшеничная.

Вера растерянно смотрела на нее.

– Я... А... я?..

– Вас интересует, будем ли мы по-прежнему издавать ваши детективы?... – помогла Милена Астровой. – Что ж, пока могу сказать, что будем. Я не хочу сразу разрывать отношения с авторами, которые работали у отца. Но сумма гонорара будет пересмотрена в сторону уменьшения, конечно. А потом посмотрим. Так что, – она улыбнулась, – пока продолжайте работать.

Вера, поняв, что их беседа окончена, приподнялась было с кресла, но снова села.

– Вы уж простите меня, Милена Станиславовна, но в такой атмосфере неопределенности мне трудно будет писать. И почему так уж необходимо уменьшать гонорар? Мои книги, вы же сами отметили, пользуются спросом.

Милена рассмеялась звонко и незлобно:

– Они пользуются спросом, потому что папа решил раскрутить вас. Это была его идея – сделать вас лицом издательства. Подчеркиваю, его! Я, признаюсь, склонна видеть на этом месте другую кандидатуру. Но из уваже-

ния к памяти папы и в продолжение намеченных им планов я решила, что не стоит начинать с отрицания того, что разработал он, даже если мне это на первый взгляд не импонирует. Папа был великолепным стратегом. Многое из того, что я еще не вижу, он уже предвидел.

Но вернемся к вашему вопросу о гонораре и спросу на ваши книги. Да, он есть, потому что издательство потихоньку начало вас раскручивать. Рекламные плакаты «Новый захватывающий детектив Веры Астровой» висят во всех крупных книжных магазинах. Далее должно было последовать ваше появление на телеэкране. В популярных периодических изданиях должны были появиться ваши снимки, интервью. А так как вы отказались от всего этого, то издательство сосредоточится на другом авторе, вами, естественно, перестанут заниматься, и, поверьте, спрос на ваши книги тут же упадет. Из чего следует, что я не смогу платить вам тот же гонорар.

«Вот это дочка! – мысленно воскликнула Вера. – Теперь пушистые колосья на эмблеме издательства следует заменить на колосья из стали. А на вид такая хрупкая... Отродье, а не дочка! Станислав Михайлович, царство ему небесное, уговаривал, объяснял, а эта... стерва – ребром вопрос ставит: или «да», или «нет». Разве можно так с человеком творческим?..»

Милена уже с раздражением смотрела на Веру: «Идиотка какая-то! И почему отец решил на нее ставку сделать? Невзрачная, личной жизни, вне всякого сомнения, никакой. Сидит, пишет – и все! Журналистам с такой скучно будет. Даже к лучшему, что она отказалась...»

Вера встала, но уходить медлила, понимая, что это и есть тот поворотный момент в жизни, который зовется судьбоносным. «Уйду – сожгу мосты...»

– Я бы все-таки хотела подумать, – идя наперекор своим принципам, проговорила она, отведя глаза в сторону. – Так сразу как-то трудно... Я привыкла к вашему издательству. Станислав Михайлович всегда шел мне навстречу.

Милена с легким презрением скользнула взглядом по бесцветной Астровой:

– И я пошла вам навстречу, сделав интересное деловое предложение. Но если вам так уж необходимо подумать, идите в приемную и думайте с четверть часа. Поверьте, более не имеет смысла. Только себя измучаете и задержите работу издательства.

– Э... – произнесла Вера, желая все-таки попросить на раздумье непереманных три дня, но, встретив холодный взгляд Пшеничной, ограничилась этим междометием и вышла.

Секретарша, привстав со стула, проводила Астрову недоуменным взглядом.

Вера выскочила на улицу и понеслась, точно за ней гнался растревоженный пчелиный рой.

«К черту, к черту, уйду и не вернусь! Она хочет превратить меня в марионетку. В игрушку для толпы. А я, я чувствую, что способна стать настоящим писателем... Книги которого будут годами лежать на полках в ожидании своего тонкого ценителя, – неожиданно и как будто помимо Веры сама завершилась фраза. – Урежут гонорар, значит, опять придется искать работу. Так что же делать? Мне предлагают деньги и известность, но для этого я должна поступиться элементарными принципами порядочности. Я буду в заговоре с теми, кто обманывает людей, продавая под заманчивой обложкой черт знает что! Пусть читатели – это толпа. А «толпа по-своему чутка и знает, что ей нужно», – всплыли в памяти слова Блока. – Выходит, если книги с сомнительным содержанием распродаются бойко, следовательно, они нужны. Но у Блока есть и другая фраза: «...толпа не чутка, а только падка на приятное...» Вот ведь даже великий поэт не смог разобраться, чего же нужно этой толпе, – с облегчением отметила Вера. – А!.. – придя в полное отчаянье и забыв, что находится на улице, решительно махнула рукой и повернула назад. – Была не была!.. Пусть!.. Попробую!.. – мчалась она со всех ног, заметив, что данные ей четверть часа уже истекли. – Сейчас только отповедь выслушаю. Скажу, что согласна, а она мне: «Опоздали! Уже с другим автором обо всем договорились».

Астрова влетела в вестибюль и поспешила к лифту. Взглянула на себя в зеркало, торопливо достала платок и вытерла потное, горящее лицо. Бледнее от этого оно не стало. Восстанавливая на ходу дыхание, вошла в приемную.

– Я к Милене Станиславовне, мы договаривались, – пробормотала невнятно.

Пшеничная подняла на Веру все тот же холодный взгляд.

«Опоздала!..» – поникла Астрова и остановилась посреди кабинета.

– Я вас слушаю, – произнесла Милена.

– Да... так вот! Я согласна предоставлять свои идеи... Но и писать тоже буду!.. – обрывающимся от волнения голосом добавила Вера.

– Пожалуйста, как вам угодно, – ответила Пшеничная и, опершись подбородком на руку, окинула Астрову взглядом с головы до ног.

– Пригласи ко мне Ксению! – отдала она распоряжение секретарше по селектору. – Да вы садитесь, – предложила Вере.

Минут пять царило молчание, которое было прервано появлением девушки в брюках и золотисто-оранжевой рубашке с высоким воротником.

– Вот, знакомьтесь, наш главный редактор Ксения Вежина, – представила девушку Пшеничная.

Худенький, немного угловатый силуэт. Большие темные глаза, короткая стильная стрижка.

– А это Вера Астрова.

– Очень приятно, – протянула руку Ксения.

– Значит, будем разрабатывать идеи Астровой, – сказала Вежиной Пшеничная.

– Милена Станиславовна, – с трудом собираясь с мыслями, начала Вера.

– Давайте сразу договоримся, – перебила ее Пшеничная, – никаких отчеств. Отчества безо всякой пользы поедают время, как когда-то твердый знак бумагу. И все вопросы теперь к Ксении.

Вера наклоном головы показала, что ей все понятно.

– Пойдемте ко мне в кабинет, – пригласила ее Вежина.

Перекидываясь незначущими словами о погоде, о какой-то телепрограмме, они миновали коридор. Войдя в кабинет, Вера почувствовала нежный запах ландышей, большой букет которых стоял на подоконнике.

Ксения в деталях объяснила Вере ее новый метод работы.

Вежина понравилась Астровой. Деловая, но приветливая, способная выслушать и, главное, вникнуть в то, что ей говорят. Они выпили кофе с коньяком, немного поболтали на отвлеченные темы. Вере стало легче. Ксении удалось развеять мучающие ее сомнения.

– Что вы так переживаете! – воскликнула она. – Вы войдете в процесс, и все станет на свои места. Поверьте, это ваш шанс! Не будем лукавить! Вы автор, каких много, не потому, что обойдены талантом, а потому, что обойдены удачей. Вы взгляните на себя со стороны – хмурая, о чем-то постоянно думающая, не видящая ничего вокруг.

«Хорошо тому светиться улыбкой, кто, родившись, увидел лучезарное лицо судьбы, а кто затылок?..» – усмехнулась про себя Вера.

– А теперь пространство вашего бытия раздвинется. Вы будете ездить на выставки за границу, вы будете вращаться в свете, как говаривали в старину и начинают говорить вновь. Разве это страшно, разве это плохо? Я понимаю, что вы хотите сказать, – уловила она слабый протест в движении руки Астровой. – Но все вот так просто не складывается, за все надо платить. Давайте выпьем за ваш успех!

Ксения налила коньяк в два больших шарообразных бокала. В это мгновение открылась дверь, и в кабинет стремительно вошел молодой человек. Высокий, черноволосый, с нервными чертами худого лица.

– А, вот кстати! – воскликнула Ксения. – Познакомьтесь. Олег Пшеничный, наш коммерческий директор, а это лицо нашего издательства – Вера Астрова.

– О!.. Я читал одну вашу книгу. Мне понравилось! – пожимая Вере руку, сказал Олег.

Еще немного побеседовав, Вера стала прощаться.

— А ты знаешь, — когда за ней закрылась дверь, сказал Олег, — в этой Астровой что-то такое есть...

Ксения рассмеялась:

— Тебя послушать, так ты в каждой женщине чего-то такое найдешь, лишь бы ей было за тридцать. Ну что в ней? Обыкновенная, лишенная даже намека на очарование, непонятно во что одетая. Утром проснулась, умылась — и готова. Такая женщина еще быстрее мужчины соберется, ей бриться не надо.

Олег с лукавой улыбкой смотрел на нее:

— Ошибаешься! У этой Астровой есть свой особенный, до времени затаенный шарм.

Ксения махнула рукой:

— Настолько затаенный, что никакого времени не хватит его обнаружить.

ГЛАВА 8

Первые дни Вера все боялась, что вот сейчас ее вытребуют звонком в издательство, заставят работать «лицом» и запретят писать новый роман. Но никто не тревожил покой «лица». Обретя душевное равновесие, она набросала развернутые планы двух романов. Подумала: «Может, в «Стасе» неплохие литразработчики и сумеют правильно и стилистически достойно передать мои идеи». Самую же интересную, взрывную идею она оставила для себя. Но потом все закрутилось. Астрова едва успевала выдавать свои схематические наброски, едва успевала ознакомиться с выходящими «ее» новыми книгами, едва успевала править кем-то написанные для нее романы. Один раз не выдержала:

– Ну это черт знает кто писал! Какой-то старый одесит. Все эти словечки, ужимки, имена...

Ксения, соболезнуя, развела руками:

– Милена решила купить этот роман.

– Ксения, милая, ну вы посмотрите, ну вы только прочтите. Это нельзя подвести под мой стиль.

– Значит, вы многостилевой писатель.

– Многостаночный, – невесело улыбнулась Вера.

Вышли и этот «одесский» роман с ужимочками. Имел успех! Пшеничная сделала такую рекламу, что всем захотелось хотя бы в метро полистать последний шедевр Астровой.

Наконец-то в понимании Веры у нее стало много денег. И как обещала Ксения, пространство ее бытия раздвинулось. Она отправилась путешествовать по милой ее сердцу и уму Греции.

Как-то, сидя на пляже, Вера засмотрелась на одну женщину примерно одного с ней возраста. Но рядом с той был красивый молодой человек, а около Веры не было

даже пожилого. Это натолкнуло ее на размышления. Когда была нужда, думать о чем-то, кроме нужды и как из нее выйти, времени не было, а теперь, когда даже в Греции русские туристы узнавали писательницу Астрову и просили автографы, появилось и время, и мысли.

Вера поднялась с шезлонга, накинула халат и поспешила в свой номер. Подняв жалюзи, встала напротив зеркала... «Ну да, конечно, та вся такая... с маникюром, со стрижкой, с косметикой, одета потрясающе. А что мне мешает? – Она сняла с волос резинку. Русые волосы рассыпались по плечам. – Нет, так не годится, надо как-то их оформить. У Милены мне нравится прическа: волосы подобраны вверх и волнистая прядь ниспадает на лицо... У Ксении лак для ногтей, да, яркий, но я себе тоже могу позволить такой, хоть я и на тринадцать лет старше ее. Велика важность! У меня руки красивые...»

Увлеченная своими мыслями, Вера стала одеваться, попросив портье заказать ей такси. Греки млели, когда Вера начинала говорить с ними на их языке.

– Вот так хочу, – указала она парикмахеру на снимок в журнале, – и цвет такой, с легким золотистым оттенком.

Вернулась в отель только вечером с целым ворохом пакетов и коробок.

– Тридцать четыре года жила, во всем себе отказывая, зато теперь – метаморфозы прямо по Овидию!.. – с улыбкой произнесла она, глядя на себя в зеркало.

* * *

Когда Вера после отпуска пришла в издательство, ее никто не узнал. Она возникла на пороге кабинета Вежиной, с трудом удерживаясь от улыбки. Ксения подняла голову, посмотрела на нее и спросила:

– Простите, вы ко мне?..

– К вам! – Улыбка озарила лицо Веры.

Ксения, не отрывая от нее взгляда, нащупала рукой на столе очки, она была близорука, надела их и просто ахнула:

– Вы ли это, Вера!.. Что случилось? – Она вышла из-за стола.

– Решила сменить имидж! – кокетливо пояснила Астрова.

– Да вы просто красавица! Кто бы мог подумать?! – в искреннем изумлении воскликнула Вежина, но потом спохватилась: – Простите, я...

Но Астрова лишь отмахнулась, точно окончательно изгоняя свой прошлый образ.

– А очки?! Как же очки?

– Линзы! Да еще, обратите внимание, – Вера приблизилась к Ксении свое лицо, – с голубым оттенком. Мне кажется, так лучше!

– Невероятно! Журналисты будут в шоке от вашего перевоплощения. Скажут, что это ловкий ход наших промоутеров, а они тут ни при чем!

Милена бросила внимательный взгляд на обновленное «лицо» своего издательства. Задумалась Вера, не понимая, чем вызвана эта задумчивость, сидела в кресле и ждала чего-то неприятного.

– Вы нам преподнесли сюрприз. Мы уже стали создавать ваш имидж, исходя из отрешенности от женских слабостей. А вы предстаете очаровательной, кокетливой дамой. Что ж, в этом что-то есть... – высказалась Пшенничная.

Знакомый литератор, увидев Веру, воскликнул, после того как узнал:

– Вы, подобно Афродите, родились заново из пены морской! Кто теперь скажет, что Греция не ваша родина?!

Журналистам понравился новый облик Астровой. Издательство продвигало ее, не жалея средств. И Веру точно подхватил вихрь. Ее носило из одной телепрограммы в другую. Ее приглашали на презентации, выставки, просмотры. Она давала интервью, позировала у книжных полок, за компьютером, в компании с другими популярными персонами. Не прошло и полугода, как Астрова вписалась в круг публичных людей. Теперь казалось даже странным, что когда-то ее там не было. Книга выходила

за книгой. Вера, не желая расстраиваться, лишь пролистывала их, чтобы знать, о чем идет речь. Сама же, точно алхимик, втайне продолжала писать новый роман. «Этот роман и покажет, какая она, Астрова. Умные люди поймут, где мое кривое отражение, где истинное. Этот роман станет событием!..»

В синем платье, с шарфом, перекинутом через плечо, Вера, предчувствуя выражение сдержанного удовлетворения и, может быть, даже нескольких лестных слов, от Пшеничной большего не дожدهшься, пришла в издательство. Милена как бы улыбнулась и предложила сесть.

– Вера, – без всяких вступлений начала она, – я прочла вашу рукопись. Мне понравилось. В принципе, это вы!.. Но только глубже, содержательнее. Порою мыслите на грани парадокса... И это интересно. Но печатать роман мы не будем, во всяком случае, пока!

Ошеломленная Астрова смотрела на Пшеничную, будучи не в состоянии воспринять то, что услышала.

– Как это? Простите, не поняла: «Роман интересный, но печатать не будем». Почему?

Пшеничная тоскливо вздохнула, подчиняясь необходимости терять время на объяснения.

– Все очень просто, – постукивая пальцами по широкому подлокотнику кресла, начала она. – Читатель купит ваш новый роман в полной уверенности, что это очередная вариация на полюбившуюся ему тему, а вы – с философскими размышлениями, излишне углубленной психологией персонажей, сложными для восприятия мыслями, что сразу же вызовет недоумение и внутренний протест.

– Но ведь говорят, что не надо считать читателя глупее себя.

– Правильно, говорят. И даже поступают так, когда тираж пять тысяч экземпляров. Но при ваших пятидесяти тысячах, где вы наберете столько мыслящих людей? Первые же отклики породят сомнения у ваших поклонников. По инерции и от недоверия к слухам они раскупят новый роман. Но на последующие ваши книги ляжет тень.

– Но как же так? Что ж такого я написала? Нет, Милена, не могу согласиться с вами!

– Поймите, Вера, – устало пыталась втолковать ей Пшеничная, – нашему читателю приятно видеть в вас, в писателе, равного себе. «Она знает ничуть не больше моего», – подспудно с удовлетворением отмечает он и, следовательно, не замечает собственную ментальную ограниченность. Зачем стремиться что-то познать, когда так хорошо в четко очерченном круге посредственных мыслей. Писатель не заставляет думать, не раздражает своими знаниями. Кстати, не только наличие денег у других раздражает и озлобляет людей, но и наличие знаний. Казалось бы, чего проще – прочти и познай! Но нет! Заставить себя мыслить – непосильно тяжкий труд. И потому так хорошо читать книги и осознавать, что тебе понятна, доступна каждая строчка, каждая мысль автора, такая округленно серенькая, но зато родная.

Вера не нашла что ответить, потому что Пшеничная сейчас сказала то, о чем однажды подумала она сама и испугалась: «Я боюсь моих читателей. Ведь читать то, что печатается под моим именем, могут только люди, ограниченные в своих умственных запросах. Я боюсь, что однажды они меня затопчут, бросившись за автографами. Быть предметом восторга у малообразованных людей – страшно...»

– Отчасти я понимаю вас, Милена, но и вы поймите меня. Я столько сил вложила в эту книгу. И к тому же, вы сами отметили, она удалась. Так неужели никак нельзя ее напечатать? – старалась отстоять свой роман Вера.

– В ближайшем будущем – нет! Но не стоит отчаиваться. Потребности рынка меняются. Когда-нибудь... может, и напечатает.

– Милена, сделайте мне уступку. Давайте пересмотрим наш договор. Мне, может быть, удастся найти какое-нибудь другое издательство, которое захочет напечатать этот роман.

– К сожалению, издание книг – это бизнес, а уступки в бизнесе невозможны. Вы, Вера, – усмехнулась Милена, – наша! Вы кровью подписали договор, все!

– Не продается вдохновение, но можно именем при-
торговать, – понуро опустив голову, проговорила Астро-
ва, по-своему перефразировав Пушкина.

На что Пшеничная заметила:

– Кто чем может, тем и торгует. По-моему, наше со-
трудничество взаимовыгодное.

Астрова чуть ли не молитвенно сложила руки:

– Милена, ну я вас прошу!

– Вера, при всем уважении к вам и вашему имени, – до-
бавила она с едва уловимой ироничной усмешкой, – не могу!

Астрова, понурившись, шла по коридору. Шарф раз-
вязался и, вторя хозяйке, грустно свисал с плеч.

– Вера! – донеслось до нее.

Она обернулась и увидела Олега Пшеничного.

– Что случилось? Отчего вы сегодня такая печаль-
ная? – спросил он.

– Роман новый написала...

– А Милене не понравился? – попытался догадаться
Олег.

– Нет, понравился. Да вот только издать его нельзя! –
в сердцах выпалила Вера и с трудом удержала навернув-
шиеся слезы.

– Так, надо разобраться! Давайте зайдем ко мне в ка-
бинет.

Кабинет Пшеничного представлял собой последнее
слово офисного дизайна. Олег усадил Астрову на диван и
предложил «Чиндзано». Вера с удовольствием разбавила
свою горечь, выпив подряд два бокала. Внимательно выс-
лушав ее сетования, он пообещал поговорить с Миленой.

– Издательство должно представлять своих авторов с
различных сторон. Это, наоборот, раздвигает наши воз-
можности, – сказал он, взял руку Веры и поцеловал. Она
вздохнула еще раз, не столь печально, и подумала: «Ах,
если бы издательство возглавлял Олег!..»

– Вы, Вера, мне давно нравитесь, – произнес Пше-
ничный, заглядывая ей в глаза.

Ее приятно удивило это признание.

– Нам надо как-нибудь пообедать вместе, – продолжал он целовать ее руку. – Как вы на это смотрите?

Она ответила не задумываясь:

– С удовольствием!

Издательство Вера покинула в приподнятом настроении – появилась надежда, которая так ловко расцвечивает, обвиняет зелеными гирляндами неподкупную сущность бытия. Гирлянды быстро засохнут, краски сладкого обмана выцветут, но зато какое-то время можно не замечать того, что уже, собственно, свершилось.

«Олег сумеет убедить свою стерву-сестрицу, он настойчивый. Ксения меня тоже поддержит. А Милена с их мнением все-таки считается. Пусть небольшим тиражом, пусть без рекламы, но только пусть издадут мой роман. А потом она сама увидит, как была не права. Уверена, роман будет иметь громкий успех».

* * *

Олег поспешил выполнить данное Вере обещание. Он вошел в кабинет сестры и сел в кресло, высоко закинув ногу за ногу. Милена нахмурилась. У нее был деловой конфиденциальный разговор по телефону. Не то чтобы она желала скрыть его от Олега, но его присутствие мешало ей сосредоточиться. Она постаралась окончить разговор, пообещав своему собеседнику перезвонить.

– Ты по делу или?.. – приподняла она свои светло-коричневые брови.

– По делу! – многозначительно улыбаясь, ответил Олег. – Ты зачем обижаешь нашу Астрову? Вера написала роман, а ты не хочешь его печатать, – мило сердился брат на сестру.

Милена была вынуждена выдержать паузу, чтобы не послать Олега заниматься своими делами.

– Можешь ознакомиться! – небрежно указала она на рукопись, лежавшую на столе. – Да, роман хороший, но мы его печатать не будем.

– Почему?

– Отпугнем читателя. Астрова вышла за рамки своего жанра. То, что она написала, слишком сложно для нашего потребителя. Люди покупают детективы, чтобы развлечься, отдохнуть от своих проблем.

– Хороший отдых, – расхохотался Олег, – упиваться подробностями чужой смерти!

– Но и к смерти надо иногда подходить с долей иронии, – теряя терпение от того, что вынуждена теперь еще и с Олегом объясняться по поводу романа Астровой, заметила Милена.

– Правильно, иногда! А в нашем издательстве так к ней подходят всегда!

– Мы развеиваем печальные мысли наших читателей! – повышая голос, подчеркнула Милена. – И прошу, Олег... – Телефонный звонок не дал ей договорить. – Слушаю! А, Ксения! Очень хорошо, зайти! И прошу, Олег, давай каждый будет заниматься своим делом.

– Отлично! Тогда не лезь ко мне! Почему я должен каждый документ согласовывать с тобой? Я что, сам не разбираюсь в экономической политике нашего издательства?! – выкрикнул он с надувшимися на шее жилами.

– О! Опять спор! – входя в кабинет, воскликнула Ксения. – Успокойтесь! Из-за чего? – обратилась она к Милене.

– Из-за романа Астровой, того, что она сама написала!

– Ведь хороший роман! – вставил Олег.

– Ты его даже не читал! – бросила ему Милена.

– Хороший! – согласилась Ксения. – Можно было бы рискнуть напечатать его, но зачем это нам? Мы что, издательство, выдвигающее и пестующее таланты? Мы – коммерческое предприятие. Астрова этого не понимает, хотя могла бы, если бы задумалась, но ты, Олег! Ты, коммерческий директор.

– Правильно ты подметила! – сложив руки на груди, с трудом сдерживала свое негодование Пшеничная. – А то о глобальном, о вечном, о душе Астрова, видите ли, задумывается, а о том, за что ей деньги платят, думать не желает. Вообще, несколько, скажем так, сложная она в работе.

– К сожалению, Милена, все, кто хоть что-нибудь может, сложны в работе. Ну да ладно. Вопрос, думаю, решен? – обратилась Ксения к Олегу.

Он ничего не ответил и, всем своим видом подчеркивая недовольство, вышел из кабинета.

Милена старалась подавить рвавшийся наружу гнев. Она сжимала и разжимала кулаки, что-то тихо говорила про себя и все равно взорвалась:

– Нет, ты представляешь, что он себе стал позволять! В кого он превратился из милого, послушного мальчика!

– Он взрослеет!

– Вот именно, и слишком быстро. Ему бы следовало подольше пребывать в нежном возрасте. Я! – Милена слегка ударила ладонью себя по груди. – Сделала ему такое предложение, какое не всякая родная, а не только по отцу сестра сделает брату. Несмотря на то что по завещанию большая часть всего, чем владел отец, отходила мне, я, – в запальчивости Милена говорила то, что Ксении было давно хорошо известно, – пригласила его работать в мое издательство, которое он неизменно называет «наше», – не удержалась она от ремарки, – на должность коммерческого директора! А ему было всего-то семнадцать лет! Он только поступил в финансовую академию! Да, я не доверяю его экономическим способностям. И мое недоверие имеет основание. Он, между нами говоря, славный, не лишенный очарования, по-русски – балбес, а по-западному – плейбой. Но я хочу, чтобы дело отца продолжали Пшеничные. Я хочу создать крупное предприятие, возглавляемое семьей! Я пригласила в издательство тебя, хотя ты и не Пшеничная, но ты моя двоюродная сестра. Я хочу, чтобы была преемственность. Чтобы имя Пшеничных осталось в веках, как имена Елисеевых, Филипповых, Смирновых... Не скрою, был и материальный интерес. По завещанию отца Олег получил определенную сумму, и я подумала, что неплохо было бы и ее вложить в дело. Но ведь иначе Олег все бы растратил, а потом просто постарался бы сесть мне на шею. – Она закашлялась. Ксения налила ей воды. – Я простерла свое доверие до того, что завещала ему практиче-

ки все мое состояние, выделив лишь малую сумму матери. Естественно, он был вынужден сделать ответный шаг. На что я и рассчитывала.

Составляя завещание в пользу Олега, Милена не думала ни о чем плохом для себя. Это был чистой воды прагматичный жест. «Умереть молодой – вот абсурд», – заметила она однажды по отношению к себе. На других это не распространялось. Олег мог натворить что угодно. Молодой Пшеничный баловался наркотиками, правда, в умеренных дозах пока, и в не умеренных дозах баловал себя женщинами.

– Успокойся! Не стоит он твоих нервов! – проговорила Ксения.

Но Милена словно не слышала ее.

– Нет, я не собираюсь перед тобой строить из себя филантропа. В память об отце я бы помогла Олегу, но только единожды. Второго раза не было бы! – взмахнула она рукой, как отрезала. – Зная его повышенную нервозность, психическую неустойчивость, несложно просчитать его дальнейшие действия. Он поднял бы скандал через прессу. Потому что жить без денег, которые должны валиться на него с неба, он не может. Он по своей природе – паразит, как и его мамаша, царство ей небесное! Я не осуждаю, но если ты паразит, то паразитируй потихоньку и на столько, сколько тебе дают. Так нет! Он считает возможным вмешиваться в мою политику! – Ксения никогда еще не видела Милену такой взбешенной. – И эта Астрова, тоже себе на уме! Почувствовала, что Олег засматривается на нее, и решила воспользоваться им. А вообще, что у Олега с Валентиной? Он что, уже пресытился нашей душистой мадам? – с презрительной усмешкой спросила Милена.

– Полагаю, пока нет. Роман в расцвете. Не знаю, как Олег, но Валентина влюблена безумно, – рассмеялась Ксения. – Помнишь, у Северянина? «Валентина безрассудна, Валентина влюблена!..» И знаешь, по-моему, поэт угадал, женщины, носящие это имя, склонны к безрассудствам. Ах, – покачала она головой и с грустной усмешкой сморщила лицо, – не осуждаю! Ей тридцать во-

семь! Даже представить не могу, что мне взбредет на ум в этом возрасте.

Милена тоже усмехнулась и стала приходить в себя.

– Прости, я тут разбушевалась. Но нельзя отступать ни на шаг. Только сделаешь одну уступку, как придут за второй с еще большей наглостью. Вообще с Олегом надо что-то решать. Его начинает заносить!..

* * *

Едва Ксения вернулась к себе в кабинет, как раздался телефонный звонок. Звонил Олег.

– Ты уже у себя? Отлично! Я сейчас зайду.

Он влетел в кабинет, задыхаясь от возмущения:

– Нет, ты видела? Ты слышала?! Что она тебе говорила обо мне?

Ксения стояла, положив руки на высокую спинку кресла.

– Ну ты и сам догадываешься. Милене не нравится, когда ее решения кто-то пытается оспорить.

– Но я имею на это право! – визгливо выкрикнул Олег. – Я – коммерческий директор. Я, черт возьми, Пшеничный!

– Ты имеешь право высказать свое мнение, не более.

Олег весь затрясся.

– Слушай, успокойся! – с тревогой глядя на него, сказала Ксения. – Я в последнее время только и делаю, что улаживаю конфликты между вами.

– Но она!.. Она!.. – захлебывался от негодования Олег. – Как она влезла, как она обволокла словами!.. Я был сам не свой после гибели мамы, а она приходила, гладила по руке и уговорила вложить все, что я получил по наследству, в издательство. Да я бы мог вложить эти деньги куда бы только захотел! У меня было столько предложений от друзей, знакомых!..

– Знаешь, мне кажется, что Милена поступила с тобою по-родственному, как и следовало старшей сестре. Вот вложил бы ты свой капитал в чужое дело, и оставили бы тебя с носом. А так капитал твой только приумножился.

– Вот и отлично! Как получу диплом, тотчас аннулирую завещание в пользу Милены, заберу капитал и начну свое дело!

– Прогоришь! Милена вся в отца. Учись у нее! Все умеет продумать на несколько шагов вперед, все взвесит, прежде чем принять решение. Издательство функционирует ровно, прибыль растет. Ну прямо будто твой отец стоит у руля.

– Все предугадает, предусмотрит!.. – передразнил Ксению Олег. – Что ж он не предусмотрел, если был таким умным и прозорливым, что его убьют! Значит, кто-то, кстати, его до сих пор так и не нашли, оказался гораздо умнее и предусмотрительнее его!

Ксения сняла очки и потеряла переносицу.

– Ладно, ухожу, – пробурчал Олег. – Но передай Милене, если она не будет считаться с моим мнением, я заберу свой капитал из дела.

– Передам! А ты подумай! Уйти легко, вернуться трудно, а к Милене – просто невозможно!

Олег громко выругался и выскочил из кабинета.

Вера надеялась, что Олег, а он всегда подчеркивал в их немногочисленных беседах с глазу на глаз, что Милена прислушивается к его мнению, сумеет убедить ее издать роман.

Дня три Астрова ждала звонка и, не выдержав, зашла в издательство к Олегу. Он, приняв очень серьезный вид, сказал, что пытался переубедить Милену, но она уперлась, как обыкновенная баба, не способная мыслить логически.

– Возглавлять издательство – не женское дело. Потому что женщина не способна видеть дальше кончика своего носа, – разыгрывая перед Верой и перед самим собой молодого талантливого бизнесмена, хитростью задвинутой старшей сестрой на задний план, говорил Олег. – Я еще займусь пересмотром завещания. Найму известного адвоката. Пусть он разберется, почему отец большую часть, практически все свое движимое и недвижимое,

завещал дочери, а не сыну?! О! – блестя глазами и нервно подергивая шеей, восклицал он, – в этом надо, просто необходимо разобраться!

«С Олегом, хоть он и немного психованный, можно найти общий язык. Милена же – какая-то механическая кукла, «чертова кукла», – со злобой подумала Вера. – Вот уж поистине!..»

Астрова стала ждать перемен. Она почувствовала, что Олег не выдержит долго диктат старшей сестры.

По случаю окончания финансовой академии Пшеничный на великолепной даче, доставшейся ему по завещанию отца, затеял грандиозный банкет. Вера была среди приглашенных. Олег выразительно поглядывал на нее, тихо бросал словечки, проходя мимо. Большого он позволить себе не мог: на банкете была Валентина Милавина, его любовница, очень своенравная, надменная и ревнивая дама.

* * *

Аплодисменты, раздавшиеся по окончании речи Пшеничной, отвлекли Веру от воспоминаний. Она допила шампанское и, оглянувшись, куда бы поставить фужер, встретила с недвусмысленным взглядом Олега. А вокруг стоял гвалт. Все поздравляли Милену с выходом издательства на первое место по количеству выпущенных книг, с замечательными авторами, предпочитающими издательство «Стас» всем другим издательствам.

«У вас потрясающее чутье на таланты!» – выкрикнул кто-то. И это взбесило Веру. «Чутье! – презрительно сощурились ее глаза. – Взять способного автора, а потом выхолостить, зачем? Неужели нельзя найти сбалансированное решение? Станислав Михайлович не поступил бы так. И Олег, уверена, тоже! А Милена просто хищница! В ее сердце правит бал одна прибыль!.. И все-таки я – Астрова! Мое имя гремит! Я заставляю ее напечатать мой роман. Я столько сделала для издательства, столько для него значу, что она просто не посмеет отказать мне во второй раз! Я настою на своем!»

ГЛАВА 9

Мокрый снег облеплял лицо, глаза тщетно моргали, пытаясь сбросить налипавшие на ресницы снежинки. Сергей увяз в сугробе, снег набился в сапог. Хотелось чертыхаться. А тут еще сигналящие от нетерпения автомобили: «Проваливай с дороги!» – желтые фары, нагло слепящие и без того измученные глаза. Сергея несильно, но достаточно чувствительно толкнул какой-то автомобиль. Скользящий удар пришелся по левому бедру. «Сволочь!» – мысленно определил владельца машины Фролов и неловко попытался выбраться из серого сугроба на тротуар. Со злостью глянул в кабину. Увидел лишь нечеткий силуэт женщины.

– С... – выпустил от глубины души, но налетевший порыв метели разбросал звуки, и вышло лишь свистящее «с», но зато какое!.. Сергей в растерянности стоял на тротуаре и шевелил пальцами в полном тающего снега сапоге. «Вот же черт! Придется куда-то прислониться и вытряхнуть его». Он оглянулся. Прохожие неслись, словно толпа слепых, ругаясь и считая себе подобных на своем пути.

Фролов отошел за угол дома с затейливой лепниной, зажал папку под мышкой и принялся снимать сапог. Вдруг раздался отчаянный автомобильный сигнал, и яркий желто-белый свет резко ударил по глазам.

– Какого черта! Я на тротуаре! Вот наглые, и тут уступай им дорогу! Сидят там, в теплых салонах, музыку слушают, а мы уже и так бочком-бочком, так им надо, чтоб мы по стенам, как тараканы, передвигались, – не выдержал Сергей.

Дверца автомобиля открылась. Фролов набрал в легкие воздух, намереваясь послать нахала подальше, но

оказалась нахалка, зябко кутающаяся в шубу с поднятым воротником. Она махнула рукой и крикнула:

– Сергей!

Фролов, услышав свое имя, тем не менее оглянулся по сторонам. Может, какого другого Сергея зовут? У него лично знакомых дам, разъезжающих, он прищурился, на «Мерседесах», точно нет.

Дама стояла, вглядываясь в него. Может, и впрямь ошиблась? На всякий случай позвала вновь:

– Сережа! Фролов!

Фролов выпрямился с полуснятым сапогом на ноге и кивнул, продолжая оставаться в полном недоумении. Дама энергично помахала рукой и попыталась пройти к нему. Но скопившиеся за ней машины истошно завопили. Тогда она крикнула:

– Сережа, иди сюда! Иди!..

Кое-как натянув сапог, прихрамывая, Фролов поспешил на зов незнакомки.

– Садись! – сказала она.

Сергей открыл дверцу, так и не узнав свою, выходит, знакомую.

– Привет! – бросила та, занятая тем, как бы выехать из образовавшегося затора. – Сколько же мы не виделись?!

Только тут Сергей заглянул ей в лицо и в свете встречных фар и отблесков уличных фонарей узнал ее.

– Валентина! – растерянно произнес он и замолчал.

Она рассмеялась звонко, радостно:

– Да-да! «Валентина, звезда, мечтанье!..» Я, Сереженька, я!..

Он сидел не шелохнувшись. Даже мысли, всегда такие юркие и беспокойные, и те замерли. Лишь одна зависла... Как картина на стене: милое девичье лицо в обрамлении светлых пушистых волос с завитками, глаза голубые, и любовь в них золотистыми блестками рассыпана... Сергею хотелось только одного – исчезнуть, вылететь тонкой струйкой из приоткрытого окна и удалиться как можно дальше и навсегда.

Машина остановилась у обочины. Снег стал падать реже. Метель отступила за город, чтобы собраться с силами.

– Чудо! – повернулась к нему всем корпусом Валентина, и воздух точно опьянел от насыщенной гаммы ароматов. – Чудо, что мы встретились! – Ее глаза сияли.

Сергей понимал, что надо что-то сказать. Ответить. Но в сапоге было сыро. Волосы под кепкой слиплись в сосульки. Лицо было мокрое, будто он прорыдал целую вечность. Он скривил губы, сиюсь изобразить улыбку.

– Да... – протянул, теряясь, что же сказать еще... И произнес: – Погода какая! Весна скоро...

– Да! – беззаботно подхватила Валентина. – Карнавал!

Она открыла сумку и вынула надушенную бумажную салфетку.

– Вытри лицо.

Сергей сконфуженно улыбнулся, отер лицо. Снял кепку. Валентина осторожно, двумя пальцами коснулась его волос.

– Сколько же мы не виделись? Если не считать той встречи, помнишь, на выставке, то лет тринадцать. А я тебя узнала сразу, как только наехала. Кстати, не больно?

– Пустяки.

– ...И словно в голову ударило! Да это же Сергей! – Она замолчала с застывшей полуулыбкой. – Первое движение – проехать. Но почему-то ужасно захотелось тебя увидеть. Понимаешь, ужасно!..

– Не боишься разочарований? Прошлое прекрасно, пока с него не пытаются стянуть флер. Что останется у человека, если он потеряет свое прошлое, пусть даже не самое радужное?

– О, я не боюсь разочарований! Я их пережила тринадцать лет назад. Вошла в квартиру, из которой ты сбежал, и пережила. Но не будем об этом.

– Тогда о чем? – усмехнулся Сергей, втайне радуясь своему скорому освобождению. «Зайду сейчас в трактирчик, опрокину стопочку, и забудется все...»

– А! – беззаботно махнула рукой Валентина, и в свете фонаря звездочкой вспыхнул крупный бриллиант на бе-

зымянном пальце. – Давай вместе пообедаем! Время уже восемь. Или тебя кто-то ждет?

– Нет.

– Значит, идем! – задорно воскликнула она.

Сергей, уже твердо решивший улизнуть в трактирчик, подхваченный этим «Значит, идем!», неожиданно скинул груз проблем и ощутил себя вновь тем, молодым, жадным до всего: до славы, работы, женщин, вина...

– Идем! – подхватил он.

Вышел, обошел вокруг машины и подал руку Валентине. Мелькнуло колено, низкие полусапожки и пола шубы из голубой норки. Сергей оглянулся: куда бы пригласить свою даму? Повсюду пестрели вывески: трактир «Елки-палки», «Сивый мерин», «Дрова»...

Не годится!.. Но не в «Савой» же, солидные мраморные колонны которого виднелись в начале следующего переулка.

Валентина, постукивая каблучками по расчищенному асфальту, уверенно направилась именно в сторону «Савоя».

«Вот незадача! – Рука Сергея невольно потянулась к бумажнику. – Да что считать! В лучшем случае тысячи две наберется... Как же быть?»

Валентина остановилась, дождалась неловко волочащегося за ней Сергея и сказала:

– Послушай, я сегодня на тебя наехала. Ты пострадавший. Поэтому я приглашаю тебя на обед.

Сергей хотел было воспротивиться, но когда после внутренней борьбы поднял глаза, увидел только спину в норковой шубе.

Швейцар вытянулся по струнке, затем ловко изогнулся и открыл массивную дверь.

– Добро пожаловать!

Валентина вошла. Сергей юркнул за ней. Нет, он старался держаться с достоинством, тем, что когда-то было у него. Но чувствовал, что не держится, а юркает, как мокрая мышь, и едва успел подхватить шубу, которую Валентина, по привычке, скинула, уверенная, что ее примут.

– Тина, я пойду приведу себя в порядок, – проговорил Фролов, показывая рукой на спутавшиеся волосы.

– Да, конечно! – ответила, не глядя на него, Валентина. Она была занята собой. Пальцами со сверкающими ногтями поправила завиток волос и прошла в зал в сопровождении метрдотеля.

Сергей спустился в туалет. Глянул на себя в зеркало и ужаснулся: «Вот это я!.. Мешки под глазами, цвет лица светло-серый, волосы взъерошенные. Хорошо, что пиджак сегодня надел самый приличный...» Кое-как расчесал волосы и попытался придать лицу непринужденное выражение. Перед входом в зал с величественной хрустальной люстрой остановился. Валентина чуть приподняла руку, показывая, где она. Подошел метрдотель и проводил Фролова к столику.

– Я заказала на аперитив «Чиндзано», не против?

– Отнюдь!

Валентина открыла меню. Сергей тоже. Сделали заказ и в ожидании сдвинули бокалы.

– За встречу! – улыбнулась Валентина и поднесла бокал к губам. Чуть отпила и спросила: – Что так смотришь на меня? Изменилась?

– Да. Изменилась. Научилась подчеркивать свою красоту.

Только сейчас Сергей как следует рассмотрел свою бывшую любовь. Светлые, будто позолоченные волосы уложены в стильную прическу. Лицо молодое, под глазами – ни морщинки, даже когда смеется.

– После той выставки ты куда-то пропал...

«Вот поэтому и не любят старых друзей, – раздраженно подумал Фролов. – И что это у них у всех за отвратительная страсть к расспросам?! Что ты?! Как ты?! С кем ты?! А если никак? Если самому себе противно в этом сознаться? А вот сейчас перед тобой я должен все выложить без прикрас или солгать, сильно приукрасив. Ну да черт с тобой! Слушай, кушай мою жизнь!»

А Валентина, замолчав при появлении официанта, начала вновь:

– После той выставки ты пропал!.. Несмотря на то, что твои картины имели успех. Да, а как твои рисунки угольным карандашом? Да-да, я помню, ты задумал цикл «Последнее впечатление», еще будучи студентом. Сильные были рисунки. Страшные и притягательные... И что, ты уже закончил цикл?

Сергей выпил рюмку водки:

– Почти! А на основе собранного материала даже задумал написать большое полотно «Убийство бизнесмена», назовем так, – усмехнулся он. – А что? Это признак нашего времени. Когда-то были «Незнакомка», «Сватовство майора», «Чаепитие в Мытищах», а сегодня – убийства из-за угла. Искусство, как известно, призвано отражать свою эпоху, вот я и отражаю... Только сейчас временные финансовые затруднения не позволяют вплотную заняться картиной. Так, делаю эскизы, наброски...

– Жаль!.. – заметила Валентина.

– Но ничего! Я недавно устроился на хорошую работу. «Какую?» – спросил ее взгляд.

«И это тебе надо!»

Сергей опрокинул рюмку анисовой.

– Я сейчас работаю, – проговорил с расстановкой, – этикеточником, – и расхохотался.

Валентина пожала плечами.

– Нет, официально я называюсь художником-разработчиком или еще значимее, – дизайнером, – ерничая, говорил Фролов. – Короче, делаю этикетки на бутылки, – отведя взгляд в сторону, пояснил он.

– Ты?!

– Я!

Они посмотрели друг другу в глаза.

Первым не выдержал Фролов. Выпил водки.

– Между прочим, зря вот так! С пренебрежением!

– Что ты! – тихо возразила Валентина. – Работа – не хуже других. Но ты!.. Ты же талантливый художник!

– Но и ему надо есть! Между прочим, даже такие величайшие художники, как Врубель, Билибин, Бенуа, работали над этикетками. И, кстати, уровень печати был

тогда настолько высок, а краски так добротны, что многие этикетки великолепно сохранились до нашего времени. Вообще-то, чтобы сделать хорошую этикетку, к водке нужно относиться уважительно. – В глазах Сергея мелькнул огонек, и он выпил рюмку. – Но помимо этикеток я делаю еще рекламные плакаты, календари... – уже даже с охотой продолжил объяснять он, но осекся, опустил голову и длинными, слегка подрагивающими пальцами отодвинул от себя рюмку. Помолчал.

– Ну да! – вздохнул с досадой. – В тебе всегда было что-то от древней женщины, той, что умела колдовать... Не утаишь ничего!

– И не надо! – она положила ладонь на его руку. – Ты, Сережа, художник от Бога, а у тебя, вон, пальцы начинают дрожать!

Фролов резко выдернул руку и спрятал под стол.

– Странно! Не похоже на меня. Почему я не проехала мимо?.. Я ведь, Сережа, никогда и никого не прощаю! Я и тебя не простила. Просто забыла все, кроме твоих картин. Знаешь, портрет той синеглазой колдуньи теперь висит у меня в кабинете. И ни одного человека просто так не отпускает. Производит магическое впечатление!

– Так прекрасная колдунья у тебя! – с радостью воскликнул Фролов. – А я, как-то сидя на даче, решил, что улетела она в трубу!.. Я ее часто вспоминаю, – с печальной нежностью улыбнулся он.

– А меня? – одними губами спросила Валентина...

* * *

Ветер яростно разбрасывал желто-тусклую листву. Тина и Сергей, прижавшись друг к другу, быстро шагали по улице. Вот и подъезд. Сразу стало тепло.

– Уф! – Сергей развязал шарф и потянулся к холодным губам Валентины.

Она ответила поцелуем, и они вошли в лифт.

– Что будем делать, когда мои родители приедут?

– Когда еще они приедут! – с чисто мужской беспечностью бросил Сергей.

– Через полгода.

– Поженимся!

Валентина знала ответ, но хотела услышать его еще раз, не для себя, а чтобы Сергей свыкся с этой мыслью окончательно и бесповоротно.

– А как мы будем жить?.. – игриво поглядывая на него, продолжала она.

– Я буду писать картины, обреченные на успех. А ты заниматься своей химией. Изобретешь для меня какие-нибудь суперзамечательные краски. Вот закончу твой портрет, выставлю его, увидишь, какой будет успех. Да Винчи свою Мону Лизу всю жизнь, можно сказать, писал, а я начну с моей моны... Тины.

Валентина замешкалась, отыскивая ключи в сумке.

– А не страшно? – спросила, всйдя в квартиру.

– Чего? – скидывая куртку, удивился Сергей.

– Начинать с такой высокой ступени. Куда же потом идти?..

Фролов расхохотался.

– Совершенству предела нет! Не волнуйся.

Они вошли в комнату и остановились перед портретом, стоящим на мольберте.

Молодая женщина в платье эпохи Екатерины II держала в поднятой руке колбу, другую слегка отвела в сторону, не без кокетства изогнув пальчики. Ее светлые, отливающие золотом волосы были небрежно собраны за спиной, на обнаженной груди в обрамлении белоснежных кружев чернела мушка, на губах играла лукавая улыбка; синие глаза, опущенные густыми ресницами, смотрели с такой страстью, точно звали войти к ней в комнату. Удивительную комнату... алхимика. За ее спиной был виден шкаф, уставленный банками, колбами, ретортами. Перед ней на столе лежало несколько толстых фолиантов. Один был раскрыт, и можно было прочесть строчку, написанную по-латыни: «ARS LONGA, VITA BREVIS» («Путь искусства долог, а жизнь коротка»). Прекрасная колду-

нья будто говорила: «Войди ко мне, художник, и я подарю тебе эликсир долголетия!..»

Сергей погрузился в созерцание. Он смотрел, и кончики пальцев его подрагивали, желая взять кисть и нанести на полотно всего несколько штрихов, чтобы грудь колдуньи приподнялась и послышался легкий вздох...

Валентина стояла перед своим двойником со странным чувством. Фотография – это ты какая есть. А вот портрет – это твое «я», заключенное в зеркальный многогранник, и десятки лиц, отраженные в нем, тебе даже не знакомы. Одни – прекрасны, другие – чудовищны.

«Неужели это я? Но как он рассмотрел, увидел, а может, придумал?! Глаза такие синие, лучезарные, но отчего я вижу в них что-то недоброе, заносчивое, насмешливое, жестокое?..»

Валентина, как обычно, так и не выяснив для себя, она это на портрете или греза художника о ней, передернула плечами и ушла на кухню.

Сергей, скрестив руки на груди, мысленно уже перенесся к колдунье. Его лицо порозовело от пылавшего в ее комнате камина, он опьянел от вина, предложенного ему лукаво-лучезарной красавицей, он уже прикоснулся губами к ее атласной шее, он уже слышал ее голос, но еще не разбирал слов...

– Сереженька, цветочек, иди ужинать!

Фролов вздрогнул, лицо исказила гримаса непритворной боли. Он очнулся. Посмотрел вокруг. Комната... как комната: стенка, чешская, два кресла, диван, журнальный столик, ковер, тоже чешский, хрустальные безделушки, люстра... Отец Валентины три года работал в Чехословакии. Комната!.. Серые глаза Фролова заматались между четырех стен. «Убожество! Убожество мыслей и чувств! Света!.. Воздуха!.. Пространства!.. Моя колдунья смеется надо мной! Я погрязая в болоте бытия».

– Тина! – бросился он на кухню. – Тина, ведь это ужасно!

– Что? – встретил его светлый невозмутимый взгляд. Он без сил упал на узкий диванчик.

– Ну вот это все!

– Да что все?

Сергей не стал отвечать. «Не поймет. Вернее, не захочет понять». Поэтому махнул рукой и сказал:

– Ты вспомни, какая у нас была компания!

– О! – кивнула она с задорной улыбкой.

Они и познакомились только потому, что Валентину совершенно случайно завела к одному студенту художественной академии ее приятельница.

– В общем, посмотришь, удивительные ребята!.. Одно слово, художники, артисты, поэты... Богема!

– И как же мы там с тобой, химик и математик? – высказала сомнение всегда трезво смотрящая на жизнь Валентина.

– А очень просто!

В большой, освещенной разноцветными огнями комнате негромко звучала музыка. Все смеялись чьей-то брошенной шутке. Только что вошедшая в светлом платье Валентина сразу обратила на себя внимание Сергея.

– Ни в коем случае нельзя связывать себя узами брака! – видимо продолжая давно начатый разговор, запальчиво говорила одна девушка. – Супружество морально убивает, поедает энергию. Какой толк будет от того, чему мы научились в академии, если высокий дух, испуганный меркантильным бытом, криками детей, мелкими неурядицами, исчезнет. Мы умрем как художники!

– Верно! Верно! – подхватили многие.

Совпадение! Но Сергей и Валентина одновременно вспомнили один и тот же эпизод. Поэтому Валентина не удивилась, когда Сергей вдруг сказал:

– Как все быстро закончилось. За год до окончания академии наша компания изрядно поредела. И первыми начали девчонки. Замуж! Замуж! Точно с ума посходили. Нет, – потряс он пальцем перед невидимым врагом, – я еще и еще раз убеждаюсь, что бич людей – это быт. Когда житейские мелочи становятся проблемами, это значит – молодость прошла. Время несет нас к тридцати, а там всего один шаг до того, когда о человеке говорят: он в возрасте!..

Валентина всплеснула руками:

– Сережа, тебе только двадцать два!
– Вот я и не хочу, чтобы мои, слышишь, мои восемь лет, что остались до тридцати, съел этот быт.
– Не понимаю!
– Ну как же?! Мы поженимся. Где будем жить?
– Если получится, то здесь. По-моему, для начала не плохо: двухкомнатная квартира... полная чаша!.. – с вынужденной иронией уточнила Валентина. – Во всяком случае, родители мне обещали. У них уже очередь на кооператив подходит. Закончится их контракт в Венгрии, они в новую квартиру въедут.

– Вот! Вот! Полная чаша! А работать, где?.. О!.. – схватился Сергей за голову и вылетел из кухни.

Валентина пошла следом за ним.

– А ты что хочешь? Ну давай все продадим и будем спать на полу!

– Не понимаешь! Не понимаешь! – вскричал Сергей. – Быт должен существовать для человека. Он должен быть второстепенным, а у нас очереди за стенками, коврами, продуктами, вещами... Все это мерзко! Даже кисти я должен, унижаясь, просить кого-то, кого выпускают, привезти из-за границы. Мне тесно, душно!..

Валентина побледнела и поджала губы, чтобы скрыть их дрожь.

– Ты не хочешь, чтобы мы поженились?

Фролов замер изваянием: «А она все о том же!..»

– Хочу, – ответил тускло. – Мне без тебя будет еще хуже.

Валентина уже стала привыкать к его припадкам тоски и жажды воздуха. «У каждого свои недостатки!»

А в общем, они жили, упиваясь мечтами о будущих успехах Сергея. Валентина была лишь составляющей частью этих успехов, так как у нее не могло быть яркой цели. Она химик. Будет работать, и все. О чем ей мечтать? Сделать какое-нибудь открытие?.. Вторая Мария Кюри вряд ли из нее получится. Но Валентину вполне устраивало такое положение вещей.

Дипломная работа Фролова была отмечена высоко. О нем заговорили как о художнике с большим будущим.

На старой даче родителей Сергей устроил себе мастерскую. Солнце золотило деревянные стены, синие цветы в вазе напоминали глаза Тины, когда ее не было рядом. Почти полтора года он готовился к выставке в Манеже. Работал упоенно. Верил в успех, потому что иначе и быть не могло. «Колдунью», тайно загадав на нее, выставил как бы несерьезно, мол, художник забавляется. А серьезными были две картины.

Первая – «Ночь, заглядывающая в окно». Небо с рассыпанными по нему сверкающими блестками, и две самые яркие, точно два глаза, звезды заглядывают в высокое окно, освещенное луной-светильником. Вздрогнувшие от дуновения ветра белые шторы, тень оконного переплета на сине-черном поблескивающем полу... Магическое, завораживающее пространство картины словно переходило в выставочный зал, и встретившийся со звездными глазами ночи зритель замирал, не в силах отвести взгляд.

Вторая – «Световой узор». Сквозь гардины проникают солнечные лучи и покрывают тело спящей девушки ажурным световым узором. Девушка вот-вот проснется, ее губы уже шевельнулись, чтобы сладко, причмокнув, поцеловать ласковый сон и проститься с ним. Ее ресницы, кажется, сейчас вздрогнут, и она приподнимется на локте... Но до этого еще осталось мгновение. Художник оставил его.

От картин Фролова подолгу не отходили. Смотрели, впивались глазами, потом перебрасывались словами: «В принципе, как бы все то же...», но неуверенно, без затаенной насмешки, а с удивлением... И с колючим чувством зависти, которое всякий раз вызывает к себе чужой талант.

«Да! Да! – глядя на них, отвечал им горящий взгляд Сергея. – Все то же и так же. Те же мысли, страсти, краски... Новое только то, как я смог увидеть, почувствовать и передать это!»

Такого количества посетителей перед своими картинами не собрал ни один художник. Зависть, расправив крылья, заметалась под сводами Манежа. Фролов с наивной

самоуверенностью, свойственной молодости, ожидал, что успех вознесет его на своих душистых лавровых ветвях. Но хвalebные, переполненные высокими эпитетами отзывы появились в печати о картинах других художников.

Успех редко приходит сам по себе. Слишком многое в мистическом плане должно совпасть и в единый, точно выверенный миг перейти оттуда, из высших сфер, сюда, в реальность. Этого не случилось. И успех был куплен.

Фролов заскучал, помрачнел, понял – ему предстоит доказывать этому миру, что он талантливый художник. Миру, который это видел, но не хотел признавать.

Сразу не сложилось – плохое предзнаменование.

Приступы серой, тянущей душу тоски, которые раньше, подобно нудному, но не продолжительному дождю лишь смешно боролись с солнечным чувством бытия, полностью поглотили Сергея. Валентина всеми силами пыталась вытащить его из омута апатии. Но, несмотря ни на что, приступы морального удушья случались все чаще.

– Сережа, ну что, что ты хочешь? – иногда просто тереясь, спрашивала она. – Может, ты хочешь остаться один, без меня?..

– Что ты! – вскрикивал он, обхватывая ее голову руками и покрывая лицо поцелуями. – Без тебя я не могу!..

Следовал порыв бурной радости, потом мрачное угасание и молчание с кистью перед мольбертом.

«Необходим перелом!» – думал Сергей. Но в чем этот перелом должен был выразиться, не знал.

Решил плыть по течению, тем более что даже лодкой управлять было не надо, уже больше четырех лет как паруса ставила Валентина.

«Неужели придется жениться?..» – в недоумении все чаще задавал себе вопрос Сергей.

Да, он легко и давно говорил о браке, потому что втайне ему казалось, что до этого никогда не дойдет. Видно, дошло. Взбалмошная, искрящаяся смехом студенческая жизнь закончилась! Лица потускнели, морщинки прорезали лбы. При встречах разговоры начинались вяло, потом расходились, но вдруг раздавался телефонный зво-

нок и один из былых бесшабашных товарищей, переминаясь с ноги на ногу, говорил, что ему пора – ребенок неожиданно заболел.

«Наверное, так надо, наверное, бороться с житейской стороной жизни, это все равно что бороться с ветряными мельницами! Наверное, надо и мне жениться на Тине. Никто лучше ее не понимает меня. О чем мне беспокоиться? Все, что нужно для существования, у меня есть, а вот для жизни...» – со снедающей душу тоской думал Фролов. И, уже собираясь с Валентиной в некогда веселую компанию, бубнил вполголоса:

– Ну что там будет? Встретимся. Начнутся высокие разговоры об искусстве. Кто-то пронзает душещипательную балладу об уходящей молодости и утраченной любви, а потом все вдруг удивятся, что уже с час как говорят о диванах, коврах и детях... Скука, рутина! Но все равно пойдем! Во всяком случае, у Игоря собираются те, кто еще морально не погиб. И вообще, надо отдать ему должное, он умеет оживлять вечеринки.

ГЛАВА 10

Пришли. В атмосфере уже было что-то... Глаза у Сергея засветились, Валентина обрадованно вздохнула.

Как и когда появилась она, так и осталось загадкой! Просто вдруг раздался голос уверенный, отчетливый... Народу в мастерской собралось много, человек двадцать, поэтому было шумно. Но ее голос заставил всех обернуться.

«Вот явилась. Заслонила всех нарядных, всех подруг, и душа моя вступила в предназначенный ей круг...»¹ – декламировала небольшого роста, худенькая девушка, с горящими глазами. На ней была широкая длинная темно-вишневая юбка, черная блузка и три нитки жемчуга вокруг шеи.

– Это Лебедева! Дина Лебедева! Артистка. Два сезона играла во МХАТе... Пригласили сразу по окончании училища. Имела успех, бешенный, в «Чайке» и «Бесприданнице»... И вдруг ушла... С Буториным... А кто он?.. Режиссер... Молодой... Свой театр хочет создать... Новых форм... И она, не задумываясь, все бросила и пошла с ним... Сейчас на сцене одного ДК ставят спектакли... Билетов не достать... – передавали друг другу, что знали, что слышали...

– Браво! – раздались крики и рукоплескания. – Браво!

Дина улыбнулась, склонила голову. Кто-то попросил ее прочесть свои стихи. Она отмахнулась. Стали настаивать. Сразу образовался большой круг. Она начала читать. Лицо ее мучительно напрягалось. Казалось, ей было больно от произносимых слов:

По улицам темным мы ходим одни,
Пьяны от надежд, как от пенистой браги,

Но лишь светофоров цветные огни
Бездумно мигают ночному бродяге...

Ее глаза лихорадочно светились, точно звали куда-то...

«Знать бы куда!.. Никогда бы не пошел...» – вклинилась мысль в воспоминания Фролова.

Несколько дней Сергей, как молитву, твердил эти стихи. И понял, что угнетало его. Валентина! Она затянула его в свой покрытый невидимой паутиной уголок тусклого бытия и душит в нем живую мысль. Он не может работать. Нет сил, желания, вдохновения. Усталость разлита по телу и днем хочется только одного – спать, а по ночам сон уходит, и он курит на кухне до светлеющей полосы на небе...

Подвела к последней черте коробка. Обыкновенная коробка с прозрачной крышкой, через которую белел венчик из флердоранжа... В миг перед глазами возникла картина: Валентина в белом, с развевающейся фатой, он в черном костюме с цветком в нагрудном кармане. Назойливые поздравления, объятия, поцелуи... Глупое гулянье, называемое свадьбой, а потом опять это затянутое паутиной существование... «О!..» – прорычал Сергей и помчался в ДК на спектакль с Лебедевой.

Там, в переполненном, погруженном во мрак зале, он забыл обо всем. Он смотрел, он поедал Дину глазами. После спектакля удалось прорваться к ней в гримерную, в которой и без него не то что места – воздуха не хватало...

И вдруг все закрутилось озорно, весело. В фойе сдвинули столы, кто-то сел за рояль и понеслось... Буторин увлек всех своим театром новых, невиданных форм.

– Будем ставить «Кармен»! – объявил вдруг он.

Все ахнули и принялись возбужденно обсуждать. А Дина уже постукивала кастаньетами. Гибкая, ловкая, сливающаяся с музыкой... Сергей еще не встречал подобных женщин.

– ...Дорогой проект? Или думаешь обойтись минимальными средствами? – допытывался кто-то у охмелевшего Буторина.

¹ А. Блок.

– Нет! Надо ярко! Закат ало-золотой, ночь с серебряными звездами и Севилья настоящая, в золотистой пыли. Мы ошеломят Москву, а потом махнем по провинциям. Нас там на руках носить будут! Аншлаг за аншлагом! Обкатаем – и на международный театральный фестиваль! Там поймут, оценят. И после этого пусть попробуют не дать мне театр в Москве!

Все собрались вокруг Буторина. Слушали, одобряли, шумели:

– Правильно! Точно дадут! Некуда будет деться! Буторин, Лебедева – это же будущее нашего театра. Это таланты мирового масштаба!..

Фролов был вовлечен в эту вакханалию надежды.

«Это простор! Это мир!.. Здесь я заперт! Уехать!.. Мне необходимо уехать!..»

– Вы, кажется, художник? – услышал он голос Дины.

– Да!

– Хотите с нами?

– Да! – глядя на Дину, как на свободную от всего приземленного женщину, ответил он.

– Оформлять спектакль «Кармен»?!

– Да!

– Николай! – позвала она Буторина. – Вот, художник у нас уже есть!

– Отлично! Вы профессионал или любитель?

– Я окончил академию.

– Виват, друзья! – вскинул руки Буторин. – У нас художник из академии! Предрекаю спектаклю колоссальный успех!

За это сдвинули стаканы, чашки...

Домой Фролов вернулся, кажется, на следующий вечер. Вошел, упал на кровать и проспал сутки. Первыми проснулись чувства, стал искать рукой гибкое, податливо-строптивное тело и колючие волосы... Не нашел. В удивлении открыл глаза. Напротив стояла испуганная Валентина, и он понял: «Тина... тина... – это она затянула, и он увяз в ней!.. Значит, прочь!.. Бежать! Бежать!..»

Он вышел за сигаретами, предварительно побросав самые необходимые вещи в сумку. Валентина заснула, измученная его поисками и ожиданием.

На улице Фролов расправил плечи, плюнул на угол дома, где протомился, и помчался вперед. Жил то у Дины, в маленькой, кое-как и кое-когда прибираемой квартирке, то на даче родителей. Писал много. Получалось. Продолжал делать наброски к «Последнему впечатлению». Каждый вечер пропадал в театре. Потом вообще чуть ли не поселился в нем. Работа над декорациями, костюмами к «Кармен» поглотила его.

Дина была неутомонна. Казалось, ей не знакомо чувство усталости. Кутит до утра. Утром приляжет на часик. Встанет, умоется, легкими штрихами нанесет макияж и прекрасна красотой, что называется, с нервом.

Плечи худенькие, передернет так ими, что скажет больше, чем другая словами. Глаза поднимет, посмотрит пронзительно, точно выжжет свою мысль и... опять улетела.

Нет денег – неприятное сочетание отрицательной частицы со словом. Но это сочетание теперь стало спутником Сергея. Оформить спектакль, как то было им задумано, не хватило средств. Буторин мудро решил, что выпускать спектакль в таком виде в столице – это заведомый провал. Поэтому для пополнения кассы отправились на гастроли по провинциям. Афишу Фролов сделал яркую, зазывающую, даже немного балаганную – публика такую любит.

Гастроли прошли неплохо, но больших и престижных залов им не давали. Все больше ДК и клубы. Деньги приходили и тут же уходили. Дина вовсю очаровывала местных чиновников.

Фролов взорвался, застукав ее в гримерной в недвусмысленных объятиях какого-то инструктора.

– Бери пример с Буторина! Он же не выгнал тебя из театра, когда узнал, что я с тобой! – поправляя платье в оборках, отчитывала она Сергея. – Ты нужен театру и этот инструктор нужен. Или ты вообразил, что я буду только с тобой?! – вызывающе расхохоталась она, развываясь в кресле перед зеркалом.

– Нет, я не вообразил! – громовым голосом отозвался Фролов. – Но я полагал, что пока ты со мной, другие не существуют!

– Что ж мне, глаза твоими красками замазать?! – издевалась она. – Существуют! Еще как существуют, – плотоядным, наглым движением провела она рукой по своей груди и бедрам. – Ты что, думал, мне всех заменить собою? Ну хорош! – Она поднялась с кресла, положила ему руку на плечо. – Хорош! Аполлон с палитрой. Обожаю смотреть, когда ты работаешь обнаженным! Помнишь, как мы занимались любовью? Полонянка у ног властелина... Ты тогда рисовал что-то любовно-непристойное. Ах! – она откинулась корпусом назад и вдруг обхватила Сергея руками за шею, притянула к себе и жадно поцеловала в рот.

Необузданная, страстная, наглая... Дверь в гримерную никогда не закрывалась. А она уже сидела на гримерном столике в провоцирующей позе и звала Сергея. Он был не лишен мужской застенчивости. Но эта наглость возбуждала до затмения в глазах. Кто-то звал: «Дина!», кто-то заглядывал в гримерную, но, увидев, что она занята, уходил, не забыв напомянуть: «Освободишься, зайди...»

Едва переводя дыхание, с бьющимся до звона в ушах сердцем, он медленно приводил в порядок одежду, а она, спрыгнув со стола, потянувшись,правила юбку и поспешила по делам. Она не утруждала себя ношением нижнего белья.

– Тварь!.. Тварь! – как заведенный твердил Сергей.

В ответ на ее необузданность он отвечал своею. Все артистки театра побывали с ним. Однажды чуть не столкнулся в одной постели с Буториным. Но тот успел: взял одежду и ушел. Сергей лег на его еще теплое место. Было до омерзения возбуждающе. «Вот это грязь!.. Вот это грязь!.. Это не театр, а бордель на гастролях!..»

Какое творчество?! Он вообще забыл, кто он. Какое-то халтурно намалеванные задники: куски неба то с солнцем, то с луной. Потом случайно опоздал на поезд. Думал, хватятся, вышлют деньги на билет. Не хватились. Пришлось осесть в каком-то провинциальном городе. Устроился художником, опять в театр. Немного пришел в себя. В репертуарных театрах нравы не столь свободны. Одна актриса пригрела, прилюбила, надеялась женить. Сбежал! Взял дорожную сумку и сбежал. Вернулся в

Москву. Странствовал, странствовал, а ничего, кроме разгула низменных страстей, не увидел. Стоило ли уезжать?..

Затворился на даче. Начал потихоньку работать. Потом решил окончательно взяться за ум. Исполнилось тридцать, дата, которой ужасно боялся десять лет назад. Но ничего, небо не рухнуло, девушки не перестали заглядываться. Жить можно. И тут он понял, что болото было не столько вокруг него, сколько в нем самом. Это его ядовитые пары отравляли и не давали жить. Это из-за них он оставил Валентину и отправился за кикиморой болотной, околдовавшей его пенистой брагой надежды. Брага перебрдила – надежда не сбылась.

«Все! Пора! Ведь я художник милостью божьей!» Решил окончить цикл «Последнее впечатление». Договорился с другом отца, тот его пристроил к оперативной группе. Материала в несколько дней собрал на десятки интереснейших этюдов да еще возник замысел большого полотна: невеста над убитым среди белого дня женихом... Работал, работал, но чувствовал, боясь признаться самому себе, что осталась от него только половина, что тот, сильный, гордый, стремящийся к невозможному Сергей заблудился где-то там, на извилистых улочках провинции...

Неожиданно пришло известие, что его картины, представленные на выставке, проданы. Он написал их, как только вернулся в Москву. Вообще написал тогда много. А выставить удалось всего две небольшие работы. Место денег стоит. В складчину с несколькими другими художниками купил себе метр в выставочном зале. Когда узнал, что картины проданы, подумал: «Значит, есть надежда. Значит, есть цель!» О нем вспомнили, заговорили, прошло несколько публикаций в газетах. Казалось бы, дерзай!.. Да опять что-то не сладилось. Талант есть, а силы нет. Опять закрутился, запутался... Очнулся – уже не художник, а этикеточник, дизайнер то есть.

* * *

Промелькнули воспоминания об одном и том же периоде жизни, но у каждого свои.

Валентина улыбнулась:

– Ты сбежал подобно истинному художнику. Испарился в гряде густых облаков... – беззаботным голосом озвучила она то, о чем думала. – Я вначале была точно молнией пораженная. Ни мыслей, ни чувств – только боль. Я ведь тебя любила! – опять улыбнулась, вспоминая себя прошлую. – Искать не пришлось. Добрые друзья сразу сообщили, где ты. Признаюсь, ходила на несколько спектаклей в надежде увидеть тебя в зале, но нет... Ты, вероятно, любовался своей комедианткой из-за кулис. Я во все глаза смотрела на нее и ничего, кроме горячего взгляда и бродячей души, не разглядела. Впрочем, было в ней еще что-то нечистоплотное, – припомнила она. – Да-да, именно нечистоплотное. Все эти ее шелковые юбки, блузы были не первой свежести. Наспех новые кружева пришивала на живую нитку к грязной, заношенной одежде...

Сергей лишний раз поразился пронизательности Валентины. Он сразу не обратил на это внимание, он сбрасывал с Дины одежду как художник, словно помеху, скрывавшую красоту ее тела. А тело казалось совершенным. Лишь потом как следует разглядел его – сухощавое, горячее, ненасытное, лишенное округлых линий. Потом разглядел и несвежие блузки. Но в Дине кипела энергия, словно пиво в котле, она опьяняла. Хмельной душе открывались горизонты. Появлялась невиданная сила, которая каждый раз к утру исчезала, оставляя горечь во рту и зеленый болотный туман в голове.

Лишь раз! Да, всего лишь раз! Они забрались на крышу какого-то провинциального ДК. Дина читала стихи на фоне розовеющего неба, и был миг, когда Сергея точно оторвало от проржавленных листов крыши, он почувствовал необыкновенный прилив сил, увидел перед собой необъятный простор... И надо бы было прямо с этой крыши бежать, сохраняя в душе То, сокровенное, но его окликнул, точно каркнул, голос Дины. Он приложил ладонь к груди, чтобы уберечь от нее То, но она так просто отвела его руку и впилась губами и зубами в его губы... и То потухло, задохнулось от нечистого дыхания.

Валентина рассмеялась как от чего-то и впрямь забавного.

– Когда ты ушел, пропал... Самое тяжелое было – пережить сочувствие приятелей. Нас считали счастливой парой. Я, в отличие от других, не очень любила распространяться о наших с тобой маленьких недоразумениях, и никто не знал о твоих черных провалах в настроении. Нам завидовали. Завидовали твоему таланту, и, представь, будешь смеяться, моему приданому. Да, начинать жизнь в двухкомнатной квартире, которую ты так невзлюбил, обставленной чешским гарнитуром... – она прервала себя. – Ну в общем, мы расстались, – заключила с легкой улыбкой. – Выпьем за это! – Она подозвала официанта. – Шампанского, пожалуйста, «Луи Редерер».

Сергей залюбовался красивым бледно-золотистым цветом вина.

– Он в тон твоим волосам! – заметил Фролов.

– Да! – сверкнули ее глаза. – У меня теперь жизнь, как шампанское. Итак, – приподняла она высокий узкий бокал, – выпьем за то, что мы расстались!

Сергей поднес бокал к губам, но не выдержал и сказал с ироничной усмешкой:

– Ты даже ради приличия не в состоянии скрыть своей радости, что судьба тебя избавила от такого неудачника, как я.

– Прости! – с виноватой улыбкой воскликнула Валентина. – Я, вероятно, неточно выразилась. Я любила тебя, страдала, болела долго... Потом впала в безразличие и вышла замуж. Поверь, это было что-то страшное, но я не находила в себе сил прекратить этот ужас. Муж подавил меня. Мое «я» куда-то спряталось, и я не могла его отыскать, да мне и не нужно было оно... Нет, я пью не за то, что случилось тогда, давно, а за то, что недавно... – Ее глаза заискрились острыми слезинками счастья. – Если бы ты не ушел, я бы не встретила с ним. С моим безумием, любовью, не вмещающейся в сознание!..

Сергей выпил шампанское, показавшееся ему горьким на вкус...

– Однако ушел не только я, но, как понимаю, и твой муж. Так что благодари его. Он более достоин...

Валентина прервала Фролова:

– О, я благодарна ему так, как никому другому! Я поставила ему мраморный памятник! За ним следят, меняют цветы...

– А!.. Так он умер...

– Да, – выдохнула Валентина. – Я не любила мужа, зато он любил меня. Очень любил, – говорила она со странной улыбкой. – Настолько, что умер. Его гроб был для меня подарочной упаковкой. Ужасно, но я осознала это. Я плакала и не верила, что больше не увижу, не услышу его. Я осознала это параллельно моим слезам и горю на людях, надо было так. Ибо мы с мужем были на грани развода. Останься он жив, я была бы выставлена за дверь с чемоданами. А мое место уже была готова занять другая, и я знала, кто.

Он умер неожиданно для всех и в первую очередь для самого себя, – с веселостью в голосе подчеркнула Валентина. – И вот на меня свалились деньги, большие деньги. Ведь моя фамилия Милавина! – не без гордости сообщила она.

Фамилия оказалась действительно известной.

– Я тотчас разогнала назойливый рой незвучных помощников и взяла дела в свои руки. Никто особенно не мешал мне, потому что никто не верил, что я смогу справиться. А когда поверили, было уже поздно, и пришлось им вновь придвинуть к своему мраморному столу в совете директоров кресло моего мужа, в котором теперь восседаю я. Вот тебя упустила, не удержала, несмотря на любовь, а деньги – все прибрала!

– Ты всегда была очень практична! – заметил не без сарказма Фролов.

– Практичность – база творчества. Без денег творчество – невоплотимая идея. Представь, и у меня была такая. В химии, как ты и предвидел, я открытий не сделала. Но я увлеклась... – Валентина замолчала, прищурился глаза, – нет, не изготовлением ядов, как подумал ты, – по-

шутила она, – а парфюмерией. Изготовлением духов. Я училась этому долго и упорно. Муж занимался своими делами, а я создавала ароматические композиции. Во Франции, в общей сложности, провела больше трех лет. Но без денег моя идея была всего лишь идеей. Муж денег мне принципиально не давал. Однако он, как ты уже понял, умер. Я заняла его место в бизнесе, но страсть к духам не прошла. И теперь у меня есть небольшой бутик в пассаже Елисаветинский. И есть грандиозная задумка. Я хочу создать линию духов под названием «Строфа». Да, затея безумная! Парфюмерным балом правит Франция. У нее огромная палитра солнечных, пряных, пьяных, цитрусовых ароматов бывших колоний, своих, – фиалковых, смородиновых, сиреневых, всевозможных свежестей морских и горных. У нее есть все, но нет снежного аромата необозримых просторов России. Нет «Сребристой мглы из-под подков»...

Валентина увлекала Сергея, потому что не интересовали ее больше люстры и паласы, обеды и ужины, чистые воротнички рубашек, это из главного стало само собой разумеющимся. Теперь ее интерес простирался туда, где до нее еще никто не был.

– И вот мне пришла идея! – чуть ласково насмехаясь над собой, говорила она. – Претворить в ароматы строфу из стихотворения Блока, она мне всегда очень нравилась, может, помнишь:

Снежный ветер, твое дыханье,
Опьяненные губы мои...
Валентина, звезда, мечтанье!
Как поют твои соловьи...

Семь ароматов – семь флаконов: «Снежный ветер», «Опьяненные губы», «Валентина», «Звезда», «Мечтанье», «Как поют соловьи». Сейчас я поглощена первыми духами – «Снежным ветром». Думаю, поместить «ветер» в кол-

¹ А. Блок.

бу с серебристой наледью. А сами духи, пахнущие снегом, белыми холодными цветами, хочу наполнить сверкающими снежными блестками. Причем, мое ноу-хау, блестки будут в течение примерно получаса оставаться на надушенных местах. Представь, мочки ушей, шея, кончики пальцев ароматно сверкают. Потом снежинки тают. Как?! – наклонилась она к Фролову, увлеченная своей идеей.

Он залюбовался Валентиной.

– Ты сама, как снежная блестка, – вырвался неожиданно комплимент. – А вообще, интересно.

– И, самое главное, воплотимо. – Валентина понизила голос до шепота: – Никому еще не показывала и не покажу до презентации. У меня уже есть пробный образец. Почему тебе? Почему не кому-нибудь другому? – спросила она сама себя. – Потому что только ты сумеешь их оценить и понять!

Она достала из сумочки серебристый мешочек, развязала его и вынула флакон в виде колбочки с длинным узким горлышком и широким дном, в котором бился, загнанный туда женской хитростью, сверкающий блестками ветер.

Сергей вздрогнул. Он наяву увидел воплощение своей картины. «Да ведь это колдунья из алхимического кабинета!»

Валентина вынула пробку в виде снежинки и прикоснулась средним пальцем к горлышку, чуть наклонив флакон.

– Вот, смотри, – сказала она. На ее пальце алмазной россыпью сверкали крохотные снежинки. – Она рассмеялась. Коснулась руки Сергея, оставив на ней несколько блесток.

«Так, значит, это она, та, которую я нарисовал, но, не узнав, принялся искать. Значит, мы встретились вновь...»

– «И я с руки моей не смою, Кармен, твоих духов!...»¹ – с едкой насмешкой вдруг проговорила Валентина.

Фролов внутренне рассмеялся над собой: «Такие женщины не прощают. Они снисходят...»

– Или ты все-таки смысл духи своей Кармен? – уже хохотала, запрокинув голову, Валентина, зло, унижающе. – Впрочем, уверена, она-то и духами не пользовалась. Предпочитала натуральные ароматы... Плотский

угар, экстракты похоти, пот, смешанный с театральной пылью... Теперь даже и не театральной. Что-то не слышно имени актрисы Лебедевой.

Сергей отвел взгляд и нехотя оглядел мраморный фонтан, бьющий посреди зала.

– Примитивно, Тина, – сказал он. – Ты хотела похвалиться, тебе удалось. Ты хотела посмеяться над моим былым увлечением, тебе это тоже удалось. Теперь я свободен? – устремил он на нее недобрый взгляд.

– Не угадал. Ничего этого я не хотела. Все само собой вышло. Не обижайся! Я же тебе говорила: первый порыв был проехать мимо, а потом, наверное, это все-таки колба. Я ее с картины в жизнь перенесла, и никто этого не сможет оценить так, как ты.

– Что ж, ты молодец. Красивее, чем раньше. Богатая, деловая и увлеченная.

Валентина, задумавшись, кивнула, но не в ответ на реплику Фролова, а какой-то своей мысли.

– Сережа, я вот что подумала, тебе надо помочь.

Фролову захотелось встать и, бросив сквозь зубы: «Не нуждаюсь!» уйти. Но он вжался в стул, злой на самого себя и на Валентину. «Помочь?! Хорошо! Раскошеливайся, богатая стерва». Сработал стереотип: если богатая, то почему-то стерва.

– У тебя как, есть что выставить? – деловым, лишенным оттенков голосом спросила она.

– Найдется!

– Очень хорошо! Значит, подготовь картин из расчета на зал площадью в сто квадратных метров. Это одна частная галерея. Я договорюсь. Мы устроим выставку для избранных.

Сергей молчал и смотрел на Валентину. «Вот, она может, а я нет! Но я подчинюсь каждому ее слову, лишь бы только состоялась выставка, продано бы хоть несколько картин, и тогда я напишу ту...»

– Да! – подняла она указательный палец. – Надо сделать приличные рамы. Тебе, наверное, нужны деньги? Ведь у тебя все без рам, так?

Фролов кивнул:

– Так!

– Подсчитай, сколько нужно! – протянула она ему калькулятор.

Сергей послушно сосчитал. Валентина взглянула на сумму:

– Сейчас заедем в банк, я сниму с карты деньги.

– Тина... – протянул весь внутренне и внешне сжавшийся Сергей.

Она посмотрела, усмехнулась со снисхождением:

– Оставь! Ты же художник! А художника не бывает без мецената. Привыкай! Кстати, тебе просто необходимо развеяться. Ты такой хмурый, раздраженный. Надо начинать новую яркую жизнь, где серые краски бывают только по ночам и то, когда спишь один. Вот, – протянула она ему алый с золотистыми звездами конверт, – это приглашение на карнавал. По случаю остался у меня. Взяла одной подруге, а она по делам задерживается в Женеве. Обязательно приходи, там будут твои будущие ценители и главное – покупатели.

* * *

Что-то в этом было неприятное, унижительное...

Потолочные софиты в круглых металлических оправах. Валентина, привычным движением вставляющая карту в банкомат. Запах духов, заполняющий небольшое пространство. Деньги, протянутые Фролову. Его рука, не без колебания берущая их. Неловкие слова, пытающиеся выразить благодарность... Ее жест, легкий, простой и все равно не лишенный надменности.

На улице выюжило. Валентина быстрым шагом пересекла тротуар и, махнув рукой, села в машину. Сергей почему-то стоял и ждал, пока она не уедет. Долгим взглядом посмотрел вслед. Ссутулился и пошел. Хотелось выразиться крепко и выпить водки. Выразился. Но не адресуясь ни к кому конкретно. Тогда задумался, пытаюсь закурить под фонарем, укрывая огонек зажигалки от ле-

денящего дыхания метели. Выразился еще раз, теперь насчет себя, потому что Валентина была ни при чем.

«Останься я с нею – воплотился бы я. Я оставил ее – воплотилась она. Кто ж знал?.. – старался с философским спокойствием отнестись к случившемуся Сергей. – Выходит, Валентина была моей двигательной силой, а я ее балластом. Мне бы ухватиться за нее, а я бежал, смазанный нечистоплотной девицей...»

Метель бросила в лицо ком снега. Залепила глаза. Сергей замотал головой и неожиданно расхохотался.

«А ведь здесь я ее и встретил... – расхохотался еще громче. – Ай да Валентина! Точно угадала. Будто, как говорят, в воду смотрела...»

Как-то этой осенью Сергей вышел из метро на Большую Дмитровскую, и случайно в поле его зрения попала элегантная дама в черном пальто и шляпке. Им оказалось по дороге. Дама шла торопливыми маленькими изящными шагами. Он вслед за ней, любуясь ее статью. Внезапно она резко остановилась. Сергей хотел обойти ее, как увидел, что она была остановлена какой-то женщиной, что-то взволнованно, на высоких нотах говорившей явно опешившей незнакомке. Сергею голос показался знакомым. Он сделал шаг в сторону и тут же назад.

– Милая моя, это вы!.. – восклицал знакомый голос.

Сергей только мог догадаться, какими удивленными стали глаза незнакомки.

– Вы, наверное, меня с кем-то спутали, – проговорила дама.

Сергей быстро сориентировался и выбрал удобную для наблюдения позицию.

– Нет! Нет! – уверенно верещала маленькая, вертлявенькая, пополневшая Дина. – Это вы!

– Но я вас не знаю!

– А я сразу почувствовала, что это вы! – не слушая, захлебывалась в каком-то экстатическом восторге Дина. – Я поэтесса. У меня только что вышел сборник стихов. И я хочу подарить его вам. Вы такая милая, красивая... Как вас зовут? Я хочу надписать вам свою книгу. – Дина полезла в

объемистую сумку и извлекла тощую книжицу в «золотой» обложке. «Золото» это тотчас переходит на пальцы, а обложка сереет на глазах.

Незнакомка выдавила улыбку и назвала свое имя. Дина принялась писать, продолжая говорить:

– Вообще-то мои книги продаются тут, недалеко, в книжном магазине по цене двадцать два рубля...

Незнакомка пожала плечами:

– Пожалуйста, я могу купить ее у вас. Вот вам двадцать рублей. Мелочи у меня нет.

– О! Спасибо! Вот, я надписала. До свидания! – И Дина полетела дальше с объемистой сумкой через плечо.

Любопытство толкнуло Сергея за ней.

– Я член Союза писателей... – пристроилась она уже к следующей своей «жертве», хорошо одетой женщине с дорогим сотовым в руке, – ...моя книга... подпишу... двадцать два рубля... спасибо...

Женщина с сотовым тут же отправила книгу в мусорный ящик, едва Дина повернулась спиной.

«Культурная дама, – отметил Сергей, – не стала сорить на выложенном плиткой тротуаре. – Усмехнулся и пошел по своим делам невольно, размышляя о Дине: – По всему видно, актерская карьера не состоялась. Пополнела, подурнела... Зачатки таланта погибли, так и не распустив лепестков. Стала поэтессой. Членом Союза. Да смешно было бы не столкнуться Дине с другими членами, чтоб и самой им стать. Стать-то стала, а талант тоже, видно, погиб, не дав всходов. Бегает, пристаёт к прохожим со своим товаром. А ведь ей уже лет сорок. Румянец нервный, багровыми пятнами по лицу, туфли на низком каблуке, ножки-то болят, – с наслаждением издевался Фролов над бывшей подругой. – Но в глазах огонь еще не погас...» Он поежился. В воспоминании был теплый осенний день, а наяву – февральская метель пыталась заморозить легкое, едва уловимое дыхание весны.

Снег в порывах ветра свивался, рассыпался, толкал в спину, бил по лицу. И Валентина в представлении Сергея уподобилась метели – налетела неожиданно, подхватила и

понесла... А он и не противился: пусть несет, лишь бы по-
дальше...

* * *

Валентина позабыла о Фролове, едва села за руль и помчалась по усиленно расчищаемым от снега дорогам столицы. Запел любимую мелодию сотовый. Она ответила, и улыбка озарила ее лицо.

– Олежек!..

– Тина!.. Как я хочу вырваться к тебе. Но сегодня не получится. Завязли в расчетах. Зато завтра!..

– Да-да, завтра! – подхватила она, и Пшеничному показалось, будто он почувствовал ее душистое дыхание на своей щеке.

Валентина въехала во двор дома. Остановила машину. Вышла. Лицо горело от мыслей об Олеге. Она выпрямилась и подняла лицо к небу, наслаждаясь влажным прикосновением снежинок. Возможно ли счастье? Валентина, несмотря на присущий ее натуре прагматизм, верила, что возможно. Ведь счастье не в чем-то внешнем, а во внутреннем состоянии человека, и она чувствовала его в своей душе.

Три года назад случилось это. Она уже была вдовой. Одна знакомая актриса пригласила Валентину на презентацию своей книги, выпущенной издательством «Стас» к ее отнюдь не грустному юбилею – тридцатилетию. Праздник удался. Итоги не подводились и юбиляру не подводили под руки к микрофону. Она сама задавала тон, поднимая бокал за бокалом.

Случайно Валентина заметила знакомое лицо. Чуть задумалась, вспомнила: Ксения Вежина, приятельница младшей сестры одной из ее подруг. Они несколько раз встречались с ней в их доме. Ксения тоже заметила Валентину и, приветливо кивнув головой, подошла. Не успели они перекинуться несколькими фразами, как к ним присоединился высокий худощавый юноша. Темноволосый, с нервными, чувственными губами.

– Ксения, познакомь нас! – попросил он.

– Олег Пшеничный, коммерческий директор издательства «Стас» и поклонник красивых женщин, – с шутиливой укоризной глядя на молодого человека, представила его Вежина.

Олег тут же завладел вниманием Валентины.

«Мальчик! Совсем мальчик, лет девятнадцать, наверное...»

Он вился вьюнком вокруг нее, электризуя воздух своей неумной молодой энергией.

Валентине стало до неприличия весело и тесно в рамках этого банкета. Она сама не заметила, как очутилась внизу, как Олег накинул ей на плечи шубу, как она села, изнемогая от смеха, в его машину, и как они помчались в какой-то ночной клуб.

Танцпол переливался огнями, клубные танцовщицы извивались на барных стойках. Олег сильно и безо всякой застенчивости, свойственной, как думала Валентина, двенадцатилетнему мальчику, притянул ее к себе и повел в танце. Голова ее закружилась. Она смеялась, чувствуя, что уже не находит в себе сил справиться с подступившим желанием. Но все-таки опыт!.. Страхнула, насколько удалось, грезу. Вернулась уверенность. В глазах засверкал смехок: «Что ж, забавно, провести ночь в клубе с очаровательным мальчиком!..»

Вышли на улицу, когда на небе уже догорали звезды. Сели в машину. Валентина назвала свой адрес и забылась в приятном полусне. Почувствовав, что приехали, шутиливо подставила ему щеку для поцелуя и произнесла заранее подготовленную фразу:

– Провожать не стоит! Спасибо за вечер! До свидания!

В ответ он не выказал разочарования, не проявил желания последовать за ней. В душе Валентины промелькнуло чувство легкой досады. Она вышла из машины, пожевываясь от морозной прохлады утра, и... обомлела. Вокруг стояли занесенные снегом деревья, и лишь ели слегка окрашивали своими голубоватыми ветвями царившую безлизну.

«Где я?!» – растерялась Валентина, а потом склонилась к окну кабины:

– Что это значит? Куда мы заехали?..

Олег вышел, посмеиваясь, не как мальчик, а как выдавший виды мужчина. Подхватил ее на руки и понес по аллее к большому трехэтажному дому.

– Ну нет! – высвободилась она из его объятий, едва он перешагнул через порог. – Я хочу домой! – и даже каблукom стукнула о звонкий пол.

Олег рассмеялся. Зашел в салон и жестом пригласил Валентину. Она уже окончательно пришла в себя и вся кипела от негодования: «Как он посмел! Мальчишка! Меня, Валентину Милавину, точно девицу какую-то, завести неизвестно куда!..»

– Тина! – Олег стремительно подошел к ней и обнял – не пошевеливнуться. – Тина! – В глазах его была неподдельная нежность. – Остайся!

– Но... – растерялась от такого перехода она, ожидая напора, наглой выходки с его стороны.

– Остайся! – повторил он с мольбою, отпустив ее.

Возникло молчание.

– Ведь если скажу, что полюбил тебя, как никогда и никого, ты же не согласишься.

– Конечно, нет! – не зная, как вести себя в сложившихся обстоятельствах, ответила Валентина и отвернулась. «Надо, чтобы он немедленно отвез меня домой!» – решила она.

Олег сел на ковер перед камином. Валентина подошла к нему, положила руку на плечо и сказала:

– Отвези, пожалуйста, меня домой!

Он поднял на нее горящие глаза:

– Я разожгу камин, и ты не уедешь!..

Все же Валентина немного отдавала себе отчет в том, что делала. «А почему бы нет?! Ну старше я его... Разве для мига счастья это имеет какое-то значение?!»

Они лежали на мягком ворсистом ковре, в камине пылал огонь, вытягивая свои голубовато-раскаленные языки, точно пытаясь ужалить их. Было так приятно, что дыхание перехватывалось: то холодок, гулявший по салону, леденил спину, то огонь обжигал ее...

Валентина пропала на три дня. Когда на секунду удалось вырваться из любовного чада, догадалась позвонить своей секретарше и сказать, что все в порядке, что просто вылетела по срочному делу в Прагу. Олег тоже куда-то вылетал... Кажется, в Петербург или в Лондон... Ни она, ни он потом не могли вспомнить. Зато хорошо запомнила Ксения, вынужденная выгораживать Олега перед Миленой.

И вот те три дня превратились в три года. Розовые от света фонарей снежинки кружились над Валентиной, она наклонилась, захватила рукой побольше снега, подкинула его вверх и побежала домой. Ведь счастье в самом человеке! Надо только уметь наслаждаться им, что не просто. Вечно человек живет либо в прошлом, коря себя за непростительные ошибки и вздыхая: «Вот если бы!..» — либо стремится втиснуться в будущее, пугаясь его холодного безмолвия. А надо жить в настоящем, коротком, как вдох и выдох, но лучше него ничего нет! То все либо уже было, либо еще будет, а это есть!..

ГЛАВА 11

Вера вышла из машины прямо перед входом в большой книжный магазин. Ее приезда, стоя на морозе, ожидали репортеры и читатели. Завидев Астрову, присыпанная снегом группа всколыхнулась, но охрана мягко отстранила желающих немедленно получить автограф. Вера не без основания решила, что это подставные, как в цирке. Ее короткий проход от машины до стеклянных дверей был срежиссирован Миленой. От Веры требовался шаг не быстрый, не медленный, доброжелательно-рассеянная улыбка и такой же взгляд сквозь очки. Линзы Милена отвергла...

«Лицу молодой женщины изящные очки придают очаровательную серьезность, – заключила накануне Пшеничная, оглядывая Веру. – Нам нужно привлечь в число читателей как можно больше мужчин. Женский текст их вряд ли заинтересует, а вот милая писательница...»

На втором этаже магазина устанавливали мини-стойку из белого сверкающего пластика.

– Так, Вера, вот ваше место! – указала ей Милена на высокий стул перед стойкой, подсвеченной софитами. – Второй стул для VIP-персон, которые захотят поговорить с вами. Тут, – указала она, – около стеллажа, будет находиться репортер. Обживайте ваше место! – почти приказным тоном бросила она.

В ответ Вера недовольно поморщилась и сказала несколько слов... в спину Пшеничной. А проворные девушки расставляли на полках стеллажей новый бестселлер Астровой «С убийством не шутят». Вера была довольна им. Она написала его сама, было даже указано, что книга издана в авторской редакции, но на самом деле ее все равно отредактировали доверенные специалисты издательства, так сказать, приблизили продукцию к вкусу чита-

теля: убрали или сократили то, что посчитали длиннотами, хотя как раз-то в них и раскрывалось настоящее дарование автора. Тем не менее Вера не стыдилась этой книги и с удовольствием ожидала завтрашней презентации.

К часу дня подъехал шофер, присланный издательством, и отвез ее в салон красоты. А ровно в пять пятнадцать (несмотря на мороз, было необходимо заставить публику подождать: в зависимости от статуса знаменитости и длительность ожидания, летом Астрова могла бы позволить себе и полчаса, но зимой... только пятнадцать минут) она вышла из машины и мило улыбнулась своим читателям. В фойе скинула шубу и поднялась по лестнице на второй этаж. Директор магазина поцеловал ей руку. Заведующие отделами и продавщицы приветливо улыбались, читатели уже держали наготове только что купленные книги. И в голове Веры сверкающей кометой пролетела мысль, которая невольно пролетает в головах всех обласканных пышными приемами, конечно, до тех пор, пока те не приедаются, тогда летают уже совсем другие мысли. «Ах, какие же они милые, эти обыкновенные люди. У них так мало в жизни ярких впечатлений, и я своим появлением скрашиваю их серые будни...» И улыбка Веры стала просто ослепительной.

По радио постоянно передавали сообщение, что на втором этаже магазина можно приобрести новый бестселлер Веры Астровой и взять автограф у самого автора. Сначала Вера вглядывалась в лица читателей, перебрасывалась с ними словами, но некоторые оказывались слишком словоохотливыми, и охраннику приходилось напоминать, что пора и честь знать. Публика наплывала какими-то волнами – то перед стойкой стояли пять-шесть человек, то больше десятка. Ближе к закрытию стали подтягиваться VIP-персоны. Охрана пестрой лентой, точно шлагбаумом, тут же преграждала доступ простым читателям. Но публика не сердилась. Она теснилась у этой ленты, ограждающей ее от тех, кто скрашивает ее существование, и во все глаза смотрела на них.

Вера в голубом, словно покрытом снежком костюме, с кокетливо выбившимся из прически локоном подписы-

вала книгу популярной певице. Фоторепортеру потребовался антураж, и из публики было допущено несколько счастливых, которых построили в живописную очередь. Кадр – Вера подписывает книгу полной румяной даме, певица, сидя на высоком стуле рядом с Верой, благожелательно смотрит на эту сценку. Пфф!.. Певица исчезла. Полную даму потеснили. Опять пошли простые люди. Но минут десять спустя появилась парочка сложных. Простых отгородили, сложных усадили, осветили, засняли...

Лица, слова, улыбки... И вдруг рука, протянувшая книгу, показалась знакомой. Вера подняла глаза и увидела его. Он улыбался с присущим ему застенчивым нахальством.

– Привет! А я, как видишь, тоже читаю твои книги.

– Привет! – бросила Вера, размашисто черкнув на первом листе: «Максиму от автора!» – и выжидательно посмотрела на него: «Получил автограф и проваливай!» Но он продолжал стоять.

– Может, встретимся? Судя по тому, что пишут в журналах, ты до сих пор не замужем.

– Это не имеет значения, – отрезала Вера, ощутив сухость в горле. «Вот оно... всплыло. Пятно моей жизни», – с омерзением подумала она.

– Ну так что? – улыбаясь с нахальным задором, навалился Максим на стойку.

Вера метнула взгляд на охранника, но тот, очевидно, решил, что это ее знакомый, и спокойно выжидал.

– Я... – Вера сделала глубокий вдох, чтобы унять рвущееся наружу возмущение. – Я очень занята, – отчеканила она.

– Да ладно, Верунька, брось! Встретимся! Ведь есть что вспомнить!.. Ух!.. – зажмурив глаза, ухнул он.

Охранник встрепенулся. Но теперь уже Вера удержала его движением руки.

– Нечего нам вспоминать!

– Как это? – не понимая, заморгал Максим.

– А очень просто! Потому что вспоминать то, чего не было, невозможно, – сквозь зубы надменно проговорила она и, высоко вскинув голову, улыбнулась подошедшему читателю.

– Ну-ну!.. – покачивая головой, пробормотал Максим, взял книгу и, сунув ее в карман поношенного пальто, зашагал прочь.

«Гад! – послала ему в спину Вера. – Опять понадобилась, как стала известной!..»

Она продолжала раздавать автографы, а мысли ее помимо воли все возвращались в прошлое. «Пятно» поубавилось в размерах и предстало таким, каким впервые его увидела Вера.

* * *

– Слесаря-сантехника вызывали? – проходя в коридор, спросил высокий молодой человек и располагаясь улыбнулся.

– Да! – ответила Вера.

– В чем проблема?

– Да... это... – смутилась она, мысленно посетовав, что ни матери, ни младшей сестры нет дома. Те на все житейские вопросы смотрели гораздо проще, как надо. – Бачок... течет!

Слесарь зашел в ванную и занялся бачком. Сделал все быстро и аккуратно, развлекая себя собственными разговорами, рассчитанными на Веру. Она не удержалась, пару раз хохотнула, потом что-то ответила, и завязалась беседа. Слесарь, помыв руки, глянул в сторону кухни и проговорил, игриво воздев глаза к потолку:

– Неплохо бы кофе, ну, или чайку!

Вера засуетилась:

– Да, конечно. Одну минутку.

Но слесарь не спешил. Он удобно расположился на диванчике в кухне, уточнив:

– А что, хозяйка, кстати, как вас зовут?..

– Вера!

– ...курить можно? – и поискал глазами пепельницу. Не найдя, взял блюдце, уже зная, что отказа не будет.

Вера сварила кофе, подала бутерброды и конфеты. К ее большому удивлению, слесарь, которого звали Мак-

сим, оказался не таким, какими были в ее представлении слесари. Он читал книги, интересовался театром, играл в известной футбольной команде одного крупного завода.

– Приглашают перейти в «Динамо», – как бы между прочим заметил он.

– В «Динамо»? – с уважением протянула Вера. – Конечно, переходите, что тут думать?!

– Да вот проведем еще три матча, не могу я подвести ребят из заводской команды, и перейду. Через год на игры уже за границу поеду. Мне тренер обещал. У тебя, говорит, потенциал! Ты можешь стать игроком международного класса.

Вера большими глазами смотрела на него и слушала. А потом стала убеждать Максима немедленно, даже поступившись совестью, переходить в «Динамо».

– Вдруг, пока вы будете проводить эти три матча, тренер найдет другого игрока. Нет! – Она встала с табурета и зашагала по кухне. – Вы должны, не теряя ни дня, идти в «Динамо».

Максим улыбнулся:

– Знаете что, приходите в эту субботу на матч.

– Я? – ткнула себя пальцем в грудь Вера. – На футбол?

– Что, не любите?

– Не то чтобы не люблю, а как-то не интересуюсь...

– Видно, в вашем доме мужчин нет.

– Угадали. Мама и младшая сестра.

– А вы все-таки приходите. Спросите на проходной Максима Ломова. Я вас на лучшее место посажу. Придете?

Вера рассмеялась и согласилась.

Игра произвела на нее впечатление. Особенно начало и конец, когда из усилителей раздавался марш.

Ломов договорился с Верой, что после игры она будет ждать его в парке у служебного выхода. Когда Вера подошла к этому выходу, то изумилась количеству людей, толпившихся перед ним. Едва появился Максим, как ему на шею бросилось сразу несколько девиц с цветами, визгом, поцелуями. Ему пришлось буквально отрывать их от себя, прокладывая дорогу к смущенной Вере.

Популярность с такого близкого расстояния ошеломила ее. По телевизору это понятно: где-то кого-то кто-то приветствует и превозносит, а тут – рядом! Да еще человека, которого она знает.

Переложив охапку цветов на согнутый локоть левой руки, Ломов подошел к ней, обнял за плечи и повел за собой. Вера была точно в полусне. На все предложения Максима она отвечала согласием. Впрочем, он не спрашивал, а сообщал: «Сейчас едем в кафе отмечать нашу победу. Посмотришь, как здорово будет!»

Подъехали к кафе, закрытому по этому случаю для обычных посетителей. Когда команда вошла в зал, музыканты заиграли туш. Раздались аплодисменты, крики «Ура!», опять девицы гроздьями повисли на Максиме. Шампанское, тосты и скандирование, как на трибуне, когда он вел мяч, принесший команде победу: «Лом!.. Лом!.. Дно! Ура!..» Ломов выпил полный бокал и бросил его на пол.

На следующий вечер он пригласил Веру в гости к своему другу детства. Когда совсем стемнело, шумная компания вышла во двор большого дома. Хохоча и толкаясь, все расселись на двух скамьях под высокими акациями, Максим взял несколько аккордов на гитаре, чем вызвал бурное одобрение, и запел. Свет от фонаря падал ему на лицо. Вера смотрела на Максима и чувствовала, что какие-то невидимые нити опутывают ее тело и сознание. А девицы наперебой кокетничали с ним, игриво предлагая: «Возьми меня, Максимка, замуж, не пожалеешь!..»

– А зачем ему ты? – вдруг спросил насмешливый женский голос. – Ему не нужна жена парикмахерша. Он теперь с учеными девушками гуляет. Ух, какими учеными!.. Такими, что без очков даже разглядеть его не могут.

– И хорошо! – отозвался другой голос. – За этими очками и ее не сильно видно. А чем меньше видно, тем она красивее кажется!

Ломов оборвал пение, но ответить не успел, кто-то включил магнитофон, и все задергались в грохочущих ритмах. Вере стало не по себе, она словно очнулась, оглядела с внутренней неприязнью, в принципе, совершенно

чуждых ей людей. Встала, хотела позвать Максима, но только успела увидеть, как он скрылся в палисаднике. Она пошла за ним.

– Значит, все? Бросаешь меня?! – донеслось до Веры, осторожно ступавшей в темноте, чтобы не споткнуться. – Как в это «Динамо» засобирался, так Валечка-парикмахерша не нужна стала. Конечно! Ты уже в сборную метишь! Тебе жена образованная нужна!

– Ну прямо монолог из фильма! – расхохотался Максим. – Образованная жена! – передразнил он. – Ты даже своими словами не можешь сказать.

– А?! Так ты хочешь, чтоб своими?! – Голос прервался от подступившей злобы, а потом взвизгнул: – Сволочь ты последняя! Гад! Я два аборта сделала, потому что ты заявил, что женишься, только когда квартиру получишь. До квартиры, как видно, осталось недолго, значит, пора от меня отделаться! Другую завести! Неиспорченную! Не... излюбленную!

– Вот теперь молодец. Верно подметила, не излюбленную! Но все равно словечко как-то вывернула. Можно было проще сказать... – многозначительно хмыкнул он. – Ведь до меня у тебя полдвора нашего перебивало.

– Подонок! – В свете неожиданно мигнувшего фонаря Вера увидела, как взлетела рука девушки и как Максим отвел ее от своего лица. – И!.. Больно же!.. – пропищала та и заплакала.

Вера растерялась, не зная, как поступить. Ломов увидел ее, быстро подошел, обнял за плечи, прижал к себе и что-то зашептал...

Они долго стояли у подъезда Веры. Максим увлеченно говорил о своих планах. Года два поиграет в «Динамо», получит квартиру, потому что он прямой кандидат в сборную страны, потом обязательно поступит в институт. Вера слушала с большим вниманием. Ее женский ум сразу все раскладывал по местам, вешал ярлычки, суммировал, прикидывал, предугадывал...

«Неужели?! Неужели у меня появился парень?! – спросила себя Вера, осторожно входя в квартиру, чтобы не раз-

будить маму: сестры вечно не было дома. – Максима упустить нельзя! – постановила она. – Мне уже двадцать шесть!.. Стыдно, ой как стыдно в старых девах, – посетовала, не удержавшись. – Нелька, сестра, и та, чуть что, лицо кривит, мол, сиди, что с тобой говорить!.. Ей-то что? Ей хорошо. Как исполнится восемнадцать, так и выскочит за своего аспиранта. Или он еще не аспирант?.. – почесала она в раздумье затылок. – У нее кого только не было!.. И моряк Балтфлота, и летчик, и этот... артист разговорного жанра. Потом, когда на вечерний поступила, сразу же аспирант появился. А! Все чепуха! Мне-то какая разница! Все это слишком примитивно. А я ошеломлю! Муж – форвард сборной страны по футболу! Машина, квартира, одежда – только из-за границы. Пока туда-сюда, он институт окончит. Вот это муж! И главное, видный, сильный, руки золотые...» Но при воспоминании о руках улыбка сползла с ее лица.

– Господи, только бы никто не узнал, что он был слесарем-сантехником. Ой, да ведь он еще и есть слесарь, – сев от ужаса, прошептала она.

Максим звонил почти каждый день, приглашал то в кино, то в кафе-мороженое. Мать стала расспрашивать Веру о нем, сестра навострила любопытные уши.

– Спортсмен он, футболист, – не без труда проговорила Вера.

– Футболист?! – Мать в недоумении пожала плечами. – Верочка, так ведь он же, прости меня, не очень-то... Ну о чем с ним говорить? О голах и мячах?

Нелли хихикнула и с ногами уселась на диван.

– Мам, а зачем с ним говорить? Он спортсмен, значит, бицепсы крепкие, живот плоский, ноги, правда, у них кривые, а у твоего, как?.. – Бешеный огонь любопытства загорелся в ее водянисто-серых глазах.

Вера бросила на нее надменный взгляд:

– Нормальные. Я, между прочим, на матче была.

– А в какой он команде? – тут же выпалила вопрос Нелли.

– В «Динамо», только он еще запасной игрок. Недавно перешел, – выдала ожидаемое за свершившийся факт Вера.

– Недавно, говоришь?.. – противно постукивая тоненькими пальчиками по противно розовенькой щеке, в задумчивости проговорила сестра. – А мы сейчас узнаем.

Она сорвалась с дивана и бросилась к телефону.

– Алло, Юра, ты? Привет! Слушай... – Нелли прикрывала трубку и обратилась к Вере: – Как его фамилия? – Вера была вынуждена ответить. – Юрка, слушай, в «Динамо» есть такой Ломов?

– Он еще не играет, – прошипела Вера. – Он пока запасной.

– Он вроде бы запасной. Нет?.. А, не знаешь!.. Да, недавно... Ну ты узнай! Я тебе позвоню!

– Слушай, сестра, – ухмыляясь во все лицо, продолжала Нелли, – а ты его к нам в гости позови! – Она выдержала провоцирующую паузу. – Или он такой красавец, что и показывать стыдно?!

Вера замахнулась на нее, но Нелли юркнула за спину матери.

– Дура! – крикнула Вера и хлопнула дверью спальни так, что осыпалась штукатурка.

«Уже от зависти лопается, только узнав, что он играет в «Динамо», а что будет, когда его в сборную пригласят? – Теперь лицо Веры светилось самодовольным злорадством. – Она со своим аспирантом в однокомнатной квартире вареную колбасу будет есть, а я за продуктами на машине ездить и банку крабов им с барского плеча когда брошу... Ой, – с сердцем выдохнула Вера. – Как мелко, пошло, гадко!.. Чему душа радуется?! Какие картины рисует мое воображение! На что направлена работа мозга! Сколько я училась, сколько мудрых книг прочла, и казалось мне, что дошли они до моего сознания, а на поверку вышло, что я такими низменными картинами упиваюсь. Фу!..»

Вечером следующего дня раздался неожиданный звонок в дверь. Вера была одна: Нелли ушла к своему аспиранту, мать пошла в гости к подруге, с ночевкой.

– Кто? – сурово-независимым голосом спросила Вера.

– Это я, Максим!

– Максим? – переспросила она и открыла дверь.

Несколько секунд Вера молчала, глядя на него – в комбинезоне сантехника, замасленной кепке, с чемоданчиком в руке.

– Привет! – бросил он, проходя в коридор. – Что, не ожидала?

– Конечно, надо было предупредить. И потом... – она не решалась произнести вслух то, о чем думала, но взгляд, каким она окинула Максима с ног до головы, сказал ему все.

Он криво усмехнулся:

– Не дрейфь, Верунька, я знал, что ты одна, а ехать переодеваться неохота. К тому же таким ты меня видишь в последний раз.

Взгляд Веры оживился.

– Все! С завтрашнего дня тренируюсь на динамовском поле, здорово? – Он снял кепку, ботинки и прошел в комнату.

– Еще бы! – радостно подхватила Вера.

– Да, – сядь в кресло перед телевизором, произнес он небрежным тоном, – решил с институтом не тянуть. Двадцать шесть все-таки, этим летом и поступлю. Мне тренер сказал, что проблем не будет. «Нам, – говорит, – такой игрок, как ты, во, как нужен», – ребром ладони провел он по своему горлу. – Перекусить бы чего, Верунька!

– Ой, конечно! – спохватилась она и поспешила на кухню.

– А я руки пойду помою, – сказал Максим и, потягиваясь, вразвалку направился в ванную.

Вера уже накрыла на стол, а вода в ванной все лилась. Она подошла к двери, постучала.

– Максим, ты скоро?

– Слушай, принеси полотенце... большое, я тут душ решил принять!

Вере была неприятна такая бесцеремонность. Но делать было нечего, она вынула из шкафа полотенце и, открыв дверь в ванную, просунула руку.

– Держи!

– Спасибо, Верунька!

Максим вышел, перепоясав бедра синим в широкую белую полосу полотенцем. Тряхнул волосами и сел на кухонный диванчик.

– Вера, да ты что? – удивился он. – Точно окаменела. Ну что такого, если мужик после работы принял душ.

– Ничего... Но вообще-то душ следовало принять у себя дома, а уж потом приходить ко мне.

– Сложности ты любишь, Вера, – наливая чай, со вздохом заметил Максим.

– Но знаешь, так тоже нельзя! Пришел к девушке, разделся, расселся... – не выдержала она.

Максим поднялся, обхватил ее руками и прижал к своей еще влажной груди.

– Нравишься ты мне, Верунька, очень... До того, что... люблю!..

Она уперлась в его плечи руками и, чуть отстранившись, серьезно посмотрела ему в глаза.

– Давай чай пить! – проговорила, с трудом ворочая языком. Села за стол, а в голове заволновались, заметались мысли...

«Двадцать шесть. Старая дева. Все ждала, надеялась... Да куда там! Достойным поведением никого не привлечешь, самой надо на шею вешаться, вон как все мои одноклассницы да однокурсницы. Одному, другому, пятому, глядь, за седьмого и замуж вышла. А я!.. Сначала думала, что круг общения у меня узкий, да случай помог во всем разобраться...»

Как-то Вера встретила свою бывшую одноклассницу и подумала: «Вот у кого круг общения неограниченный. Журналистка! Она уж наверняка несколько раз замужем побывала». Зашли в кафе, разговорились, и Вера выпалила ей свои мысли, а та как расхохочется: «Знаешь, чем объяснять, лучше приглашу-ка я тебя на презентацию книги «Нормандия – Неман». – У Веры даже сердце оставилось от такого предложения. – Мой фотограф заболел, так что я сама буду снимать, а его приглашительный ты возьмешь. Фамилия его Василенко, зовут Евгений. Будем надеяться, что не разберут».

Действительно, не разобрали, и Вера вместе с подругой прошла в конференц-зал Дома дружбы народов. После презентации книги воспоминаний о союзничестве во время Второй мировой войны все дружно направились в банкетный зал. Вера хотела тоже подойти к столу, но удалось лишь с третьей попытки, настолько плотно сильные мужские спины загородили его. Француз один посторонился. Она ему улыбнулась, но он уже был занят разговором с каким-то толстяком. И все другие мужчины были заняты едой, выпивкой и разговорами между собой. «Ну я, ладно, знаю, что не красавица, но ведь Ленка – это же просто класс». Она отыскала подругу глазами и подошла к ней.

– И вот так всегда! – усмехнулась девушка. – Им только поесть, попить да поговорить, каждый хочет выгодные знакомства завести. А если и кружат вокруг женщины, так только если она известная особа, пусть будет хоть ведьмы страшнее, лишь бы потом сказать, что я с такой-то там-то запросто беседовал. Да ты сама посмотри! – Она многозначительно повела глазами в сторону, где в окружении мужчин стояла неприглядная сухопарая женщина с коротко стриженными волосами и крупными серьгами в ушах с отвислыми мочками...

– Чего задумалась? – дотронулся до руки Веры Максим.

Она испуганно вздрогнула, будто он мог заглянуть в ее мысли, и пробормотала:

– Да так, на работе проблемы... – Из-под опущенных век метнула на него острый взгляд. «Что же делать?.. Неужели мое тело только подставка для головы?!»

Эта мысль погасила все остальные. И тело перестало быть только подставкой и было использовано по своему прямому назначению. Вроде бы ничего... Не так, чтобы уж, как пишут в романах, но и не так скверно... Вот только при свете ночника разглядела она его руку с пальцем, перевязанным грязным бинтом. Неприятно стало. Не о таком мужчине мечтала она.

Утром Вера осторожно открыла входную дверь, выглянула и шепнула, обернувшись к Максиму, стоявшему за ее спиной:

– Давай, никого нет!

Он вышел, проговорив скороговоркой:

– Чего боишься, хоть завтра можем пожениться.

Но Вера решила, что поженятся они в октябре, когда Максим уже станет студентом. «Как поступит в институт, познакомлю с мамой и Нелькой, а потом уже свадьба».

Увидев афиши о предстоящем матче между «Динамо» и «Локомотивом», обрадовалась. Вечером спросила Максима:

– Почему не сказал, что скоро матч?

– Да... что особенного? Я ведь играть не буду, я запасной.

Но Вера решила уточнить:

– Значит, если кто-то получит травму, ты его заменишь, так?

– Так. Да только не я один запасной. Тренер может поставить другого.

– Но ведь ты будешь сидеть на скамье у поля.

– Ну буду.

– Значит, я иду на матч!

– Нет, Верунька, не надо. Знаешь, первый матч в новой команде, вдруг тренер введет меня в игру, буду волноваться, а тут еще ты. Нет уж, давай договоримся, что этот матч ты пропускаешь, а на следующий придешь непременно.

Она огорченно вздохнула, но согласилась.

Матч транслировали по радио. Вера напрягала слух, когда болельщики поднимали гвалт, надеясь услышать, что на поле вышел запасной игрок Ломов, но игра прошла без его участия.

Вечером Максим пришел к Вере. Она его заранее предупредила, что будет одна.

– Не хочу ждать октября, – чуть ли не с порога начал он. – Давай в следующий четверг распишемся! Ну не могу я больше без тебя по ночам, тоскую...

Вера непонимающим взглядом посмотрела на него:

– Ну как нас распишут? Ведь после подачи заявления три месяца надо ждать.

– А ты бы хотела? Ты согласна?.. – радостно воскликнул Максим.

Она ничего не успела ответить, как он выпалил:

– Для нас это пустяки! У меня тетка в нашем ЗАГСе уборщицей работает. Она заведующую попросит, та не откажет!

Вера замерла с заварным чайником в руке.

«Еще и тетка-уборщица! Славненько!.. Конечно, в нашем советском обществе все равны, все одинаково уважаемы, но... вот различий по интеллекту, как ни старайся, отменить нельзя никаким декретом, никакими революциями...»

– Что, Верунька, – глядя ее по бедру и прижимая к себе, шептал Максим, – согласна? Значит, в четверг?

– Да подожди ты! – уклончиво протянула она. – Надо маму предупредить.

– Чего предупреждать, она только рада будет. Все матери радуются, когда дочки замуж выходят.

– А как же с квартирой?

– Какой?

– Ну той, что ты должен получить. Тренер что говорит?

– А! Не волнуйся! Он сказал: «В августе в институт поступишь, а к весне в новую квартиру въедешь». Правда, далеко это, в новостройке, – словно извиняясь, пояснил Максим, – до метро на автобусе минут двадцать ехать.

– Ничего! – махнула рукой Вера. – Это пустяки. Значит, если мы поженимся в октябре...

– В следующий четверг, – потянулся к ней с поцелуем Максим.

Но она не отреагировала:

– ...то ты у нас будешь жить не более полутода! Так маме и скажу, что мы с тобой в ее квартире до марта, ну, в крайнем случае, до апреля.

– Не понимаю я тебя, Вера! – надулся Максим. – Если мы проживем с твоей мамой еще лишних три-четыре или даже пять месяцев, что тут такого?

- В принципе, ничего, но здесь же еще и Нелли.
- Ты же сама говорила, что она почти не бывает дома, все время у своего аспиранта околачивается.
- Нет, ну а мама? Зачем же тогда замуж выходить?.. Чтобы к маме еще и мужа привести?
- А что, замуж выходят только, чтобы к мужу переехать? – каким-то язвительным вопросом изогнулся Максим.
- И за этим тоже!
- Но ведь бывают исключения, и очень часто.
- Ну и мы полгода будем жить у мамы.
- Только полгода, если чуть больше, она нас выставит! – едко ухмыляясь и покачивая головой, потянулся за сигаретой Максим. – Ничего себе!..
- Вообще-то правильнее было бы дожждаться, когда ты получишь квартиру, а уж потом расписываться.
- Он изумленным до прозрачности взглядом смотрел на Веру, обходя вокруг нее:
- Да ты, вижу, замуж не торопишься. Двадцать шесть – пустяк! Какие наши годы!
- Вера не сразу нашлась с ответом.
- Не тороплюсь, – проговорила тихо, чувствуя, как от обидных слов сжалось сердце.
- Максим отошел к окну. Стоял, курил, потом затушил окурок и сел у ее ног.
- Прости, Верунька, ну если хочешь, будем жить эти полгода у меня.
- С твоими родителями, что ли? – глотая слезы, спросила она. – Начинать жизнь со свекровью в одной квартире, да это же заведомый провал семейной жизни. Нет уж, лучше у нас с мамой.
- Как скажешь, – вздохнул Максим.
- Ну так что? – после затянувшегося молчания спросил он. – До октября ждать будем или в четверг?
- Вера ответила сразу:
- До октября!
- Но ждать до октября не пришлось. «Динамо», о чем было сообщено в прессе, собралось в Волгоград на матч с местной командой. Максим пришел проститься.

– Я буду смотреть трансляцию по телевизору и увижу тебя, – склонив голову ему на грудь, радостно улыбаясь, шептала Вера. – Или ты опять будешь на скамье запасных?

– Нет. На этот раз я точно выйду на поле.

Через день после отъезда команды, ближе к вечеру, Вера получила телеграмму: «Сломал ногу. Целую. Максим».

Она не на шутку расстроилась. «Ведь вот невезение. Если Максим не будет играть, то и квартиру не дадут».

Команда вернулась с победой, Максим – с травмой, которую, как он объяснил, получил во время тренировки перед самым матчем.

Дни потянулись за днями. Наступил август. Вера, обеспокоенная предстоящим поступлением Максима в институт, донимала его расспросами. Он успокаивал ее, ссылаясь на всемогущего тренера. А потом как-то обронил: «Ну если и не поступлю в этом году, велика беда! Ты же меня все равно любишь».

Вера задумалась. Думала несколько дней, а потом пошла в редакцию газеты, где работала ее приятельница.

– Лена, – вызвав девушку в коридор, начала с придыханием от сильного волнения, – понимаешь, за мной один парень ухаживает, он спортсмен, играет в «Динамо».

– О! Так я их всех знаю! – радостно воскликнула та. – Как зовут?

– Максим Ломов.

Лена сдвинула аккуратненькие бровки, даже переносицу пальцем потерла.

– Ломов?.. Максим?.. Не слышала. Может, ты команду перепутала?

– Он новенький, еще в запасных ходит.

– Секунду! Сейчас зайду в спортивный отдел, там у нас Лева, он знает всех игроков на свете.

Вернувшись, Лена с сожалением пожала плечами:

– Никакого Ломова в «Динамо» нет.

Взгляд Веры остановился:

– Не может быть... Неужели он все это время обманывал меня? Но зачем?

– Как это зачем? Чтобы придать себе вес, чтобы заинтересовать тебя.

– Но он правда футболист, я сама была на стадионе и видела, как он играл, когда выступал за одну заводскую команду. Потом сказал, что его пригласили в «Динамо».

– Соврал! – махнула рукой Лена. И, немного подумав, предложила: – А давай мы проверим! Через Леву я договорюсь о встрече с главным тренером команды и все узнаю.

Неделю спустя Лена сообщила подруге самые достоверные сведения, как она выразилась, «из первоисточника».

Действительно, Ломов приходил показываться тренеру «Динамо», но тот ему сразу сказал, что он уже староват для дебюта в такой команде. «В принципе, – заметил тренер, – приди этот парень лет шесть назад, я бы его, может, и взял, но он упустил время, так что...»

Остальное Вера разузнала сама. Максим, как оказалось, жил в двухкомнатной квартире не только с родителями, но еще со старшим братом и парализованной бабушкой. Перспектив получить собственную квартиру у него, меняющего место работы каждые полгода, не было никаких. А уже двадцать шесть. Хочется покоя и удобств. Как назло, девушки, которые ему нравились, все были с неподходящими жилищными условиями. Случайно попав к Вере, он быстро оценил обстановку: одна мать, младшая сестра не считается – у аспиранта своя жилплощадь, комнаты не смежные, большая кухня. Максим решил, что на данном этапе образованная, пусть и не очень привлекательная Вера с двухкомнатной квартирой ему подойдет. Он рассчитывал мгновенно покорить сердце, а главное, плоть старой девы. Но помимо сердца и плоти у Веры, к чему не привык Максим, оказалась и голова.

Отношения выяснили быстро. Вера, пылая румянцем возмущения, выпалила ему все, что узнала.

– Сними гипс, травмированный, – с презрительным смехом посоветовала она. – Сам накладывал или кто помогал?

Максим тут же встал в позу обиженного интеллигенткой рабочего парня. Но на Веру это не произвело впечатления.

– Значит, спать с простым парнем можно, а вот выйти за него замуж стыдно! – бросил он свой последний «убийственный» аргумент.

– А ты не так уж глуп. Сам догадался, – надменно взглянув на него, ответила она. – Знаешь, в постели, как и в бане, все равны, но нельзя же в бане провести всю жизнь.

Прошло уже много лет, но этот эпизод не стерся из памяти Веры. Больше, чем за обман, она ненавидела Максима за то, что была вынуждена пойти на близкие отношения с мужчиной, которого, несмотря на все старания заглушить свой внутренний голос, презирала. Связь с ним была для нее унижением. Но ей тогда было уже двадцать шесть, и не было ни одного достойного претендента на ее любовь...

* * *

Вера непроизвольно провела рукой по лбу, отгоняя неприятные воспоминания. Придя в себя, улыбнулась очередному читателю и едва удержалась, чтобы не воскликнуть вслух:

«Невероятно! Как только твое имя становится известным, из небытия на свет выползают все, – и те, кого бы ты хотел видеть, да они тебя игнорировали, и те, кого бы ты сто лет не хотел видеть».

Маслено улыбаясь, перед ней стояла то ли одноклассница, то ли бывшая однокурсница с параллельного потока, то ли бывшая соседка. Но то, что Вера знала обладательницу масляной улыбки, в этом у нее сомнения не было.

– Вот... – смущаясь, начала черноволосая женщина в пальто с крашенным в зеленый цвет песцовым воротником. – Обожаю читать ваши... твои... книги. И дочка моя, – подтолкнула она к стойке худую девицу, – обожает! Сама тоже пишет. Поступала на факультет журналистики, недобрала баллов. Но талантливая. Она уже три книги написала.

– Поздравляю, – выдавила Вера улыбку, напрочь забыв имя женщины. – Вы простите, я забыла, как вас зовут.

– Ах! Да как же?! – всплеснула та руками. – Мы ведь, Верочка, вместе в институте... Я с параллельного потока... Ира... Ира Левина.

– Да-да! – Вера быстро надписала книгу и протянула Ире Левиной, но та не собиралась уходить, несмотря на напивавшую очередь.

– Верочка, – зашептала она, ложась грудью на стойку, – Верочка, будь так добра, помоги дочке. Устрой ее романы в печать. Она ходила, предлагала, но, знаешь, тут рука нужна.

– И голова, – добавила Вера.

Однокурсница подобострастно хихикнула:

– Так, может, ты считаешь ее рукописи, что подправишь, укажешь... Помоги! У нее большие способности.

– К сожалению, у меня совершенно нет свободного времени. Приятно было увидеться.

Вера взглянула на охранника, и тот отвел от стойки однокурсницу с талантливой дочкой.

Когда наступило небольшое затишье, она пошла в кабинет директора выпить чашку кофе. Директор, мужчина лет пятидесяти в красивом темно-сером костюме, был само очарование.

– Верочка, – приятным баритоном проговорил он, – прошу вас продлить время презентации вашей книги. Хотя бы еще на полчаса. Покупатели идут и идут.

Она кивнула и села на диван. Директор придвинул столик к ее коленям, намеренно задержав на них свой взгляд. Вера мысленно рассмеялась: директор такого магазина интересуется ее коленями, когда у него в подчинении сотня молодых коленок, да вот только одна загвоздка, у их обладательниц нет известного имени. Все они просто Тани, Лены, Гали... А она – Вера Астрова. Но вот именно на Веру Астрову такие взгляды не производят никакого впечатления. Знает она им цену!

Как только Вера из Полынниковой превратилась в Астрову, ее вдруг стали замечать мужчины из тех, кого называют приличными, достойными, видными. Первыми всполошились журналисты. На каком-то фуршете один

из них подошел к Вере и, не утруждая себя предисловием, сказал:

– Хотелось бы познакомиться поближе! Если, конечно, писательница не против?

Плечи Веры чуть заметно поднялись, выражая замешательство, но губы тронула улыбка.

– Меня зовут Дим Димыч! – представился он. – Так значит, встретимся? Я позвоню!

Вере он понравился. «Симпатичный», – подумала она. Дим Димыч не заставил ждать своего звонка.

– Привет! Как дела?

– Какие там дела?! Работаю!

В ее голосе непроизвольно зазвучали кокетливые нотки. Она взглянула в угол монитора на часы и подумала, что на сегодня уже можно поставить точку и было бы неплохо пойти куда-нибудь с Дмитрием. Но он, выдав длинную тираду ни о чем, закончил очень конкретно:

– Хотелось бы, так сказать, взглянуть, как работает писатель.

Вера рассмеялась, не поняв потаенного смысла сказанного:

– Обыкновенно. Сажу перед монитором и стучу пальцами по клавиатуре.

– Ну так, может, я подъеду и взгляну?..

Вере не понравилось такое предложение. «Даже на чашку кофе лень пригласить! Или жаль потратиться? Сразу в постель!»

– Нет, к сожалению, сегодня я очень занята.

Молчание было недолгим – не слишком опечалился.

– Ну так я как-нибудь еще позвоню. В субботу?!

– Хорошо!

Но та суббота так никогда и не наступила.

С ростом популярности росла и значимость мужчин, желавших стать любовниками известной писательницы. Что ж, Вера не отказывалась от приятных для нее партнеров. Они же, несмотря на независимый характер Астровой, ожидали от нее, как почти от всех без исключения женщин, досадного в любовной связи момента, когда лю-

бовница вдруг начинает считать себя вправе намекать на развод, а потом и требовать его. Ведь все солидные мужчины, как правило, женаты. Но от нее ни один из них не дождался этого в наивысшей степени неприятного намека, который сначала обычно выражается во фразе: «Ах... (далее следует длинная тоскующая пауза) как было бы хорошо, если бы мы могли жить вместе!..» После первой фразы неизбежно следует вторая, а потом они точно снежная лавина погребают под собой и самого партнера, и его любовь.

Но Астрова не горела желанием разжигать свой домашний очаг. Вероятно, в ней была слишком уязвлена женщина. Правда, она пыталась себя переубедить: «Ведь то, что я стала Астровой, — это моя заслуга...»

Но такой аргумент способен утешить только мужчину. Да, когда-то он был никем, а теперь богат и женщины наперебой предлагают ему себя. Но для женщины подобные размышления не могут служить утешением. Каких бы высот она ни достигла, ее изначальная отвергнутость «Ведь я тогда моложе, я лучше, кажется, была...» порождает в ней подспудное недоверие и пренебрежение к своим партнерам. «А пошли вы все!.. Буду использовать вас только по прямому назначению!»

Не обошлось, конечно, и без тех, кто делал Вере предложение, но это были либо середнячки, которые, страшась своего же будущего, пытались обеспечить себя за счет удачной женитьбы, либо юнцы, стремящиеся подняться по Вере, как по ступенькам, ну хоть куда-нибудь...

Директор был сама любезность. Намеки «как бы нам продолжить знакомство» пестрыми бабочками кружились вокруг Веры. Она выпила две чашки кофе. Прикрыла глаза и медленным, плавным движением слегка помассировала шею. Взглянула на директора, который уже был готов запереть дверь кабинета, и, поднимаясь, сказала:

— Ну, значит, еще полчаса!

«Успех!.. Большой, настоящий!.. — расписываясь в книгах, думала Вера. — И им надо воспользоваться! Хватит выслушивать приказы Пшеничной. Я — лицо изда-

тельства. Все остальные – мелочевка. И я должна как можно быстрее перейти из разряда авторов развлекающих в разряд настоящих писателей. Надоела зависимость! Сегодня же вечером потребую, чтобы Милена подписала к печати тот мой роман. Не намекну, не попрошу, ссылаясь на успех, а потребую!» – решила она и с такой силой поставила свой автограф, что он оттиснулся чуть ли не на половину книги.

Провожали до машины с цветами, пожеланиями здоровья, успехов. Директор лично открыл дверцу и поддерживал за локоть, шепнув: «Так я позвоню!» Вера лишь усмехнулась.

– Домой? – спросил водитель.

– Нет! В издательство!

ГЛАВА 12

Дежурный охранник удивился столь позднему визиту Астровой.

– Пшеничная у себя? – спросила она.

– Работает! – ответил тот.

Вера на секунду остановилась, собралась с мыслями и странно легкой, точно ирреальной, походкой, когда не чувствуешь, как касаешься пола, направилась в кабинет Милены.

В приемной никого не было. Вера остановилась перед дверью, подняла было руку, чтобы постучать, но передумала, смело толкнула дверь и вошла.

Милена сидела за столом и просматривала бумаги. Услышав, что кто-то вошел, подняла глаза.

– Мне уже докладывали, – сказала она. – Все прошло на уровне. Я довольна.

Астрова, пожав одним плечом, мол, а иначе и быть не могло, вольготно раскинулась в кресле.

– Очень хорошо, что вы зашли сегодня. Я не хотела вас беспокоить после тяжелого дня, но раз уж вы сами пожаловали... – Милена поднялась и вышла из-за стола, – то я ознакомлю вас с принятым мною решением.

Этот самоуверенный монолог вызвал раздражение у Веры, и потому она прервала его:

– Да, зашла! Я подумала, что сейчас самый подходящий момент, чтобы издать мой роман, – произнесла она несколько нервным тоном.

– А!.. – протянула Милена. – Так называемый серьезный. Последовала пауза.

Вера, не отрывая взгляда, следила за ней, она почувствовала неладное.

– О-хо-хо!.. – сокрушалась о чем-то Пшеничная, подошла к столу и оперлась рукой о его край. – Но ведь вы, Вера, специалист по низовой литературе. Как же вы так вот в высокую вдруг перескочите?

Вера внутренне вздрогнула.

«Выискала словечко!.. Вычитала! Залезла в глубь истории. Докопалась до поздней греческой прозы, которую делят на произведения для широкого, или низового, читателя, и на произведения для читателей из культурного слоя». Пшеничной настолько сильно удалось уязвить Астрову, что та не сразу нашлась с ответом. «Можно, конечно, сказать, что широкий читатель – это... Что это?! – теряла она драгоценное время, когда ситуацию возможно было переломить в свою пользу. – Это миллионы людей!.. Так почему же я хочу уйти от этих миллионов и стать писателем высокой литературы?! – совсем некстати задала она сама себе вопрос. – Снобизм? Желание укрыться за стенами из слоновой кости от мелких, но ежедневных укусов критиков, знакомых – что, мол, ты пишешь?.. Так, ерунду! А вот Сидоров! Его знают немногие, но он уже несколько премий получил, вот он – писатель, а ты... Но ведь тот же Сидоров до разлития желчи завидует моим гонорарам! Так чего же я хочу? А хочу я редкого: сочетания высокой литературы с высокими гонорарами!»

За то время, пока Астрова собиралась ответить, Милена налила себе и своей гостье джина с тоником.

– А вот хочу перескочить! – наконец произнесла Вера.

– Но ведь это торговля своим талантом! – продолжала ерничать Пшеничная.

– А писатель – он вообще торговец. Здесь товар не идет, так он за рубеж уедет. Из издательства в издательство будет бегать, искать, где больше заплатят.

– Ну что ж, – вяло повела рукой Милена, – бегите, Вера! Потому что издательство, которым руковожу я, в настоящее время не нуждается в авторах высокой литературы. Но даже если они и понадобятся, то вас в качестве такового я рассматривать не буду. Вы автор массового потребителя. Девиз которого – «Прочитал – забыл».

Потребителя, для которого не важен текст, важен сам процесс чтения, благодаря которому он отвлекается от своих ежедневных проблем.

Астрова вертела в руке стакан, как бы размышляя над словами Пшеничной. Потом поднялась, прошла по кабинету и сказала:

– Если вы не напечатаете тот мой роман, я уйду из вашего издательства. Выполню последний из подписанных контрактов и уйду.

Пшеничная рассмеялась... Беззлобно:

– Со своей стороны могу обещать вам одно. Даже если другое издательство осмелится напечатать ваш роман, я позабочусь о том, чтобы его реализация с треском провалилась. И вы знаете, – в ее глазах сверкнул опасный огонь, – что так будет!

– Да вы что?! – Вера инстинктивно отступила на шаг. – Угрожаете мне?!

Пшеничная вынула несколько шпилек из волос, и они, искрясь, рассыпались по плечам.

– Предупреждаю! – посмеиваясь, покачала она головой. – Ваша наивность порой вызывает умиление. Вы что ж, полагаете, что угрожают только в кино или в книгах?.. Издательский бизнес – это очень серьезно, Вера. Неужели вы до сих пор не поняли?

Астрова гордо вскинула голову и хотела бросить что-то резкое и, как казалось ей, весомое, что заставит Милену прислушаться к ней. Но Пшеничная как-то так махнула рукой: «Молчите уж, ради бога, что вы понимаете!» и Вере пришлось проглотить свои слова.

– Послушайте, уже поздно, а нам надо поговорить. – Милена сосредоточенно помолчала. – Значит, что я хочу! – складывая ладони вместе, продолжила она. – Как вам известно, наше издательство устраивает карнавал, на который кто только не приглашен! Само собой разумеется, и репортеры. У вас будут брать интервью и, между прочим, поинтересуются вашим мнением о писательнице Скоковой. Вы скажите, что вам очень нравится ее стиль...

Взгляд Веры замер на одной точке, настолько велико было ее изумление. Писательница Скокова!.. Она видела ее несколько раз. Та как-то подползала к ней на презентациях. По-змеиному вкрадчивая, до самоуничтожения скромная, до приторности заискивающая, демонстративно сознающая скудость своих писаний.

«Впрочем... В последнее время она сильно изменилась, но я не придала этому особого значения. А может, побоялась придать? Ее сутулая спина выпрямилась, во взгляде появилась уверенность, суждения стали резкими, собственная писанина превратилась в творчество. Ведь гонорары стали значительными, тиражи большими».

«Ну да, положим, я пишу плохо, а вот ты напиши как я, так же плохо, и пусть тебя напечатают. А!.. Не сможешь!.. Значит, есть у меня что-то такое, чего у всех остальных нет. Называй как хочешь, нюх, ловкость, умение, может, и литературные способности, но что-то, несомненно, есть, и это главное!..» – как бы говорил весь ее до самозабвения вызывающий вид.

Вера вздрогнула, отыскала взглядом Милену, сидевшую, положив ногу на ногу, на диване и курившую длинную тонкую сигарету.

– Я ничего не буду говорить о Скоковой! – нарочито медленно произнесла она.

Пшеничная со скукой в глазах усмехнулась:

– Скажете, и притом все в точности. Я решила выдвинуть Скокову вместо вас. Сделать ее лицом издательства. И даже объясню почему. Она не метит в серьезные писатели. Она настолько ограничена, что уже считает себя самым что ни на есть настоящим писателем. Ах, – заложив руки за голову, мечтательно проговорила Милена, – завидую отчасти таким. Она абсолютно уверена, что ее книги и через века будут стоять на полках в один ряд с классиками. Говорит: Скокова, а потом, по алфавиту, Толстой. Блаженна! Хитра и блаженна! Но читателям нравится. Она уловила нужную тему и пишет. Ее не бросает из стороны в сторону, как вас.

Вера подошла к бару и мелко дрожащей от ярости и обиды рукой взяла бутылку и налила себе немного джина.

– А что ж в таком случае вы намереваетесь сделать со мной? – с издевкой поинтересовалась и села в противоположный угол дивана.

– Да ничего особенного. Вам надо уходить!

– Как это? – глядя во все глаза на Пшеничную, воскликнула Вера.

– Ну вот давайте и обсудим! – спокойно ответила она. – Есть несколько вариантов. К примеру, вы выходите замуж и говорите, что всю себя решили отдать семье.

– Не хочу я замуж!

– Но я же не говорю о настоящем браке. Мы подберем вам мужа. Устроим скромное, но достаточно освещенное прессой бракосочетание, а потом вы тихо разведетесь.

Астрова сидела и пыталась собраться с ошалевшими от шока мыслями.

«Да что же это такое? Триумф, успех!.. Вот только что, час тому назад! И вдруг она, – Вера остановила свой странный взгляд на Пшеничной, – все хочет и, главное, может разрушить. Но неужели я – ничто?! Неужели я – всего лишь марионетка? Нет, я не такая! Я сумею постоять за себя!»

– Нечего нам, Милена, обсуждать! Я не уйду из литературы! – с вызовом проговорила Астрова.

Пшеничная вздохнула и с тоской посмотрела на часы.

– Неужели вы не понимаете, что то, чем мы с вами занимаемся, это не литература, а издательский бизнес. Поймите, литература не печатается миллионными тиражами, как бриллианты не продаются на килограммы.

Вера порывисто вскочила с дивана.

– Вот поэтому я и хочу уйти из бизнеса в литературу! Я столько сделала для вашего издательства! Помогите теперь вы мне! Вы, Милена, всегда предельно откровенная, иногда до противного откровенная, но тем не менее вы не скажете мне, что я глупа и не способна на большее!

– Не скажу, Вера. Но все дело в том, что вы мне больше не нужны!

Обида, замешанная на гневе, искала выход. Астрова, повернувшись на каблуках, вьюгой пронеслась по огромному кабинету. «А!.. А!.. А!..» – неслось следом за ней.

– ...А когда была нужна, использовали меня!

Милена подняла руку, призывая Веру успокоиться:

– По-моему, у вас ко мне претензий быть не может. Давайте вспомним! Пять лет назад о вас никто не знал. Вас как бы и не было. Отец только-только начал вас раскручивать, но не успел. Казалось бы, судьба поставила на вас крест. Но я, уважая память отца, продолжила его замысел, и появилась литературная знаменитость Вера Астрова. Вы этим недовольны? – склонила набок голову Милена, и волосы, золотясь, скользнули по ее плечу.

– Меня не устраивает то, к чему это привело.

– Хорошо, допустим, я бы вас не продвигала. И что? Вы так бы и остались никем.

– Но я бы имела возможность продолжать писать. Пусть бы меня издавали только в покет-буках, пусть!..

– А жить на гонорар в пять тысяч рублей за проданную книгу смогли бы? А так – вы блеснули! Вынырнули из общей массы. Многим это удастся в жизни? Будьте мудрой! Я вам дам целый год, чтобы вы смогли достойно уйти. Используйте его. Найдите богатого мужа, вложите выгодно свои деньги, да мало ли!.. Одним словом, я опять даю вам шанс!

Вера смотрела на Пшеничную и не могла, как не силась, понять, что происходит. Она шла в издательство требовать и ставить свои условия. В ее руках сверкал, лучился успех. Но оказалось, что он был выдан ей на время и пришла пора расставаться с ним.

Милена, видя, что Астрова перестала протестовать, коснулась пальцами ее плеча и сказала:

– Вот и отлично. Мне всегда импонировало ваше благоразумие. Значит, мы обо всем договорились. Ненавязчиво, но очень благожелательно несколько раз упомяните в интервью имя Скоковой.

– А моя пьеса? – глухим голосом спросила Вера.

– Пьесу я не отменяю. Контракт подписан, и театр приступает к постановке.

Провожая Астрову, Милена еще раз коснулась пальцами ее плеча и напомнила:

– Я даю вам шанс.

«Тоже мне, судьба!» – мысленно огрызнулась Вера.

Она вышла в коридор и оперлась плечом на стену, словно искала у нее поддержки.

«Нет! Нельзя вот так просто уйти! Нельзя! По сути дела Пшеничная задумала уничтожить меня. Я должна, обязана сопротивляться! Я не хочу обратно в массы!»

Астрова сделала решительный шаг к двери кабинета и... остановилась. Внутри все клокотало, как магма в жерле вулкана. Она не помнила сама себя. Какое-то время спустя будто повеяло холодком, и смертельный ужас неизбежности охватил ее. Затылок оледенел, а мозг четко выдавал одну фразу: «Это конец!» Жуткие, мрачные мысли налетели, подобно летучим мышам, и своими перепончатыми крыльями закрыли весь горизонт, все пространство сознания, все... все стало черно-серым... Вера, пошатываясь, направилась к лестнице.

«Где, где взять лазоревые мысли?..» – повторяла она, потеряв смысл самой фразы.

* * *

Она вышла на улицу и побрела, не разбирая пути. Яркие огни фонарей, золотистая дымка подсветок – все это было уже не для нее. Ей только что сказали, что ее скоро не будет. Дали на умирание год, по истечении которого она перестанет быть Астровой... Уверенной, красивой, загадочной, талантливой... Вновь выползет из ее «я» мышка Польшникова, которая безропотно будет подбирать крохи, бросаемые ей судьбой; целыми днями сидеть в какой-нибудь конторе, а вечерами перед телевизором. День за окном будет сменять ночь, искрящаяся огнями, полная жизни, но это уже будет не для нее. Она потушит свет и ляжет спать...

Вера лишний раз убедилась в своей недалекости. Пришел успех, и надо было задуматься, как следует поступить, если он уйдет. Некоторые, например, так называемые писательницы, заранее подготавливают себе предлог, чтобы объяснить свой уход из литературы. Они сразу, с самого начала, объявляют, что стали писать как

бы не сами, а по наитию сверху. Они-де всего лишь приемники – получают информацию и выдают. Этаким золотой дождь проливается на них и выходит через кончики пальцев, которые либо держат ручку, либо стучат по клавиатуре. Всякий раз у Веры при этом возникал вопрос: «Какое же Провидение может передавать такую скудную информацию?..» Но тем не менее достойный уход из литературы обеспечен: «Увы!.. Связь с информационным полем так же внезапно прервалась, как и появилась. Я одарила мир интересными сюжетами, где порадовала, где заставила пролить светлые слезы... Этим счастлива».

Вера остановилась перед яркой витриной. «Куда идти? Домой – страшно!» Там только эхо ответит на ее сетования. Мать живет с сестрой в Петербурге. Занята внуками и плетением замысловатых историй, которые рассказывает зятю, чтобы объяснить очередной загул дочери. «Куда? Любовники – они же только по расписанию. Да и разве пожалуешься, что тебя выбили из обоймы. Им только успех интересен...»

Вера достала сотовый и позвонила Ксении.

– Ты знаешь, что мне сегодня сказала Милена? – спросила, не поздоровавшись.

После продолжительного молчания Ксения ответила:

– Значит, все-таки решила так!

– Ты знала?

– Я отговаривала!

– Мне плохо!

– Приезжай!

Гостиную неярко освещали матовые бра в форме квадратов. Вера упала в мягкое, расплывшееся под ней кожаное кресло и попросила виски.

– Тошно!

– Не понимаю я Милену, – пожала плечами Ксения, – жестко закручивает гайки в своем бизнесе. Как бы не лопнул. – Она села на подушку, лежавшую на полу. – Я ей говорила, объясняла, доказывала с цифрами, что ты можешь приносить прибыль, даже уйдя из литературного ширпотребя. У тебя потенциал!.. Но Милена уперлась. Только о Скоковой думает. Хочет всю страну ее книгами обложить. Иногда мне

кажется, что она таким образом мечтает подчинить себе всех посредственно мыслящих читателей. Может, она в депутаты надумала баллотироваться и ей нужны голоса? А Скокова – идеальный агитатор. Скажет все, что пожелаете.

Услышав чьи-то шаги, Вера подняла голову и растерянным взглядом обвела гостиную.

– Ты не одна?

Ксения успокаивающе махнула рукой.

– Это мой друг. Не бойся. Свой человек.

«Свой человек!.. Какое это счастье, когда можно так сказать».

– А у меня никого нет... – не сдержала прерывистого вздоха Астрова.

Брови Ксении, сойдясь у переносицы, приподнялись, лицо стало просящим.

– Верочка, не отчаивайся! Что-нибудь придумаем... Кстати, познакомьтесь! – заметив, что в комнату вошел ее друг, сказала она: – Владимир Новгородцев, актер, бард.

Владимир поцеловал Вере руку.

– Я не владею миром, я в ладу с ним. Что, поверьте, не намного проще.

Новгородцев посмотрел на женщин и, поняв, что он лишний, устроился в угловом кресле. Положил на живот гитару и стал тихо перебирать струны.

– Ксения, посоветуй, что можно сделать? – упавшим голосом попросила Вера.

Ксения подошла к стойке бара, включила свет и занялась приготовлением коктейлей.

– Честно скажу, не знаю. И я, и Олег, мы были за тебя горой. Но Милена почему-то уперлась и, главное, не желает просто отпустить тебя. Ей обязательно надо, чтобы ты ушла из издательского бизнеса и никогда больше в нем не появлялась. Вероятно, не хочет в случае твоего успеха локти кусать. А там кто ее разберет, хоть она и моя двоюродная сестра. Может, ей нравится вот так манипулировать людьми. Наслаждаться своей властью. Ведь Станислав Михайлович тоже был таким – сильным, суровым, безжалостным. Царство ему небесное, конечно.

Ладимир замурлыкал что-то в своем углу, превратив простой перебор струн в красивую мелодию.

– Иди к нам, Ладик, спой! – позвала его Ксения.

Он послушно перебрался на диван. Ксения подала коктейль.

Вера залпом выпила свой бокал, и ей показалось, что в мыслях забрезжил лазоревый свет.

– Мы с тобой, Вера, не такие, как Милена. Рассуждать, как следует поступить, мы можем, но вот поступить так, как следует, духу не хватает... – развела руками Ксения.

– А отчего не хватает, как думаешь? – хмелея, спросила Вера.

– А это кому как отпущено, – пропел Ладимир.

– А как узнать? – повернула она к нему голову.

– Так человек сам должен чувствовать.

Вера, пьяно повизгивая, расхохоталась:

– А чувства бывают обманчивыми. Вот, кажется, любишь человека до беспредельности... А потом... пух! Полгода прошло, и беспредельность петлей на шее повисла. Так как же узнать, а? – сощурила она глаза.

– Когда очень захочешь, узнаешь!

– А я очень, очень хочу! – настаивала Вера и вдруг почувствовала, что плачет. Растерялась, хотела скрыть слезы, вдохнула побольше воздуха и вообще разрыдалась.

– Мерзко.. Мерзко.. – стонала между рыданиями. – Какой день, сволочь, испортила! Какой день!.. Я-то, Ксюша, думала, что я Астрова, а она меня!.. Деньги, говорит, вложите выгодно. А какие у меня деньги? Я ведь все потратила! Ничего же не было: ни квартиры нормальной, ни компьютера, ни машины, ни одежды, ни колечка приличного.. Ой, как тяжело! Как тяжело! Вы уж меня простите. Пришла, разревелась..

Ксения похлопывала ее по спине, Ладимир налил в стакан воды и набросал в него льда.

– Выпей! – протянул Вере. – Вот видишь, думала про себя одно, а вышло – другое.

Вера всхлипнула и послушно закивала.

Как она возвращалась домой, помнила смутно. Ее усадили в такси. Потом улицы, улицы... И сразу кровать.

ГЛАВА 13

Сергей вертел в руках алый пригласительный билет с щедро рассыпанными по нему золотыми звездами и му-чительно размышлял, стоит ли идти на этот карнавал? Он подошел к зеркалу, приложил к лицу черную бархатную маску и усмехнулся: «Мистер Икс! Черт возьми, Тина дает мне шанс. Отчего не воспользоваться? Можно и нужно, но...» Он со вздохом отбросил маску.

Внутренняя опустошенность, душевная вялость, усталость, перешедшая в безразличие, подавили в нем все стремления. Он жил. Просто жил как живет. Работа устраивала. С его талантом создавать новые этикетки было пустяшным делом. Мог бы зарабатывать больше, но для этого надо было хоть немного посуетиться, не делать вид, что не замечаешь, когда расторопный коллега ворует твои разработки и получает за них денежные поощрения.

Оказалось, как понял Сергей, все эти сказки о спящих царевнах, заколдованных богатырях – не такие уж небылицы. Околдовала его какая-то сила. Живет он будто во сне. И хочет сбросить коварное оцепенение, поднимает руки, а они вязнут в густом тумане... И мозг точно паутиной покрыт...

Сергей снял смокинг и прилег на диван. «Лучше выплюсь!» Но тут вспомнилась Валентина. Сияющая, радостная, окутанная сладковатой дымкой духов. Захотелось ее увидеть. Вскочил, вновь надел смокинг, освежил лицо туалетной водой и вышел на улицу. Снежинки беспорядочно падали на асфальт и таяли.

«Почему они так стремятся коснуться земли? – подумал Сергей. – Обгоняют друг друга, толкаются. Наверное, хотят получше место занять, но вместо этого из пу-

шистой звездочки тут же превращаются в безличное мокрое пятно. Как глупо!.. А ведь завораживающее зрелище – чужая глупость, – усмехался он, глядя на снежинки. Подставил ладонь, и они вмиг покрыли ее пушистым кружевом, которое почти в тот же миг превратилось в холодную влагу. – Вот и я тоже собираюсь совершить очередную глупость под названием «Жить полной жизнью». Зачем?.. К чему?.. Но ведь завораживает, когда смотришь на других...»

Возле подъезда со сверкающим ослепительно белыми лампами навесом крутились разноцветные Арлекины, кокетливо поглядывали Коломбины и картинно грустили Пьеро. Фролов предъявил охраннику свой билет. Тот неторопливо принялся проверять, есть ли его имя в списке приглашенных. Сергею стало не по себе, он подумал, что Валентина наверняка забыла позвонить и внести его фамилию.

«Вот сейчас этот двухметровый миляга разведет руками и скажет: «Сожалею, но ваш приглашенный не действителен». А фэйс-контроль уж точно заметил, что я нервничаю», – злился он на себя и Валентину.

– Прошу вас! – приветливо повел рукой охранник.

Сергею стало стыдно перед самим собой за рабское малодушие. Другой бы на его месте даже не беспокоился. У него билет, и это не его проблемы, что фамилия отсутствует в списке.

Музыка была слышна уже в фойе. Фролов снял кожаное пальто, поправил волосы перед высоким зеркалом и прошел в зал, украшенный панно из венецианской жизни.

Зал пестрел костюмами гостей, переливался извивами серпантина, сверкал дождем конфетти. Середину зала оставили для танцев, а вдоль стен были расставлены увитые виноградными листьями беседки, в которых на столах, покрытых белоснежными скатертями, были выставлены бутылки шампанского и легкая закуска.

Сергею непременно надо было увидеть Валентину. Но большинство приглашенных были в масках. Он выпил шампанского и приступил к поискам, будучи уверенным в их тщетности, но все-таки – развлечение.

Дамы, вместо того чтобы скрывать свои лица при приближении незнакомца, наоборот, отводили яркие маски на длинных ручках в сторону и зазывно подмигивали. Карнавал – можно все!.. Фролов подумал, что раз уж он попал на праздник, хоть и чужой, то вправе повеселиться. И тут увидел Тину. На обнаженной груди, поддерживаемой жестким корсажем, тяжелым ленивым блеском переливались рубины, в руке, обтянутой красной шелковой перчаткой до локтя, она держала широкий бокал с шампанским и говорила с каким-то мужчиной. Сергей попытался попасть в поле ее зрения, но она ни на миг не отводила зачарованных глаз от своего визави. Фролов зашел за спину Валентины и взглянул на ее собеседника. Тонкие, острые черты лица, слегка выдающийся вперед подбородок, на вид лет двадцать с небольшим...

«Она что, с ума сошла? – удивился Сергей. – Ей-то уже... Ну дает!..»

Оркестр заиграл вальс. Валентина положила руку в красной перчатке на плечо своего юного друга, и край ее платья скользнул по ногам Фролова. Он посторонился. Подошел к колонне, увитой плющом, поманил рукой официанта и взял бокал с белым вином.

«А пошло оно все!.. – подумал с остервенением. – Пригласила, а сама даже не побеспокоилась, как мы встретимся в такой толчее. Все, ухожу!.. Нечего мне здесь делать. Я давно сошел с дистанции и не имею желания обгонять, обходить, стремиться, добиваться, достигать...»

Он твердым шагом направился к выходу да заплутал среди беседок, шпалер, увигых гирляндами роз, бегающих ватагами фавнов и вакханок, которые окружили его и надели на голову венки из виноградных гроздьев. Злое выражение лица Фролова вызвало всеобщий смех. Он едва сдержался, чтобы не плюнуть. Злость клокотала в нем, заставляя подергиваться угол рта. «Черт! Черт бы меня побрал!» – летел не разбирая дороги Сергей к выходу, а на самом деле кружил на месте.

Неожиданно из пестроты, блеска, мигающих огней взгляд его выхватил женскую фигуру в платье цвета ту-

рецкой бирюзы. «Обворожительна и зла!» – пролетело четкое определение в голове Фролова. Он остановился как вкопанный. Женщина с пристальным вниманием смотрела на добровольно и с удовольствием сходящую с ума толпу. Градус карнавального веселья был уже таков, что трезвому человеку видеть это было и забавно, и омерзительно. Фролов не был трезв, но и не смог опьянеть настолько, чтобы получать удовольствие от всеобщей вакханалии.

«А! Тоже ненавидишь их всех, презираешь!.. – начал он мысленный разговор с незнакомкой и осекся. Во взгляде женщины не было презрения. – И она вот так же хочет сходить с ума! – с раздражением подумал он. – Бегать вокруг этих фонтанов, срывать губами клубнику, свисающую с искусственных лиан, пить кофе из пузатого кофейника, смешно передвигающегося по залу и под общий громовой хохот с фривольной ловкостью разливающего в чашки свой горячий напиток...» Мысль затормозила, запуталась, чувства, воспользовавшись заминкой, заструились по всему телу, и Фролов признался себе, что он тоже хочет этого же – веселого беспамятства! Но чтобы так шикарно беспамятствовать, надо иметь много денег!

Он в упор взглянул на незнакомку и узнал ее. «Вера Астрова, писательница. По-моему, мне как-то попадалось несколько ее книг. У кого-то из сотрудников видел на столе. Так... Смешение интересных мыслей с какой-то сверхъестественной глупостью. Впрочем, ее выводы порой не лишены оригинальности...»

Фролов вспомнил, что когда он вошел в зал, то увидел Астрову в ярком свете прожекторов. Она стояла перед камерой и отвечала на вопросы журналиста. Отвечала умно, с иронией... Милена, сложив руки на груди, стояла чуть поодаль от камермена. С едва заметной самодовольной улыбкой она следила за Верой и ждала нужных ей ответов. Прозвучал вопрос: «Что вы можете сказать о стремительно вошедшей в нашу литературу Скоковой?» Вера улыбнулась, не преминув подумать: «Пшеничная таким образом хочет отнять часть моих читателей, кото-

рые заинтересуются книгами Скоковой, услышав мой положительный отзыв о них. Эх, какой бы это был шок, какой резонанс, если бы я сказала правду. Просто правду. Что книги Скоковой – белиберда. Но я этого не скажу. Милена – опасный противник, не прощающий, не идущий на компромиссы...»

Астрова сделала вид, что слегка задумалась, а сама посмотрела в сторону Скоковой, улыбавшейся ей, как змея, которой повязали пышный розовый бант.

– Мне понравилось то, что я читала, – слегка сдвинув брови, произнесла Вера. «Чушь, дальше второй страницы читать невозможно». – Интересные сюжетные линии. – «Нескончаемая песнь каюра: что вижу, что слышу, то и пишу. Зашла соседка – написала; зазвонил телефон – написала; собака завyla – тоже отобразила на бумаге. Вчера лифт сломался, и это событие нашло свое отражение в книге маститой писательницы». – Неожиданные повороты – «неповоротливой мысли». – Своеобразный стиль изложения... – «Абсолютное отсутствие стиля»...

Вера обронила еще несколько благосклонных фраз, мысленно послав сопернице: «Не радуйся, придет время, и ты точно так же, скрипя зубами, будешь славословить очередную «находку» Милены Пшеничной!»

Фролов не мог оторвать взгляд от Астровой. Столько силы, отчаянной уверенности было во всем ее облике, что он невольно залюбовался ею. Но Астрова, помахав кому-то рукой, скрылась в одной из беседок. Сергей очнулся и вспомнил, зачем он пришел на этот карнавал. «Валентина обещала познакомить меня с состоятельными людьми, которые могут стать моими заказчиками. Так пусть, черт возьми, знакомит! Я тоже хочу добиться возможности вот так же весело и беззаботно хотя бы раз в год сходить с ума!»

Он провел рукой по волосам, отыскал стол с напитками, выпил запотевшую стопку водки, закусил рыжиком и отправился на поиски Валентины.

После вчерашнего потрясения Вера проснулась поздно. Села на кровати и мутными глазами обвела свою спальню. Предметы искривлялись, вытягивались, точно грозили исчезнуть. «И исчезнут, — подумала она, — если не приму экстренных мер! Каких?» — после паузы спросила она себя и встала с постели. Натягивая на плечи сползающую рубашку, Вера пошла в гостиную.

— Как это вчера сказал Владимир?.. Ты думала про себя, что ты такая, а на самом деле оказалась другая. Так какая же я?! — Она остановилась перед зеркалом: выше среднего роста, широкая в кости, но стройная, русые волосы, пышные, с золотистыми переливами, серые, будто слегка подсиненные глаза... — Фу! Да это я сто раз видела. Главное, какая я внутри?.. Сначала растерянная, забитая, несчастная, потом яркая, гордая, и все же чего-то боящаяся. Ну да! Я все время ждала, что может случиться что-то ужасное, что, собственно, и случилось. А если изгнать страх? Тогда можно натворить такое! Страшно подумать! — Эта мысль взбесила ее. — Опять страшно! Да чего же? Кого? Милень?! О!.. — взвыла она, чувствуя, что ей не разобраться. — «И двойственно нам приказанье судьбы: мы вольные души! Мы злые рабы!...»¹ — громко произнесла она. — Ах, как верно! Душа — вольна, тело — раб! Значит, судьба упрямляет моей оболочкой — телом. Ведь мы в большинстве случаев следуем указаниям судьбы вопреки своим духовным стремлениям, потому что свободная душа заключена в рабски покорное тело. Душа рвется в одну сторону, а тело тянется в другую, куда судьба тянет. И вот, когда тело — в одну сторону, а душа — в другую, и возможен летальный исход. Брр! — передернуло ее, и она поспешила надеть халат. Прошла на кухню, машинально включила кофеварку. — Внутри нас — непрекращающаяся, изматывающая борьба. Я — физическая оболочка для какой-то Силы, раздираемой противоречиями. — Вера прислушалась к себе, и ей показалось, что она услышала

¹ А. Блок.

шум внутренней борьбы, происходящей в ней. – Ясно одно, – продолжила она свои размышления, – все от меня отвернут, когда я перестану быть Астровой, когда вновь превращусь в то, чем была до сих пор, в «зеркало». Ведь глаза обывателей – это зеркала, в которых отражаются чужие успехи. А я не хочу больше отражать! Поэтому выход у меня один – я должна взбунтоваться против Пшеничной. Но каким образом? Деньги и власть у нее. А у меня?.. А у меня ничего! Кроме таланта, которому необходима защита.

Пшеничная собирается нравственно убить меня. А я?.. Что могу я? Убить ее физически! Ого! Загнула! – провела она рукой по лбу и налила в чашку кофе. – А собственно, разработкой убийств я и занимаюсь последние семь лет. Убиваю налево и направо, причем жестоко, чтобы кровь стыла в жилах читателей. Ох, и лобят люди читать про то, как убивают других. О, изощрения человеческой психики!.. – покачала она головой. – Дайте им крови, дайте им увидеть ужас обреченности в глазах жертвы, донесите до них предсмертный хрип, и книги раскупят в мгновение ока. Во народ! Казалось, прочитал один такой роман и навсегда хватит пережитого ужаса, так нет! Алчущая чужой крови рука тянется за новой книгой. А, черт! – Она сморщилась от боли, пронзившей ее мозг и ударившей в лезвий висок с такой силой, что с неприятным холодком под сердцем осторожно приложила руку к виску – не образовалось ли в нем отверстие?.. – Какая новая книга?! Меня же Пшеничная вычеркнула из списка личностей и отпраздновала, – она запнулась, – в массы! Ну и словечко! – не удержалась от издевки. – Откуда у нее такая сила? Деньги?.. Но другой и с деньгами будет дрожать, что потеряет их. Да этих дрожащих пруд пруди! И я в том числе. Но ведь можно же переломить себя, отыскать забитую фобиями внутреннюю силу. Или с сильной душой надо родиться? Хорошо, допустим, у меня жалкая душонка, и тогда я смиряюсь и исчезаю. А если все-таки попытаться отыскать хоть немного силы, найти такой противовес, который заставит Пшеничную изменить свое решение?.. – Вера протяжно вздохнула и вынула из ящика стола пачку сигарет. – Поди отыщи то, чего нет!..

Она вернулась в гостиную, и первое, что ей попало на глаза, был пригласительный билет на карнавал. Щеки ее нехорошо порозовели, глаза затмила ненависть... Но вдруг она ощутила прилив чего-то необычного, что выпрямляет спины и вскидывает головы... Она напрягла все свои чувства и зафиксировала это ощущение.

— Еще ни я и никто другой не знает, какая я на самом деле, — со странной улыбкой медленно проговорила она.

* * *

Фролов застал Веру как раз в тот момент, когда она вызывала в себе то ощущение силы, какое утром проскользнуло у нее. Она вступала в борьбу за свое место. Потому что то, что было до того, как она стала Астровой, было не жизнью, а пребыванием на земле в ожидании смерти. А это две большие разницы!

«Здесь ничего не добьешься, — внушала себе Вера, — так и там, на том свете будешь на вторых ролях. Душа ласковая, смиренная, она так и будет смиряться, ей не привыкать. А души требующие, гордые, алчные — они так и будут стяжать. Милена задумала отделить мою душу от тела, потому что, несмотря ни на какие ее ухищрения, моя душа останется здесь, в этом надушенном, журчащем фонтанами, алеющем клубникой в феврале мире, а мое тело изгонят. Но в этом мире тело не пустяк, и летальный исход мне не нужен».

Астрова встряхнула головой, зло усмехнулась и уверенным шагом направилась в сторону танцующих, повторяя как рефрен: «Мы вольные души, мы злые рабы!...» Не надо злить раба!..»

В опьяненном шампанским воздухе раздавались звуки вальса. Отыскать кого-либо в разноцветном вихре было практически невозможно. Повсюду мелькали обезумевшие от веселья лица, взрывы смеха перекрывали легкие пассажи музыки.

Сергей пригласил на тур вальса даму в наряде знатной венецианки. Серебристый парик, мушка на обнаженной груди, высоко приподнятой для соблазна жестким

корсажем. Он кружил с ней по залу, говорил милые пустяки, а глазами искал Валентину.

Вера отказала нескольким кавалерам, потому что разыскивала Олега Пшеничного. Она задумала обойти Милену с фланга, сделав Олега своим любовником.

Они нашли их у стола, сверкающего хрусталем и позолотой, Тина с Олегом пили вино и ели засахаренные вишни. Фролов и Астрова подходили к ним с противоположных сторон. Не сговариваясь, повели атаку одновременно.

– Тина! Я искал тебя, чтобы поблагодарить, – беря ее нежно под локоть, воскликнул Сергей.

Валентина вздрогнула, повернула голову и, как фарфоровая кукла, захлопала ресницами.

– А!.. – протянула и решила без церемоний отделаться от Фролова. Ей было жаль тратить на кого бы то ни было волшебные минуты карнавальная ночи. Все они принадлежали Олегу.

Но тут раздался игривый женский голос:

– Олег!

Пшеничный радостно улыбнулся. Ему было не жаль потратить волшебные минуты на Веру.

– Великолепная! – выпалил он, покусывая от вожделения губы.

Острым взглядом Вера окинула стол и, специально выбрав конфеты, которые лежали почти на другом конце, разговаривая с Олегом, незаметно повела его за собой. Она никогда в жизни так не хотела обольстить мужчину. «Только этот молоденький, худенький, славенький мальчик может помочь мне поставить зарвавшуюся Милену на место. Только при его поддержке я могу перестать сочинять романы-однодневки и стать настоящим писателем». В ее глазах вспыхивали огненные искры, губы источали мед, грудь вздымалась и словно молила о поцелуе, голос прерывался от страстного желания. Она была готова стать его любовницей прямо сейчас.

Ей удалось полностью завладеть вниманием Олега.

– Вера, ты необыкновенная, космическая женщина. Ты притягиваешь, но страшно прикоснуться к тебе, точ-

но боишься уколиться о холодный лепесток звезды, – не спуская с нее жадных глаз, шутливо говорил он.

– А ты попробуй! И холод обожжет тебя сильнее, нежели горячее дыхание обыкновенной земной женщины, – провоцирующе глядя на Пшеничного, с игривой иронией ответила она.

– Олежек! – вдруг раздалось сзади него. – Олежек! – и Тина забарабанила пальчиками по его плечу.

Он не сразу пришел в себя. Несколько секунд он еще продолжал поедать Веру глазами. Потом мотнул головой и взглядом попросил у нее извинения.

– Что? – повернувшись, спросил Тину.

– Пойдем танцевать!

– Подожди, дай мне поговорить!

Отставленный Фролов воспользовался моментом и вновь подошел к Валентине.

– Сережа, я все сделаю, что обещала, – с досадой проговорила она. – Но сейчас не время для дел. Веселись! – Она замаялась. – А еще лучше, уведи эту назойливую дамочку! Кажется, это Астрова!

Сергей не удержался от смеха:

– Ну, Тина, ты и влипла! Неужели он, – Фролов небрежно показал головой в сторону Пшеничного, – мог так тебя захватить?

– А чем он тебе кажется плох?!

– Да ничем, но, прости, он мальчишка! Хотя... если тебе нравится бешеная скачка...

– Ты стал пошлым!

– Наоборот! Я перевел пошлую фразу на изящный язык времен Брантома¹.

– А я не буду переводить и скажу прямо: пошел бы ты, Сережа... к этой Астровой, да увел бы куда подальше!

– И то! – с нарочитым простодушием, словно актер в водевиле, спохватился Фролов. – Пристала к мальчику тетка!

«И зачем я так?! Тинка не простит! И поделом! Злым я стал!» – полосонула неприятная мысль.

¹ Аббат де Брантом – автор «Галантных дам».

– Тина, давай потанцуем! – неожиданно предложил он и посмотрел на нее так, будто не было разлуки, длиною в годы.

Карнавальная ночь, как оказалось, умеет разжигать даже давно и с переизбытком утоленные желания. Однако его порыв не нашел отклика.

– Извини! – с неприязнью бросила Валентина и поспешила к Олегу, которого Вера уже подводила к беседке.

– Простите! – встала она между ними. – Олег, пошли! – взяла она его за руку и увела.

Астрова оцепенела. «Чокнутая! Она мне все карты спутает! Прилипла к мальчишке! Чего ей надо?.. И кто она? А!.. Так это ж его любовница. Я же видела ее на банкете, на даче Олега. Говорят, она намного старше его. Н-да, – усмехнулась, – а я-то, как видно, ей ровесница. Ну так мне он нужен для дела, а не для удовлетворения похоти. Дрянь, все может испортить! У меня времени в обрез. Это для отвода глаз Пшеничная мне год пообещала. А на самом деле в каких-нибудь шесть месяцев со мной расправится».

Размышляя о том, как бы узнать, кто она, эта влюбленная в Олега дама, Вера чуть не налетела на Фролова, который тоже был погружен в невеселые думы. «Жил себе спокойно. Рисовал этикетки. А эта ведьма втолкнула меня в параллельный мир, шепнула: «И ты можешь перебраться в него» – и улетела. Как я без нее буду заводить знакомства и искать потенциальных клиентов?»

– Простите! – отшатнулась от него Астрова.

– Это вы меня... – приложил руку к груди Фролов. «Черт! Писательница! А что, если с ней завести знакомство? Нет, я положительно пьян и глуп. Лучшее для меня – это как можно скорее убраться отсюда!»

Но у Веры возникло другое намерение.

– Ваша знакомая... – начала она, прищурив глаза, точно пытаясь вспомнить ее имя.

– Валентина Милавина!

– ...Ах да! – воскликнула Вера и, очаровательно спохватившись, призналась: – Впрочем, я не знаю ее. Но не тот ли Милавин был ее мужем?

– Да, тот.
– Значит, она вдова?
– Увы! – весело отозвался Сергей. – Но мне кажется, этот статус не тяготит Тину.

Астрова рассмеялась вместе с ним.

– Вы давно знаете ее?
– О!.. – прикрыл глаза Сергей. – Очень давно.
– А вы... – Вера замялась, пытаясь сообразить, как бы выудить побольше информации о Милавиной.

Но Фролов понял ее замешательство по-своему и представился:

– Сергей Фролов, дизайнер.
– Очень приятно, – протянула руку Вера.
– И мне очень приятно познакомиться с такой очаровательной писательницей, – целуя ей руку, сказал Фролов.

«Вот, вот!.. – подумала Вера. – Все, конечно, мишура. Но убери ее, и жизнь станет серой и нудной, как резина. Тянешь ее, тянешь, а она потом вдруг оборвется и так тебя приложит!.. Эх, что там ни говори, а Астровой быть значительно лучше, чем Полынниковой».

От Фролова Вера узнала только то, что Милавина очень богата и что, судя по всему, он в годы молодости был ее любовником. Заметив Ксению Вежину, она извинилась перед Фроловым и поспешила к ней.

– Слушай, что это за женщина с Олегом? Ни на минуту не оставляет его. Не дает мальчику повеселиться! Не успел он подойти ко мне, как она тут же схватила его за руку и увела!

Ксения рассмеялась:

– Так это его любовь! Валентина Милавина.
– А сколько ей лет?
– Тридцать восемь!
– Прости, но зачем она ему?
– Олег любит женщин старше себя.
– А!.. – протянула Вера.

«Она богата, а я известна!.. Черт! Как же отделаться от этой липкой мухи? Боже, но за что мне это? Почему я, вместо того чтобы писать книги, должна бегать за худо-

сочным мальчишкой с единственной целью уложить его в постель так, чтобы он позабыл хоть на какое-то время всех остальных женщин?! Казалось бы, уже достигла чего-то, казалось бы, можно и отдохнуть!...» – глотая обильно разбавленные шампанским слезы, думала Вера.

Карнавальная ночь утомила и разочаровала, как хлопушка с сюрпризом, в которой кроме конфетти, пахнущего жженой бумагой, ничего не оказалось.

Астрова вышла в фойе, гардеробщик в парике и камзоле накинул ей на плечи шубу, бравый охранник в форме гвардейца открыл дверь. На улице едва светало и было жутко холодно. Ей сразу подали машину. Фролов тоже вышел на улицу. Он рассчитал, что за машину в такое время суток да еще поданную к такому шикарному подъезду запросят баснословную сумму, поэтому сделал вид, что вышел просто подышать, и пальто его было нараспашку.

Завернув в переулок, он окоченевшими пальцами застегнул все пуговицы, втянул подбородок в шарф и зашагал по направлению к метро.

ГЛАВА 14

Приветствуя наступление ночи, город воспламенил световой фимиам, окутав здания сверкающей золотистой дымкой, озарил улицы огнем фонарей, залил белым светом витрин, украсил мелькающей мозаикой рекламы.

Ночь. Необыкновенное время суток. Ночь разглаживает на лицах морщины, в глазах пробуждает интерес, мысли, обычно тусклые и нудные, расцветивает блестками остроумия. Ночь пахнет духами, шампанским, букетами дорогих вин. Она шуршит шелковыми платьями, серебрится мехами, по-особенному хлопает дверцами автомобилей перед ярко освещенными подъездами ресторанов, казино, театров. Она женской ручкой, перевитой бриллиантовым браслетом, с которого сыплются искры, небрежно бросает на заднее сиденье букет пламенеющих роз...

Но у ночи есть грозный и безжалостный враг – сон. Он похищает ее у людей, замуровывая их в своих тягучих стенах, расписанных жуткими фантасмагорическими рисунками. Он уводит их в свою причудливую страну сновидений, в которой они то покрываются липким потом, то бегут из последних сил, оставаясь при этом на месте, то падают в бездну, а утром просыпаются с головной болью, хотя спали как убитые. Сон – ласковый убийца. Он оглушает дубинкой усталости и крадет лучшие часы нашей жизни...

Днем мы не живем, мы существуем – выполняем свои функции. Кто в банке, кто в бане, кто в метро, кто в трамвае, кто в офисе, кто в магазине, кто... и до бесконечности.

Ночь – свобода. Четыре стороны и все твои!..

Но ни ночью, ни днем не дремлет вездесущий Случай. Он в воздухе, которым мы дышим, который в нас и в котором мы! В воздухе безостановочно движутся прозрачные

хрусталики – это атомы случая. Возносящего и низвергающего, спасающего от неминуемого и уничтожающего в момент наивысшего благоденствия. Атомы случая кружат вокруг нас, мечутся, толкаются, выжидая команды: либо пролиться золотым дождем, либо обрушиться каменной глыбой. Мы же по неизбывной наивности все стараемся ухватить счастливый случай, а получаем то, что предопределено. Случай бесстрастен. Ему все равно: убил, осчастливил... Просто столкнулись в воздухе хрусталики над твоей головой, и все... Случай многолик. Он обожает переодеваться, он обожает маски.

Ночь тихо вздыхает звездами над столицей, а Случай готовит свои сюрпризы. Он любит забавляться!

А утром мечутся беспомощные люди, пытаются понять, объяснить: зачем Он это сделал?.. А Он и сам не знает, он ведь всего лишь случай в руках всемогущей Судьбы, предопределенной и неумолимой.

Ночь томила дивными ароматами, ласкала шифоном, дышала беззвучно, ступала мягко... Под ее покровом происходили волшебные превращения. Последние хрустально звонкие струи фонтана, посеребрившись и порозовев в свете софитов, установленных на ажурных балконах, взметнулись вверх и точно растворились в воздухе. Фарфоровые глаза кукол-манекенов не выразили никакого удивления. Их фигуры застыли в изящных позах на высоком помосте, окружающем фонтан. Три дамы и три кавалера в пышных карнавальных костюмах. Бархатки на лилейных шеях маркиз, мушки на розовых щечках, атласные треуголки, отделанные кружевом с позолоченными зубчиками, бело-пудренные парики, необъятные шелковые юбки. Днем вокруг них сновали люди, разглядывали, фотографировали. Днем их освещали лучи солнца, пробивающиеся сквозь прозрачный потолок пассажа. Звучала музыка, раздвигались двери бутиков, носились в воздухе соперничающие друг с другом ароматы духов.

Но с наступлением ночи все меняется. Ароматы засыпают, вздыхая во сне доминантными нотами, двери бути-

ков закрываются, перестают серебриться фонтанные струи, гаснут софиты, и только горят дежурные лампы.

Маркиза в платье цвета пармской фиалки вздрогнула, точно вздохнула, послышался шелест ее шелковой юбки, будто она собралась спуститься с помоста. Но нет! Это всего лишь в последний раз мигнул софит на балконе...

* * *

Фролова разбудил телефонный звонок. Он машинально взглянул на часы: семь.

«Что такое? Какой-то богатый сумасброд решил заказать сногшибательную этикетку, и шефу не терпится дожидаться меня на работе? – зевая, подумал Сергей. – Впрочем, все равно пора вставать!»

– Слушаю! – бодро произнес он.

– Привет! Не узнаешь?

– Узнаю! – с улыбкой протянул Сергей. – Майор Терпугов Борис Григорьевич.

Раздалось покашливание:

– Подполковник.

– Поздравляю!

– Я что звоню, ты уже закончил свой цикл?

– Да, в принципе... – начал тянуть Сергей, но решительно оборвал себя. – Если честно, то сам не знаю, чего еще надо. Но вот чувствую, чего-то не хватает!

– И я как почувствовал! Думаю, дело будет интересное. Прямо для вернисажа. Короче, убийство. Будь на «Чистых Прудах», через четверть часа по дороге захватим.

Фролов влетел в душ, вылетел через две минуты. Побрился в пять минут. Рубашка, джинсы, свитер, куртка, одно движение щеткой по волосам, сумку с папкой на плечо и бегом к «Чистым Прудам». На две минуты опередил милицейский джип.

– Ну вот, а говорят богемные люди медлительные, рассеянные, – протягивая руку, с улыбкой сказал Терпугов. – Убийство – закачаешься! – начал он, как только

Фролов захлопнул дверцу. – Мне тут референт материал собрал по жертве. Колоритная жертва!

– Мы это куда? Зачем? – удивился Фролов, увидев, что джип затормозил у пассажира «Елисаветинский». – Галстуки, что ли, покупать?

– Парфюмом обзаводиться, – ухмыльнулся Терпугов.

Фролов, оставаясь в полном недоумении, последовал за подполковником к одному из входов в пассаж, около которого стояли охранники торгового центра. Милиционеры, выскочившие из машины, быстро оцепили место перед входом.

Терпугов и его группа вошли в пассаж. Начальник службы охраны повел их за собой. Фролов с каким-то непонятным внутренним напряжением следовал за ними. Проскочила одна мысль, но он ее изгнал, невольно проговорив: «Господи, только не это!..» Ноги его продолжали идти, а взгляд замер на невидимой точке пространства и больше не бежал из стороны в сторону, сердце сжалось и оледенело бы, если бы не надежда, которая своим теплом согревала его.

Все остановились перед бутиком, на витринных стеклах которого были золотом оттиснуты вензеля «ВМ». Поджидавший их охранник что-то начал энергично говорить, Терпугов слушал, прерывая его краткими вопросами. Потом все вошли.

Надежда продолжала согревать глухо бьющееся сердце Фролова. Первое помещение – торговый зал с витринами, полукруглыми столами-прилавками, креслами, стульями на высоких ножках. На полках вдоль стен – флаконы, наполненные нектаром роз, голубым арктическим льдом, хрустальной свежестью лилий, расплавленным золотом солнца... В широких вазах розово золотились жемчужины для купания. Повсюду пахло фиалкой, приправленной анисом. У одной из витрин Фролов обратил внимание на бледную женщину, усиленно потирающую дрожащие кисти рук. Лица он не увидел, только глаза... расширенные от ужаса.

Миновали небольшой коридор и вошли в кабинет. Окна плотно закрыты жалюзи, широкий письменный стол, на

нем лампа в виде склоненной лилии... За столом женщина... Голова откинута назад, локоны развились и золотились в свете лампы, на шее – бежевого цвета длинный шифоновый шарф, концы которого лежали на полу... Одна нога женщины в туфле на высоком каблуке согнута в колене, другая слегка выставлена вперед... Руки безвольно опущены вниз... Сзади, на стене, чуть повыше открытого сейфа, портрет синеглазой дамы с колбой в руке на фоне алхимического кабинета...

Фролов... Нет, не он, его двойник, отделившись, подошел ближе и заглянул в глаза Валентины. Они были бездонны, как беззвездное ночное небо. Оторвать взгляд от них было невозможно. Хотелось заглянуть в них до самого дна и узнать тайну, которая мучает все человечество. Если бы не эти глаза, вполне могло показаться, что Тина заснула.

«Сон, длиною в вечность», – пронеслось в голове Фролова. Обманщица надежда съежилась и уползла из сердца. Кусочек льда забился в груди. Вот так увидеть Валентину!.. Все, что угодно, могла нарисовать его фантазия, только не такую жуткую картину.

Сергей настоящий, невидимый, продолжал стоять в углу. Двойник вынул папку и принялся делать наброски. «Это кощунство! Это запредельно для человека!» – кричал из своего угла настоящий Фролов. А рука двойника точными штрихами наносила на бумагу сон женщины, длиною в вечность...

Потом наступило кратковременное отключение. Потом все прояснилось, и боль, простая, щемящая, от которой хотелось завывать, пронзила Фролова. Двойник исчез. Боль осталась. Сергей сел на диван, бледная женщина принесла кофе и всунула блюдце с чашкой в его сведенные судорогой пальцы. Терпугов тоже сел на диван и вдруг заметил:

– Посмотрите, как похожа эта, – он замялся, подыскивая слово, – колдунья с портрета на Милавину. – Фролов внутренне вздрогнул. – Сергей, – обратился он к нему, – ты как находишь кисть художника? Недурна, а?

Фролов, приподняв одно плечо, криво усмехнулся и подумал, что надо бы рассказать Терпугову, что он знает

Тину очень давно, что это он написал этот портрет и что виделся он с ней в последний раз неделю назад. Но какое-то поразительной силы внутреннее оцепенение словно парализовало его. Ему не хотелось ни говорить, ни думать. Мысли появлялись и исчезали в его мозгу сами по себе. Он не участвовал в своем мыслительном процессе.

Терпугов еще немного полюбовался портретом и вновь принялся слушать начальника охраны пассажира.

– Вечером перед закрытием мне было доложено, – обстоятельным голосом говорил тот, – что посторонних на территории торгового центра нет. Осталось только несколько сотрудников в двух бутиках и госпожа Милавина. Сотрудники ушли буквально через полчаса. А госпожа Милавина имела обыкновение работать в своем кабинете допоздна. Видите, сколько у нее тут на столе всяких флакончиков, баночек... Духи она какие-то, что ли, особенные изобретала, уж я точно не знаю.

Эксперты, зафиксировав обстановку на месте преступления, выключили настольную лампу и раздвинули жалюзи.

Сергею удалось прервать инстинктивное движение головы в сторону Валентины. Но все остальные посмотрели. Терпугов остался равнодушен, начальник охраны не удержался от «э-хе-хе...» и обреченного взмаха руки, бледная женщина громко всхлипнула, прижала ко рту платок и выбежала из кабинета.

– Сергей! Сергей! – толкал его в плечо Терпугов. – Что же это ты? Освещение поменялось. Сколько новых нюансов! Давай! Лови последнее впечатление!

Фролов, будто находясь под гипнозом его слов, поднялся, взял папку и подошел к Валентине. Мужества хватило на один взгляд. Заметил длинную жилку от виска до шеи, приоткрытые губы, голубоватый оттенок кожи... Эксперты попросили его чуть посторониться. Он отошел в угол, сел на пол и стал рисовать по памяти. В кабинет вернулась бледная женщина, оказавшаяся менеджером.

– Я смотрю, ассортимент у вас большой, – обратился к ней подполковник.

– Да! – с нервной энергией подхватила она. – Мы предлагаем не только духи, но и аксессуары. – Она подошла к стеллажу и стала показывать. – Парфюмированные курительные палочки, попури изысканных ароматов в серебряных шариках, – протянула она подполковнику узорчатый резной шарик. Терпугов поднес его к носу и вдохнул тонкий струящийся запах. – Мы предлагаем всевозможные композиции для ароматизации интерьеров. – Она взяла с полки пульверизатор и принялась опрыскивать воздух. – Мы предлагаем парфюмированные перчатки, ароматизированную пудру, свечи... – Голос ее дрожал, но она боялась остановиться, боялась начать разговор о том, что случилось.

– Спасибо, – Терпугов глянул в свой блокнот, – Ирина Михайловна. А теперь лучше сядьте вот в это кресло, напротив меня, и ответьте на мои вопросы.

Ирина Михайловна, как автомат, произнесла: «Да!» – и села в кресло.

– Скажите, кто, по-вашему, мог убить госпожу Милавину?

От прямоты вопроса менеджер растерялась и, глядя на подполковника, молчала.

– Вы боитесь сказать? – спросил он вкрадчивым голосом.

– Нет! – взвизгнула она порванной струной. – Но ведь это ужасно! Убить! Убить Тину! За то, что она создала духи! Убить, чтобы завладеть уникальной рецептурой!..

– Ага! – потер руки Терпугов. – Конкуренты!

– Да! – уверенно подтвердила Ирина Михайловна. – Вы же видите, сейф открыт, исчезла тетрадь с записями Тины, и исчезли духи.

– А те, что на столе? – спросил подполковник.

– Это не то, это всего лишь эфирные масла, экстракты... А духи, свои, – переходя на магический полусшепот, продолжала менеджер, – Тина не показывала никому. Она за границей заказала для них специальный флакон. И в продажу они должны были поступить лишь к Новому году. Это обещало стать сенсацией.

– И об этой сенсации уже было известно?!

– Не совсем. Госпожа Милавина не делала специального заявления. Но готовилась реклама, просачивались слухи. Слишком грандиозный был задуман ею проект. Презентация в пассаже! Презентация в «Метрополе»!

– Что ж это за духи такие?

– Представьте, я даже не знаю их названия. Проект готовился в величайшей тайне.

– Но кто-то, помимо Милавиной, был же посвящен в этот проект?!

– Несомненно. Но очень ограниченный круг людей, и я не могу назвать вам ни одного имени. Только предполагаю, что именно кто-то из них продал коммерческую тайну Милавиной кому-то из конкурентов.

Фролов хотел было крикнуть из своего угла, что он знает, что это за таинственные духи, что он их видел, нюхал... но промолчал. «Сверкающий снежный ветер должен был налететь на Москву в канун Нового года. И он налетит, если конкуренты, уверенные в том, что кроме них никому не известен секрет духов, выпустят их в продажу, – подумал Сергей. – Блестки – улика! Но если они, завладев композиционным составом духов, просто запрут его в сейф, то вычислить их вряд ли удастся».

– Но имена конкурентов вам, надеюсь, известны? – продолжал задавать вопросы Терпутов.

– И да, и нет, – сокрушенно вздохнула Ирина Михайловна. – Ну, французский парфюм вне конкуренции. Никого из французов не могло испугать появление на рынке русских духов. Русские духи, – несколько неуверенным тоном проговорила она, – ведь это даже не звучит. Необходимо приучить слух покупателя к этому словосочетанию. Но такая идея пришла в голову не только госпоже Милавиной, а также и господину Неклинову, владельцу сети парфюмерных бутиков «Нарцисс», и господину Раздорскому, одному из совладельцев пассажа «Елисаветинский», и госпоже Лонцовой, владелице сети меховых бутиков «Мариола Баят». Она, к примеру, решила расширить свои владения и добавить к мехам парфюм. Великолепная идея. Скажем, духи «Голубая глициния» к голубой норке; «Дер-

зкая роза» к палантину из соболя, ну и так далее. Вот между ними и велась борьба за покупателя. Но по сведениям, просачивающимся через воздух, Тина опередила их. К Новому году никто из названных мною предпринимателей еще не готов выпустить на рынок конкурентоспособные российские духи, сопроводив их появление высококачественной рекламой и дорогими презентациями.

– Что ж, первый круг подозреваемых очерчен четко.

– Товарищ подполковник, – обратился к Терпугозу один из экспертов, – мы закончили.

– Хорошо! Взгляну-ка еще раз на всю картину, – поднялся он с дивана и подошел к столу, за которым продолжала сидеть Валентина. – Итак, после закрытия пассажа преступнику каким-то образом удалось проникнуть в кабинет Милавиной, – начал размышлять вслух подполковник. – Можно! – кивнул он в ответ на молчаливую просьбу Ирины Михайловны, державшей в руках шаль. Она нерешительно приблизилась к Валентине и бережно, словно боясь потревожить, накинула на нее шаль.

Фролов оцепенел. Его взгляд скользил по шелку, под которым обозначились контуры такого знакомого тела, и замер на щиколотке левой ноги. Она была абсолютно живой. И ему вдруг показалось, что все, что здесь происходит, – сон. Ему захотелось подкрасться и ухватить Тину за щиколотку, чтобы она завизжала от неожиданности. Озорные огоньки вспыхнули в его глазах, он отложил папку и встал на одно колено...

– Что?! – громом раздался вопрос Терпугова, который тоже склонился к Сергею. – Что-то узидэл? – Подполковник устремил свой соколиный взор под стол. – А!.. Точно!.. – Он подполз к ногам Тины и поднял с пола стеклянную пробку шариком.

– Да-да! – разглядывая пробку, продолжил он свои размышления вслух...

Сергей неимоверным усилием воли удерживал себя от страстного желания еще хотя бы раз взглянуть на ноги Тины. Чтобы отвлечься, он стал вслушиваться в то, что говорил Терпугов. Его воображение быстро нарисовало

четкую картину преступления, правда, с одним крупным недостатком: на ней отсутствовало лицо убийцы. Был прорисован только темный, довольно расплывчатый контур. И как ни вглядывался Фролов, кроме черного контура с серым пятном вместо лица, ничего не увидел...

В 21.00 пассаж «Елисаветинский» закрыл свои двери за последним посетителем. К 21.30 он практически полностью опустел. Из бутика с вензелями «ВМ» на витринных стеклах последней, как всегда, уходила менеджер Ирина Михайловна. Она прошла по торговому залу, поправила несколько демонстрационных флаконов на полках, так как любила порядок, затем вошла в коридор, который отделял бутик от кабинета и служебных помещений. Удостоверившись, что все двери закрыты, Ирина Михайловна заглянула к Милавиной.

– Тина, я все проверила. Я вам сегодня больше не нужна?

Милавина сидела за большим письменным столом и занималась составлением новой парфюмерной композиции. Ведь иногда именно вот в такие часы отдыха, когда без определенных целей фантазируешь с ароматами, вдруг рождается новая, необычная, свежая нота.

– Нет, спасибо. Я тоже скоро пойду. Мы собрались с Олегом поужинать вместе, а у него затянулось совещание. И пока он освободится, я решила поразвлечься с моими ароматными джиннами. Выпустить их наружу, – смеясь, сказала она, открывая флакон с сиреневой жидкостью.

Ирина Михайловна улыбнулась чуть сладковатой улыбкой подчиненной, пожелала приятного вечера и вышла из кабинета. Вновь пройдя через торговый зал, она подошла к стеклянной двери, открыла ее, сделала шаг и... поскользнулась, сильно потянув ногу, но равновесие удержала. Чертыхаясь, наклонилась и принялась пристально разглядывать пол, но ничего не обнаружила. «Странно! Гололед, что ли, в пассаже образовался?.. А, наверное, когда сегодня на лотке, почти рядом с нашим бутиком, проводили дегустацию каких-то коктейлей, то добавляли в стаканчики лед, и несколько кусков, по всей видимо-

сти, уронили. Надо же! Фантастика, да и только, – изобрести такой лед, который не тает в течение стольких часов! Да, но и какое разгильдяйство!» Она потеряла ногу, раздраженно передернула плечами и, чуть прихрамывая, пошла к служебному выходу.

Ирина Михайловна была женщиной очень аккуратной, можно сказать, педантичной. Все дни у нее шли след в след. Она привыкла к схеме. А тут!..

– Черт-те что под ногами! – раздраженная невниманием работников пассажа, сердито бормотала она. – Такие деньги получают и не могут поддерживать должный порядок! Завтра же напишу докладную на имя директора!»

Отдавшись во власть негодования из-за разгильдяйства других, Ирина Михайловна забыла дожидаться характерного щелчка автоматически захлопывающейся двери. Она же была уверена, что услышала его, просто потому, что он должен был прозвучать. Но он не прозвучал, дверь не захлопнулась, а остановилась как заговоренная в трех сантиметрах от замка...

В тот момент, когда Ирина Михайловна пыталась удержать равновесие, а дверь притягивалась к замку, в щелку влетел плотно скрученный шелковый шнур, с пропущенной внутри него для прочности проволокой и металлическим крестом на конце. Оставив крест с загнутыми, как у якоря, концами между дверью и проемом, шнур змейкой скользнул по полу, вполз на постамент и юркнул под юбку одной из маркиз...

Спустя полчаса из-под этой юбки выползла уже «крупная черная змея». Скользя вдоль стены, она подобралась к двери, открыла ее, подняла металлический крест и спрятала в сумку-рюкзак, висящую на груди. На ногах змеевидной фигуры были кроссовки с наклеенным на подошвы полиэтиленом. Бесшумно передвигаясь, она миновала торговый зал, а перед тем как проникнуть в кабинет, пригнулась и почти поползла по полу.

Милавина сидела за столом, погруженная в свои записи. Не отрывая глаз от тетради, она потянулась к одному из флаконов, взяла его, вынула пробку шариком и вдруг –

лишилась обоняния. Что-то резкое, неприятное ударило в ее привыкший к изысканным сочетаниям ароматов нос, она потеряла сознание и откинулась на спинку кресла, пробка-шарик выпала из ее руки...

Выждав секунды три, преступник убрал с лица Милавиной несколько плотно сложенных слоев марли, пропитанных хлороформом, и сунул их в пакет. Затем извлек из сумки длинный бежевый шарф и обмотал его вокруг шеи Валентины, после чего, взявшись за концы, с силой затянул их. Валентина вздрогнула и непроизвольно открыла глаза...

Убийца взял со стола тетрадь с записями, а из открытого сейфа – флакон в серебристом замшевом мешочке и спрятал в свою сумку на груди.

Потом он вышел из бутика, мрачной тенью скользнул вдоль стен и вполз под юбку одной из маркиз. Под ней и дождался утра. Когда появились первые работники в спецодежде пассажира, он вынырнул из-под юбки, будучи одетым в точно такую же, как у них, униформу. Беспечно поглядывая по сторонам, направился к служебному выходу и вышел, будто бы на минутку, покурить... Неторопливо шагая, дошел до метро, спустился на эскалаторе, вывернул куртку с яркими буквами на спине «ТЦЕ» наизнанку и превратился в обыкновенного человека.

* * *

Позевывая, лениво перебрасываясь словами, две женщины в сопровождении охранника подошли к бутику Милавиной. Охранник открыл дверь, пропустил их и зашел сам. Заметив свет от непогашенной лампы, уборщица широким шагом вошла в кабинет и остановилась, удивленно моргая глазами.

– Э... Это... – начала она, но тут до нее дошло. Женщина хрипло охнула, присела и, на полусогнутых ногах сделав два шага к двери, закричала.

На крик примчался охранник.

– Ты что?!

Женщина, закрыв рот ладонью одной руки, другой махала, указывая в сторону стола.

Охранник остолбенел.

– Г... Госпожа Милавина!.. – на всякий случай позвал он. Подошел поближе и все понял. – Вот это да!.. Твою... Вот это... – Он не договорил, так как растерял даже привычные матерные слова. По радию сообщил о случившемся начальнику охраны и вызвал милицию.

И теперь все вызванные собрались в кабинете жертвы и пытались отыскать оставленные по оплошности преступником горячие следы. Но следов не было.

– Насколько могу судить, все чисто! – заявил эксперт.

– Да, вопрос!.. – протянул Терпугов. – Каким образом убийца проник в закрытое помещение бутика и вошел в кабинет так, что Милавина его не заметила? Напрашивается ответ – Милавина знала его. Но тогда версия конкурентов отпадает. Потому что она не закрыла сейф.

Фролов спешно покинул кабинет. Он не стал смотреть, как тело Валентины укладывают в длинный черный пакет на «молниях». Выйдя из бутика, Сергей обошел вокруг помоста, на котором, как ему показалось, замерли в ужасе от случившегося ночью шесть изысканных фигур. Он поднялся на помост и бесцеремонно заглянул под юбки всем трем маркизам. Прикинул расстояние между маркизой в платье цвета пармской фиалки и бутиком Валентины.

Рассказывать свою версию Терпугову Сергей посчитал бестактным. Это было бы равносильно тому, как если бы Терпугов вдруг посоветовал Фролову приглушить на полотне кое-какие тона или же, наоборот, усилить свечение колорита.

«Моя версия – это версия художника, – выйдя на улицу, размышлял Сергей. – А убийца, он же... А вот кто же убийца? Прагматик или черный артист? Убил Валентину, как картину написал. Освещение, поза жертвы, шарф...» – Очень странный убийца, – задумчиво пробормотал он.

– Что? – переспросил его подошедший Терпугов.

– Да это я так, – ответил Сергей. – Убийство какое-то странное...

– Согласен, – закуривая, сказал Терпугов. – Изысканное убийство. Я бы даже сказал, ароматное. Но жуткое! Красивая, богатая женщина... Ей бы жить и любить. Кстати, по словам менеджера, интимный друг Милавиной – личность небезызвестная. Коммерческий директор издательства «Стас» Олег Пшеничный. Между прочим, его отца тоже убили. Если не ошибаюсь, лет пять назад. Да мы же с тобой были там. Помнишь?

– Верно! – согласился Сергей. – Действительно, странно. Отца убили, теперь любовницу.

– Да, – сдвинув брови, задумчиво произнес подполковник. – Но вопрос вопросов в этом деле, кому Милавина завещала свое громадное по нынешним меркам состояние?! Ведь детей у нее нет.

– Наверное, родителям, если живы, – высказал предположение Фролов.

– Скорей всего. Ну что, – останавливаясь у джипа и вдыхая свежий, слегка морозный воздух, спросил Терпугов, – подвезти?

– Нет, спасибо, Борис, – пожал ему руку Фролов. – Мне тут надо зайти, недалеко.

Он повернулся, чтобы идти, но был вынужден посторониться. Черный пакет, в котором лежало тело, пронесли мимо него... И, как неделю назад край платья Тины коснулся ног Фролова, когда она кружилась в вальсе с Пшеничным, так теперь край ужасного пакета коснулся кисти его руки, которую он инстинктивно сжал в кулак.

ГЛАВА 15

– Милена! – влетела в кабинет Пшеничной Ксения и замерла, будучи не в состоянии произнести ни слова. Пшеничная, инстинктивно предчувствуя что-то недоброе, приподнялась с кресла. Ксения, пытаясь объяснить, в отчаянии жестикулировала перед собой руками. Наконец, с тяжелым придыханием произнесла: – Невероятно!.. Валентину Милавину...

Глаза Милены расширились, мозг уже выдал окончание фразы, но слух требовал ее речевого оформления.

– ...убили! Вчера!

Милена перевела дыхание, провела пальцами под глазами, расправляя еще не видимые морщинки, и села на свое место.

– Ну ты влетела! Я подумала неизвестно что. Пожар на складе... Падение курса валют...

Вежина с недоумением смотрела на нее, потом, безуспешно борясь со слезами, проговорила:

– Валентину убили. Как же это?!

Милена глубоко вздохнула:

– Да, в самом деле, неприятно. И главное, за что?.. – От этой мысли ее брови поползли вверх. – Уж не мой ли братец в припадке ревности? Вот тогда это действительно ужас!

Ксения ударила ладонями по своим коленям и вскочила с кресла, в которое только что села.

– Милена, ну как тебе такое могло прийти в голову? Олег – и вдруг кого-то убил!

Пшеничная задумалась:

– Ты права. Он не потянет. Хотя в состоянии аффекта... Нет, ну ты уверена, ты знаешь, что это не он?

– Ну конечно, не он! – с яростью выкрикнула Ксения. – Олег позвонил мне, правда, толком объяснить ничего не сумел, больше рыдал и стонал в трубку. Тебе же почему-то дозвониться не смог.

– Я отключила телефон. У меня был Игорь. Ну и?.. – брезгливо морщась, спросила она. – Что, припадок?

– Полагаю, близко к этому. Ты поезжай к нему. А к вечеру я сменю тебя. Его нельзя оставлять одного.

Милена поднялась, подошла к зеркальному шкафу, отодвинула дверцу и вынула шубу.

– Ужас! – пробормотала она, поправляя воротник. – Припадочная семейка. Инга психованная была и сынок в нее. Противно! Мужчина, а не может держать себя в руках.

– Он почему-то все повторял, что виноват в смерти Тины.

Милена обернулась и переспросила, побледнев от досады:

– Ага, значит, все-таки виноват?

– Да ты не так поняла! – раздраженно воскликнула Ксения. – Он говорит, что вроде бы вчера должен был с ней встретиться, но не смог. Больше за рыданиями я ничего не разобрала.

– Ладно, поеду сама разберусь! – Пшеничная нажала на кнопку селектора. – Машину. Да, кстати, – обратилась она к Ксении, – а где он? Дома или на даче?

– На даче!

* * *

Милена села на заднее сиденье и, открыв бар, плеснула себе немного виски в стакан.

– Черт! – сделав глоток, поморщилась она.

Пить с утра Пшеничная не любила, однако, представляя, что ее ожидает, решила немного расслабить нервные струнки.

Шофер посигналил перед воротами дачи, но они не сдвинулись с места. Милена вышла из машины и позвонила. Никакой реакции. Впрочем, через минуту раздался чей-то крик:

– Сейчас!

К воротам подбежала девушка в курточке и попыталась их открыть.

– Не получается! – пропищала она.

– Черт вас возьми! – выругалась Пшеничная. – А этот нытик что, утонул в своем соленом горе?

– Вы, наверное, его сестра? – с трепетом спросила девица и от испуга открыла дверь.

Милена уверенным шагом направилась в дом.

– Какого черта вы здесь делаете? – острым взглядом окинула она девицу. – Впрочем... – пренебрежительно махнула рукой. – Откуда он узнал?

– Включил телевизор.

Они вошли в дом. Вниз по лестнице сбежала другая девица, раздраженно крича:

– Ну куда ты пропала? Мне вообще надоело с ним возиться!

Милена глянула на нее и надменно проговорила:

– А придется!

– Тоже мне, указывает! Да пошла ты!.. Сама возись с этим придурком!

– Это его сестра! – громко шепнула первая девица.

– Ну и что? – продолжала независимо возмущаться вторая.

– А то, что я быстро уберу тебя из теплого виповского борделя. Поморозишь свои нижние прелести на обочине, тогда перестанешь спрашивать, ну и что!

Девица смиренно уступила ей дорогу.

Картина, представшая перед Миленой в спальне на втором этаже, была достойна кисти баталиста. Все! Все было перевернуто, перекручено, разбито, разбросано. Олега видно не было.

– Где он? – сбрасывая шубу на руки первой девицы, спросила Пшеничная.

– Кажется, там, – указала она на ком постельного белья, валявшийся с одной стороны широкой кровати.

– Олег! – позвала Милена. – Олег! – Подошла к кому. В нем что-то шевельнулось. Она увидела голую щико-

лотку. — О господи! — Пшеничная наклонилась и принялась выпеленывать своего братца.

Несчастное, мокрое от слез лицо, глаза с застывшим страданием, перекошенный рот и с воплем протянутые руки:

— Миленка!

Она подняла его совершенно голого. Он прижался к ней и уткнулся лицом ей в плечо. Милена гладила его по спине, приговаривая:

— Ничего, Олежек, ничего! Пройдет! Ты должен взять себя в руки! Обязан! Ты мужчина. Ты должен быть хладнокровным, чтобы отыскать и наказать убийцу!

Олег перестал биться в мелкой дрожи. Последние слова произвели на него впечатление. Он всхлипнул, вытер нос о плечо Милены и сказал:

— Ты права! Наказать! — И тут же опять впал в истерику, теперь уже вызванную немедленным желанием отомстить.

Все еще обнимая его, Милена обернулась к девицам:

— Так, быстро наполнить ванну! Приготовить чистое белье и одежду!

Выполнив приказание, девицы встали по стойке «смирно» перед Пшеничной, она передала им на руки Олега. Они подхватили его и повели, ослабшего от переживаний, в ванную комнату.

Милена, оставшись одна, огляделась вокруг.

— Все понятно. Приволок двух шлюх из дорогих. Всю ночь сходили с ума, а Тинке с ее перезревшими прелестями, скорей всего, со скорбной миной сообщил, что у нас заседание, да еще мне чертей пустил, что я его задерживаю. Теперь бьется в истерике, что ее убили. А чего биться? Сто таких перезрелых красавиц найдет и глазом не успеет моргнуть. Хоть и старше себя теток ищет, а все равно на молодых тянет, — язвительно рассмеялась Пшеничная. — Ладно, надо его привести в чувство и увезти в город.

Она поддела удлинненным мысом туфли что-то лежавшее на полу и брезгливо выругалась. Подошла к ванной, из-за двери которой уже раздавался веселый визг и освобожд-

дающие плоть стоны Олега, и вызвала одну из девиц. Та выбежала мокрая, успев лишь обернуть бедра полотенцем.

– Вы что, эту дрянь кололи?!

Мокрая девица виновато прикусила губу.

– Все убрать! Слышишь, все! Чтобы был полный порядок! Олегу может понадобится алиби. Так вот, в случае чего, расскажите все, как было, но только вот без этого, – отбросила она ногой шприц.

– Угу! – кивнула девица и, как была наполовину обвязанная полотенцем, принялась наводить порядок в спальне. Ее большие упругие груди солидно, точно маятники, покачивались из стороны в сторону.

Милена не удержалась и, спускаясь по лестнице, расхохоталась.

Разгоряченного купанием и убаженного массажем Олега привели в гостиную.

– На, выпей! – протянула ему Милена стакан свежевыжатого лимонного сока. – Залпом! – приказала.

Олег послушно, на едином дыхании выпил, скривился, скрючился, передернулся от прохватившей дрожи и яснее стал воспринимать реальность.

– Ну и что мы так убиваемся? – будничным тоном спросила его Милена.

Он призадумался, не сразу найдя ответ. Вспомнил. Нервно дернул углом рта и проныл:

– Тина...

– Так, ну это потом. Сейчас едем в город. Кстати, сегодня рабочий день.

– Я выбит из колеи! – брызгая слюной, простонал Олег.

– Позволь полюбопытствовать, по какой такой причине?

– Ты что, не понимаешь? Тину убили! Валентина... умерла!..

– Она что, твоя близкая родственница? Мать, жена, сестра, наконец? – сквозь зубы допрашивала Милена.

– Она моя...

– Любовница! – с насмешкой подсказала Пшеничная. – Представь себе на минуту, что будет, если мужчины начнут убиваться по своим любовницам?.. Это же глупо! По

жене, может, тоже глупо, но этикет требует! Так что в данном случае ты не связан приличиями. Поэтому в машину – и в офис.

Олег послушно поднялся. Девицы двинулись следом и собрались сесть в автомобиль Пшеничной, но Милена удивленно вскинула бровь.

– Олег, ты расплатился с девушками?

– Нет, – выглянул он из салона. – Забыл.

– Исправь оплошность. Пшеничные всегда платили шлюхам за их услуги.

Олег вынул из бумажника несколько сотен евро и протянул девицам.

Милена села в машину.

– А мы? – склонились они к ней с вопросом. – Как же мы отсюда выберемся?..

– Ваши проблемы, девочки! – бросила Пшеничная и расхохоталась, глянув в зеркало на две фигурки среди заиндепевших деревьев.

* * *

Милена привезла Олега в офис издательства, напомнив:

– Сегодня много работы!

Олег, находясь под влиянием сестры, вошел в кабинет, заставляя думать себя только о делах. Но, подойдя к столу, открыл верхний ящик, и на него глянуло милое, любимое лицо Тины. Плечи его дрогнули, и он глухо всхлипнул.

В дверь постучали.

– Да! – как можно строже произнес Олег, смахнув слезы с глаз.

Вошла Ксения.

– Олежек...

Увидев ее, он не смог сдержать подступившие к горлу рыдания. Ксения закрыла дверь на замок, подошла к нему и прижала его к себе.

– Олежек, милый, успокойся!

– Не могу, – отводя в сторону растянутое гримасой плача лицо, всхлипывая, проговорил он.

Ксения налила в стакан воды и протянула ему две таблетки.

– Выпей. Это немного поможет.

– Пойми, – давясь водой и с трудом глотая таблетки, говорил он, – я виноват! Мы договорились с ней вместе поужинать. А меня занесло с двумя простутками на дачу. Сначала я позвонил Тине и сказал, что задерживаюсь на совете, а потом, думал, позвоню и скажу, что уже поздно и я устал... Но я даже это забыл сделать... – уронил он голову на руки. – Даже это... – захлебываясь в обильных слезах, причитал Пшеничный.

– Олег, ты напрасно обвиняешь себя.

– Нет! Если бы мы поехали ужинать... она осталась бы жива! Господи, неужели ее, светлую, прекрасную, убили из-за каких-то духов?!

– Ты считаешь, что ее убил кто-то из конкурентов? – спросила Ксения.

– А тогда кто?!

– Да, непонятное убийство. Вдова, следовательно, ревнивый муж исключается. Ревнивый любовник тоже, так как любовник – ты. Может, какие-нибудь наследники решили позаботиться о себе?

– У нее только родители.

Раздался телефонный звонок. Ксения подняла трубку.

– К сожалению, Олег Станиславович сейчас занят, перезвоните позже, – сказала она и, подойдя к нему, посоветовала: – Ты лучше поезжай домой, а Милене я скажу, что ты поехал в типографию.

– Она не поверит. Она презирует меня. Но скажи, вот если бы с Игорем, ее женихом, случилось то, что с Тиной, она преспокойно сидела бы в своем кресле и руководила? Неужели не плакала бы, не сходила с ума от отчаяния?

Ксения ненадолго задумалась, проигрывая в уме предложенную ситуацию.

– Почти уверена, что сидела бы и руководила. Стерла бы слезинки, вскинула голову и назло всем – и людям, и Богу, держалась бы стойко. Понимаешь, она – сильная!

— Да-да, — согласно закивал Олег и откинулся на подушку дивана. — Ксюша, я и вправду поеду домой, а то меня что-то одолевает усталость.

— Это таблетки подействовали. — Она погладила его по волосам и пообещала: — Все образуется!

* * *

Известие об убийстве Милавиной, ошелобив, придало ускорение мыслям и поступкам Веры. Она поспешила одеваться. Но, надев платье, разозлилась и тут же принялась его снимать, путаясь в шелковой подкладке.

«Надо выглядеть соответствующе! Надо первой запасть на момент его одиночества. Надо плотно занять место Милавиной. — Вера поперхнулась и уточнила: — В жизни, а не в гробу. — Она оглядела себя в зеркало и осталась довольна. Свитер цвета ежевики. Волосы — небрежно по плечам. — Спешила утешить! — прокомментировала. И несколько капель духов с доминирующей нотой лаванды. — Дивно! — сказала она своему отражению. — А... — протянула, задумавшись, — мысли и впрямь материальны. Даже дух захватывает! Целую неделю я думала, каким образом избавиться от Милавиной. И вот, пожалуйста, Вера, лови момент! — Она перекрестилась. — Должна поймать!»

Выйдя на улицу, Астрова позвонила на сотовый Олега, но тот не отвечал. Позвонила в офис — тоже молчание.

«Так, надо ехать в издательство и разобраться на месте!» — запахивая курточку из белой норки, решила Вера.

Она шла по редакционному коридору, размышляя, как бы ненавязчиво разузнать, где найти Олега. И вдруг на встречу ей — Ксения.

— Здравствуй, Вера! Ты ко мне или к Милене?

— Сама не знаю. К Милене. Бесполезно, наверное? — спросила Вера, ловя взгляд Ксении.

— Сегодня особенно, — заметила Вежина. — Да! Ты разве не слышала? Убили подругу Олега, Валентину Милавину.

Вера приложила руки к груди, сделала шаг назад и сдавленно воскликнула:

– Не может быть! – И глаза открыла пошире, демонстрируя застывший в них ужас.

– Вообрази! Олег в трансе. Милена злится. Я как буфер между ними.

Астрова глубоко, теперь уже совершенно искренне вздохнула, потому что подумала о своих делах.

– Ты сейчас лучше Милену не тревожь, – посоветовала Ксения.

– Да-да, – кротко согласилась Вера и, сокрушаясь, прошептала: – Бедный Олег! Он такой чувствительный.

– И не говори! Представляешь, – увлекая Веру в свой кабинет, говорила Ксения, – Миленка притащила Олега в офис. «Работай», – требует. А он... – Вежина махнула рукой, – рыдает. Так я ему успокоительных таблеток дала и домой отправила. Часа три-четыре он будет спать, а потом не знаю, как быть. Слушай, Вера, он к тебе с такой симпатией относится, может, ты бы заехала, поговорила с ним, а?..

Астрова сыграла раздумье.

– В принципе, почему бы нет?

– Вот и хорошо, – подхватила Вежина. – А то кто его знает?! С горя такое может натворить!..

– Да-да. Я обязательно заеду к нему.

Вера простилась с Ксенией, которую призывали неотложные дела, и, довольная таким поворотом событий, поехала обедать в ресторан.

* * *

Астрова долго звонила в дверь, пока наконец не услышала слабый окрик:

– Кто?.. Кто, черт побери?! Вера?.. – изумился Олег, взглянув на экран монитора. – Вера! – открыл он дверь и упал ей на грудь. – Вера! Это ужас! Ты знаешь?! Кто?! Зачем?! Я раздавлю эту сволочь!.. – Он захлебывался, он трясся, но в то же время успевал грозить кулаком.

Вера кое-как дошла с ним до дивана. Затем налила в стакан виски и дала ему. Он выпил, вытер слезы и запричитал:

– Она такая солнечная, ясная и теперь будет в этой страшной, непроглядной тьме!..

Вера плеснула на дно стакана виски, закурила сигарету и сказала:

– А ты ее кремируй! – Олег отшатнулся и перестал дышать. – Солнце и огонь, что может быть ближе? Найми вертолет и развей ее прах по первому лучу, который прогреет небо, и она превратится в золотые искры...

Олег с открытым ртом слушал Астрову.

– Как ты права! Как ты смогла угадать то единственное, что возможно. Как только первый нежный лучик пронзит небо, я развею прах Валентины...

Он склонил голову к плечу Веры.

– О! – простонал. – У тебя даже волосы похожи на ее. Только у Тины были более золотистые...

«Просто у нас разные номера краски. В нашем возрасте, голубок, натурального цвета нет ни у кого. Твоя красилась на тон светлее, чем я. Вот и вся разница», – в душе потешалась она над ним.

Раздался телефонный звонок. Олег отмахнулся от него, пригревшись на плече у Веры.

– Слушай, Олег, ответь! Вдруг это Милена. Скажешь ей бодрым голосом, что ты в порядке.

– Ты думаешь?

– Так будет лучше. Давай, потом разберемся! – мягко подтолкнула она его к аппарату.

Олег, не взглянув на появившийся на дисплее номер, поднял трубку и тут же произнес с досадой:

– А, это вы.

Звонивший, видимо, начал бурный разговор. Пшеничный в ответ только морщился и тихо ругался.

– Никакой встречи с Миленой я вам организовывать не буду! – наконец высказался он. – И не надо мне угрожать! Письма? Какие письма? Ах, с предупреждениями?!

Вера прислушалась к заинтересовавшему ее разговору.

– Никаких писем я не получал! А если получал, то не было времени читать! У меня свои дела, свои проблемы. А если вы еще раз осмелитесь мне позвонить, я сменю но-

мер. Да, и мой совет, не пробуйте даже приблизиться к Милене. Иначе вы об этом пожалеете! – выкрикнул Олег и отшвырнул трубку. – Подонки! – засунув руки в карманы, забегал он по гостиной. – Письма, угрозы! Подавай им встречу с Миленой!

– Олежек, – ласково остановила его Вера, – какие письма? Какие угрозы? И вообще, кто это был?

Олег сел на диван и уперся локтями в широко расставленные колени.

– Да эта... – пропустил он словечко про себя, – бывшая невеста отца. Может, помнишь, как папаша на старости лет решил обзавестись молодой женой?

Вера многозначительно кивнула:

– Так это она звонила?

– Нет, ее половой партнер.

Вера задумалась.

– Надо разобраться. Что за письма? Где они? – приступила она к Пшеничному.

– Откуда я знаю? Я письма вообще не распечатываю. Соберется пачка, бросаю в пакет – и на заднее сиденье машины. Привезу в офис, секретарша разбирает.

– Где этот пакет?

– В коридоре. В шкафу. В самом низу.

Вера направилась в коридор, сдвинула дверцу шкафа и вынула пакет. Вернувшись в гостиную, высыпала его содержимое на журнальный стол и принялась разбирать.

– Так, вот без обратного адреса. – Взяла нож, разрешила конверт. – Ого! «Олег! Если вы не примете наши условия немедленно, мы будем вынуждены действовать!» – прочитала Астрова. – Напечатано на компьютере. Так, вот еще два. – Она пробежала глазами нехитрый текст. – А в третьем они уже угрожают! Послушай! «...В противном случае вы горько пожалеете о своем отказе пойти нам навстречу...» Культурно выраженная угроза, – прокомментировала она.

Олег вдруг вскрикнул и схватился за голову.

– Это же они! Они убили Валентину!..

Вера побледнела и замерла с приоткрытым ртом.

– Ты думаешь? – шепотом проговорила она.

– Тогда кто? – спросил Олег и, разрубая воздух рукой, опять закричал: – Они!.. Подонки! Отродье!

– Так! – потрясая указательным пальцем, сказала Вера. – Сейчас выпьем холодной водочки, и ты – все по порядку.

Она прошла на кухню, наполнила две стопки, положила на одну тарелку соленые грибочки, на другую – огурчики, в вазочку – черной икры, поставила все на поднос и внесла в гостиную.

Выпили, закусили, помолчали.

– Ну!.. – выдержав паузу, обратилась Вера к Пшеничному.

– Что ну?.. – пожал тот плечами. – Ну, короче, месяца три назад остановила меня у входа в клуб «Манго» какая-то девица. Я, признаюсь, удивился. Такие возле клубов не тусуются. В каком-то старом пальто, вязаной шапке, ногу об ногу бьет, точно сапоги прохудились. «Вы, – говорит, – меня не узнаете?» – «Нет», – отвечаю. «Я... Я... – и мнется, и шапку все поправляет, – невеста вашего отца. Лилия». Я присмотрелся. Что-то припомнил. Ведь я тогда специально с друзьями заходил в салон, где она работала, чтобы посмотреть на нее. Ну, скажу, была секс-бомба, а теперь экс-вобла, – расхохотался Олег. – И чего-то стало мне ее жаль. Сунул ей несколько сотен. В память об отце. Пусть, думаю, хоть приоденется. И тут из-за угла вдруг появляется этот, ее половой партнер, с мальчишкой на руках. Долго, наверное, они меня ждали, пацан даже заиндевел. Щеки белые, а по ним – дорожки слез. «Вот», – говорит партнер, – ваш брат». Я не отреагировал, как он того желал, потому он пояснил мне: «Сын вашего отца и Лилии». Я в ответ: «Поздравляю!» – и повернулся, чтобы идти в клуб. А он мне: «Постойте минутку!» Ребенка этой отдал, а сам подошел ко мне и сказал: «Мы скандала не хотим, так вашей сестре и передайте. Поэтому будет лучше, если вы доброзольно отдадите Алику то, что ему причитается, а именно третью часть». Меня это позабавило. «А кто, – спрашиваю, – это решил?» «А это по справедливости! – получил в ответ. – Ведь вам известно, если бы Станислава Михайловича не убили, то по новому

завещанию все движимое и недвижимое перешло бы Лилии и ее сыну. Вы же читали черновик!» – «Читал какой-то листок, за который овдовевшая невеста уцепилась зубами, как голодная ехидна», – не удержался я от комментария. «Но ведь это была последняя воля Станислава Михайловича!» – торжественно, словно посланец с небес, заявляет он. «В черновике», – уточнил я. «А по справедливости...» – не отстает он от меня. «А справедливость, – перебил я его, – решила все за нас. Отец перешел в мир иной, не успев совершить роковой ошибки». И я повернулся, чтобы идти в клуб, но он опять остановил меня. «Но ведь Алик ваш брат! Он Пшеничный! Неужели вы хотите довести дело до судебного разбирательства? К чему вам огласка? Негативное упоминание вашего имени и имени вашей сестры в прессе, на телевидении?» – «А мы с Миленой любим огласку, особенно негативную. Она повышает рейтинг продажи нашей продукции», – бросил я ему. А он мне вслед: – «Устройте нам встречу с вашей сестрой, иначе пожалеете!»

– Слушай, – не выдержала Вера. – А вдруг ты прав и это они... твою Валентину?..

Олег схватил письма и еще раз перечитал их.

– Но разве так угрожают? «Вы пожалеете!» «Мы будем вынуждены действовать»...

– А как бы ты хотел? Что, они должны были написать: «Мы убьем вашу любовницу?» Они рассчитывали на понимание.

– Но почему Тину?

– Да потому что ты и Милена им нужны живые! Они хотят договориться с вами. Но так как главная наследница – Милена, то они через тебя пытались добиться с ней встречи. Ты отказал. Они послали тебе предупреждение в нескольких письмах. Ты не внял. Они убили Тину. Теперь ты понял, что они не шутят, что если ты откажешься связать их с Миленой, они убьют и тебя.

Олег уныло ухмыльнулся:

– Версия писательницы детективных романов. Почему тогда они сразу, напрямую, не обращаются к Милене? Зачем ко мне пристают?

– А здесь расчет простой. Если ты дорог Милене, то она пойдет на контакт с ними, если же нет, они убьют тебя, тем самым давая понять Милене, что такая же участь ждет и ее.

– Ну так и убивали бы сразу Милену.

– Значит, по какой-то причине их устраивает именно такой ход событий. Милавину убивают для устрашающего примера. Потом – тебя. Милену – в крайнем случае. А когда Пшеничных не останется, они предъявят права на наследство внебрачного сына Станислава Михайловича. – Вера перевела дыхание и спросила: – А вообще, что ты знаешь о них?

Олег почесал голову, повздыхал:

– Когда отец преподнес нам новость о разводе и своем скоропостижном браке с этой шлюшкой из салона, моя мать пришла в ужас. Отец, конечно, поступил подло, он даже из квартиры, в которой мы жили, заставил нас выехать, чтобы продать ее. До сих пор не могу вспоминать без дрожи тот переезд. Мать чуть с ума не сошла от позора. И представляешь, как обидно, он нотариально оформил продажу жилья буквально за два дня до смерти. А для мамы эта квартира была очень дорога. Она потом встречалась с новым владельцем, уговаривала аннулировать сделку, предлагала даже возместить моральный ущерб, но тот оказался таким гадом! Короче, наотрез отказал.

Вообще, скажу тебе честно, убили бы отца чуть раньше, лучше было бы. Маму так сразило его предательство... Она за несколько месяцев лет на пять постарела. А еще эти ничтожные подружки с своим сочувствием: «Ах, подлец Стас, кто бы мог подумать!.. Бросил тебя и ради кого? Ну моложе, но ведь дура, правда, хорошенькая», – брызгая слюной, зло кривлялся Олег, изображая приятельниц матери. – Ну и довели!.. Не могла она простить отца, все вела с ним нескончаемые разговоры. Вот так загляну ночью на кухню, а она курит и ходит из угла в угол. Остановится, бросит реплику или разразится тирадой, потом вроде что-то услышит, будто ответ, и кричит: «Ты, Стас, подонок! Выгнать меня и сына из квартиры! Но я рада! О, как

я рада, что ты сдох, как собака, что на тебя глазели, как на балаганного шута, свалившегося посреди улицы! Ненавижу! Ненавижу!..» И знаешь, руки вот так поднимет и царапает ими воздух. Жутко!.. Ну а потом она не справилась с управлением, и ее «БМВ» врезался в опору моста. Наверное, все ругалась с отцом, доказывала ему, какой он гад... Мне первое время казалось, что это он ее за собой увел. Разозлился и увел! А может, наоборот, пожалел?

— Да!.. — протянула Вера. — Ну а про любовницу-то тебе что-нибудь известно?

Олег тяжело вздохнул:

— Когда вся эта история началась, мама с Миленой принялись наводить справки об этой Лилии. Ну и что-то нашли. Если бы отца в тот день не убили, вечером они ему собирались выдать материал, от которого, по словам мамы, у этого старого идиота даже усы встали бы дыбом... — Олег замолчал. Вышел в другую комнату, вернулся с сигаретой. Вера поняла: марихуана. Пшеничный с наслаждением затянулся. — Когда погибла мама, я чуть с ума не сошел. Такая тоска, хоть в петлю. Спасибо Миленке, удержала от непоправимого, уж и не знаю, как ей удалось. Потихоньку привела меня во вменяемое состояние. По завещанию отца мне досталась дача и несколько тысяч «зеленых», а все, — он очертил руками в воздухе круг, — Милене. Но и здесь она поступила со мной по-родственному. Не от больших чувств, разумеется. Ей было жаль, что я растрянжирю эти несколько тысяч. К тому же она боялась, что я залезу в долги и приду к ней за деньгами. Поэтому и предложила мне занять место коммерческого директора с условием, что я вложу денежную часть моего наследства в издательство «Стас». И еще предложила составить взаимовыгодное, как она выразилась, завещание. Очень, кстати, разумное. — Олег сделал несколько длинных затяжек и налил в стакан виски. — Посуди сама! К примеру, в случае ее смерти все движимое и недвижимое переходит мне. Ее матери я выплачиваю пожизненный пенсион. В случае моей смерти все переходит ей. В случае смерти нас обоих, вдруг мы полетим на одном са-

молете, поедem в одной машине, да мало ли... Все переходит в руки ее матери, Зои Пшеничной. Для Милены очень важно, чтобы во главе издательства стоял кто-то из Пшеничных. Далее идут различные пункты, подпункты, уточнения, пояснения... Ну, к примеру, если у кого-то из нас родится ребенок, то ему переходит часть умершего родителя. Если же мы с Миленой умираем оба, то все достается этому ребенку... И так далее. Мысль, думаю, тебе ясна. В принципе, нормальное завещание. Деньги должны оставаться в семье. Недаром раньше существовала система наследования, майорат, при которой все имущество нераздельно переходило к старшему в роде. Ведь из рода в род должно передаваться не только имя, но и все накопленное, тогда род не зачахнет.

Внимательно слушая Олега, Вера думала: «Интересно, составила ли завещание Милавина, и если составила, то кому достанется ее громадное состояние? Недолго мадам пользовалась деньгами мужа. Поплавала в бассейне с шампанским – дай другим. Желающих «тьмы и тьмы», а финансовые ресурсы ограничены».

Олег докурил сигарету, допил виски и придвинулся к Вере.

– Верочка-вербеночка!¹ Ты не уйдешь, не оставишь меня одного? Мне тоскливо. Страшно. – Он потянулся губами к ее рту.

Вере был противен этот слюнявый поцелуй. Но ей пришлось заставить себя «раствориться в любви». Что оказалось непросто. Чувство брезгливости все отодвинуло на второй план. Хотелось сбросить с себя Пшеничного и бежать в душ.

«И как Милавина могла влюбиться в такого придурка, как Олег? – недоумевала Астрова. – Нос птичий, подбородок острый, волосы каким-то нелепым углом лежат на лбу, сам нескладный, худосочный, до противного задиристый. Нет! Так не годится, – остановила она себя. – Надо

¹ Вербена – растение, которому в древности приписывали свойства изгонять вражду и пробуждать любовь.

взглянуть на него с другой точки зрения. Нос – почти орлиный, подбородок – интеллигентный, волосы – шелковистые. Нескладен – очарование застенчивости. Худосочный – стройный. Задиристый – остроумный!.. Нет, все не то!.. Но что-то же ей нравилось в нем? Может, этот бешеный темп, этот пот? – Она вытерла капли со своего лба. – Это влажное поджарое тело, этот слюнявый язык, чтоб он им подавился!..

О, мой бог, мой бог, но ведь мне одним разом не отделаться! – мысленно запричитала она. – Да к тому же я должна убедить его в своей страсти, увлечь до потери разума. Только тогда он сможет добиться от Милены, чтобы она относилась ко мне как к писателю не для стадных, а для мыслящих людей.

Тело – не пустяк. Но только посредством тела я могу достичь своей цели. А все из-за Милены. Дрянь, дрянь!..» – заворочалась Вера, потеряв над собой контроль и повторяя вслух:

– Дрянь! Дрянь!

– Сейчас, Вербеночка, сейчас, – застонал Олег.

Уверенный в своей неотразимости, он услышал, как ему казалось, от изнемогавшей в тисках наслаждения Веры вместо «дрянь» – «встань». Пшеничный вывернулся.

– Так тебе больше нравится?

Вера открыла глаза и взывала. Но, сжав кулаки, произнесла мысленно, как заклинание: «Я должна!»

ГЛАВА 16

Перед тем как нажать на кнопку домофона, подполковник Терпугов настроил себя на рабочий лад. Человек-робот: ни нервов, ни чувств. Ничего, кроме одной цели – расследование убийства.

Родители Милавиной на удивление держались бодро.

– А я верующая, – пояснила Светлана Борисовна, ее мать. – Значит, Господь решил, что так для Валечки будет лучше. Да и что ее здесь ожидало? Ну деньги, работа... А этот Пшеничный, которого она любила до безумия, бросил бы ее. Она бы страдала. Опять. Зачем? А так... Улетела на тот свет. А как соскучимся сильно, так и свидимся. Живут же дети далеко от родителей. На полярных станциях, в Америке, а моя Валечка всегда стремилась к необыкновенному. Вот и выбрала тот свет.

Полковник Терпугов одобрительно кивнул.

– Однако нам, ну тем, кто на этом, необходимо разобраться, – он заметно затруднился с продолжением фразы, – кто, так сказать, отправил Валентину туда, – и указал вверх пальцем. – Порядок такой.

– Да, я понимаю, конечно, разобраться надо. Может, Валечка хотела бы еще на какое-то время здесь задержаться... Хотя все равно все туда поедет. Но порядок... – выражая свое согласие, жалко потрясла головой Светлана Борисовна. – Порядок должен быть!

– Садитесь вот сюда, – указал на велюровое кресло с высокой спинкой Петр Михайлович, отец Милавиной. – Валечка любила на нем сидеть. Заберется с ногами и рассказывает нам свои новости... Да!..

Светлана Борисовна тем временем принесла поднос с кофейником и чашками.

– Давайте кофе пить! Мы Валечку не хотим расстраивать, пусть видит, что мы бодры, здоровы, а главное, что мы верим!..

– С удовольствием, – выдавил из себя улыбку Терпугов, подумав: «С одной стороны, оно, конечно, как бы так и следовало быть, но с другой – как-то странно. А может, правда так верят?!»

– Вы уж простите, но мне бы хотелось как можно больше узнать о жизни Валентины. Поэтому, если вы не против, начнем с ее юности.

– Пожалуйста, – покорно опустила глаза Светлана Борисовна. – Училась Валечка на химическом факультете, вот... Потом замуж вышла за Володю Милавина...

– А отчего он умер?

– Сердце. Инфаркт. Дело-то у него большое было. Нервничал. Суетился. Да и с Валечкой не дружно они жили. Любовница у него была, молодая, с именем каким-то цветочным, не вспомню. Так он хотел развестись с Валентиной и жениться на этой, цветочной. Не успел. Вот таким образом Валечка стала богатой. Радовалась она этому богатству, не скрою. Но ведь не растранижирила, а делом занялась, к которому душа лежала. Мечта у нее была духи создавать. Ах, все-таки надо было немного повременить... – забывшись, посетовала Светлана Борисовна. – Уж очень она хотела выпустить эти духи. Говорила, ошеломлю Москву на Новый год.

– А может, кто-то из родственников господина Милавина, недовольный тем, что все досталось вашей дочери, решил отомстить ей?.. Хотя, – почесал мочку уха Терпугов, – смысла в этом нет. Ведь она наверняка составила завещание. И полагаю, что единственными ее наследниками будете вы.

Светлана Борисовна опустила голову и вздохнула. Петр Михайлович погладил ее по руке.

– Близких родственников у Володи... Милавина, – пояснил он, – нет. Если не ошибаюсь, только двоюродный брат и племянники. Но он с ними почти не поддерживал отношения. Он был погружен в работу. Да вот незадолго до

смерти любовница у него молодая появилась. У Валечки детей не было, а Володя очень хотел иметь наследника...

Терпугов, слушая, осматривал обстановку квартиры. Все указывало, что люди жили в полном достатке. И вдруг он увидел что-то знакомое. Присмотрелся.

— А это у вас снимок с портрета, что висит в кабинете Валентины, да?

Родители повернули головы, посмотрели...

— Да, — ответила Светлана Борисовна. — Это снимок с портрета Валечки.

— А я сразу догадался, несмотря на костюм, что это Валентина. А кто написал этот портрет?

Светлана Борисовна с тихой грустью улыбнулась своим воспоминаниям:

— Сережа написал. Первая Валечкина любовь. Думали, да что там, были уверены, что они поженятся. А он, как в омут головой, влюбился вдруг в какую-то актрису, оставил живопись и стал ездить с ее балаганом по стране в качестве художника-декоратора. Вот тогда-то с отчаяния Валя вышла замуж за Милавина. А какой они были бы парой!..

Терпугов слушал, глядя на снимок. «Да, красивая была женщина. Яркая!..»

— И с тех пор пропал Сережа, мы его больше ни разу не видели... — продолжала Светлана Борисовна.

— Сережа? — с некоторым удивлением переспросил подполковник. — А как его фамилия?

— Фролов, — ответил Петр Михайлович. — И ведь были задатки, большие... А пропал... Совсем... Спился, должно быть.

— Сергей Фролов?! — не на шутку разволновался Терпугов. — А фотография у вас его есть?

— Конечно. Они с Валею много фотографировались, ведь несколько лет вместе были. Когда она замуж вышла, то альбомы у нас оставила. Правда, сначала, после его бегства, хотела все фотографии сжечь. Но потом одумалась и сказала: «Ведь в памяти он все равно останется. Если бы было можно сжечь память о нем...», сложила стопкой аль-

бомы и спрятала в шкаф. Если вы хотите, я покажу, – оперлась рукой о подлокотник дивана Светлана Борисовна, чтобы подняться.

– Да, конечно! – с явным волнением подхватил Терпугов.

Светлана Борисовна вышла в другую комнату и вернулась с несколькими небольшими альбомами. Подполковник был почти уверен, кого он увидит на снимках, но все же оставалось небольшое сомнение, и он хотел, чтобы оно оставалось. Однако, перевернув несколько листов, он обнаружил фотографию своего знакомого художника Сергея Фролова...

«Так! Очень интересно! – мысленно воскликнул Терпугов. – Что ж это он мне не сказал, что Милавина – его бывшая любовница, что это он написал ее портрет? Молчал и наброски делал. Выдержка! Глазом не моргнул, бровью не повел. А?! На случай поставил, что я не узнаю... И проиграл!»

Терпугов тряхнул головой, чтобы отогнать мысли, которые с лихорадочной поспешностью принялись строить яркую версию убийства Милавиной Фроловым. Он еще с полчаса побеседовал с Петром Михайловичем и Светланой Борисовной, потом, выразив свои соболезнования, попрощался.

Несмотря на то что родители держались отлично, выйдя на улицу, подполковник облегченно вздохнул. «С Северного полюса, из Америки, даже Южной, хоть телеграмму можно получить, а вот оттуда... Черт его знает, – совсем неуважительно к тому свету подумал он, – может, когда и оттуда телеграммы будут приходить. Ведь, скажем, в четырнадцатом веке никто бы не поверил, что из Москвы можно будет позвонить в Америку. Тогда даже не знали, что она есть!»

Терпугов сощурился от ярких лучей почти весеннего солнца и улыбнулся. Повсюду весело таял снег, чтобы к вечеру тонкой прозрачной пленкой покрыть асфальт и посмеиваться над осторожно шаркающими прохожими. Но он недолго наслаждался весенними предчувствиями. Фролов затмил все.

«Зачем ему понадобились эти последние впечатления? – задал себе вопрос подполковник и ответил: – Чтобы научиться убивать. Собирал материал, систематизировал, вникал и убил, но все-таки как художник, с фантазией. За что? А за успех! Которого сам не достиг. Ведь он был талантливым художником, а она простым химиком. И вдруг все оказалось наоборот. Она богата, известна. Он – ничто. Малюет бутылочные этикетки. Дизайнер-разработчик! – сплюнул Терпугов. – Отомстил, душу черную отвел да еще заработает, – продаст духи и тетрадь. Вот это ход!.. Может, да скорее всего так и есть, стал делать эти зарисовки неосознанно. На поверхности сознания было – сделать выставку, но подспудно толкало желание наказать за все свои неудачи Милавину. Кстати, надо узнать, когда в последний раз они встречались. Если недавно, то все ясно. Увидел ее во всем блеске и оторопел от зависти. Чтобы с ума не сойти от раздражающей душу злобы, принялся мысленно рисовать картины отмщения. Из множества эскизов выбрал убийство, оно в нем давно сидело. Подготовил все необходимое и создал картину с мертвой натурщицей. Все-таки, несмотря ни на что, в душе он считает себя личностью неординарной. «Да, много улик против меня, а вы докажите!» Что ж, и докажем. А для начала мы с вами, господин Фролов, встретимся!»

Подполковник вынул из кармана мобильный.

– Сергей, привет! Я по поводу картины из кабинета Милавиной. Нужен совет компетентного человека. Стоящая вещь или нет! Занят? Ну ты уж извини, но встретиться надо сегодня. Да, обязательно. В «Степном хуторке», в полвосьмого, идет? Значит, договорились!

* * *

Когда Фролов вошел в зал небольшого ресторана «Степной хуторок», Терпугов, выбравший столик в углу, не выказал своего присутствия, а с жадным интересом стал вглядываться в Сергея. Лицо его показалось ему обрюзгшим, землистым, глаза мертвыми, ни огонька в них, ни искорки, плечи бессильно опущены.

«А ты думал, носить в себе тайну убийства легко? Думал, справлюсь запросто. Ликовать буду!..» – с чувством злорадства подумал Терпутов.

Фролов заметил подполковника, подобие улыбки мелькнуло на его губах. Он подошел, протянул руку. Терпутов ответил. Сели, пробежали глазами меню. Сделали заказ.

– Так я тебя, Сережа, побеспокоил вот по какому поводу, – протянул подполковник Фролову снимок, по его приказу сделанный с портрета в кабинете Милавиной. – Я тогда там спросил тебя, как находишь кисть художника? Ты ничего толком не ответил. А меня заинтересовал этот портрет.

Фролов взял в руки снимок, дождался, когда принесут водку и закуску. Выпил и сказал:

– Кисть хорошая! Да художник – не очень. Дальше не пошел. Это его первая и последняя вершина.

– Ты его знаешь? – сыграл изумление Терпутов.

– Знал... когда-то. Много звезд он хотел с неба. Да не рассчитал силы. Слаб оказался...

– И оттого, наверное, пропал?

– Оттого и пропал, – вяло улыбнулся Фролов. – Ты чего, Борис, не пьешь? Давай!

Они чокнулись запотевшими стопками.

– Совсем пропал или?..

Фролов поморщился, устремив свои страшные, без единой живой искорки глаза куда-то поверх головы Терпутова.

– Может, и совсем. Хотел было попытаться вновь... да путеводная звезда закатилась...

Терпутов согласно кивнул, поддел на вилку кусочек рыбы и спросил:

– Что ж ты мне, Сережа, ничего не сказал?

Фролов перевел на него свой взгляд.

– А это что-нибудь изменило бы?

– Как сказать, – наливая в стопки горькую рябиновую, ответил Терпутов. – Я вот узнал, – покачивая головой и закусывая соленым огурцом, продолжал он, – что ты виделся с Милавиной за неделю до ее смерти. И до

этого вы в ресторане вместе обедали. А ресторан дорогой. Она, значит, тебя пригласила, ведь так?

– Так! А еще до этого ты узнал, что мы были с ней близки и даже хотели пожениться, а потом я задурил и пропал.

– Верно.

– И ты решил, что, встретив Тину, я из зависти убил ее.

– Не исключено.

– Не было мне смысла ее убивать. Она предложила мне помощь. Обещала организовать выставку моих работ в одной частной галерее. И на карнавал пригласила, чтобы познакомить с состоятельными людьми, которых могли бы заинтересовать мои картины.

– А признайся, захотелось дважды войти в ту же воду? И даже подумывал, что удалось, но на карнавале убедился – древние мыслители осечек не дают. Ты понял, что Милавина крепко увязла в молодом Пшеничном.

– Угадал! Крепко увязла. Я даже ее обидел, пошлость сказал. Теперь жалею.

– Но зато выставку ты себе обеспечил. И какую! Резонанс по всей Москве. Ведь там будут зарисовки со свежего места преступления. Там будет представлено, как была убита Валентина Милавина. Думаю даже, что изменишь своему излюбленному угольному карандашу. Освещение уж больно захватывающее. Ты, наверное, сделал наброски, когда она была еще живая, без сознания, но живая, а потом ласково так, затянул на шее любимой шарф, несколько штрихов карандашом нанес на бумагу и исчез. И не ожидал, что утром я тебе позвоню.

Фролов устало рассмеялся:

– Сам же говоришь, что ты мне позвонил. Ну а не позвонил бы, как бы я смог сделать наброски с Милавиной, если бы меня там не было?

– А очень просто. Не успел бы я еще выйти из машины у «Елисаветинского», как ты появился бы передо мной, объяснив, что шел по делам и вдруг увидел, как мой джип подъехал к пассажиру. Ну и по старой памяти попросил бы взять себя на место преступления.

Фролов рассмеялся чуть веселее:

– А ведь действительно не придерешься! Ловко ты, Боря, все это выстроил. И что, правда считаешь, что я убил Тину?

Терпугов посмотрел в глаза Фролову и сказал:

– Не исключаю. Так что придется вспомнить, где ты был двадцать второго февраля с девяти тридцати до десяти тридцати вечера.

– Дома, – ответил Сергей и усмехнулся, не скрывая раздражения. – Слушай, Борис, я, конечно, тебя понимаю. Ты должен подозревать каждого, кто как-то мог быть причастен к убийству. Но скажу тебе честно, мне до омерзения противно, что ты, – он сделал ударение на «ты», – подозреваешь меня. – Он бросил на стол несколько сотен, поднялся и, не глядя на Терпугова, выпалил скороговоркой: – Ну, бывай! Понадоблюсь, знаешь, где меня найти. – И ушел.

Терпугов неласково поглядел ему вслед: «Ну если окажется, что это ты!..» – подумал и, мысленно послав Фролова далеко, но в пределах Москвы, заказал еще водки.

«Нет, вот если бы я сейчас высказал версию, что Милавину убил ее любовник, или ее менеджер, или черт знает кто, он бы тут же ухватился и взахлеб принялся бы подкидывать мне, – не мог успокоиться подполковник. – Сыпал бы проклятиями в адрес убийцы, требовал бы найти его хоть под землей. А тут... Я лишь высказал предположение, кстати, не лишнее основания, как они обиделись и ушли! Вот, всех можно подозревать, только не его. Святой прямо!.. Нет, но людская психология до смешного примитивна. Все могут быть виновны, только не я».

В скверном расположении духа, метавшегося в нем точно бес, подполковник отправился домой. В противоположную сторону от него, не замечая ни снега, ни противного ветерка, шагал Фролов.

«Ну скажи после этого, что она не ведьма! – кричало его возмущенное «я». – Жил, работал, никого не трогал, писал себе потихоньку, может быть, даже и выставку сделал бы... потом. А она появилась – точно из преисподни.

Прилипла, как жевательная резинка. Ну разошлись наши дороги, разошлись давно и навсегда. Но не могла она отстать от меня, не причинив неприятность. Отомстила! Меня подозревают в ее убийстве. А как, оказывается, это неприятно, даже мерзко. Тина, Тина!.. Что за странная сила связала нас с тобой?.. Зачем ты опять возникла на моем пути? Зачем? Чтобы погубить? Конечно, Терпутову кажется все ясным. Вот подумает еще немного и установит, каким образом я оказался в «Елисаветинском» после закрытия. Да хотя бы придет ему в голову та же мысль, что и мне, будто убийца прятался под юбкой одной из маркиз. А потом проще простого. Вошел. Тина удивилась. Но я успокоил, мол, сюрприз захотел сделать в последний день карнавала. Она спокойно сидит в кресле, я расхаживаю по кабинету, набрасываю ей на шею шарф, — подарок свой, потом достаю марлю, пропитанную хлороформом, и накладываю ей на лицо!.. Картина ясна до малейших нюансов. Разозлили меня мои неудачи. Решил убить Тину, похитить ее новые духи и тетрадь с записями. До времени спрятать, а потом выгодно сбыть заинтересованным людям...»

Сергей не заметил, как дошел до дома. Душу точно перевернули вверх дном. Полусонный покой, в котором он существовал и которым дорожил, был нарушен. Он с тоской посмотрел на диван, на который бы лег и стал бы неспешно перелистывать томик Чехова, перечитывая строки о необходимости жить и терпеливо сносить испытания, какие пошлет судьба. И соглашаться. Не желая видеть и понимать ничего другого, кроме этих строк, полагая, что судьба уже достаточно ниспослала ему испытаний, и он их выдержал: сумел подавить раздражение, сумел внутренне смириться со своим, он отдавал себе в этом отчет, жалким существованием. Он не роптал, не мечтал, а просто жил. Разве это плохо? Но никак не ожидал, что еще может предстоять испытание тюрьмой, в которую его упечет знакомый ему подполковник.

Странно, Фролов не считал себя человеком робкого десятка, но это когда речь шла о взаимоотношениях с людьми, а когда вмешивалось что-то потустороннее, он

ощущал полное бессилие. Сейчас же он не сомневался, что Судьба решила его доконать. Правда, может, она таким образом хотела помочь ему вылезти из болота, встряхнуть, поставив на карту его свободу. Но ему было только жаль утерянного, покрытого теплой пылью покоя...

Он упал на диван лицом вниз и думал, что вот дороже этого дивана ничего для него нет. Поймал себя на мысли, что целый день, работая в офисе, он время от времени представляет, как вернется домой, ляжет на диван и будет отдыхать...

– Нет! Нет! И нет! – вскочил Фролов с дивана и пнул его ногой. – Нет мне покоя! А, черт, черт! А вот пусть Терпугов докажет, чего не было! А мне плевать! Плевать! Завтра же уеду на дачу и буду писать. Завершу цикл и выставлю и Терпугова приглашу! – Сергей влетел на кухню, схватил сумку, открыл холодильник и принялся без разбора бросать в нее продукты. – Прямо с утра. Первой электричкой. Позвоню на работу и возьму отгулы. Я и так за всех семейных отдуваюсь, работая по выходным и праздникам. И – на природу, на дачу!

ГЛАВА 17

В черном свитере с высоким мягким воротником и черных брюках с широким кожаным поясом на бедрах Милена стреляла по мишеням. На голове у нее были наушники, рядом оптический прибор, в который она смотрела после выстрела и либо удовлетворенно кончиком языка проводила по верхней губе, либо, что случалось редко, отпускала словечко в свой адрес.

– С такими способностями, – заметил стоявший рядом с ней владелец тира, – вам бы, Милена, в сборной команде выступать. Потрясающая меткость, хладнокровие и уверенность в том, что посланная пуля настигнет цель.

– Давайте бегущую мишень! – сказала она.

Мишени забегали, точно загнанные люди.

– Всех перестреляла! – рассмеялся владелец.

Милена сняла наушники.

– Молодец! А что Олег, почему не приехал? – продолжал тот.

Милена нахмурилась, глянула на часы.

– Да дело у него сегодня одно. Но уже пора бы и приехать. Мы договаривались, что я его здесь дождусь.

– Тоже хорошо стреляет, но до вас не дотягивает. Нервозный очень. А оружие, оно хладнокровных уважает.

– Фух! – мотая головой так, что волосы разлетелись веером, с наслаждением выдохнула Пшеничная. – Всех гадов уложила. Теперь можно жить!

Она прошла в бар, села за столик и заказала стакан ананасового сока. Заиграл сотовый. Милена откинула крышку.

– Олег! Наконец-то! Куда ты пропал?! – выпалила она и замолчала, сраженная тем, что ей говорил брат.

Она поняла все, но поверить в это было трудно, потому что не хотелось верить. И Милена переспросила, не рассчитывая на другой ответ, но, видимо, чисто интуитивно, на уровне самозащиты, она хотела продлить то время, когда этого нового положения вещей еще не было.

Олег вновь вкратце повторил то, что только что сказал.

– Невероятно, – пробормотала Милена. Возникла пауза. Она ее прервала: – Надо немедленно встретиться и все обсудить. Приезжай в офис!

Закончив разговор, Пшеничная бросила телефон на стол. Задумавшись, потянула из пачки сигарету. Вытянула сразу три. В сердцах отбросила пачку. Владелец тира помог ей справиться с пачкой сигарет и поднес зажигалку. Милена мотнула головой в знак благодарности, сильно затянулась и выдохнула вместе с дымом:

– Невероятно!..

Владелец тира склонился к ней и спросил:

– Что-то случилось не очень приятное?

Милена усмехнулась, откинулась на спинку стула:

– Что-то постоянно случается, а уж будет оно приятное или нет, зависит только от нас.

Пшеничная встала и направилась к машине, не замечая никого и ничего. Шла оболочка красивой женщины, с полуулыбкой, с распущенными по плечам волосами, покачивая бедрами, а сущность уже считала, выстраивала схемы, проигрывала ходы.

Две машины с разных сторон Москвы мчались к офису издательства «Стас». В одной – уверенная в себе Милена, в другой – взвинченный, растерянный от невероятного поворота судьбы, переполненный сумбурными эмоциями Олег. Он ловил себя на том, что постоянно забывает, где находится. Глянет в окно и вздрогнет. «Где я? А! В машине!..» И опять... опять повторяется то, что только что было.

Вечером Олегу позвонил адвокат Милавиной и пригласил его прийти в свою контору на следующий день к одиннадцати часам утра на оглашение завещания. Олег сказал, что будет обязательно. Положил трубку и задумался.

– Да нет! Не может быть! – громко вслух возразил сам себе. – Цена всех обещаний известна. Ну, мелочевка какая-нибудь... приятная. – На этом он оборвал свои размышления и позвонил Милене, предупредив, что немного опоздает на их обычные еженедельные стрельбы в тире.

Утром он подъехал к солидному особняку. Его встретили и проводили на второй этаж. В холле перед кабинетом уже сидели двое – мужчина и женщина. Пшеничный догадался, что это родители Валентины. Ему стало неловко, надо было бы выразить соболезнование, но они не были знакомы. Почти следом за ним вошел высокий мужчина средних лет. Он поздоровался с родителями Валентины и подошел к Олегу.

– Господин Пшеничный, если не ошибаюсь?

– Да! – ответил с высокомерной ноткой в голосе Олег.

– Очень приятно. Разрешите представиться, подполковник милиции Терпугов Борис Григорьевич.

По лицу Олега пробежала тень досады: «Ну да, в этом деле не обойтись без милиции. Вот же!..»

– Взаимно, – ответил Пшеничный.

Секретарь адвоката пригласил всех пройти в кабинет.

Адвокат с каждым поздоровался за руку и предложил занять места за длинным столом, несомненно рассчитанным на большее количество родственников и близких.

– Согласно воле госпожи Милавиной, – безотлагательно начал он, – я пригласил на оглашение ее завещания только трех человек. А именно, родителей: Ильина Петра Михайловича и Ильину Светлану Борисовну, а также господина Пшеничного Олега Станиславовича. Опять же согласно воле госпожи Милавиной, завещание должно быть вскрыто на третий день после ее кончины. Однако в связи с предположением о насильственной смерти госпожи Милавиной на

чтении завещания присутствует подполковник милиции господин Терпугов Борис Григорьевич.

Олег опустил голову, до боли ясно вспомнив Тину и осознав, что никогда уже ее ноги не обовьются вокруг его бедер, что никогда уже он не услышит ее жадного: «Еще!»

«Наверное, она завещает мне свой портрет, что висел в ее кабинете», – подумал Олег и тут услышал:

– ...все движимое и недвижимое имущество я завещаю господину Пшеничному Олегу Станиславовичу.

Далее он точно потерял слух. Удивленно моргал глазами и смотрел то на не менее его удивленных родителей, то на адвоката, совершенно спокойно продолжавшего чтение завещания, то на подполковника Терпугова.

– ...господин Пшеничный должен будет выплачивать моим родителям ежемесячный пенсион.

Глаза родителей и Олега встретились. Он, словно извиняясь, пожал плечами. Светлана Борисовна обиженно поджала губы. Петр Михайлович убрал со стола задрожавшие кисти рук.

– ...погребение моего тела я отдаю на усмотрение господина Пшеничного Олега Станиславовича, – закончил чтение адвокат.

Олегу показалось, что все ждут от него какого-то заявления. Он вскочил.

– Я!.. – Его голос сорвался. – Я принимаю решение кремировать ее тело. – Он говорил быстро, отрывисто, стараясь высказаться до конца, чтобы не успеть поддаться чувствам. – Я не буду выставять напоказ ее, точно куклу в коробке с цветами. Чтобы эти злопыхательные приятельницы судачили о ее посмертном гриме и цвете лица. Нечего устраивать смотрины! Мы знали и любили живую, яркую, солнечную Валентину, а не ту... что будет в коробке... – Олег заводился. Он хорошо помнил похороны матери и рептильный шепот приятельниц в черном флере и бриллиантовых колье. – Я устрою вечер памяти Валентины в ее butikе... и все!

Он оглядел присутствовавших, молча внимавших ему. Подошел к родителям, те поднялись.

– Правда, если вы хотите, то вы... можете...

Светлана Борисовна опустила глаза:

– Чего уж... там...

– Я пришлю за вами машину на вечер памяти, – сурово проговорил Олег. Но родители были уже в дверях. – Я пришлю! – повысил он голос.

Олег отталкивал от себя навязчивый, как ему казалось, витавший в кабинете образ Валентины, чтобы не впасть в истерику. Он думал только о делах, не важно каких. О делах издательства, о том, что в тире его ждет Милена. Но глаза Валентины с ласковым вопросом: «Ты доволен, мой любимый? Я все сделала так?!» – настойчиво ловили его взгляд.

Олег криво улыбнулся и шепнул: «Да!»

– Что? Вы что-то сказали? – спросил его адвокат, положивший перед ним бумаги для подписи.

– Нет, то есть да. Что?... Где подписывать?

Поставив свои подписи, он хотел было уйти, но путь ему преградил подполковник Терпугов.

– Олег Станиславович, я хотел бы побеседовать с вами.

Олег смерил его плохо соображающим взглядом, спохватился:

– Да, конечно. Но не сейчас. Я очень занят! Очень! Мне все надо устроить.

– Я позвоню вам на днях, и мы договоримся о встрече, – сказал Терпугов и пропустил Пшеничного к выходу.

Оглашение завещания послужило подполковнику основой для новой версии. Теперь к подозреваемому Фролову прибавился Пшеничный.

«Ясное дело, Пшеничный будет отрицать, что ему было известно о намерении Милавиной сделать его своим наследником, – принялся размышлять Терпугов. – Но, конечно, вполне допустимо и то, что Милавина держала все в секрете. Если она была умной женщиной, то понимала, не стоит дразнить молодого человека такими деньгами. Мало ли как сложатся обстоятельства. Войдет ему в голову мысль, что не стань ее, он станет богатым. И пока не осуществил бы эту мысль, не успокоился бы. А Фролову

даже его картину не завещала, а любила. Все какому-то пацану отдала. Родителей не уважила. Вот же!..»

Выйдя из конторы адвоката, Олег сел в машину, по инерции завел мотор, отъехал метров двести и остановился.

— Неужели?.. — с сомнением проговорил он.

Схватил мобильный и позвонил Милене. Только дважды рассказав ей все, он сам удостоверился в том, что то, что произошло, было правдой. Плечи его расправились, губы растянулись в такой улыбке, что стало больно.

— Так я теперь богаче многих богатых. Богаче Миленки! — расхохотался он. — Вот это да!.. Пусть теперь мне что скажет поперек! Я теперь... Черт возьми! Ну держитесь, кто не знал Пшеничного!..

Радость необыкновенной силы наполнила его сердце. И почти в тот же миг он понял, что потерял единственную женщину, которая любила его.

— Как странно!.. — проговорил он. — Но даже мерилом любви могут служить деньги. Что она могла дать мне после смерти? То, что ценила превыше всего в жизни, — деньги, значит, свободу. Она хотела, чтобы я стал независимым. Чтобы Милена перестала мне указывать. Чтобы я занял достойное место в этом мире. И я займу! Ты будешь довольна, Тина!

* * *

Со странным взволнованно приятным чувством в груди Олег вошел в офис издательства. Помимо воли его взгляд стал смотреть выше обычного. Если раньше он видел головы, замечал выражения лиц, то теперь все это было внизу. С ним здоровались, почтительно уступали дорогу. Он шел, как таран, он прошел бы и сквозь стену, такая сила появилась у него.

— Привет! — войдя к Милене, вяло бросил он и развалился на диване. Потянувшись, сказал: — Миленка, налей чего-нибудь. Мартини, что ли? Устал!

Она смирила его взглядом, ничего не ответила, сумев подавить раздражение. Налила в бокалы сухой мартини. Олег выпил и попросил еще.

– Подожди! – остановила она его. – Надо поговорить.

– О чем? О моем неожиданном наследстве? – щурясь от собственного довольства, уточнил Олег.

Милена улыбнулась с чувством превосходства человека, который видит опасность, грозящую другому.

– Именно! Ведь теперь основным подозреваемым в убийстве Милавиной стал ты!

Олег встрепенулся и выпрямился.

– Как это я? У меня, сама знаешь, стопроцентное алиби.

– Я бы так не сказала, – слегка покачала головой Милена и поправила на груди серебряный крест, подвешенный на жемчужном ожерелье. – Что это за алиби, если его могут подтвердить только две проститутки.

– А что, проститутки не граждане страны?

– Граждане, к показаниям которых в органах милиции относятся с большим недоверием. Они за деньги все покажут!..

Олег нахмурился:

– Но у меня еще есть свидетель!

– Кто?

– Мой шофер. Мы с ним заехали за девочками в бордель. Потом он нас отвез на дачу и оставил. На другой день он должен был ждать моего звонка, чтобы приехать за нами.

– Тоже мне свидетель, – презрительно скривила губы Пшеничная.

Олег забарабанил пальцами по подлокотнику дивана. Вынул из пачки сигарету и закурил.

– Но это кощунственно подозревать меня. Я любил Тину.

– И она, как выяснилось, тебя любила, – ответила Милена, глядя в сторону и о чем-то размышляя. – Скажи, Олег, только честно. Ты знал, что она составила завещание в твою пользу?

– Нет! – поторопился с ответом Пшеничный.

– Мне не стоит лгать. Мы должны быть готовыми к обстоятельному разговору с милицией.

– Почему мы?

– Потому что я не брошу тебя на произвол...

Первым движением души Олега было подойти и обнять сестру, но неожиданно возникшее недоверие остановило его.

– Это что ж ты так обо мне заботишься? – с мелкой, неприятной усмешкой спросил он.

– Я, как ты уже, надеюсь, заметил, всегда заботилась и буду заботиться о тебе, потому что ты носишь фамилию Пшеничный.

– Допустим. А еще почему?

Милена, сложив руки на груди, отвернулась к окну.

– А еще потому, что ты задумала привлечь мои деньги в свое издательство! – со злобой в голосе выкрикнул Олег.

– О! Вот ты как?! Уже издательство из нашего стало моим. А деньги Милавиной только твоими. Неплохо, братик! Значит, когда у тебя почти ничего не было, ты принял мое предложение и стал работать в издательстве. Теперь же, как видно, ты решил создать собственное предприятие.

– Решил! И создать, и продолжить начатое Валентиной.

– И все один?

– Валентина тоже была одна.

– И чем закончилось?

– Слушай! – вскипел Олег. – Говори конкретно, чего тебе от меня надо?

– Конкретно? Пожалуйста! У нас должен быть совместный семейный бизнес. Негоже Пшеничным идти порознь.

– Чужие деньги не дают покоя?! – съязвил он.

Милена только всплеснула руками:

– Когда мы составляли свои завещания, тебе в случае моей смерти доставалось значительно больше, чем ты имел. Мне же в случае твоей – доставались крохи. Но я пошла на это. Пшеничные должны быть вместе. Теперь, когда у тебя стало чуть больше моего...

– Лукавишь, Миленка! Лукавишь! Намного больше твоего!

– Хорошо, – согласилась она. – Ты не хочешь работать вместе.

– Я мужчина и хочу быть самостоятельным.

– Никто не покушается на твою самостоятельность. Я буду заниматься издательскими делами, а ты будешь заниматься тем, что мы с тобой сочтем выгодным для нас. Совместный капитал даст нам больше свободы. С Пшеничными просто так уже никто не посмеет поспорить. А порознь нас могут и раздавить.

– Кто?!

– Да хотя бы совет директоров, в который входила Валентина. Им всем чрезвычайно выгодно повесить на тебя убийство Милавиной. Наследство же отсудить в пользу родителей, которые получают одну десятую процента от всей суммы. И будут счастливы, что вообще остались живы, когда доверенный человек совета директоров разъяснит им ситуацию. А кто для них ты? Ты – блажь дамочки под сорок! Она была законной супругой и то просто потому, что никто не верил, что ей удастся крепко взяться за дело покойного мужа, она сумела занять его кресло в совете. А ты любовник! Да они тебя так скрутят, что сам будешь рад отказаться от наследства. Так что предстоит борьба! И тебе одному не выстоять!

Олег задумался. Кусал ногти, что-то бурчал под нос, нервно дергал шеей.

– Черт возьми! Тебе, как всегда, почти удалось меня убедить. Но я еще подумаю. Слышишь!

– Конечно, подумай. И все-таки скажи мне, ты знал, что Тина составила завещание в твою пользу?

Олег недовольно поморщился, помассировал шею и сказал:

– Обмолвилась она как-то, что, мол, в случае чего все достанется тебе. Но я не придавал этому значения. Не поверил. Мало ли что женщины болтают, чтобы покрепче привязать к себе мужчину.

– А кому-нибудь еще она могла сказать об этом?

Олег пожал плечами:

– Вряд ли. Тина была скрытная, недоверчивая.

– Если так, то хорошо. Нам совершенно не нужен свидетель, который будет настаивать на том, что Тина говорила тебе о своем намерении.

– Нет, не думаю, она не любила откровенничать.

– Ладно! – ударила ладонью по столу Милена. – Значит, все пока идет своим чередом. Работаем в обычном режиме. Когда вступишь в наследство, посчитаем, обсудим и решим, как будем действовать, – постановила Пшеничная. – А если тебя начнут беспокоить... – в задумчивости проговорила она. Олег насторожился. – Я сегодня же встречусь с одним человеком, и он позаботится о твоей безопасности. Ну, что ты? – обратилась она к замершему Олегу. – Иди работай!

* * *

Олег вышел от Милены чрезвычайно встревоженным. Оказывается, все не так просто. Оказывается, за наследство предстоит борьба. Придя в свой кабинет, он сел за стол, взялся за телефонную трубку, намереваясь позвонить в типографию, но, подержав ее в руке, положил обратно. Навязчиво-неприятная мысль не давала покоя. С кем-то нужно было поделиться, посоветоваться. С Верой! «Как некстати она уехала на дачу! А по телефону, пожалуй, не стоит! Зайду-ка к Ксении. Интересно, что она скажет?.. Я ей так... в общих чертах набросаю картину».

Когда Олег вошел в кабинет Вежиной, она оторвала свой взгляд от экрана ноутбука и прищурилась:

– Включи, пожалуйста, свет. Такая вьюга поднялась, будто опять зима наступила.

Пшеничный включил свет и сел в кресло у стола.

– Знаешь, что Милена мне предложила? – начал он разговор с вопроса.

– Нет, – ответила Ксения и надела очки, чтобы четче видеть Олега.

– А, да ты же не в курсе, что Валентина составила завещание в мою пользу. Я только что вернулся от ее адвоката.

Глаза Ксении выразили недоверие.

– Ты не шутишь? Правда?

Олег утвердительно кивнул.

– Вот это да!.. – протянула она, снимая очки и откидываясь на спинку кресла. – Вот это любовь! Потрясающе! Неужели такое может быть?!. Мне мой Ладимир даже струны от своей гитары не завещал бы. Слушай! – спохватилась она и почти легла грудью на стол. – Ты же теперь у нас супербогач!

Олег кашлянул, выпрямил спину и положил ногу на ногу.

– И что ты со всем этим собираешься делать?

– Продолжать начатое Валентиной. Она хотела создать свои духи... – Голос Олега прервался от горлового спазма. – Из-за этих-то духов какой-то гад и убил ее, – с трудом договорил он. – Тетрадь пропала. Не знаю, как теперь быть.

Ксения задумалась, сложив руки под подбородком.

– Да, задача! Но в конце концов как ты решишь, так и будет. Захочешь, наберешь штат сотрудников, пусть духи создают. Или еще проще и, думаю, лучше, – обратиться к какому-нибудь известному французскому парфюмеру. Пусть создаст легкий, живой аромат, напоминающий Валентину.

– И духи так и назвать – «Валентина»! – подхватил Олег.

– Прекрасно! Еще нужно продумать дизайн флакона и коробки. В общем, дело интересное.

– Интересное, – с неожиданной тоской проговорил Олег. – Да вот только я не уверен, что все так и будет. Ведь Милена замыслила слить наши капиталы. Пшеничные, говорит, должны быть только вместе. А я хочу сам! Понимаешь, сам! А она пугает, что совет директоров может обвинить меня в убийстве Тины, что мне теперь угрожает опасность.

Ксения задумалась, по привычке надела очки и пристально посмотрела Олегу в глаза:

– А ты знаешь, Милена не так уж не права. Мы с тобой тут размышлялись!.. Нет, думаю, если ты стоишь на выпуске духов, посвященных памяти Валентины, то она не

будет против. А вот насчет угрозы со стороны совета директоров... Есть все основания предполагать, что завещание будут оспаривать.

– Но какие у них права?

– Не беспокойся, найдут, за что зацепиться. Родителей привлекут и будут ими манипулировать. Вообще, если разобраться, то Валентина сделала тебе опасный подарок.

– А я не боюсь!

– И правильно! Большие деньги нужно защищать!

– Милена пообещала поговорить с одним человеком насчет моей безопасности. А может... – Олег оборвал фразу. – Ладно, пойду работать. Постепенно во всем разберусь.

– Знаешь, – Ксения подошла к нему, – лучше, конечно, держаться вместе. Страшно поодиночке в бизнесе. Смотри сам: отца твоего убили. Он был один. Валентину убили, она тоже вела самостоятельный бизнес. А когда объединяются несколько человек, не так опасно. Всех, как говорится, не перестреляешь.

Олег кивнул:

– Наверное, ты права.

Он вышел в коридор и мысленно вернулся к оборванной им же фразе: «А может, Милена просто решила нагнать на меня страху. Ведь мне и в голову ничего такого не приходило. А Ксения что? Естественно, женщина, потому и боится. Не все же такие отчаянные, как Милена».

Но когда вечером Олег вернулся домой, то почувствовал страх. Холодный, тонко струящийся в воздухе, точно в комнате работал кондиционер.

«Конечно, убьют меня – и все. А если у меня будет наследник, да еще такой, как Милена, с которой не так-то легко поспорить... Но с другой стороны, выходит, что я держусь за бабскую юбку. – Олег налил рюмку водки, опрокинул, налил вторую. – А ведь точно, с Миленой не так-то просто поспорить. Она и в завещании столько пунктов и подпунктов потребовала проставить, что не разбе-

решься и с третьей попытки. А сама замуж собралась. И, значит, ребенка может родить. А потом, если вдруг что с ней случится, вполне может оказаться, что обвела она меня вокруг пальца, и все достанется ее ребенку или даже мужу, она его уговорит взять фамилию Пшеничный. А я – в лучшем случае опекун, а то и вообще из фирмы – вон. Привычно бояться дальнего врага, а самый опасный, он-то рядом. Он и убьет ласково, как Тину... – Олег затосковал. – Хорошо вроде быть сильным, смелым... вот как отец, а ведь все равно его убили. Валентина тоже отчаянная была... Так что же нужно делать, чтобы и богатым быть, и живым?..»

* * *

Бутик Валентины Милавиной не был погружен в черное отчаяние печали. Стены были затянуты плотным синим шелком, на котором золотом горели переплетенные в вензель буквы «В» и «М». Повсюду в высоких вазах стояли белые и кремовые розы. Квартет музыкантов исполнял Моцарта. Посередине зала был установлен большой портрет Валентины на подсвеченном стекле: широко открытые синие глаза, счастливая улыбка, волосы, подхваченные ветром, белые бретельки летнего платья на загорелых плечах...

Пришедшие почтить память возлагали цветы к портрету и, грустно вздохнув, отходили. Пшеничный держался на удивление стойко. Приехали родители Валентины. Вошли и остановились, глядя на портрет дочери. Олег поспешил к ним.

– Пойдемте, – шепнул он и подвел их к обратной стороне портрета, который стоял на закрытой шелком подставке.

Тотчас охранники, молодые люди в строгих костюмах, образовали незаметную на первый взгляд цепь. Олег наклонился, открыл дверцу в подставке и вынул белую мраморную урну.

– Вот! – протянул он родителям.

Они взяли, но Олег не дал им возможности осознать, что находится в этой холодной мраморной урне. Он забрал ее обратно, шепча:

– Завтра на рассвете... Вы ждите и увидите ее, Валентину... Утром солнечный луч... Они сольются вместе...

Родители кивали, слушая его несвязную речь, которая им была понятна.

Милена смотрела на Олега и не верила своим глазам.

– Каков? Спокоен. Несуетлив. Только верхняя губа чуть дергается, – не выдержав, заметила она Ксении.

– Мужает. Сколько он пережил, бедный! Отец, мать, теперь Валентина, и все в какие-то пять лет.

– Да. К тому же отец перед смертью еще поиздевался над ним и Ингой. Выселил из квартиры. Ужас! Смотри, тузы приехали проститься со своим членом совета директоров, – показала взглядом Милена на солидных мужчин, склонивших головы перед портретом Милавиной. – О!.. Даже делегата послали позжать руку Олегу и выразить соболезнования.

– А вот и конкуренты пожаловали, – проговорила Ксения. – Если не ошибаюсь, сама госпожа Лонцова, – и, невольно залюбовавшись ее норковым палантинном, выдохнула: – Вот это да!..

– С какой печалью господ Раздорский и Неклинов смотрят на портрет Валентины, – не удержалась от комментария Милена. – А ведь кто-то из них нанял убийцу.

– Думаешь?

– Предполагаю. Но нельзя забывать и о совете директоров. Одним словом, много сыло людей, желавших видеть Милавину только на портрете. Как точно заметил Олег, слишком живой, солнечной она была. А у некоторых от зависти, как от солнца, кожа облезает. – Ксения прикусила губу, чтобы не рассмеяться. – Собственно, дань памяти мы отдали Олег в поддержке, что удивительно, не нуждается, и мы можем идти. Несмотря на прекрасную организацию вечера, приятную, отнюдь не душеспасительную атмосферу, все-таки есть налет грусти. От нее морщины, излишние мысли о вечном... Все! – поставила Милена пустой бокал на стол. – Уходим!

Они подошли к Олегу.

– Мы поедem, Олежек, – сказала она. – Ты как?

– Нормально. Завтра утром...

Милена сжала ему руку:

– Все будет хорошо!

Утром дул сильный ветер, шарф Олега развязался и длинным концом вился в воздухе. К груди он прижимал урну. Он специально остановил машину подальше от вертолета. Он сам хотел пронести свой печальный груз. Снег легкой поземкой стлался по земле. Звезды исчезали одна за другой. Небо, словно нехотя, светлело.

– Надо дожидаться первого луча солнца, – сказал Пшеничный вертолетчику.

Они поднялись в воздух и полетели за город. Олег все сильнее прижимал к себе урну, которая немного потеплела от его рук, и шептал:

– Сейчас, Валечка, сейчас!.. – И вдруг вскрикнул: – Вот он! Первый луч! – Открыл окно... и прах Валентины слился с солнечным лучом.

Приземлились. Олег с трудом выбрался из кабины, точно в полчаса постарел на много лет, точно свинцом налились ноги. Он не сразу сообразил, куда идти, где ждет его машина. Шофер выбежал ему навстречу.

– Вера, – первым делом позвонил он Астровой, – Вера, луч унес ее...

Астрова, разнеженная сном, прошептала:

– Хорошо, – и про себя добавила: – Туда ей и дорога.

– Вера, ты мне нужна! Вера, почему ты не со мной?!

Астрова встала с постели и на пальчиках пробежала в гостиную.

– Ну ты же знаешь! Я сама страдаю! Налетела эта сумасшедшая старуха-вьюга и замуровала меня на даче. Я чуть с ума не сошла, думая о тебе. Но сегодня непременно выберусь. Слышишь, непременно. – Вера отключила телефон и, покусывая ноготок, глянула в окно. В синеватой дымке раннего утра казалось, что снег не растает никогда. – Ну кто мог подумать, что напоследок зима вывалит

все свои снежные запасы, — с досадой проговорила она, но тут же улыбка тронула ее губы.

Она на цыпочках вернулась в спальню, едва освещенную сквозь неплотно закрытые шторы, скользнула под одеяло и ощутила тепло. Закрыла глаза и отдалась наслаждению этим теплом, сильным, пахнущим прозрачным ароматом ягод можжевельника и белого тимьяна, теплом, исходящим от мужчины... почти незнакомого.

ГЛАВА 18

Фролов чуть свет отправился на дачу. Доехал на метро до вокзала, пересел на электричку, а потом пришлось идти пешком, так как начался снегопад и водители автобусов боялись заехать в дачный поселок и не вернуться. Повесив на плечо сумку, щурясь от колючего снега, Сергей шел, не замечая непогоды, с наслаждением хватая ртом холодные снежинки. Он шел, и чем сильнее дул ветер, чем больнее хлестали его по лицу снежные ладони выюги, тем легче было на душе. Он шел, и это было его целью. Главное – идти, но так, чтобы никуда не приходиться, чтобы не было возможности думать о чем-либо, кроме дороги.

Но вот мелькнули первые крыши дачного поселка. Фролов подошел к своему дому, поднялся на крыльцо, с тоской посмотрел по сторонам и вошел. С улицы казалось, что в доме тепло. Но ощущение было обманчивым. Сергей растопил камин. Включил электрическую плиту. Страшно хотелось есть. Разогрел какую-то пиццу, какие-то пирожки, выпил полбутылки красного вина и усталился на приплясывающий точно от холода огонь в камине.

Мысли стали приходить в движение и началось: Тина, с шарфом на шее, «живая» щиколотка, подполковник Терпугов...

«Зачем она опять появилась в моей жизни? – в который раз задался он вопросом. – Чтобы меня обвинили в ее убийстве? Ну пусть не обвинят, не сумеют, но ведь для этого я должен что-то доказывать, бороться... Мало я борюсь за то, чтобы как-то существовать, так теперь я должен еще биться за то, чтобы меня не посадили. Абсурд! – Он встал и заходил по комнате. – Ничего этот Терпугов доказать не сможет, но ведь все равно будет меня вызывать, брать показания... Вот не думал, что влипну в такую

историю. Вот повороты! Ну да, я оказался бессильным стать личностью, по сути, я не живу, я существую. Но никого не обременяю своим существованием. А вот такие, как Валентина... Вечно они втягивают в истории. Ведь из-за нее я умчался за Диной. Душила она меня своим бытом. Потом явилась свободная от рутины, излучающая творческую энергию и подвела меня к уголовному делу».

Фролова переполняла злоба. Он шагал из угла в угол, подходил к камину и с яростью принимался ворошить кочергой дрова, которые отбрасывали ослепительные искры и сгорали, отдавая свое тепло.

– Может, из-за нее я погубил свой талант! – выкрикнул Сергей силуэту, появившемуся на стене.

Выкрикнул, и стало противно. Во-первых, потому, что уже принялся разговаривать с собственной тенью, а во-вторых, если есть талант, то его не погубишь. Он, несмотря ни на что, очень живуч. И вдруг страстно захотелось доказать всем и, главное, себе, что он, Сергей Фролов – настоящий художник.

– Да, работать! Надо работать! Выставить наконец «Последние впечатления» и написать маслом убийство Пшеничного, как я тогда задумал. Я покажу всем, что художник Фролов не исчез бесследно, а скрылся от любопытных, завистливых глаз, чтобы создать шедевры.

Он остановился с последними словами на губах, оглянулся. Мягкий полумрак, потрескивают дрова... Понурил голову. Много лет назад вот здесь сидели, обнявшись, с Тиной и казалось, что это счастье навсегда. Оказалось – на миг...

По скрипучим ступеням Сергей поднялся на второй этаж. Комнату заливал мутный свет луны. Сделал шаг, споткнулся, чуть не упал, зацепившись за поваленный табурет. Включил свет. Задвинул шторы. Холодно. Включил обогреватель. Пока комната наполнялась теплом, подошел к мольберту, взял угольный карандаш, и рука бессознательно заскользила по листу. Когда остановился, увидел «Сон женщины, длиною в вечность». Поставил новый лист. И опять Тина, только в другом ракурсе, при другом освещении...

«Что ж, — с какой-то злобной радостью подумал Фролов, — подполковник прав, выставлю и рисунки с убитой Тиной».

— Да! — выкрикнул он и даже обернулся, будто кто-то, стоя позади него, выразил свой протест. — Выставлю, и будет ажиотаж, столпотворение любопытных и жадных до зрелищ. Тех, кто хочет насладиться видом чужой смерти в преддверии собственной. Богатство нанимает охрану, чтобы защищаться от им же порождаемых убийц. — Фролов расхохотался. — Ну вот, простые люди, вам и утешение. На вашу жизнь никто, кроме Случая, не покушается. Живите спокойно. А о таких, как Валентина Милавина, заботятся, чтобы они спали спокойно... вечным сном.

Сергей расправил усталые плечи, отложил карандаш, выключил свет и спустился вниз. Не раздеваясь, улегся на диван у камина, натянул на себя толстый плед и заснул. Но сон был беспокойен. Все мерещилась Тина. Слышался ее голос. Смех.

«Да она вовсе не умерла. Это мне снилось. Я же слышу ее дыхание... Вот только проснуться надо...»

Проснулся. Темно. «Нет, все наоборот. Валентина умерла. Это мне снилось, что она живая».

Утром выюжило страшно. За окном повисла сырая снежная мгла. Фролов позавтракал тем, что нашел в сумке, опять поднялся на второй этаж и принялся работать. Незаметно мгла из серой стала черной, и выюга завывала еще сильнее. Ужин художника был скуден, но сон крепок.

Проснулся Сергей со страшным чувством голода. Встал, прошел на кухню. Сумка оказалась пустой. Пошарил в шкафах. «Кто же принесет сюда чего-нибудь, кроме меня самого?» — засунув руки под мышки, тоскливым взглядом обвел он кухню. Ничего, кроме пачки сахара, не нашел. Вскипятил воду, положил три ложки сахара, выпил. Но есть хотелось! Выглянул в окно в надежде, что произошло чудо и можно будет вернуться в Москву. Чудо отчасти произошло. Стояла тихая, безветренная погода, золотилось солнце, и в его лучах сверкали и переливались непроходимые сугробы.

«Может, Соколовы тоже на даче? – подумал Сергей о семье приятеля. – Надо одеться и сходить к ним. Единственный выход. Потому что уже не есть, а жрать хочется».

Сергей быстро принял прохладный душ, побрился, вынул из сумки чистую рубашку, свитер, черные джинсы, надел куртку, высокие ботинки и отправился, увязая в сугробах, на дачу друзей. Шел, подбадривая себя мыслью, что они наверняка там. На всякий случай, правда, поглядывал по сторонам, может, кто-то еще где-нибудь есть. Но дачи стояли неприветливые, наглухо закрытые. Вот и дом Соколовых. Постучал, покричал. Плюнул. Выругался. Закурил. Пошел обратно, думая, что надо идти к сторожу, хотя на того надежды было мало. Дачный поселок-то не из фешенебельных, и сторож оставлял его, когда хотел.

Солидный дом, обнесенный решетчатым забором, привлек внимание Сергея.

– Ого! Оказывается, и у нас происходят перемены. Вон как отстраиваться начали.

Фролов пошел по незнакомой для него улице поселка. И вдруг во дворе двухэтажного дома с террасой увидел женщину в куртке и короткой юбке, с кем-то оживленно разговаривающую по мобильному телефону.

Сергей остановился у дерева и прислушался.

«В любом случае в бутерброде и чашке кофе здесь мне не откажут», – решил он.

– Занесло снегом, точно в страшной в сказке, – сетовала женщина. – Но я, признаться, не хотела быть там с тобой, знаешь, эти толки!.. И приехала-то сюда за пустяком. Стукнуло в голову найти одну тетрадь. Старую, еще студенческую. Думала, заеду часа на три. Отдохну, подышу воздухом, тетрадь найду. Только въехала, начал срываться снег, а потом как посыпало... Я побоялась возвращаться. Вдруг застряну! Подумала, переночую, а к утру все растает. Куда там!.. Еще больше насыпало. Но ты держись! Буду звонить постоянно, и ты звони. Целую. Я с тобой! – Женщина отключила телефон, отбросила с лица прядь волос и пошла к дому.

– Постойте! – донесся до нее громкий от голода голос Фролова.

Женщина вздрогнула и обернулась. Заметила Фролова. Поджала губы и опустила руку в карман.

– Вы не путайтесь! – смягчил он свой голодный голос. – Я сосед ваш с другой улицы... Да... – широкая улыбка озарила лицо Сергея, – вы меня знаете. Мы с вами познакомились на карнавале, помните? Меня зовут Сергей Фролов!

Вера присмотрелась. Подошла к решетчатому забору, оплетенному ветвями дикой ежевики.

– Здравствуйте, – рассмеялась она. – А вас что сюда занесло?

Фролов тоже рассмеялся:

– Захотелось уединиться, чтобы поработать.

– Ну так вы получили то, что хотели. По-моему, большего уединения в наше время и не сыскать.

– Согласен, – продолжал смеяться Фролов. – Но дело в том, что свою московскую квартиру я покинул несколько второпях, побросал в сумку, что было в холодильнике. На два дня хватило. Сегодня с утра, признаюсь, ничего, кроме кипятка с тремя ложками сахара... не ел.

– Бедный! – приложила руки к щекам Вера. – Бедный! Ну тогда проходите. – Она открыла калитку.

– А вы не боитесь одна? – задал вопрос не очень к месту Фролов.

– Нет, не боюсь.

Он понял, почему, заметив его, Вера опустила руку в карман.

«Писательница детективных романов. Море крови пролила на бумаге. Морально вполне готова и сама убить. Выстрелила бы, почувствовав опасность, не задумываясь».

Они вошли в просторный холл.

– Давайте без церемоний, сразу на кухню! – предложила Вера.

– С удовольствием! – подхватил Фролов и, скинув на ходу куртку, устремился в сторону кухни, едва не обгоня хозяйку.

– Что вы будете? – положив руку на дверцу холодильника, начала было Вера.

– Все! – емко и скромно ответил Сергей. – И можно не утруждаться разогреванием.

– Понятно, – качнула головой Астрова и расхохоталась.

Сначала было съедено несколько бутербродов с колбасой и ветчиной. За это время Вера разогрела в микроволновой печи рыбное филе. Поставила приборы, положила салфетки. Налила белое вино в бокалы и пригласила Фролова.

– После того как вы закусили, давайте пообедаем.

– С восторгом принимаю ваше предложение, ибо никогда не был так голоден.

Вера поглядывала на своего гостя, и какой-то смутный образ возникал в ее памяти.

– Странно, но мне отчего-то кажется, что мы с вами встречались еще до карнавала. У вас такого ощущения нет?

Фролов пристально посмотрел на нее.

– Может быть. Но если это были вы, то были не такая, как сейчас.

– Знаете, торговый центр, такой средненький, на станции «Медведково», бывали там?

– Вряд ли. Хотя... Но, если это были вы, вы были другая, – повторил Фролов. – Усталая, бледная, некрасивая... то есть... Простите! – спохватился он. – Нет, наверняка это были не вы.

– Ладно! – махнула рукой Вера. – Выпьем за продолжение нашего карнавального знакомства. А то было или не было – неважно.

– Да, занесло нас, – придвинул он свой бокал. – А дача у вас славная!

– Вы ее как следует и не видели. Пойдемте пить кофе в гостиную.

Они прошли по коридору, увешанному милыми сувенирами, привезенными из зарубежных поездок, и вошли в большую, обставленную солидной мягкой мебелью гостиную с камином, в котором пылал огонь.

– Великолепно! – подтвердил Сергей. – У меня тоже двухэтажный, но очень старый дом. Лет сто ему и все без ремонта. Простите за любопытство, почему вы приобрели дачу здесь, а не в каком-нибудь элитном поселке?

– Да потому что я ее не приобретала. Эта дача моя, моей сестры и мамы. Я просто сделала ее комфортабельной, и потом я с детства люблю эти места.

– Невероятно! – отошел на шаг Фролов. – Невероятно! Оказывается, мы соседи уже столько лет!

Вера безразлично пожала плечами:

– А что бы изменилось, если бы мы были знакомы много лет? Надоели бы друг другу! – Она поставила на низкий столик чашки, вазу с конфетами, бутылку коньяку и кофейник.

– Чудо! Час назад я собирался тихо умереть с голоду, а теперь пью кофе с французским коньяком.

– Превратности судьбы!

– Да!.. – протянул Фролов, наслаждаясь теплом, кофе с коньяком и присутствием интересной женщины. Он откинулся на мягкую спинку кресла и почувствовал, что сзади что-то лежит. Просунул руку и вытянул книгу – детектив Скоковой. – Тоже мне, писательница, – усмехнулся свысока. – Вообще, не люблю женщин в литературе. Раскрасили ее губной помадой, spraysнули духами, напичкали кулинарными рецептами и советами на все житейские случаи, а недостатки ума припудрили так называемой тонкой насмешкой. Глупость, нарочитая балаганность, убогость – это сегодня женская насмешка в литературе. Не помню, кто сказал, но мужчина: «Тонкая насмешка – это шип, в котором осталось что-то от аромата цветка»¹. Как, а? – повернулся чуть ли не всем корпусом к Астровой Сергей, гордясь чужим афоризмом, будто своим. – Ведь ирония – это самое сложное в литературе. Считанные писатели-мужчины виртуозно владели этим коварным стилистическим оборотом.

Астрова спокойно, с затаенной усмешкой в глазах, слушала Фролова.

¹ Сезар Франсуа Адольф д'Удето.

– Но читают, значит, нравится. Журналисты пишут хвалебные статьи, на телевидении поют дифирамбы, – как бы между прочим заметила она.

– Боятся громогласно признать, сами-то отлично понимают, что все это нагромождение нелепостей, то же самое, что платье короля из знаменитой сказки.

– Написанной мужчиной, – уточнила Вера с едва уловимой усмешкой.

Фролов схватился одной рукой за лоб, другую приложил к сердцу и выдохнул с невероятной досадой:

– Фух! Простите! Я напрочь забыл, кто вы!.. – В его глазах было искреннее сожаление и мольба о прощении. – Вы остались в моей памяти невероятно красивой... в том платье цвета бирюзы. И сейчас вы такая «неписательская» женщина, – произнес он, любуясь Верой в тонком свитере василькового цвета с высоким воротником.

– Простите! – вновь после паузы произнес Сергей. – Я, и это правда, читал несколько ваших книг и находил в них интересные мысли...

– Судя по тому, как вы раскритиковали женскую литературу, вы с ней неплохо знакомы.

– Да не знаком я с ней! Просто ее так много повсюду. Подойдешь к сотруднице, у нее на столе книга, заглянешь, пробежишь глазами странички две, ужаснешься набору слов, выстроенных в предложения, и составишь мнение... нелестное. Когда интервью в газете прочтешь от скуки, сидя в вагоне, когда по телевизору парочку фраз услышишь...

Вера насмешливо глянула на своего гостя и потянулась за сигаретой. Он вскочил, подал пачку и щелкнул зажигалкой.

– Ах, какой вы галантный! – не удержалась, чтобы не поддеть. Сергей нахмурился и промолчал. – Не волнуйтесь, я не обиделась, – продолжила Вера, – потому что очень ценю мнение одного человека, который сказал: «По-бабьи бездарно, банально и никчемно».

– Точно подметил! Женщины сделали литературу никчемной. Пишут чушь, вас я не имею в виду, – с вдох-

новением подхватил Фролов. – Ну просто чушь. А кто это сказал?

– Александр Блок.

– О!.. Мнение, к которому нелишне прислушаться.

– Ну а вы тоже сейчас рисуете, или как там у вас говорят, пишете полотна... Не поймешь, где верх, где низ. И вообще, ничего не поймешь. Ни то что разумом, а даже душой. Краски какие-то на холсте, а за ними пустота!

– Верно подметили, – неожиданно сникнув, согласился Фролов. – Наверное, оттого, что выражать нечего, приметы нашего времени неинтересны, размыты...

– Не согласна! Они как раз очень ярко выражены. Не сомневаюсь, вы сейчас возразите мне, как писателю детективных романов, но убийство стало неотъемлемой частью нашей жизни, приметой времени.

Фролов подлил коньяку в рюмки.

– Нет, не стану возражать. Если помните, я на карнавале разговаривал с одной женщиной... Валентиной Милавиной. Так ее убили. Совсем недавно.

– Знаю, – ответила Астрова. – Вот вам лишнее доказательство. Но тем не менее о детективе продолжают писать и говорить недопустимо пренебрежительно. Развлекательный жанр!.. А если вдуматься, чем развлекаетесь? Смертью других? Если писать о духовных терзаниях – это высокий роман, о преодолении физического недуга – тоже, даже о перипетиях любви отчасти допустимо. А об убийстве, расследовании, поимке преступника, связанной с риском, – низко, бульварно. Тогда почему с телеэкранов не перестают вопрошать: когда же найдут убийцу того или иного человека? Сколько их, убитых, кого мы знали, но сколько и тех, о гибели которых по ТВ не сообщают. Убийцы рядом. Их развелось немыслимое количество. А в литературе, между прочим, расследование убийства называется детективом.

Согласна, вероятно, читательское пренебрежение отчасти связано с невысокими способностями авторов. Но подтрунивать над жанром, который вошел в нашу жизнь на столько, что превратился в трагедию, вряд ли стоит.

Ведь сегодня каждый не то что выходя на улицу, а даже у себя дома не застрахован от ворвавшихся бандитов, от взрывов – и это тоже детектив. Человек убит при перестрелке на улице. Случайный прохожий. Вдумайтесь, как удобно! А если не случайный, а если перестрелка и была задумана, чтобы убить его? И получается, что детектив – это наша реальность.

– Не спорю, однако, как вы сами заметили, сложился определенный стереотип: детективные романы – это развлекательное чтение и более от него ничего не требуется. Увы, человек кровожаден от природы. Более сильные первобытные люди поедали более слабых, и этот ген кровожадности с удивительной стойкостью передается из поколения в поколение. Сейчас мы не поедаем, но убиваем, достаточно легко, а кто не может, в силу обстоятельств, или не хочет наяву, подспудно наслаждается книжными убийствами.

– Вот-вот! Если книга о мучительных отношениях мужчины и женщины, об отношениях родителей и детей, о любовном треугольнике, да еще если один из этого треугольника голубой или бисексуал – это серьезная литература, а убили человека – так, безделица, пустяк!..

– С вами трудно не согласиться, но в то же время человеку необходимо с долей иронии относиться к смерти, иначе, если перефразировать один знаменитый афоризм, он рискует умереть, так ни разу и не засмеявшись.

– Что-то слишком часто в последнее время человек стал смеяться по этому поводу. С одной стороны, это говорит о его здоровом оптимизме, но с другой – о его презрении к жизни, не своей! – подчеркнула Вера голосом. – А других!

– Но ведь вы сами говорили, что отношение к жанру во многом зависит от его авторов. Кто излюбленный убийца авторов детективов? Маньяк! Потому что удобно. Только описывай убийства, побольше и пострашнее, а причину расследовать не надо. Убил, а почему? Так он же маньяк! А если снисходят до объяснения причины, то обычно – психологическая травма в детстве на сексуальной почве.

Все это чересчур однообразно. А вот когда человек внешне нормальный, достойный, вдруг оказывается убийцей, тогда ход мыслей автора становится интересным.

– В основном вы правы, но дело еще в том, что автор... Он не так независим, как кажется. Автор... – Вера вовремя спохватилась: «Не хватало, чтобы я с ним еще разоткровенничалась».

Фролов же, не заметив паузы, продолжил ее мысль:

– Автор – это порождение издательства. А бестселлер – совместный продукт.

– Точно, – как бы мимоходом подтвердила Вера. – Но я, признаюсь вам, – неожиданно произнесла она, – хочу уйти из детективного жанра.

– Отчего? Вы так убедительно говорили о детективе, что после ваших слов у меня к нему появилось уважение.

– Но тем не менее я не буду тратить время на борьбу со сложившимся стереотипом. Я хочу писать. И следующий мой роман – это уже совершенно серьезная вещь. Может, там и будет убийство, но только как примета времени.

Вера поднялась с кресла, подошла к камину, чтобы зажечь свечи, стоявшие на полке, и задумалась:

«Разглагольствую о будущем романе, высказываю мнение, принимаю позы известного писателя, а то, что Милена меня уже вычеркнула из списка авторов, напрочь отбрасываю. Делаю ставку на худосочного, нервного Олега. Говоря прямо, я вступаю в борьбу с Пшеничной и мое оружие в этой борьбе – Олег!»

Вера зажгла свечи и тихо воскликнула:

– Уже вечер, надо же, как мы заговорились!

Фролов поднялся с кресла и принялся извиняться:

– Я, наверное, оторвал вас от дел. Но я уйду. В самом деле, засиделся.

Зазвонил сотовый Астровой.

– Извините, – бросила она Фролову и быстрым шагом направилась в другую комнату, но прежде чем скрыться, крикнула: – Я вас без ужина не отпускаю!

Сергей сощурился, как кот, лежащий на диване, и снова сел в кресло, плеснув на дно бокала коньяку.

«Какая она!.. И не подумаешь, что книги пишет. Настоящая женщина. Правда, умная, что, если признаться, создает неприятные моменты. Женщина должна быть умна ровно настолько, насколько это интересно мужчине».

В соседней комнате Вера, глядя на себя в зеркало, разговаривала с Олегом:

– Да, милый, да! Все понимаю, но завязла в снегах, как корабль во льдах Антарктиды. Одна! Грущу и думаю о тебе. Завтра вырвусь обязательно, даже если придется идти пешком! Целую миллион раз. Я с тобой! Поверь, все, что должно было случиться ужасного, случилось и уже позади. Больше ничего плохого не будет, – говорила она, не без удовольствия разглядывая себя в зеркале, то подбирая, то распуская волосы.

Олег ныл, страдал, капризничал. Астрова вертела головой, придавала лицу различные выражения, фиксируя в памяти, какие ей больше идут, и думала: «Если бы ты знал, как ты мне надоел, то тут же бы повесился!»

– Да, милый, – проговорила, выразив страдание на лице.

«А мы с этим художником Сергеем, кажется, хорошо коньячку пригубили! – улыбнулась озорно. – Нет, это отлично, что он натолкнулся на меня. Иначе сидела бы здесь одна, стучала бы по клавишам ноутбука и исходила злобой от бессилия поставить Милену на место. Но я ее поставлю! Она слишком плохого мнения обо мне. Моя задача – разубедить ее!»

Ощущая во всем теле упругость, с задором в глазах Астрова вернулась в гостиную.

– Что бы нам приготовить на ужин? – серьезно задумалась она.

– К сожалению, я не могу вам ничего посоветовать. Мне незнакомо содержимое вашего холодильника.

Вера согласно кивнула:

– Вы не будете против мясного ассорти, овощного салата и красного вина?

– Не буду! – широко улыбнулся Фролов и пошел следом за ней на кухню.

Она принялась раскладывать на тарелки тонкие ломтики различных мясных деликатесов, а Фролов стоял рядом, чтобы взять блюдо и отнести его в гостиную. Горячая, перехватывающая дыхание волна, подобравшись совершенно незаметно, окатила Веру с ног до головы. И волну эту, сам того не желая, послал Фролов. От него исходило такое тепло! Вере нравилось, что он стоял рядом с ней. Такой мужественный, сильный, с редко встречающимся в наши дни интеллигентным лицом. Запах его туалетной воды слегка будоражил ее и без того не добродетельные мысли.

«Интересно, а...» – далее она, постеснявшись сама себя, не решилась продолжить. Она вынула из холодильника прозрачную коробку с салатом и стала перекладывать его на тарелку. А Фролов все стоял рядом, что-то говорил, она отвечала, кокетливо улыбаясь. Но мысли!.. «А что, если он?.. Но я не давала повода! А какой повод нужен для настоящего мужчины, если ему понравилась женщина? А если я ему не очень... понравилась? С известной Астровой престижно быть знакомым, но вот делить с ней постель – это, как говорится, на любителя». Ей стало досадно. Она, писатель, человек, умеющий проникать в чужие мысли, могла только считать с информационного поля Фролова, что ему здесь хорошо, и все!

Языки пламени вились в камине, матовые бра неярко освещали гостиную. На столе в прозрачном подсвечнике, испуская томный аромат, горела свеча.

– Вы очень верно говорили об убийстве как об одной из основных примет нашего времени, – вернулся к прерванному разговору Сергей. – Вы себе даже не можете представить, но меня, пока еще приватно, обвинили в убийстве Валентины Милавиной, – неожиданно признался он.

– Что? – Кусочек мясного деликатеса на вилке завис у приоткрытого рта Астровой. – Вас?.. – Она секунду подумала и спросила: – На каком основании?

– На том, что я был с ней знаком. Что когда-то мы с ней едва не поженились. И вот, спустя много лет, случайно

встретившись с Валентиной, меня, по мнению одного подполковника милиции, обуяла зависть к ее блестящему положению. И я задумал убить ее и украсть тетрадь, в которую она записывала свои новые композиции духов.

– Это безосновательно.

– Однако, если взяться как следует, эту версию можно блестяще разработать. Видите ли, много лет назад я был полон юношеского задора, не лишен тщеславия, а главное, таланта. Мне прочили блестящее будущее. Но... не случилось. Были, правда, две выставки. Как бы вам это рассказать?... Простите, – спохватился Сергей, – может, вам это совсем неинтересно?

– Нет-нет! Продолжайте! – попросила его Вера.

Сергей прикурил от пламени свечи, немного подумал, желая придать стройность и ясность своим мыслям:

– Еще когда я заканчивал академию, у меня возникла идея написать угольным карандашом серию рисунков под общим названием «Последнее впечатление», то есть отобразить то самое последнее впечатление, с каким человек покидает этот мир. Я получил возможность сопровождать группу сотрудников уголовного розыска, выезжавшую на места преступлений. Кстати, вам это должно быть интересно, я был свидетелем последних минут жизни вашего бывшего издателя Пшеничного. Яркая была картина. На площадке крыльца распростертый Пшеничный и возле него на коленях в подвенечном наряде его юная невеста...

– Вот как?! – воскликнула Вера. – Да, скажу честно, для меня это был шок. Мы неплохо понимали друг друга со Станиславом Михайловичем. С его дочерью у меня сложились непростые отношения.

– И вдруг, совершенно неожиданно, – продолжил Сергей, – звонит мне мой старый знакомый подполковник Терпугов и приглашает на новое дело. Я сломя голову собираюсь, мы едем и оказываемся у пассажира «Елисаветинский», у меня сердце похолодело от предчувствия. Заходим. За столом, откинув голову назад, сидит Валентина с затянутым на шее шарфом. Жуткая картина! Не могу объяснить, но точно двойник вышел из меня и стал де-

лать наброски. Позже, когда я пришел в себя, то хотел сказать Терпугову, что знаком с Тиной, что виделся с ней совсем недавно, но какое-то странное и в то же время властное бессилие напало на меня. А подполковник, узнав от родителей Тины о нашем давнем знакомстве и о том, что я за неделю до убийства был с ней на карнавале, а до этого мы обедали в ресторане, построил версию, что убийца Милавиной – я, несостоявшийся художник Фролов. Ну... – развел руками Сергей, – что ему ответить?

– А отвечать придется.

– Это-то меня и бесит! Живу, никого не трогаю, прозябаю на работе, возвращаюсь в переполненном вагоне метро... Так теперь, чтобы не упекли, я буду вынужден доказывать, что не убивал Валентину!

– А почему так случилось, что вы не состоялись как художник? – спросила Вера, добавив: – Если вам неприятно, то не будем говорить на эту тему.

Фролов пожал плечами, подошел к камину, облокотился на него и сказал:

– Не знаю! Загадка!.. Кажется, если бы разгадал, легче бы стало. Началось все, наверное, с первой выставки в Манеже. Я представил три картины. Все говорили, что они лучшие, а лавры достались другому. Что-то на меня накатило, все стало противным, душным и Валентина в том числе. Думал, вырвусь из ее тягучих, точно тина, объятий и обрету себя. Вырвался. Попал в другие объятия... Нечистоплотные, обманные, хмельные... Закрутило меня. Потихоньку очнулся, решил довести до конца «Последние впечатления». Но, что бы ни начинал, к чему бы ни стремился, наталкиваюсь на стеклянную стену невероятной толщины. Она скользкая и холодная как лед, не взобраться на нее, не обойти, не пробить... Знаю, за этой стеной параллельная жизнь, та, которая могла случиться, да не случилась. И вот когда разозлишься, когда тоска выест душу, разбежишься – и лбом. Отлетишь, придешь в себя и тянешь лямку по-старому. Короче, я покорился, погрузился в ту жизнь, какая мне выпала. Рисую этикетки для бутылок. Для кого-то, может, это предел

мечтаний и возможностей, но для меня... Для меня – это болото. Иногда, чувствую, точно какая-то сила выталкивает меня, хватаюсь за надежду, ну, думаю, на этот раз выползу... Куда там! Эта же сила вдруг начинает заталкивать обратно, но так, чтобы не захлебнулся окончательно, а мучился. Когда же увидит, что я уже наглотался столько, что вот-вот... Она опять вытолкнет и опять обратно. Вы, наверное, тоже наглотались, пока стали известной, или вы из везучих?

Вера прищурила глаза, глядя на синевато-золотистое пламя свечи.

– И наглоталась, но и повезло, – ответила она, продолжая о чем-то думать, и неожиданно пояснила и себе, и Фролову: – Наверное, оттого что продалась, оттого и повезло.

– Не корите себя. Многие хотели бы продаться, как вы, да никто не покупает.

– В принципе, да.

– А я вот, решив довести свои «Впечатления» до конца, выехал за самым последним – жертвой оказалась Тина. Втянула она меня в историю. А вообще, как задумаешься... Ну сделаю! Кто оценит? Кому это нужно?

– Кому это нужно? – зло усмехнулась Вера. – Да хоть никому, лишь бы платили, вот как надо рассуждать. Некрасиво, незтично, недостойно?! Да, но ведь без денег не проживешь. Они и хлеб насущный, и здоровье, и солнце над головой. Недавно написала я пьесу. Принесла режиссеру, он прочитал и сказал, что, в принципе, ему нравится, но загвоздка в том, что не видит он в ней положительного героя. А я ему: «Моя пьеса не о героях, а о людях таких, какие они есть». Ведь в большинстве своих поступков люди выглядят не очень красиво. Да вообще, есть ли он, положительный герой? Ромео? Ветреник! Гамлет опустил до мести. Достойно ли христианина? Андрей Болконский преисполнен гордыней. Образец женской добродетели Дездемона – непочтительная дочь. Наташа Ростова – неверная невеста. Анна Каренина – неверная жена... Но это и делает их живыми! Поэтому и вам не надо задумываться, кому нужны ваши картины. И вообще, как я поняла, вы человек умный. Сliš-

ком умный. Вам бы поменьше рассуждать, вы бы горы свернули. Человек мыслящий обычно кончает бездейтельностью. Задумает что-то, а как поразмышляет, как в очередной раз ужаснется пошлости, низменности, неблагодарности, жестокости человеческой, так руки у него и опустятся. Думать надо! Задумываться не стоит!

В глазах Фролова вспыхнули искорки.

— Какая вы! Сильная, уверенная и в то же время красивая, женственная.

— И красивой меня, кстати, деньги сделали.

— А счастливой?

— Нет, — усмехнулась Вера, наливая коньяк в шарообразные бокалы. — Но без них мне лучше бы не стало.

Фролов взял протянутый ему бокал.

— Это прозрачный намек, что мне пора уходить? — спросил он.

— Нет. Отчего вы так решили?

— Тогда давайте перейдем на «ты», — проговорил Сергей, поставил бокал на стол и, подойдя к Вере, обнял ее. Она попыталась вывернуться, но он поймал ее губы...

В полумраке спальни пролетали тревожные мысли: «Боже, с первым встречным! Но ведь каждый вначале бывает встреченным впервые, — нашлась она что ответить своей добродетели. — К тому же это наша вторая встреча, а может, и третья...»

Фролов давно не был так молод телом и давно не получал такого острого наслаждения от близости с женщиной. «Твержу, что невезучий, а ведь привело меня сюда что-то, подарило такую женщину. А мог бы лежать голым у потухшего камина или брести до станции, утопая в сугробах... Какие у нее простыни, так и ласкают. А как пахнут! Точно жасмин весной».

Они хотели, чтобы утром за окном свирепствовала буря, чтобы занесло их поселок снегом по самые крыши. Но проснулись и слышали веселый перезвон капли, солнце золотило гардины на окнах, снег таял на глазах.

— Жаль, — протянул Фролов. — Я бы, конечно, мог задержаться еще на пару дней, — посмотрел он на Веру.

Она вздохнула и ответила:

– Я, к сожалению, не могу задержаться даже на лишний час.

– Понятно, – уныло отозвался он.

Вера пошла готовить кофе, и, когда Сергей пришел на кухню, она ему сказала:

– Знаешь что, этикетки – это хорошо. Но надо постепенно выходить на большую дорогу. Для начала я тебя устрою работать в наше издательство.

– Какая разница? – удивился он.

– Разница, правда, небольшая, – согласилась Астрова, отводя глаза, чтобы Сергей ничего не мог прочесть в них. – Но... – она задумалась «Говорить или нет?» Решила сказать, завуалированно. – Мне нужен в издательстве человек, на которого я могу положиться. Очень нужен! Понимаешь?

– Но что может дизайнер?

– Дизайнер – ничего, а человек – много.

Фролов добавил в кофе сливки, размешал.

– Да я привык к своей работе...

– Ну какой ты! Неужели непонятно? Ты поможешь мне, я помогу тебе. У меня имя! Сейчас не буду вдаваться в подробности, но меня хотят его лишить. Мол, устали все от Астровой, пора ей уступить свое место другой. Я же решила не только не уступить, а даже упрочить его.

– Однако... – пробормотал Фролов.

– А как ты хотел?! Смириться? Опять по горло увязнуть в тине? Нет, нет и нет!

– Теперь наяву вижу ту силу, которая вновь выталкивает меня из болота. Ну смотри, вытолкнешь, назад не вернусь. За два месяца я все подготовлю к выставке. А ты, используя свое имя, найдешь мне спонсоров!

Взгляд Веры просветлел.

– Отлично! Такое отношение к делу мне нравится! Но только учти, обстановка в издательстве очень сложная. И мы с тобой только знакомы, не более.

– Даже так! У меня складывается впечатление, что я иду работать в гестапо.

– Верное ощущение! – с усмешкой подтвердила Вера.

ГЛАВА 19

Смеркалось. Ксения повернула в сторону своего дома и взглянула на заходящее солнце. От неприятной мысли поморщилась. «Луч солнца слился с прахом Валентины», — вспомнились ей слова Олега, которые он твердил, иногда сам того не замечая. «Как-то неприятно, что там прах... — Она опять взглянула на солнце, и ей показалось, что оно подернулось пепельной пеленой. — Ой, о чем это я думаю! Олег с ума сходит и других вовлекает».

Ксения посмотрела по сторонам, чтобы отвлечься. Она шла по небольшому скверу, в конце которого высился ее дом. Деревья стояли еще не тронутые дыханием весны. Темнело удивительно быстро. Вдруг она услышала за собой шаги. Они убыстрялись. Потом мужской голос негромко крикнул: «Девушка, подождите!» Ксения оглянулась: длинная аллея была пустынна, а к ней стремительно приближался незнакомец. Она ускорила шаг, незнакомец не отставал и все звал: «Девушка, подождите!» Она тихо вскрикнула и бросилась бежать.

Преследователь не отставал. Аллея, пересеченная лужами, с вязким желе из снега, казалась нескончаемой. И тут Ксения услышала лай. «Арчибальд! Василий Петрович вышел с ним на прогулку!» — мелькнула радостная мысль, придавшая скорость ее ногам, и она чуть не налетела на своего соседа. Сказать ничего не успела, так как преследователь не отставал. Спрятавшись за широкую спину Василия Петровича, подумала: «Если у него пистолет, то он и меня, и его».

Незнакомец остановился. Перевел дыхание. Рассмотреть его лицо было трудно. На голове вязаная шапка, надетая до бровей, на шее шарф, скрывающий подбородок.

– Девушка, я же вам кричал, чтобы вы остановились! – начал он. – Вы журнал обронили. Я хотел его вам отдать. А вы, непонятно отчего, испугались, – всунул он в руки остолбеневшей Ксении журнал, усмехнулся и ушел.

– Что? Что случилось? – тронул ее за руку Василий Петрович. – Вы как будто напуганы? Он же вам журнал хотел вернуть.

Она кивнула и проговорила:

– Да. Только никакого журнала я не теряла.

Василий Петрович нахмурился:

– Странно. А! Так он, наверное, познакомиться хотел.

Ксения не отвечала, глядя остекленевшими глазами на Василия Петровича. Он потряс ее за плечи:

– Да что вы так напугались?

– Это в нашей темной аллее познакомиться? – прошептала она, перевела взгляд на журнал в руке, подошла к мусорному баку и выбросила его.

Василий Петрович кликнул Арчибальда и проводил не вполне пришедшую в себя Ксению до ее квартиры. Не успела она опомниться, как раздался звонок в дверь. От неожиданности и еще не прошедшего испуга Ксения вздрогнула так, что подпрыгнула на диване. Тихо поднялась, подошла к двери и спросила:

– Кто?

– Что за вопрос? – раздался ответ, и ключ вошел в замочную скважину.

Надо было броситься к телефону, надо было хотя бы крикнуть. Но Ксения потеряла всякую способность действовать. Дверь открылась, и на пороге она увидела улыбающегося Ладимира.

– Что с тобой? – удивился он. – На тебе лица нет.

Он вошел в прихожую и закрыл за собой дверь. Ксения не отвечала, только смотрела на него.

– Ты же сама меня столько раз просила не входить без предупреждения. Ты пугаешься. Думаешь, что в квартире одна, а тут я. Но сегодня я сделал все, как надо, возвестил звонком о своем прибытии, точно рыцарь звуком рога, и только потом открыл ключом дверь, – оживленно гово-

рил Владимир, разматывая длинный шарф и снимая куртку. — Я прямо с вокзала к тебе. Домой заскочил только переодеться. В Минске такая мерзкая погода! Из-за нее и съемки задержались.

Глянув на себя в зеркало, он потрянул пышными русыми волосами:

— Ксения, да что с тобой?

Она наконец вздохнула полной грудью и прижалась головой к его плечу.

— За мной сейчас гнался какой-то мужчина...

— А что в этом необычного? — увлекая ее в гостиную, спросил Владимир. — Это естественно. Ты слишком привлекательна, чтобы пропустить тебя.

— Ты не понял! Он гнался за мной по темной аллее, кричал, чтобы я остановилась. Я же бросилась бежать со всех ног. Хорошо, Василий Петрович, сосед, вышел гулять с собакой. Так я прямо к нему. А этот, что преследовал, — отрывисто говорила она, — подошел и сунул мне в руки журнал, говорит, вы обронули. А я ничего не роняла. Не было у меня никакого журнала, понимаешь?

Владимир сел на диван и притянул ее к себе.

— Ты его разглядела? Что за тип?

— Нет. Темно было, и, потом, шапка у него чуть ли не на глаза надета. Но вообще такой... крепкий...

— Ну надо быть осторожней. Пусть тебя на машине отвезят домой. Попроси Милену.

— Да это в первый раз такое. Но знаешь, после убийства Валентины... как-то так страшно. До ужаса! До потери способности думать! Если бы не Василий Петрович!..

Владимир принес «успокоительное» в двух рюмках.

— Выпей коньячку, и все пройдет. Это точно не без влияния убийства Милавиной. Всех нас это придавило. В общем, когда говорят, бизнес жесток, мы соглашаемся, но, когда убивают близко знакомого тебе человека, становится жутко. Однако, с другой стороны, они сами выбрали этот путь. На вопрос, кому тревожнее живется, один древнегреческий философ ответил: «Тому, кто больше

всего жаждет благоденствия»¹. Так что каждый живет или хотя бы старается жить по своему выбору. Милавина, уверен, не захотела бы быть, к примеру, актрисой. Внешне – блеск и сплошной праздник. Но даже во время праздника приходится мерзнуть на сквозняке за кулисами и каждый день сражаться за место под софитами. Ну и так далее. А награда за всю жизнь – сотая часть того, что она имеет... имела, – поправился Новгородцев. – Тебе же, моя милая, – обнял он Ксению за плечи, – бояться нечего. Никто на тебя специально покушаться не будет. Так что допивай коньяк и забудь. Понравилась парню, он припустил за тобой, а журнал – для предложения.

Ксения допила коньяк, поежилась:

– Все равно неприятно. Невольно возвращаешься мыслями к Валентине.

– Да, завидная была женщина, – со вздохом сожаления произнес Владимир. – И ведь могла бы помочь одаренному человеку, так нет, выбрала богатого.

Ксения иронично посмотрела на него.

– Это что ж? Тебе, что ли, могла бы помочь?

Новгородцев встрепенулся, точно захваченный врасплох:

– А?!

– Понятно. Мечтал, значит, обаять Тину, чтобы она тебе деньжонок на клип, на костюмы, на всякие артистические аксессуары подкинула, так?

– А хотя бы и так! Я артист. Мне блеск нужен.

– Твой блеск – это талант.

Владимир обреченно махнул рукой:

– Что об этом говорить!

– Выходит, слух, что за Тиной увивался один артист, был правдой?

Он расхохотался:

– До тебя как дошел? Ну языкатые люди! Было дело, увивался, – Новгородцев многозначительно поднял указательный палец, – но по делу. Милавина не в моем вкусе.

¹ Бион – философ-киренаик III в. до н. э.

– И ты не в ее оказался.
– Зато ты в моем и я в твоём.
– Теперь сомневаюсь.
– Только не во мне. К тебе у меня чистые чувства.
– Взять с меня нечего.
– Точно. Так что просто люблю.
– Ой, современные мужчины! Измельчали!
– Ой, – в тон ей воскликнул Ладимир, – зато женщины отличаются поразительным постоянством, извечно добиваются состоятельных мужчин.

Ксения звонко рассмеялась и пошла на кухню, крикнув:

– Принесу чего-нибудь перекусить.

Новгородцев тоже поднялся с дивана.

– Я купил твой любимый сыр и красное французское вино.

– Изысканно! – донесся из кухни голос Ксении.

– При свечах ужинать будем? – пропел вопрос Ладимир.

– При свечах, – появилась с подносом Ксения. – Да! – спохватилась она, расставляя тарелки. – Ты же еще ничего не знаешь! Было оглашено завещание Милавиной.

– И что? – с интересом посмотрел он на нее.

– Это невероятно! Она все завещала Олегу!

– Что?! – Ладимир так и сел на диван с бутылкой вина и штопором в руках. – Ты меня разыгрываешь, – после паузы проговорил он.

– Нет! Обязала только своим родителям выплачивать ежемесячный пенсион. И все, абсолютно все оставила Олегу.

– С ума сойти, – бессильно опустив плечи, произнес Новгородцев. – Пшеничный теперь богат, как Крез. Не представляю, что он со всем этим будет делать?

– Не волнуйся, у него есть отличная помощница, Милена. Она уже все продумала.

– Неужели он такой дурак, что позволит ей вмешаться? Да я бы... Я бы... – совершенно растерялся Ладимир, войдя в роль наследника.

– Сам же говорил, бизнес жесток. Олегу одному не справиться. Милена ему необходима.

– Эх, Олегу бы силу и хватку Милены.

– Было бы неплохо. Хотя, знаешь, он нас с Миленой очень удивил. На вечере памяти Валентины он вел себя чрезвычайно сдержанно и даже, сказала бы, уверенно.

Ладимир наконец откупорил бутылку и разлил вино в бокалы.

– Бывают метаморфозы. А как Пшеничный себя еще покажет?! Да таким бизнесменом станет, что Милене и не снилось?

Ксения пожала плечами.

– Слушай, – загорелись глаза Новгородцева, – поговори с Олегом. Намекни ему открытым текстом, что бизнесмен обязан помогать представителям искусства, но не вообще, а адресно.

– И указать именно твой адрес, я правильно поняла?

– Абсолютно!

Ксения с насмешливым сожалением глянула на него:

– Милене я уже намекала на это. Она мне ответила, что книгоиздательский бизнес – это тоже искусство. Поэтому артисту лучше обратиться в ту сферу бизнеса, которая никоим образом не соприкасается с искусством и потому может оказать ему помощь.

– Но Олег – это же не Милена.

– Согласна. Здесь шансов больше. Но почему я тебе должна помогать? Потому что люблю? Тогда почему ты мне не помогаешь? Мне вон тоже хочется такой шикарный палантин, как у Лонцовой.

– Ну ты же знаешь, – сник Новгородцев, – что я зарабатываю?! Так!.. Кручусь, предлагаюсь. Но ведь не всегда берут. Устал.

Ксения подлезла к нему под руку и, прося прощения, заглянула в глаза:

– Глупость сказала. Вот ты со мной, и все хорошо. Даже испуг прошел совсем.

Ладимир улыбнулся, провел рукой по ее волосам:

– Гори все синим пламенем, нам с тобой сейчас хорошо, а вот будет ли лучше, это уже вопрос. Так что ловим момент.

Милена вышла из машины. Шофер хотел проводить ее до квартиры, но она отпустила его и через мгновение пожалела. Какое-то незнакомое чувство беспричинного страха вползло ей в душу. Она прошла мимо охранника в вестибюле. Вошла в лифт. «Что вся эта охрана? – подумала. – Убийца всегда находит лазейку. Кто заказал Валентину? Заказал? – смутил ее собственный вопрос. – На заказ шарфами не душат. Это кто-то свой. Боже, какой ужас! Свой! А что, если Олег?! Нет, не может быть!..»

– Нет! – в ужасе прохрипела она и замерла с приоткрытым ртом, глядя на себя в зеркало. – Вот это да! Я и не знала, что могу так бояться. Нет-нет! – проговорила, сжимая кулаки и вонзая ногти в ладони. – Нельзя впускать в себя это чувство. Разрастется, захватит волю, тогда прощай личность...

Лифт остановился, двери раздвинулись, Милена робко выглянула и быстро подошла к двери, держа наготове ключ. Вошла, включила свет и поняла, что и дома не чувствует себя в безопасности. «Это нервы! Это убийство Валентины так подействовало. Но мне нельзя обращать внимание ни на чье убийство. Я должна знать, верить, что всех могут убить, кроме меня. Иначе... конец бизнесу». Она заставила себя несколько раз глубоко и спокойно вздохнуть и вдруг услышала или почувствовала, что в квартире кто-то есть.

Милена прижалась к стене. «Надо выключить свет, открыть дверь и бежать...» Рука потянулась к выключателю, и в ту же секунду она увидела в проеме двери, ведущей в гостиную, высокий силуэт. Закрыла глаза и громко выругалась.

– Какого черта?! Я же сто раз просила не устраивать неожиданных появлений. Не люблю! – отбросила она сумку так, что та оказалась в другом конце коридора.

– Сегодня такой день, – ничуть не смутившись, произнес Игорь.

– Какой такой? – раздраженно поинтересовалась Милена.

– Три года, как мы познакомились.

Она прислонилась плечом к стене и проговорила:

– Прости! У меня сдали нервы. – Подошла и поцеловала Игоря. – Прости, – повторила, садясь в кресло. – Какие-то ненужные мысли нахлынули. Олег устроил вечер памяти Валентины. Никаких особенно жалостливых чувств. Убили так убили, не меня же, в конце концов. Но вот осталась одна, вошла в лифт, и, пока он поднимался, такое вдруг закрутилось в голове... А тут ты, да еще свет в гостиной не включил.

– Хотел, чтобы ты вошла, зажгла свет, а тут я, розы и маленькая, но очаровательная коробочка, – протянул он Милене букет роз и футляр бордового бархата.

Она открыла и ахнула.

– Какая прелесть! – проговорила, замороженно глядя на браслет из сапфиров и бриллиантов. Надела на руку, вытянула ее вперед и медленно поворачивала, любуюсь вспыхивающими искрами. – Спасибо, Игорек! – потянулась к нему губами. – Ах!.. А я и забыла, что сегодня уже три года, как мы вместе. Ты меня прости. Такое со мной впервые, на меня почему-то очень подействовала гибель Валентины. Она действительно, хоть и звучит это как-то банально, была светлая, радостная... Не могу припомнить, чтобы недовольство, печаль смущали ее. Нет, конечно, наверняка они были, но она никогда их не показывала.

Игорь подошел к стойке бара, вынул из ведерка бутылку шампанского, открыл и, наполнив бокалы, сказал:

– Забудь о Валентине. Все. Она уже ушла из нашей жизни.

Милена взяла бокал, склонила в раздумье голову к плечу:

– Вот это и неприятно. Как-то уж очень быстро и жутко ушла, точнее, убита. – Милену передернуло от своих же слов.

– Забудь! – повторил Игорь. – Давай выпьем! Ведь никто, кроме нас самих, не выпьет за нас с таким искренним пожеланием счастья и удачи.

– Да, давай! – улыбнулась Милена и залпом выпила свой бокал. – И все же...

– Ну не надо, не продолжай. Мне очень нравится в тебе, что ты можешь резко и окончательно оборвать ненужные рассуждения о том, что уже нельзя поправить.

– Но нужно сделать выводы.

– И какой же вывод сделала ты?

Милена, задумавшись, вынула из пачки сигарету.

– Вывод такой... – закурив, высказала она свою мысль. – В случае чего, мое дело должно быть продолжено, но не посторонними, которые извратят его, а близкими мне людьми.

– Опять ты о мрачном, – недовольно заметил Игорь.

– О вечном, – поправила его Милена. – Нам надо пожениться.

– Мы об этом говорим все последнее время. А требуется только дату назначить. Больше года прошло с нашей помолвки.

– Да, хватит откладывать. И ребенка нужно тотчас. И завещание новое составить.

– Ну тебя сегодня не выведешь из мрачного настроения.

– Не мрачного, Игорек, а делового. Не дай бог, что со мной случится, все Олегу достанется. А он в год развалит то, что создали мы с отцом.

– Но тогда, если ты задумала составить новое завещание, как быть с Олегом?

– Вот тут вся сложность. Он же теперь сам богатый наследник. И мне пришлось потратить немало слов и сил, чтобы убедить его работать совместно, по-семейному.

– По завещанию, какое действительно на сегодняшний день, вы являетесь наследниками друг друга. Следовательно, когда Олег вступит в наследство Милавиной, ты в случае его смерти получишь все.

Милена кивнула, но уточнила:

– Если только мне удастся удерживать Олега под своим влиянием. Слишком велико у него желание вырваться, стать самостоятельным. Отчасти я его понимаю, но!.. – Она немного помолчала. – Но он не таков, чтобы самому стоять во главе крупной фирмы.

– Хорошо. – Теперь задумался Игорь, ероша свои светлые волосы. – Какие проблемы? Первая – чтобы никто не

смог перехватить твое влияние на Олега. Вторая – так составить новое завещание, чтобы в случае... – Игорь замылся. – В случае летального исхода все досталось нашему ребенку.

– Верно, – согласилась Милена. – Но помимо того, что он получит с моей стороны, он должен полностью наследовать и твой капитал.

– Да, конечно, – после заметной паузы сказал Игорь и тут же уточнил: – Но у меня мать и сестра, которая работает со мной. У нее, правда, небольшой процент акций, но... она моя сестра. К тому же ты знаешь, что семейная жизнь у нее не сложилась. Она нуждается в моей помощи. Я не могу оставить мать и сестру без средств.

– Правильно. Завещай им сколько-нибудь. И вообще, нам стоит подумать о слиянии наших капиталов.

– Заманчиво, но... скажу, Милена, прямо, я не смогу работать с собственной женой. Я слишком для этого мужчина.

Милена от досады прикусила губу:

– Сколько мужчин имеют совместный бизнес с женами и лишь выигрывают от этого.

– Согласен. Но только такой мужчина никогда не смог бы привлечь твоего внимания, а тем более стать твоим мужем. Ведь тебе нравятся моя независимость и полная самостоятельность.

Милена рассмеялась:

– Ладно, об этом еще поговорим, а сейчас надо думать о том, как сделать, чтобы Олег, вступив в наследство Милавиной, не принялся бы артачиться, а послушно вложил свой капитал в нашу фирму, которая значительно расширит круг своих интересов и увеличит сферу своего влияния. Ах, у меня такие планы!.. – развела она руки и обняла Игоря. – Ах!..

Игорь, воспользовавшись минутой, расстегнул молнию на ее платье.

– Налей еще шампанского! – попросила Милена. – Я просто обязана сделать так, чтобы весь капитал, полученный Олегом от Милавиной, пошел в дело. Ему нельзя

доверять большие суммы. — Она взяла поданный Игорем бокал и продолжила свою мысль: — Я составлю новое завещание, о котором он не будет знать. Если что со мной... то ни в коем случае нельзя допустить, чтобы он стал во главе предприятия. Ты возглавишь его, а наследником будет наш ребенок.

— Но точно так же может поступить и Олег. Потихоньку от тебя составить новое завещание, которое автоматически отменит прежнее.

Милена нахмурилась. Платье соскользнуло с ее плеч, волосы распустились. Игорь привлек ее к себе, но она освободилась из его объятий.

— Надо сделать так, чтобы он не смог изменить составленное завещание, — высказала вслух она свою давнюю мысль.

Игорь воспринял откровенность Милены как ее окончательное решение выйти за него замуж.

Что ж, ему импонировали смелость ее мышления, жесткая манера вести дела. Это женщина, которая способна создавать и реализовывать крупномасштабные проекты. Вдобавок ко всему она красива. Но не сексапильна. От нее зачастую веет холодком равнодушия. Вот сейчас такой момент — шампанское веселит кровь, рождает желание, а она сидит и размышляет, как бы обойти брата. Но, может быть, все это и влекло его к ней? А может, то, что ему было подвластно увлечь такую женщину любовной игрой. Когда Милена увлечется, найдется немного женщин, равных ей в проявлении своих страстных инстинктов и любовных фантазий. Хотя самый страстный ее инстинкт — быть богатой.

* * *

Подъезжая к дому, Вера увидела машину Пшеничного. Не успела она остановить свой «БМВ», как у двери уже возник Олег.

— Подожди минуту, дай припаркуюсь, — смеясь, сказала Вера, приоткрыв окно.

Едва она вышла из машины, как тут же оказалась в его объятиях. Он целовал ее лицо, волосы, шептал нежности. Вере стало неловко. Любопытные глаза отовсюду наблюдали за известной писательницей. Ей пришлось отстранить Олега.

– Да подожди ты, – прошептала она.

– Я страшно, до безумия соскучился по тебе. Я... – Он опять попытался ее поцеловать.

– Олег! – посмотрела ему в глаза Вера. – Успокойся!

Пшеничный повиновался, взял ее дорожную сумку и пошел следом.

– Если бы ты знала, что я пережил!.. – начал он, едва они вошли в квартиру.

Вера бросила ключи, скинула шубу и, не отвечая, прошла в гостиную.

– Если бы ты знала... – вновь начал Олег, желая рассказать о своих страданиях и получить утешение.

Но Вера решительно прервала готовый обрушиться на нее поток стенаний:

– Что знала бы?.. Как ты убивался по другой? – Ее плечи вздрогнули от внутреннего негодования. – А если бы я принялась страдать по кому-то, как бы ты на это отреагировал? – обратила она к нему свой вопрос. – Понравилось бы это тебе?

Олег смешался. Он растерянно замер посреди гостиной, а Вера села на диван и, положив одну ногу на другую, устремила на него тяжелый взгляд. Она уже обдумала свою тактику поведения с ним. Только натиск и демонстрация силы. Внушить и постоянно поддерживать в нем мысль, что без нее он не сможет жить. Она – его спасение от всех проблем. Она может все: утешить, уберечь, предостеречь, отвести угрозу. Милавина слишком любила его, слишком была женщиной. И он, от природы не наделенный сильным духом, инстинктивно искал защиты у Милены. Вера же задумала убедить Олега, что отныне защитить его, развеять мрачное настроение, помочь в решении сложных вопросов может только одна она. Она должна вывести его из-под влияния Милены и подчинить

себе. Он теперь лакомый кусочек на рынке российского бизнеса. Будет много желающих проглотить его.

Писательское воображение Астровой так и рисовало высоких белокурых бестий с бесстыжими глазами, наглым телом, которое, кажется, подрагивает и покрывается влагой, точно сиропом, от желания, чтобы его поскорее попробовали. «Ты только надкуси, а я уж так вопьюсь в тебя!..»

Вера отдавала себе отчет, что с этими бестиями ей не сравниться телесно, но зато она умеет просчитывать ходы, умеет действовать убеждением и здесь у нее одна соперница, которая стоит сотни других, — Милена. Из разнообразных моделей поведения ею была выбрана оптимальная: демонстративная уверенность в своих силах и решениях. Это завораживает слабых людей.

— Ну! Я жду ответа! — требовала Вера, покачивая ногой.

Олег дернул шеей.

— Мне бы не понравилось, но я бы тебя понял! — закипая, проговорил он.

— И я тебя поняла. Но сколько можно?! Выходит, ты мне рад только потому, что можешь излить свою печаль по другой?

Он смутился:

— Нет, не только. Я рад, потому что люблю тебя, но...

Вера поднялась, подошла к Олегу, положила руки ему на плечи и пристально посмотрела в глаза:

— Далее продолжать фразу уже не имеет смысла. Прошлое не существует, зачем же тосковать по нему. Надо брать настоящее.

Она закрыла глаза и, представив на миг, что перед ней Фролов, жадно поцеловала Олега в губы. Но последовавший ответ моментально вывел ее из желаемого заблуждения. Однако отступить было нельзя. Она скользнула рукой по бедру Олега и потянула за молнию брюк. Еще миг, и он оказался в ее полной власти. Он задышался, он дрожал от предвкушения, он покрывался мелким потом.

«Что ж, — подумала Вера. — Надо!» Но когда она решила, что уже вполне достаточно, Олег даже не думал останавливаться. Его желание было неистощимо. Он не от-

пускал Веру, целуя и восхищаясь ею. Он получал такое огромное удовольствие от физической любви, освобождавшей его от всех страхов, неуверенности, трагического восприятия жизни, что не замечал нервной досады Веры, скрываемой за вздохами и нежными словами. «Сейчас тот самый главный момент, упустить который я не имею права. Сейчас надо моделировать наши отношения. Расставлять акценты. Поэтому буду терпеть, зная, что это воздастся мне сторицей».

Вера засмеялась: «Ненасытный!» И опять пошло по новой.

Когда наконец Олег отвалился от нее, она вздохнула полной грудью. «В принципе, ничего, можно даже привыкнуть», — подумала, надевая сабо из бледно-розовой замши.

Вернувшись из ванной, влажная, пахнущая сиренью, опустилась на кровать рядом с лежащим на животе Олегом. Пробежала пальцами по его спине, размышляя, как бы половчее приступить к важному разговору, но он опередил ее.

Он перевернулся на спину, заложил руки за голову и испустил вздох со словами:

— Миленка хочет объединить свой капитал с моим, который я получу в наследство от Тины. Она задумала создать империю Пшеничных. Грандиозно?!

— Но это тебя свяжет по рукам и ногам. И к тому же все не так просто. Она что, хочет, чтобы ты продал акции, вышел из совета директоров?

Олег зло поморщился:

— Я же сказал, она грандиозного хочет. А я еще не вступил в наследство. У меня еще, несомненно, будут проблемы с советом директоров.

— С чего это ты взял? У тебя все законно. Милавина могла завещать свое состояние кому угодно. А ты был ее женихом. Не просто же любовником. Ты был свободен и она. Вы в любой момент могли пожениться. И почему это совет директоров будет против твоей кандидатуры? Да, не спорю, им самим хотелось бы прибрать ее акции. Но

каждому хочется прибрать акции другого. Что, было бы лучше, если бы Милавина составила завещание в пользу родителей? Вот был бы смех! Их бы уж точно обвели вокруг пальца и обобрали. А ты молодой, полный сил и уже достаточно искушенный в бизнесе. С тобою не могут не считаться. Если начнут наезжать, ты сумеешь ответить.

Олег задумался.

– Милена хочет грандиозного! – с закипающей яростью в голосе распалялась Вера. – Умная какая! За твой счет хочет создать какую-нибудь мультимедиа-компанию. Наверное, внушила тебе, что ты один не справишься. Что ты нуждаешься в ее поддержке. Тоже мне, железная леди, – сквозь зубы проговорила она, забыв на мгновение о присутствии Олега. – И на железо есть ржавчина.

– Да! – подхватил Олег, садясь на кровати. – Ты точно подметила. Она хотела меня убедить, что одному мне не выстоять.

– Глупости! – брызнула слюной от переполнявших ее эмоций Вера. – Ты не можешь быть один. Всегда найдутся люди, которые будут заинтересованы в твоем успехе, как в своем собственном. Это со временем кто-то из них станет недовольным, кто-то хлопнет дверьми, а кто-то превратится в предателя. Но вначале – все вместе! – повысила она голос. – И потом, у тебя есть я!.. Я, в отличие от твоей сестры, не буду стремиться вытеснить тебя, обмануть, затмить, занять главное место. Она же ни за что не допустит, чтобы главой компании стал ты!

Олег согласился, но тем не менее высказал мысль Милены:

– Она предлагает, чтобы каждый из нас занимался своим делом.

– Но постепенно сливая капиталы! Великолепно! – хлопнула ладонью о ладонь Вера. – Но ведь тогда кто-то из вас двоих должен стать во главе.

– Я! У меня будет больше акций!

– Теоретически так, а вот практически, а? – подалась она всем корпусом вперед, устремляя на Пшеничного неподвижный взгляд. – А?

Олег вскочил с кровати и пошел в ванную. Вера не отставала от него. Он стоял в прозрачной душевой кабине под бьющими со всех сторон струями, а она говорила:

— Да все ясно! Милена хочет оставить тебя ни с чем. Отец твой, несмотря на все мое уважение к нему, поступил с тобой несправедливо. Имея сына, все отдал дочери, отчего-то решив, что она сможет продолжать его дело, а ты нет, будто ты не Пшеничный. А та воспользовалась твоей молодостью, твоей трагедией и прибрала к рукам даже ту малость, что ты получил. И все это под предлогом заботы о тебе.

Олег выключил душ, завернулся в полотенце и тяжелым взглядом посмотрел на Веру. Смотрел долго, испытующе, точно хотел увидеть в ее глазах ответ, права ли она в своих суждениях? И вспыхнул!..

— Да! Да! Я все это чувствовал, понимал, но по какому-то охватившему меня малодушию принимал. Но, поверь, я столько раз хотел вырваться из-под влияния Милены. Я ей совсем недавно говорил, что, как получу диплом, заберу свою часть и начну самостоятельное дело. Но она отговорила. Теперь меня опять подвело к этому желанию наследство Тины, а Милена вновь стала приводить доводы и, знаешь, убедила, правда, ненадолго. В душе я не уверен, что приму ее предложение. Я ей сказал, что согласен, но все время размышляю. Она ведь и с завещанием может обмануть меня. Вот выйдет замуж за Игоря, родит себе наследника, и все! Я это знаю.

Вера кивнула:

— Игорь тоже не промах!..

Извилистое чувство зависти зашевелилось в ее душе.

«Видный мужчина. Крепкий, с мускулами, заметными даже под рубашкой, с широкими плечами, голубоглазый и черты лица крупные, выразительные. И самое главное, он сильный. Сильный в своих мыслях, поступках. Да, у него лицо не потомка интеллигентов, как у Сергея, но оттого и нет в нем этой слабости от излишних размышлений о жизни. Он родился. Что изменится, будет ли он задумываться о смысле своего рождения или нет? Ничего.

А если ничего, то и думать не стоит. Надо жить, значит, действовать».

– Объединившись с Миленой, они составят крепкую пару. Задают кого хочешь, – задумчиво произнесла вслух Вера.

Олег вихрем пролетел из одного угла комнаты в другой.

– Вот и я об этом думаю!

– А раз думаешь, должен понять, что тебе сам бог велит выходить на самостоятельную дорогу. Ты посмотри, что Милена решила сделать со мной. Фактически уничтожить! Видите ли, она пришла к выводу, что издательству нужно новое лицо, что имя Астровой приелось. Конечно, приелось, если им пользоваться только как брэндом, не давая мне возможности проявить себя. Ты помнишь, ведь она отвергла мой роман, согласившись тем не менее, что он хорош. Ей не нужен умный писатель, ей нужна вывеска. Она всячески издевалась надо мной, принуждала говорить комплименты Скоковой, она... – Вера захлебнулась в своем негодовании, которое встало поперек горла.

Олег поспешил поднести ей стакан воды.

– ...Но всему есть предел, – вытирая влажный подбородок, не в силах остановиться, продолжала говорить она. – Хватит беспрекословно исполнять ее волю. Даже твой отец шел мне навстречу, а она – кремь. Ничего, и кремь можно взорвать, положить побольше взрывчатки, и только пыль разлетится в разные стороны.

Глядя на Веру, Олег понял, что теперь в своем непрекращающемся противостоянии Милене он не один.

– Да, надо положить конец ее своевластию, надо дать ей понять, что со мною теперь необходимо считаться. Полгода пролетят, не заметишь, и я вступлю в наследство Тины.

– Правильно, милый, – прижалась к нему Вера.

– Я завтра же скажу ей, что мы немедленно приступаем к изданию твоего нового романа.

– И к разработке моего нового имиджа, – вкрадчиво, но со стальными нотками в голосе принялась подсказывать она ему. – Да! И Скокову вон из издательства.

Они посмотрели друг на друга и рассмеялись, абсолютно уверенные в своей победе над Миленой и мысленно представляя ее удивленное, растерянное лицо, когда Олег не принимающим отказа тоном заявит о своем желании издавать новые романы Астровой.

— Кстати, Олег, — как бы случайно припомнила Вера, — мне порекомендовали очень хорошего художника. Так вот, мне бы хотелось, милый, чтобы он занялся дизайном обложек для моих книг.

— Не вопрос! Пусть приходит завтра ко мне. Считаю, что он уже приступил к работе.

Вера в немом восхищении слегка покачала головой и выразила взглядом восторг, но потом, вспомнив о великом значении слова, веско добавила:

— Сейчас бы твой отец понял, что сделал ошибку, передав свое дело Милене.

ГЛАВА 20

На следующий день преисполненный сил и уверенности Олег приехал в издательство. Не преминувшего явиться к нему Фролова, без согласования с Миленой, принял на должность главного художника, предложив последнему, по желанию, либо остаться в издательстве рядовым дизайнером, либо уйти. Тот совершенно спокойно выслушал это заявление, даже не снизойдя до презрительной усмешки. Выйдя от Олега, он напрямик направился в кабинет Пшеничной.

— Он что, с ума сошел? — Этот вопрос был первой реакцией Милены. Но, вспомнив о новом положении Олега, она призадумалась. «Черт! Ведь вот, с одной стороны, это удача для меня, что он получил такое наследство, ибо я буду не я, если не сумею им воспользоваться, но с другой стороны, какое-то время придется в чем-то потакать ему. Однако главный художник — это довольно серьезная фигура».

Милена улыбнулась, прося снисхождения к взбалмошному поступку младшего брата.

— Я вас приглашу попозже, — сказала она.

Едва художник вышел из ее кабинета, как она тут же позвонила Олегу и попросила его зайти.

Олег ждал этого звонка. Он встал из-за стола, открыл дверцу шкафа, посмотрел на себя в зеркало и не увидел на лице ни тени нерешительности.

«Вчера Вера сказала, — вспомнил он слова Астровой, — что надо, не теряя ни минуты, упрочивать свои позиции в издательстве, потому что еще неизвестно, как развернутся события. Если выработать верную тактику, можно и издательство прибрать к рукам, то есть исправить допу-

ценную отцом несправедливость. Милене самое место в кресле коммерческого директора, а во главе издательства, которое очень скоро войдет в мою новую компанию, должен стоять я».

Преисполненный решимости Олег вошел к Милене. Она, подавив свою ярость, встретила его вопросом:

– С чего это ты вдруг решил поменять главного художника?

– Мне не нравится его концепция дизайна обложек.

– Но это мое дело: обложки, книги, авторы, – сохраняя внешнее спокойствие, заметила Милена. – Твое же – решение финансовых вопросов.

Олег усмехнулся:

– Однако ты постоянно контролируешь мои решения.

– Я просто помогаю, – пока еще доброжелательным тоном уточнила она.

– Вот и я подумал, отчего не помочь тебе? Нашел отличного художника, который в корне изменит балаганный имидж нашего издательства.

Милена принялась постукивать ногтями по столу:

– И кого же ты пригласил? Какую такую знаменитость?

– Ерничать ни к чему. Знаменитость не пойдет работать в издательство.

– Хорошо. А как ты предлагаешь мне поступить с нашим главным художником?

– Так, как ты хотела поступить с Астровой. Изгнать.

Милена оперлась подбородком на руку.

– Астровой, – тихо повторила она. – Астровой... «Ну да, конечно, он запал на очередную тетку под сорок. Значит, наша знаменитая писательница решила не сдаваться без боя и орудием выбрала братца. Ну-ну...» Милена изобразила грустное недоумение на лице: – Олег, неужели ты увлекся Астровой? Не поверю, ведь прошло чуть больше недели, как погибла Валентина. И ты уже забыл?!

– Я ничего не забыл. Я любил Тину и буду любить ее в своей памяти, но я никогда не был ей верен, и тебе это известно лучше, чем кому бы то ни было.

– Что ж, резонно, – вынуждена была согласиться Милена. – Но!.. – Голос ее неожиданно обрел мощь. – Но я не допущу, чтобы в издательстве установилось двоевластие.

– И очень хорошо. Прости, я превысил свои полномочия, – с настораживающим спокойствием произнес Олег. – Вызови главного художника и сама объяви ему о его увольнении.

Милена на несколько секунд оцепенела.

«Подлец! Ах, какой подлец! Только получил известие о наследстве, еще не дожидаясь до него, а за полгода может случиться что угодно, как уже начал подавать голос».

– И вот еще, что я хотел тебе сказать, то есть, – нарочито рассеянно уточнил он, – посоветоваться. Надо пересмотреть твоё решение относительно Астровой. Надо немедленно приступить к разработке её нового имиджа.

Милена не удостоила немедленным ответом Олега. Она вынула из пачки сигарету, закурила и вроде принялась просматривать бумаги, лежавшие перед ней.

«Уступить Олегу можно, потом возьму реванш, но уступать Астровой нельзя. От неё вообще надо избавиться. Она опасная штучка! В несколько дней подмяла под себя Олега, воспользовавшись благоприятной минутой. Загуляй он как следует, она бы упустила его. Это мой промах. Не подумала, не обеспокоилась, с кем Олег будет делить своё несчастье. Надо было нанять ему девочек на целый месяц, тогда Астрова только зубами бы щелкнула, не заглотив добычи. Ладно, всё поправимо. Олегу лишний раз не помешает напомнить, кто стоял и будет стоять во главе дела Пшеничных».

Милена поднялась из-за стола и негромко сказала:

– Я, – она подавила усмешку, – так и быть, извинюсь перед нашим художником за твою несуразную выходку. И пересмотрю своё мягкое решение по Астровой. Я ей предлагала уйти тихо и с достоинством, она же хочет громко и со скандалом, который уничтожит её, но отнюдь не повредит издательству.

– Ты что же, – нахмурился Олег, – хочешь отменить мое решение?

– Не хочу, оно уже отменено!

Она нажала на кнопку селектора.

– Соедини меня с главным художником, – сказала секретарше, не спуская взгляда с Олега. И после паузы: – Это я! Да, Олег Станиславович несколько неправильно истолковал наш приватный с ним разговор. Совершенно верно, поторопился. Конечно, вы остаетесь. – Положила трубку, продолжая смотреть на Олега и ожидая от него вулканического взрыва ярости и гнева.

Так бы и было, если бы Вера не предусмотрела подобный поворот событий. Олег с холодной, такой новой для него усмешкой смерил сестру взглядом и вышел из кабинета.

Милена была озадачена и даже несколько растеряна. Бурная реакция Олега не насторожила бы ее, а вот его затаенная уверенность в себе таила опасность.

Выплеск гнева и ярости произошел дома у Веры. Олег задыхался от злобы и сыпал проклятиями и угрозами.

– Я завтра же объявлю, что ухожу из издательства. Завтра же!

Вера не обращала на него внимания, она думала.

– Ты, Олежек, не торопись с уходом, – сказала она. – Хлопнуть дверью – это эффектно. Да только цена ему – минута. Подожди.

– Что, по-твоему, я должен молча проглотить поступок Милены, которым она лишний раз продемонстрировала свою власть?

– Я не говорю этого, – отозвалась Вера. – Ты сделай только вид, а потом можешь выплюнуть его прямо в лицо своей сестрице, – с недобрый огоньком в глазах усмехнулась она.

* * *

Решив действовать по совету Астровой, Олег продолжал общаться с Миленой, как будто ровным счетом ничего не произошло. Так было всегда после их ссор, когда

Милене удавалось убедить брата в своей правоте, но раньше он кричал, грозился забрать свою долю, а тут спокойно вышел и даже не хлопнул дверью. Олег сам себе удивлялся. Хранил спокойствие со странной уверенностью, что такое положение вещей будет оставаться недолго. Когда он вступит в права наследования, все изменится, и тотчас.

— К вам Борис Григорьевич Терпугов, — появилась на пороге секретарша.

— Кто? — переспросил Олег и наморщил лоб, пытаясь вспомнить, где он слышал эту фамилию. Вспомнил быстро. — А!.. Пусть войдет.

Подполковник Терпугов вошел в кабинет и, пожав руку Пшеничному, сел в кресло.

— К сожалению, вынужден вас побеспокоить, — начал он.

— Такая у вас профессия, беспокоить, — улыбнулся Олег, с грустью в сердце вспомнив Тину. — Вертишься целый день и как-то забываешься, а вы пришли и сразу все перед глазами встало.

— Менеджер Милавиной говорила, что в тот вечер... — маленькая пауза как бы пояснила, какой именно, — ...вы собирались вместе с Валентиной в ресторан.

— Да, собирались. — Олег нахмурился, встал из-за стола и пересел в кресло напротив Терпугова. — Но по непредвиденным обстоятельствам я задержался в издательстве. — Он потирал ладони и морщился. — Простите, не привык никому давать отчет в своих действиях. Мне вот так начинать рассказывать вам, почему да отчего я поступил так, а не иначе, затруднительно.

— Что делать. Мне поначалу тоже было непривычно выслушивать и выспрашивать людей о самом личном. Но всякий раз я вспоминал, почему я это делаю, и приходил к мнению, что не только имею право, но обязан.

— Да, конечно! Конечно!.. — проговорил Олег и подошел к бару. — Давайте выпьем чего-нибудь! — Терпугов медлил с ответом. — У меня отличный коньяк, по пятьдесят грамм, а потом кофе.

— Хорошо, — кивнул Борис Григорьевич.

Олег придвинул ногой к креслам столик и поставил на него две рюмки и вазочку с японской закусочной смесью. Выпил, хотел начать говорить и, не произнеся ни звука, стушевался.

Терпугов по достоинству оценил коньяк и вновь задал вопрос:

– Так почему вы не поехали к Милавиной?

Пшеничный откашлялся, провел ладонью по лбу и односложно ответил:

– Задержался в издательстве, переговоры затянулись.

– Неужели настолько затянулись, что все рестораны уже закрылись?

– Нет, конечно, – с досадой на то, что он должен объясняться, буркнул Олег. Немного помолчал и, видно поняв, что все равно подполковник от него не отстанет, решил побыстрее от него отделаться. – В общем, я мог заехать за Тиной, но так получилось, что мне захотелось на минутку заскочить к девочкам, ну вы понимаете... Только на минутку – сбросить напряжение. Ведь чем хороши они, простушечки? Они не требуют прелюдий, всяких там поглаживаний, поцелуев. Они сразу улавливают настроение и желание клиента: кто хочет сбросить напряжение тотчас, а кто разрядиться помедленнее. Мне было необходимо тотчас. А с Тиной пришлось бы тащиться в ресторан, потом домой, там эти прелюдии, затяжные поцелуи и так далее.

Подполковник Терпугов, внимательно слушая Пшеничного, параллельно представил себя в обществе дорогих простушечек и растерялся, не сильно, но все же. А перед ним сидел двадцатидвухлетний парень и так свободно и просто говорил об этом, будто о покупке в магазине пачки печенья.

У Терпугова, конечно, были моменты с такими женщинами, но другого уровня и очень давно. И женщины те были несколько даже застенчивы или развязны, но нарочито, а эти новые, дорогие – он видел их, приходилось выезжать по службе в бордели – они не были ни развязными, ни застенчивыми, они были лощеными до кончиков ногтей, уверенными в своей телесной привлекатель-

ности, говорили негромко, курили, красиво держа сигарету в холеных пальцах. И ему с ними в качестве клиента, как представлялось подполковнику, было бы неловко.

Пшеничный продолжал говорить, Терпутов слушать, но параллельные мысли не оставляли его.

«Черт возьми! Ему надо снять напряжение! Скажите, пожалуйста! Да еще быстро. Снимет, а потом поедет к официальной любовнице. А тут не то что с прелюдией или без, а вообще не снимешь. Все как-то не так. Жена работает, устает, двое детей, к ним друзья приходят. Было увлечение на стороне красивая, одинокая, да времени не хватало. Ну нет, это отговорки, – сурово оборвал он себя. – На самом деле боялся, как бы жена не узнала. Не хочется неприятностей. Развестись все равно не разведемся, сама же жена не захочет, а вот дурь свою, злобу выпустит и детей втянет. Так она ничего, но как найдет на нее, то дура дурой: орет, гремит посудой и все вспоминает первую мою измену, Ирку. Я ее уже забыл, а она помнит. Вот и приходится жить с напряжением. В супружеской постели его все равно не снимешь, так, кое-как обессилишь себя и забудешься сном, а она все ворочается, все будит, показывает, что, мол, плохо ей, мало, не хватает, хочется чего-то такого. И мне хочется...»

– Ну и заехал я туда, – продолжал, постепенно входя во вкус воспоминаний, Олег. – Зашел, девочки облепили, выпили по бокалу мартини, уединились и заигрались. Да так, что решил я к Тине не ехать. Взял двух простушечек и махнул с ними на дачу. Ну там мы до утра и... – Он не стал уточнять – что, и так было ясно. – А потом я включил телевизор и услышал, что убита Валентина Милавина. После этого полный провал в памяти. Что делал, понятия не имею. Опомился, лишь когда Милена, моя сестра, приехала. С ней я и вернулся в Москву.

– Давайте уточним, где вы находились двадцать второго февраля в промежутке времени от, скажем, девяти тридцати вечера до десяти тридцати.

– Думаю, если не на даче, то в дороге. К девочкам я приехал, наверное, в девять, а вот как раз в десять с минутами мы находились в машине по дороге на дачу.

– Значит, ваши свидетели шофер и две проститутки?

– Увы, другими не обеспокоился. Может, еще по пятьдесят грамм? – спросил, приподнимаясь с кресла, Олег. Подполковник отказался. – А я себе позволю, – сказал он и налил еще рюмку. – Понимаете, – помолчав, снова начал Пшеничный, – мне лично ужасно неприятно, что вы подозреваете меня в убийстве Тины. Ну сделала она меня наследником, но так по собственной воле. Я понятия не имел о ее намерениях. У нас были серьезные отношения, я любил ее, но ни о каких завещаниях и речи не было. Она вся искрилась жизнью, чего ей было думать о смерти. Но вот, оказалось, думала.

– Значит, вы ничего не знали? – уточнил Терпугов.

– Ничего не знал. Эта новость ошеломила меня.

– А может, вы кого-нибудь подозреваете в убийстве Милавинной, может, она делилась с вами своими опасениями?

– Какими опасениями? Она жила ярко, полно, ничего не боялась. У нее было столько планов!..

– Но ведь кто-то же убил ее.

Олег вздохнул и опустил голову.

– Кроме конкурентов, никто не приходит на ум.

«Конечно, конкуренты – это самое удобное объяснение», – согласился подполковник.

* * *

Вера услышала звонок и поспешила в прихожую. Глянула по инерции на монитор видеофона, увидела, кого ожидала.

– Какой ты морозный! – ласково произнесла, прижимаясь к холодной куртке Фролова.

– Да, опять подморозило, – ответил он.

– Раздевайся, – с улыбкой, не сходящей с лица, сказала она.

– Ты знаешь, наш план сорвался. Пшеничный принял меня на работу, а Пшеничная тотчас уволила.

– Знаю, – недовольно отозвалась Вера. – Ничего, все поправимо.

– Вы с Пшеничным что, союз заключили...

Вера растерялась, услышав начало фразы. Фролов же прервался, заметив на столе виноград.

– Можно? – Он отщипнул несколько ягод

«Не дай бог, Сергей догадается о моих отношениях с Олегом», – с ужасом подумала она, но окончание фразы ее успокоило:

– ...против его сестры?

– Пришлось, – ответила просто и искренне. – Олег неплохой парень. Кстати, всегда старался меня поддерживать. Ему трудно с Миленой. Он неоднократно порывался уйти из издательства, но она всякий раз удерживала его. А сейчас задумала прибрать к рукам капитал, который Олег получит по завещанию Милавиной.

– И каким же образом вы решили обуздать Пшеничную?

– Ей надо дать понять, что если она хочет создать крупную компанию с помощью денег Олега, то на место президента пусть не рассчитывает.

– Но чем ты можешь помочь Пшеничному? – недоумевал Фролов.

– Порой человеку необходима просто моральная поддержка, правда, в данном случае ее недостаточно. Есть у меня одна идея. И вот за ее претворение Олег должен для меня добиться у Милены особого статуса в издательстве.

– Ой, как все это... – Сергей не мог подобрать точного слова, – нудно, однообразно. Возня в стенах издательства. Кто что сказал, кто кого принял, кого послали...

Вера нервно подрагивающими пальцами поправила ворот свитера.

– Знаешь, этак все можно свести к философскому нулю. Ничего не надо: сию, не важно где, ем, не важно что, наслаждаюсь своей мудростью и смеюсь над копошащимися людишками. Но только мудрецов до обидного мало, да и позицию их обычно занимают отчаявшиеся неудачники. Сами крутились, подличали, сгибались, подлизывались, да все без толку. Вот теперь сидят и проповедуют, что все – ничто. Я тоже задаю себе вопрос: на что трачу жизнь? И что с нею будет, если я покорно уступлю

Милене? Я хочу, я привыкла писать. Мне без этого нельзя – задохнусь. А она не просто выставляет меня из своего издательства, но, пользуясь своим авторитетом, властью, перекрывает мне доступ в другие издательства. Она мною открывает черный список. Ей хочется, чтобы Астрова умерла. А я не хочу умирать, неужели не понятно? Поэтому я вынуждена предпринимать ответные действия.

Сергей задумался:

– Вот так, может, кому-то и Тина перекрывала воздух, а?

– Не знаю! Тебе видней. И при чем здесь Тина? – неожиданно бурно прореагировала на его слова Вера.

«Странно, до противного странно. Я, выходит, какая-то наследница Милавиной. Первый и последний ее любовники перешли ко мне».

Звонок по сотовому отвлек Веру от небезынтересного размышления. Она взяла трубку и вышла в другую комнату. Посмотрела на номер и тихо выругалась. Звонил Олег. Ах, как ей было не до него. Вера отключила телефон и вернулась в гостиную.

– Ни с кем не буду разговаривать. Ты пришел, и я больше никого не хочу ни слышать, ни видеть, – проговорила она, обнимая Сергея и увлекая его в спальню.

Когда любовь уступила место отдыху, Сергей перебрался в кресло и закурил. Его внимание привлекла ступня Веры, большая, устойчивая, да и вся она была не похожа на его предыдущих любовниц, хрупких, не очень высоких.

«Ширококостная, но сложенная гармонично. Пропорции великолепны, хоть бери ее в натурщицы, – подумал он. – А вот так ее и написать, лежащей на животе, одна нога чуть выступает за кровать, голова покоится на руках, волосы распущены и виден только сонный профиль...»

Вера встряхнула волосами, улыбнулась Сергею долгой счастливой улыбкой. Перевернулась на спину, потянулась и, неожиданно спохватившись, села.

– Который час? – спросила она.

Фролов отыскал на полу свои часы.

– Без четверти семь.

– Успею, – подбирая волосы, проговорила Вера.

– Ты куда-то должна идти?

– Не хочется, – протянула она, перекатываясь по кровати и касаясь руки Фролова. – Но надо. От этой встречи многое зависит, кстати, и твоя выставка. Только смотри, не подведи.

– Не беспокойся, я решил твердо. Хватит ходить в мудрецах, пора опять начинать копошиться, – рассмеялся он.

Выпив кофе, они вышли на улицу. В весенних вихрях ветра носились маленькие колючие снежинки.

– Я подвезу тебя до дома, – сказала Вера. – А может, останешься у меня? – предложила она и тут же пожалела. Ведь к ночи обязательно зайвится Олег. И отделаться от него не представлялось возможным.

Но Сергей, к счастью, отказался:

– Извини, Верочка, но я должен теперь работать. Появилось желание. Мне хочется, чтобы тебе понравились мои картины.

Она улыбнулась и вдруг, прищулив глаза, чтобы рассмотреть кого-то вдали, стала торопливо отыскивать очки в сумке.

Сергей проследил за ее взглядом. У выезда со двора он увидел две мужские фигуры, топтавшиеся от нетерпения на месте. Один из мужчин толкнул в плечо другого, указал на Веру, и они быстрым шагом стали приближаться к ней. Астрова, стараясь не показывать виду, что заметила их, открыла дверцу машины и, едва сев за руль, включила зажигание.

– Сергей, ну что же ты? – с досадой крикнула она.

Фролову пришлось чуть ли не на ходу вскакивать в кабину. Мужчины, казалось, решили броситься наперерез.

– Осторожней! – воскликнул Сергей. – Ты их задавишь!

– Пьяные... сволочи, – сквозь зубы проговорила Вера, но скорости не сбавила. Летела напрямик. Со страшными ругательствами они отскочили от машины в самый последний момент.

– Нервы у тебя!.. – передернул плечами Фролов. – Могла бы задавить.

Едва они выехали на дорогу, как раздался звонок по сотовому Веры. Она, казалось, не слышала его, но потом откинула крышку.

– Узнала, – сухо, вместо приветствия, бросила она и, едва сдерживая себя, чтобы не послать к черту звонившего, выслушала его. – Чушь то, что вы говорите, чушь, не основанная ни на каких фактах. Что ж, – зло рассмеялась. – Заявитесь!.. Представляю, как вам обрадуются. Другим способом?.. Действуйте!.. Никогда и ни о чем! – оставила за собой последнее слово и отключила трубку.

– Кто это? – последовал недоуменный вопрос Фролова.

– Так, не стоящая внимания людская плесень.

– Что ей от тебя надо?

– Денег. Требуют денег в какой-то фонд. Сначала просили ласково, заискивающе глядя снизу вверх, а теперь требуют. Вот люди! Сами заработать не могут, так занимаются вымогательством.

– Литературные рэкетеры, что ли?

– Вот-вот, что-то в этом роде.

– А знаешь, мне показалось, что там, во дворе, двое мужчин хотели к тебе подойти.

– Да? Я не обратила внимания, – останавливаясь перед светофором, сказала Вера. – Но это вполне естественно. Я же Астрова. Какие-нибудь любители детективов. – Она нажала на газ.

– Но ты их чуть не задавила.

– А... эти, пьяные... Забудь.

Вера включила музыку. Так приятно было покачиваться на мягком сиденье рядом с любимой, уверенной в себе женщиной, прикрывать на мгновение глаза, открывать, видеть ее профиль, который то ярко освещался уличными огнями, то уходил в тень.

Вера высадила Сергея у его дома и, сверкнув на прощанье фарами, умчалась на своем «БМВ».

ГЛАВА 21

В фойе театра собралось много знаменитостей. Репортеры суетились вокруг них с видеокамерами, а зрители с любопытством смотрели на это реалити-шоу. Шептались, подталкивали друг друга локтями, подходили за автографами. Знаменитости, не обращая внимания на устремленные на них со всех сторон взгляды, радостно общались друг с другом.

Всех их собрал режиссер нашумевшей постановки по пьесе Брехта «Мамаша Кураж». Среди приглашенных были Милена Пшеничная со своим женихом и Ксения Вежина с Новгородцевым. Появление Пшеничной не осталось незамеченным. Режиссер поспешил к ней с распростертыми объятьями: Милена являлась одним из спонсоров этого проекта.

А молодой мужчина среднего роста и девушка с усталыми, воспаленными глазами устремили на нее пристальный взгляд.

– Не успеем, – прошептала девушка. – Сейчас дадут звонок. Она слишком поздно приехала.

– Успеем! – бросил ей спутник и, рукою отстраняя толпившихся, стал быстро пробираться к Пшеничной. Ему оставалось сделать всего два шага, как режиссер пригласил своих гостей в зал, и тут же раздался первый звонок.

Зал был полностью погружен в темноту, но едва зрители перешагнули порог, как по потолку, представляющему ночное небо, тревожно заскользили лучи огромных прожекторов, послышался шум отдаленной канонады. В такой непростой «военной обстановке» зрителям приходилось отыскивать свои места. У некоторых рядов сто-

яли таблички: «Осторожно! Заминировано!» У других: «Проверено. Мин нет!» Именитых гостей режиссер усадил на центральный ряд перед проходом.

– Здесь блиндаж командующего, – пошутил он.

Потом ненадолго зажегся свет, и часть растерявшихся зрителей поспешила занять свои места.

В антракте Милена с Игорем вышли в фойе, но тотчас были приглашены режиссером в его кабинет. Молодой человек среднего роста, не сдержавшись, стукнул кулаком в стену, когда его, последовавшего за Миленой, оставил охранник, указав на табличку: «Посторонним вход воспрещен».

Он вернулся в фойе, отыскал свою спутницу и сказал:

– Охранник меня развернул. Только и увидел что ее спину, прикрытую меховой накидкой. Стерва!

Девушка закусила губу, чтобы не расплакаться. Молодой человек зло глянул на нее, но потом смягчился:

– Ну ладно тебе, Лилька. И у тебя скоро все будет. Здесь ее не достану, в другом месте найду. – Произнесенные им в утешение слова разъярили его. – Нет, ни часу, ни минуты больше ждать не буду. Пройду туда и сделаю, что надо.

– Валера! – ухватила его за руку Лилия. – Будь осторожен!

Он смерил ее ненавидящим взглядом:

– Это тебе надо было быть осторожнее и умнее. Тогда бы у нас на руках был козырь, а по твоей милости приходится блефовать и идти на риск.

– Может, все-таки не надо? – зная, что и пощечину может получить, испуганно мигая, тем не менее спросила она.

– Да пошла ты! – сплюнул Валерий. – Так жить больше не хочу. Хватит! Они все захапали, а нам, работай не работай – одни крохи. Все, пошел.

Лилия поникла головой, заплакала, торопливо вытирая слезинки.

«Конечно, Валера прав, – в который раз подумала она. – Прав! И все же повернись ко мне удача лицом, жила бы я, как царица. А она лишь поманила, изломав всю жизнь».

– Ах!.. – вырвалось из ее приоткрытых губ. – Ах!..

Она устало прислонилась к холодной стене. «А ведь было, было наяву... Белое платье, фата... Потом этот ужас. Брр! – невольно вздрогнули ее хрупкие плечи. – Но глаза Валерия тогда почему-то светились радостью. И я не сразу, но догадалась почему. А потом оказалось, что это всего-навсего черновик, бумажка, не имеющая никакой ценности. Валерий так расписывался, до сих пор страшно вспомнить. Зато буквально месяц спустя... так странно... Все закрутилось по новой. Подарки, рестораны, предложение выйти замуж. Валерий сразу присмирел. И только твердил: «Это наш последний шанс. Давай, Лилька!» Скрывать не имело смысла, и я призналась, что беременна. Володя помрачнел, а потом воскликнул: «Да это же отлично!» Она вздохнула глубоко-глубоко, всей душой. И солнечное тепло разлилось по ее телу. Вспомнила, как сидела с ним под тентом на террасе и смотрела на лениво перекатывающиеся волны Средиземного моря... Но все кончилось в один день. Она даже не поверила. Валерий помчался удостовериться. Вернулся злой, ожесточенный и только сказал: «Верно, это он».

Лилия очнулась оттого, что толпа, наполнявшая фойе, стала быстро редеть. Раздался второй звонок. Оглянувшись и не найдя Валерия, чтобы не привлекать к себе внимание, она прошла в зал. У них были удобные места, крайние, прямо у выхода.

Второе действие увлекло Лилию. Режиссерская интерпретация «Мамаши Кураж» максимально приблизила пьесу к современному восприятию. Блестящая световая партитура, объемный звук, актеры в форме десантников по веревкам, подвешенным к колосникам, спускались на сцену и вступали в танец-борьбу с другими десантниками, выскочившими из-за кулис. Автоматы, снайперские винтовки с прицельными красными пятнышками, которые разбежались по залу и заставили зрителей шуриться, а кого-то и пригнуть головы. Стрельба, сливающаяся с отдаленной канонадой пушек под бравурное музыкальное сопровождение. И среди всего этого ослепляющего, шум-

ного, безжалостного, остервенелого – испуганные персонажи пьесы. Группа людей, которая по замыслу должна несмотря ни на что верить в светлый исход.

Лилию осторожно несколько раз тронули за руку. Она повернула голову, но никого не увидела. Снизу раздался голос Валерия, сидевшего на корточках.

– Пошли, – прошептал он, – надо выйти заранее.

Она поднялась и вместе с ним вышла из зала.

– Сейчас уже конец, зачем же?..

– Ты что, спектакль пришла смотреть? – огрызнулся он.

Раздались рукоплескания, крики «браво». Вдруг из зала выскочил встревоженный мужчина и по мобильному телефону вызвал милицию и «скорую помощь». И почти тотчас послышался странный гул, вскрики. Лилия вопросительно взглянула на Валерия. Зрители, напирая друг на друга, с диким испугом в глазах стали выбегать в фойе. Раздавались истеричные выкрики: «Захват!», «Заложники!», «Бежим!»

Охрана театра с помощью подъехавших бойцов СОБРа пыталась всех успокоить:

– Граждане, без паники! Просим всех занять свои места. Наши сотрудники проверяют документы, и вы будете отпущены!

Глаза Валерия заматались из стороны в сторону. Он дернул Лилию за руку и, прячась за чужими спинами, потянул ее вдоль стены за угол. Там никого не было. Они бросились вперед, к двери, не важно куда ведущей, но та оказалась запертой, они спустились ниже на один пролет и столкнулись с темноволосой женщиной в синем платье. Она удивленно взглянула на них.

– Там что-то случилось, проверяют документы, а мы на заработках в Москве, – начал молящим голосом Валерий, приняв женщину за сотрудницу театра. – Помогите нам выйти отсюда, пожалуйста.

– А что, что случилось? – недоумевала женщина.

– Не знаю. Милиции понаехало!..

Она на секунду задумалась. И, как видно, склонилась к решению, подсказанному интуицией. Потому что ра-

зум, как всегда, оказался не в состоянии дать быстро ответ, как следует поступить. Ему для этого необходимы факты. А интуиция все чувствует через воздух.

– Идемте! – решительно произнесла женщина и повела их вниз по служебной лестнице.

Через склад, в котором хранились огромные задники, оставшиеся от когда-то шедших спектаклей, они вышли во двор, со всех сторон окруженный высоким забором.

Женщина, постоянно оглядываясь, сказала:

– Двор заперт, но есть ящики. Переберетесь.

Валерий вмиг соорудил из ящичков лестницу, и они с Лилией, взобравшись наверх, благополучно спрыгнули на землю.

* * *

Спектакль произвел сильное впечатление. Артисты выходили на поклон в грохоте оваций, усиливающихся по мере известности их имен. «Мамаша Кураж» простирала руки, обнимая всех зрителей, которые несли ей свою благодарность, выраженную в виде прекрасных, но, увы, не благоухающих цветов.

Наш век похитил аромат у цветка. Раньше они, судя по романам, стихам, благоухали божественно. Увядали медленно: грустно и красиво опадали шелковистые лепестки, тонко струился аромат.

Сейчас цветы вызывающе прекрасны. В высоких вазах за прозрачными стенами бутиков стоят они всевозможных оттенков и названий, по желанию из них делают громадные безвкусные букеты, заворачивая их в разноцветную бумагу, сетку или хрусткий целлофан с привешенными к нему бантиками, ленточками. Кажется, что они никогда не увянут, настолько самодовольный и уверенный у них вид. Женщины по привычке, переданной на генном уровне, еще склоняются к цветам, пытаюсь уловить тот чудный аромат, который некогда кружил головы их прапрабабушкам, но, увы!.. Напоенные какими-то химическими удлинителями жизни, они теперь всего лишь

форма, лишенная своей сути – аромата. И увядают они безобразно, ссыхаются в одну ночь, так и не одарив мир ни единым сладостным вздохом.

Именитые гости повставали со своих мест при появлении на сцене режиссера. Игорь, аплодируя, чуть отвел правый локоть в сторону, желая коснуться им Милены. Не почувствовав отклика, он, по-прежнему глядя на сцену, повторил свое движение. Ответа не последовало. Он повернул голову и увидел, что Милена осталась сидеть. Он вновь обратился к сцене, но его удивило, что Милена не аплодировала, а безучастно откинулась на спинку кресла.

«Не понравился спектакль, а зря. Такой нудный сюжет так легко и увлекательно преподнести удастся далеко не многим. Впрочем, у Милены зачастую особое мнение», – пронеслось в голове Игоря. Он снова повернулся к ней:

– Милена!.. Милена, что с тобой?..

Он приложил свою ладонь к ее несколько неестественно склоненной набок голове и почувствовал влагу, он отнял руку и, увидев, что она в крови, остолбенел.

– Милена! – Игорь встал на колени и заглянул в ее открытые глаза.

– Что-то случилось? – обратился к нему молодой мужчина, сосед по креслу слева.

Игорь поднял на него безумный взгляд и показал свою ладонь. Тот тихо охнул, посмотрел на Милену, сказал: «Я сейчас!..» – и, выскочив из зала, вызвал по мобильному «скорую помощь» и милицию.

Но в это время дама с восторженно вздымающейся в глубоком декольте грудью случайно обратила внимание на Пшеничную и, дико взвизгнув, отскочила по проходу, едва не повалив какого-то мужчину. Взгляды присутствующих в недоумении сначала устремились на нее, а потом на Милену и стоящего на коленях Игоря с кровью на руках. Раздался мощный вскрик, и весь зал охватил ужас. Памятуя об одном страшном событии, каждый безотчетно стал стремиться к выходу. «Скорей! Скорей! – билась в головах одна мысль. – Бежать! Успеть скрыться, пока суматоха!..»

Кто-то уже видел людей в масках, кто-то кричал, словно его ударили прикладом. Но в фойе их встретили охранники и подоспевшие по вызову бойцы. Всех попросили вернуться в зал, занять свои места, чтобы можно было проверить документы.

Гостевой ряд обходили молча. Те же, кто занимал на нем места, собрались в стороне.

Игорь сидел на полу у ног Милены, отрешенно глядя перед собой. К нему подошел врач и попросил отойти, чтобы осмотреть пострадавшую. Игорь поднялся.

Врач глянул на Пшеничную. Для профформы попытался отыскать пульс.

– Мгновенная смерть в результате огнестрельного ранения в левый висок. Нам здесь делать нечего, – сообщил он подполковнику милиции.

В зале шла проверка документов, и он постепенно пустел. Игорь сидел через несколько кресел от Милены, которую теперь осматривал судмедэксперт. Кто-то протянул Игорю бинт, смоченный в спирте, чтобы он вытер кровь с рук. Он автоматически принялся оттирать ладони все с тем же отсутствующим взглядом.

– Простите, – подошел к нему сотрудник милиции, – ваши документы.

Игорь полез в карман и предъявил паспорт.

– Вы были знакомы с Миленой Пшеничной? – задал кто-то вопрос.

Игорь повернул голову, сощурил глаза, пытаясь сфокусировать свой взгляд, и увидел мужчину средних лет в форме подполковника.

– Она моя невеста, – были его первые слова, произнесенные после смерти Милены.

* * *

В издательстве были настолько потрясены случившимся, что никто даже не шептался на лестничных площадках и в коридорах. Сотрудники особо не любили Милену, да и вообще, бывает ли, чтобы подчиненные любили своего

работодателя. Но всех ужаснула молниеносная быстрота, с которой красивая, умная, молодая женщина превратилась в ничто. Милена Пшеничная... За этим гордым именем уже не стояли ни власть, ни стремления... лишь воспоминания да фотопортрет на стене и розы под ним.

Олег схлестнулся с Игорем.

– Кремировать?! – воскликнул Игорь. – Поскорее избавиться, чтобы глаза не мозолила, так, что ли? «Не совесть, а нежелание тратить время на панихиду, похороны торопят его избавиться от Милены. Это он, братец, заказал ее», – думал и даже высказал кое-кому вслух Игорь.

– Выставить на всеобщее обозрение, как куклу, как любопытную вещицу! – бесновался Олег. – Милена умерла! И это вызывает чувство жалости, а как ни крути, оно унижает. Потому что тут и довольство, и радость затаенная, что вот, ты выставлена напоказ и тем унижена. «Ты меня и знать не хотела, лишь высокомерно кивала на мое заискивающее приветствие, я войти к тебе в кабинет не смел, а теперь вот ты лежишь в коробке, обитой шелком, а я стою и рассматриваю тебя!» Так хочешь?

Игорь пристальным ненавидящим взглядом посмотрел на Олега.

– Не тебе решать! Ты одну уже превратил в пепел. Милену не дам! – сжимая кулаки и из последних сил сдерживая желание ударить Олега промеж глаз, сказал он. – И Зоя Петровна, мать, против, понял?

Олег, словно груз свалился с его плеч, вздохнул и ответил:

– Как хочешь.

И начался театр смерти, причем совершенно ненужный и унижительный для самого главного действующего лица. Милену обрядили, загримировали, накачали уколами, отчего лицо ее стало каким-то одутловато-круглым, прикрыли волосами отверстие в левом виске, уложили в лакированный гроб, обитый изнутри белым шелком, обложили цветами и выставили напоказ. Сначала в конференц-зале издательства. Сотрудники с любопытством подходили к гробу и жадно в отпущенные секунды раз-

глядывали лицо Милены, потом, сбившись в кучки, шептались, обмениваясь мнениями.

– Как живая! – всплакнула сотрудница отдела рекламы.

– Тоже скажете! – отозвалась дама из бухгалтерии. – Навели глянец, смотреть страшно. Разве она такая была? Да за такой грим Милена бы их так послала!..

– И кто же ее убил?.. О, смотрите, как братец за спины прячется. Подходить прощаться не хочет.

– Нечисто на душе, вот и крутится, точно на сковороде.

– Ужас! – выдохнула секретарша Пшеничной, присоединившись к разговаривающим после прощания со своим боссом. – Зачем ее вот так, перед всеми?..

– Порядок такой! Люди должны проститься! – укоризненно заметила полная особа из отдела менеджмента.

Секретарша не ответила, только сморщилась и, может, единственная из всех сотрудников уронила две-три искренние слезинки. Рыдала одна Скокова со стонами и всхлипываниями, но отнюдь не по Милене, а по себе, оставшейся без поддержки. Она понимала, что ее звезда закатилась, так и не успев воссиять. Астрова с Пшеничным вытолкают ее в три шеи, а кому она нужна – не доведенный до нужной кондиции автор.

Астрова в сером платье с дымчатой вуалью на золотящихся волосах подошла к гробу Милены и всепрощающе взглянула на нее, что было тут же зафиксировано фотокамерами. Вера сказала небольшую речь, которая вызвала в памяти присутствующих чей-то светлый, преисполненный доброты, отзывчивости и многих добродетелей образ, который, однако, никак не вязался с образом Милены. Но все пришли к единодушному мнению, что это хорошо, правильно. Что только Астровой удалось сказать то единственно сокровенное, что каждый как бы думал о покойной.

Мать Милены, Зоя Петровна, была безучастна. Она смотрела куда-то вдаль и плохо понимала, почему к ней все время подходят люди и выражают соболезнования.

Игорь стоял у изголовья гроба невесты, сжимая кулаки, когда слезы подкатывали к глазам. Владимир обнимал

прижавшуюся к нему Ксению. Тоненькую, несчастную, с платком в мокрой ладошке. Он подвел ее попрощаться с сестрой. Она замерла перед гробом, слезы мешали ей увидеть лицо Милены. Она с силой надела на глаза пальцами и подрагивающей рукой принялась шарить в поисках кармана. Ладимир помог ей – вынул из кармана очки. Ксения надела их и оцепенела, будто только сейчас до нее дошел подлинный смысл произошедшего. Новгородцев, обнимая ее за плечи, потянул в сторону, но она не хотела уходить. Губы что-то быстро-быстро шептали, а пальцы рвали платок. Он силой увлек ее и усадил на стул рядом с Зоей Петровной.

Происходящее было мучительно для Олега. Но все, что он мог позволить себе, – это, проходя мимо Веры, шептать: «Зачем, зачем он устроил это издевательство?!» В ответ Вера взглядом призывала его к благоразумию.

Гражданская панихида подходила к концу. Выступавшие были кратки. Все уже устали. И тут Игорь оживился. Он принялся вглядываться в лица, пытаясь найти Пшеничного. Не найдя, подозвал кого-то и попросил передать Олегу, чтобы тот не забыл подойти попрощаться с сестрой. Посланный разыскал Пшеничного и передал просьбу жениха покойной. Верхняя губа Олега дрогнула, глаза налились ненавистью, и с губ уже готовы были слететь непростительные слова, которые стоустая молва разнесла бы в миг, чем усложнила бы и без того его непростое положение, но Вера успела подойти и ответить вместо Олега:

– Да-да. Сейчас.

– Я не буду ломать эту комедию, – ошетинился он.

Вера с выражением умиления и всепрощения на лице твердо проговорила:

– Не валяй дурака! Это необходимо. Давай! – слегка подтолкнула она его. – Давай!

Олег собрался с силами, подошел к гробу, взглянул и с облегчением сказал:

– Это не моя сестра. Она не выдержала бы столько времени в этой коробке... – И пошел.

А Милену все таскали и таскали, заботливо подправляя грим, из издательства в церковь, из церкви на кладбище и все с речами и клятвами о вечной памяти невечных людей. Под конец оболочка Милены посерела, поскучнела и будто говорила: «Да пошли вы все! Знаю я вас! И цену словам и слезам вашим знаю. Сама всего несколько дней назад такая была!»

ГЛАВА 22

Издательство работало в прежнем режиме, будто ничего не произошло, только кабинет Милены занял Олег. Политика, правда, поменяла курс, но не радикально. Творчеству Веры Астровой было придано новое дыхание. Скокову навечно отправили в покет-буки, так как другие издательские дома не проявили к ней никакого интереса, несмотря на все усилия самой Скоковой привлечь внимание к своей оскорбленной особе.

Завещание, согласно воле покойной, было зачитано ровно через неделю. По нему все было отписано Пшеничному Олегу Станиславовичу с условием выплачивать ежемесячный пенсион Пшеничной Зое Петровне. Олег в несколько месяцев стал богатейшим человеком столицы. Головы склонялись в невольном почтении, хотя сквозь зубы так и сыпались слова...

Почта Олега теперь в основном состояла из приглашений, за многими из которых стояли отцы и матери девушек на выданье. О эти девушки на выданье! Сколько грации, хитрости, жестокости в достижении цели! Двадцать пять лет, холост, владелец огромного состояния. За право стать госпожой Пшеничной началась война. Но рядом была Вера. Она не позволяла Олегу расслабиться.

– Не забывай, – напоминала она, – что подполковник Терпугов вполне может претендовать на получение зарплаты от издательства, потому что уже месяц проводит в его стенах почти каждый рабочий день.

– Но я не убивал Милену! У меня алиби. Я был на деловой встрече в клубе.

– Не убедительно! – с сигаретой в зубах, стуча пальцами по клавиатуре компьютера, отвечала Вера. – Поэто-

му, пока убийство Милены не забудется, не затушется новыми событиями, тебе надо вести себя очень осмотрительно. Надо выждать. А для этого лучше всего погрузиться в работу. Кстати, если ты этого не сделаешь, то все пойдет прахом.

Олег зашел ей за спину.

– А пусть все идет прахом! Давай уедем на какой-нибудь остров и отдохнем, я так устал от всего этого...

Вера круто повернулась в кресле с приоткрытым от удивления ртом и прилипшей к нижней губе сигаретой.

– Прости, от чего ты устал? От получения наследств? Да люди десятилетиями ждут, когда кто-то из близких отправится на тот свет, а тебе дар в руки!

– Но эти убийства! – с досадой воскликнул он. – Меня подозревают. Подполковник все допытывался, зачем это я каждую неделю ездил с Миленой на стрельбища? Я ответил, что это была ее идея. Она считала, что в наше время необходимо владеть оружием и к тому же это некая эмоциональная разрядка.

– Правильно ответил.

Олег заглянул Вере в глаза:

– Отвлекись! Побудь со мной! Знаешь, на меня иногда накатывает такой страх. Ведь кто-то убил Валентину и Милену. Значит, может убить и меня.

– Зачем?

– Ну а их зачем?

Вера затушила в пепельнице окурок, встала с кресла и прилегла на софу. Олег тут же подсел к ней:

– Валентину убил кто-то из конкурентов.

– Хорошо, если так, – стягивая узкую юбку с ее бедер, прошептал он.

– А Милену?.. – задумалась Вера.

Олег устремил на нее умоляюще вопросительный взгляд.

– Ты знаешь, – она резко выпрямилась и вырвалась из его рук. – Ее убил тот же, кто убил Валентину!

Пшеничный от этих слов тоже резко выпрямился и в совершенном удивлении заморгал ресницами.

– Но зачем? Какая выгода?

Вера поднялась с софы, юбка соскользнула вниз, она переступила через нее и принялась в волнении от собственной догадки ходить по комнате. Олег то сосредоточивался на ее ногах в чулках цвета дымки, то на ее словах.

– О! – протянула она. – Здесь не выгода, здесь шахматный ход, рокировка, если хочешь. Терпугов потянул за ниточку, нашел и потянул, но еще не совсем осознанно. Зато те, к кому вела эта ниточка, сразу поняли всю грозящую им опасность и подставили тебя.

– Меня? – стукнув себя кулаком в грудь, удивленно воскликнул Олег. – Но каким образом?

– Да очень простым! – упершись в бедра руками и злясь на его несообразительность, бросила Вера. – Они убили Милену, чтобы подозрение, будто ты задушил Тину из-за наследства, подтвердилось. Они задумали сделать из тебя охотника за наследствами.

Олега немного все же смутило такое утверждение.

– Но это настолько явно, что не похоже на правду.

Вера зловеще усмехнулась:

– А так могут подвести, что ты как бы не в себе. Убил одну – получил наследство, убил вторую – тоже получил. И еще потом рад будешь, когда тебя вместо зоны в психушку отправят.

Кровь застыла в жилах Пшеничного.

Вера бросилась к нему и стала растирать его сведенные судорогой руки, целовать побелевший от ужаса рот.

– Олежка, милый, родной, прости, прости, это моя писательская привычка сгущать краски, чтобы напугать читателя. На самом деле все не так.

– А как? – с трудом выговорил он.

– А как? – принялась яростно покусывать ногти на руке Астрова. – А вот как! – облегченно произнесла она и села на софу. Закрыла глаза, помолчала несколько минут. Потом встала, принесла виски, плеснула на дно стакана и сказала: – Самое главное то, что тебе ничто не грозит.

Он поднял на нее глаза.

– Ты нужен им живой, чтобы заставить тебя под угрозой ловко состряпанных улик взять на себя вину за два убийства. За это они гарантируют тебе психушку лет на пять, потом свободу и определенную сумму, чтобы ты навсегда скрылся из России. – Вера, глядя на Олега, мысленно выругалась. – Ну чего ты раскис? – прикрикнула она на него. – Они будут вести свою игру, а мы свою. Мы же не будем сидеть сложа руки.

Пшеничный вспылил:

– Ты что же, собираешься взяться за расследование? Русский вариант мисс Марпл? Да ведь это только в ваших идиотских детективах кто уютно берется за расследование и препирает убийц к стенке. Господи, кого там только нет!.. И скромные, добропорядочные домохозяйки, и тихие секретарши, и бывшие актрисы, и масса журналистов. Все ведут следствия, кроме профессионалов. Те в ваших книгах отдыхают. Ах да, забыл! – картинно хлопнул он себя по лбу. – Сами писательницы детективных романов тоже не пренебрегают расследованиями загадочных убийств.

Вера расхохоталась, упав рядом с ним на софу.

– Придумал тоже! Нет, просто я размышляла, кому выгодно было убить Милену, и, кроме тебя, оказалось, что никому. Но я-то знаю, что это не ты. И тогда я взглянула шире, сопоставила два на первый взгляд совершенно не связанных между собой убийства и пришла к выводу, что это дело рук одного из конкурентов Валентины. Завтра у меня встреча с подполковником. Я выскажу ему мое предположение, а может, он и сам уже до него додумался. Он ведь профессионал, – иронично ухмыльнулась она.

Олег лег на спину и притянул Веру к себе. Она возвела глаза, глубоко вздохнула и приступила к сеансу сексотерапии.

Утром она разбудила Олега, чем удивила и обрадовала его.

– Верунька, это впервые ты захотела сама так, что опередила меня.

Она не успела ничего ответить, как Олег запыхтел, застонал и прижал ее.

Столкнув Пшеничного с себя, Вера наконец смогла сказать, зачем она его разбудила:

— Олег, пока все не уладится, никто не должен не то что заподозрить нас в связи, а даже видеть рядом.

— Как это? — капризно проныл он. — Мы что, должны перестать встречаться?

— Ни в коем случае. — Она ласково коснулась губами его виска. — Мы будем встречаться, мы же любим друг друга, но ведь людям этого не объяснишь. Поэтому необходима конспирация.

Олег встал, потянулся:

— А как хотелось бы на остров!..

Вера прижалась к его спине, отчего его желание мгновенно взметнулось вверх.

— Будут и острова, и моря, только необходимо, чтобы все либо выяснилось, либо утряслось. Если Терпугов ничего не найдет на конкурентов Милавиной, то те притаятся и будут без памяти рады.

— Но тогда выйдет, что они напрасно заказали Милену, — проговорил Олег, со все возрастающей страстью лаская Веру.

Она, запрокинув голову, лишь звонко рассмеялась:

— Да они о ней и думать забудут. Одной Миленой на свете больше, одной меньше.

Олег закрыл глаза и прошептал:

— Лучше, конечно, чтобы все само утряслось.

* * *

Фролова, к его собственному удивлению, увлекла работа в издательстве. Неделью спустя после похорон Милены Пшеничной он был назначен на должность главного художника с предоставлением полной свободы действий, лишь бы только уничтожить лубочно-ярмарочный стиль своего предшественника.

Телефон звонил долго, а Фролов ждал, когда же тот, кто звонит, потеряет терпение. Но звонившему терпения, как видно, было не занимать. Фролов досадливо помор-

щился, поднял трубку и едва успел произнести «Алло», как услышал взволнованный голос Астровой:

– Сергей, нам необходимо встретиться!

Он подавил невольную улыбку и ответил:

– Договорились. Я подъеду к тебе после работы.

– Нет-нет! – воспротивилась она. – Встретимся у тебя. Скажем, в девять?

– Хорошо, – отозвался Сергей, удивившись, отчего это Вера предпочла своим комфортабельным апартаментам его убогое холостяцкое жилище, к которому она относились с явным пренебрежением.

Хотя следовало еще задержаться, чтобы просмотреть дизайнерские разработки для новой серии книг, Фролов ушел ровно в восемь. Около девяти он подошел к своему дому и увидел, что один «БМВ» посигналил фарами. Открылась дверца, и из машины вышла Вера.

Они обменялись торопливыми поцелуями.

– Какой аромат!.. Напоминает водяную лилию, – оценил он ее духи.

– Ха! – нарочито резко хохотнула Вера, поднимаясь по лестнице. – Ты недалеко от истины. Подполковник Терпугов решил посадить меня в лужу, – добавила она, входя в квартиру.

– У меня не прибрано, – начал было извиняться Сергей.

– И зря! Дазно пора нанять домработницу. Беспорядок в доме – это мерзко. И это идет не от твоей артистической натуры, а от заложенного, кстати, во многих людях неосознанного желания валяться в грязи, – отбросив сумку на диван, неловко высказалась она и резко дернула за один конец палантина из тонкой шерсти, но вместо того, чтобы развязать его, еще туже затянула на шее.

– А, дьявол все побери! – выпустила она свою злобу.

Сергей торопливо собрал с дивана газеты, книги, с журнального столика убрал чашку и десертную тарелку с крошками от птифуров.

– Как, оказывается, неприятно быть фигурантом! – многозначительно посмотрела Вера на Фролова.

Тот, не понимая, ждал разъяснений.

– Твой, так сказать, друг, подполковник Терпугов меня подозревает в убийстве Пшеничной.

– Тебя?! – прижав к груди стопку газет, воскликнул Фролов.

– Да, меня! – Она с размаху села на диван.

– Но какие у него для этого аргументы?

– Очень простые! У!.. – потрясла Вера кулаком. – Здесь не обошлось без елейного голоса секретарши Милены и, конечно, звезды балаганно-детективного романа для слаборазвитых народов России, мадам Скоковой. Уверена, они, рептилии, нашептали, насвистели, что у меня с Пшеничной в последнее время были крупные нелады. Что она уже все подготовила, чтобы отправить меня на пенсию, то есть в никуда. «Вот вы и убили ее!» – обойдя вокруг стула, на котором я сидела в его кабинете на Петровке, сообщил мне подполковник. Я, что называется, обомлела.

– В самом деле! – возмутился Фролов. – Я был о нем лучшего мнения. Думал, вот настоящий профессионал. А он меня заподозрил в убийстве Тины, тебя – в убийстве Пшеничной...

– А ему так удобнее, далеко ходить не надо. Может, у него стиль такой – убирать и сажать знакомых и тех, кто под руку подвернется. Не все ли равно для правосудия – Астрова или Сидорова будут осуждены, главное, что за убийство одного человека наказан другой. Равновесие восстановлено, и другим острастка.

– Но ведь тебя даже не было в театре! – возмущенно воскликнул Сергей.

– А Терпугов мне на выбор две версии предложил. Первая: я пробралась за кулисы, выстрелила – это какую надо снайперскую меткость иметь! – и испарилась. Вторая: наняла киллера. Я ему, правда, заметила, что никогда стрельбой не занималась и, между прочим, страдаю близорукостью. Тогда он окончательно остановился на версии заказа.

Фролов, не находя слов, только ерошил волосы и пожимал плечами.

– Вот недавно с одним человеком говорила, он все смеялся над романами, в которых действуют детективы-любители. Но если события оборачиваются таким образом, то сам поневоле будешь доискиваться, кто убил эту Пшеничную. Не скрою, меня ее убийство вполне устраивает, но я к нему руку не прикладывала.

Сергей в волнении зашагал по комнате.

– Вера, Вера! – подошел он к ней и заглянул в глаза, пытаясь в них что-то прочесть. – Так нельзя говорить!

Ее губы скривились в презрительно-ироничной усмешке.

– Говорить нельзя, но думать...

– И думать нельзя! – вставил он.

Вера с невольной жалостью взглянула на него.

– А кривить, врать можно.

Сергей хотел прервать ее, но Вера движением руки не дала ему говорить.

– Мысли не прикажешь! Она все равно свое возьмет! И я повторяю, мне выгодно, что Пшеничную кто-то убрал. Зачем же я буду ломать сама перед собой комедию? Может, прикажешь руки заламывать да свечи ставить? Она хотела меня уничтожить! Заживо похоронить! Это страшнее будет, чем пуля пчелкой в висок. Ты же сам знаешь, каково жить замурованным. Когда воздуха не хватает! Когда день не день, когда в сером свете весь мир, некогда яркий и многообещающий? А! Что говорить! Депрессия! Омут, из которого можно и не выбраться. И она решила меня – туда!.. Так для меня праздник, что ее не стало, что теперь издательство возглавляет человек, ценящий меня как писателя. Что теперь под меня делается грандиозный проект, что будет издано мое полное собрание сочинений, причем переработанное, очищенное от грязи, в которой литразработчики вывалили мои мысли. Это будет подлинное собрание сочинений Веры Астровой, где в каждой строчке, букве – она, а не какие-то «умники».

Фролов призадумался, чему-то усмехнулся и сказал:

– Так почему же ты удивляешься, что Терпутов заподозрил тебя в устранении Пшеничной?

– А потому что он, черт возьми, профессионал. Какого дьявола подозревать меня, если я не убивала? Вот ты тоже был вне себя, когда он высказал предположение, будто ты задушил Милавину из зависти к ее успеху.

– Но я любил Тину. А ты Пшеничную ненавидела.

Вера, гримасничая, растянула губы в противно дразнящей улыбке:

– От любви до ненависти, как и от ненависти до любви, – один шаг. Может, останься Пшеничная в живых, я бы на другой день полюбила ее всеми фибрами своей души.

– Сомневаюсь.

– А я вот, к сожалению, не сомневаюсь, что не ты придушил Милавину.

– Почему это, к сожалению? – недоуменно глядя на свирепо-веселую Астрову, спросил Фролов.

– Да потому, что мне хочется, чтобы был в тебе стержень, чтобы ты не кис, как истеричная женщина после сорока, а дрался, выходил на поединок с каждым днем и побеждал. Неужели в твоих генах ничего не осталось от предков?

– А с чего ты решила, что мои предки были славными представителями дворянства? Может, мои предки были крепостными?

– Судя по внешности, нет, но, судя по внутреннему содержанию, очень может быть. Что жаль.

– Зато ты, несомненно, из рода тевтонских рыцарей. Когда их побили, какая-нибудь сердобольная горожанка наткнулась на одного блондина с голубыми глазами, лежащего на берегу Чудского озера и уже наполовину занесенного снегом, склонилась над ним, провела рукой по лицу и встретила с его неотразимым взглядом. Накинула на него плащ с убитого русского воина, положила с помощью верных слуг на повозку, да и отвезла в подвал своего дома, да и выходила. А он здоровый, красивый, чем ответил? Любовью! Была любовь жаркой до беспамятства, только надо ему, рыцарю, домой возвращаться. Негоже ему, рыцарю, в подполье у женской юбки сидеть. А чтобы она по нему не так скучала, подарил он ей ребеночка, который и стал твоим далеким предком. Вот отчего у

тебя глаза холодные, как Чудское озеро подо льдом, и в груди жезл тевтонский.

– Ну ты писатель! – рассмеялась Вера.

– Я художник!

– Ладно, бог с ними, с предками, сами ими когда-нибудь станем. Нам сейчас надо так построить алиби, чтобы Терпугов забыл о нашем существовании. Придется, Сережа, подвигаться, посуетиться.

– Да что же можно сделать?

– А незаметно, как бы случайно, указать Терпугову на конкурентов Милавиной. Я, признаюсь, так и намеревалась поступить во время сегодняшнего разговора, да он так все повернул, что я подумала, не ко времени и не к месту будут мои намеки.

– Он и без твоих намеков конкурентов со счетов не сбрасывал. Еще тогда о них менеджера Милавиной расспрашивал. Слушай, а может, это Олег – и Тину, и Милену?..

Вера с сомнением покачала головой:

– Я, конечно, Олега знаю не очень хорошо, но чтобы вот так, внаглую, убить любовницу, а потом сестру и получить при этом наследство, для этого надо иметь три тевтонских жезла в груди и голову профессора Мориарти.

– Ну вообще-то я тоже склоняюсь к версии конкурентов.

– Слушай, а ты не помнишь, – поджимая ноги под себя и удобнее устраиваясь на диване, спросила она, – конкретно, кого называла менеджер Милавиной?

– Вера, – взмолился Фролов, – я же шел домой и есть хотел до обморока, а ты меня...

– А я тебя, любимый, – проворковала она, – накормила разговорами, я же писатель. Но крик желудка услышан, иду на кухню, а ты постарайся вспомнить имена конкурентов.

– Господи, Вера, зачем?! – донесся вслед его голос. – Неужели ты действительно хочешь заняться расследованием, ведь это глупо!

Фролов плеснул себе в стакан джина.

«Черт, фамилии-то известные! – стал припоминать он. – А! Лонцова – фирменные магазины «Мариола Баят», по-

том этот... совладелец «Елисаветинского» Раздорский и Неклинов – сеть бутиков «Нарцисс».

Когда Вера появилась с подносом в руках, он воскликнул:

– Вспомнил. Лонцова, Раздорский и Неклинов.

– Молодец! – похвалила она. – Вот при следующей встрече с Терпуговым ты, как, в общем-то, его знакомый, намекни ему, что он уже потянул за единственно верную ниточку и вспутнул преступника. Тот решил сделать контршаг, чтобы запутать следствие и переключить подозрение на другого, а именно на Пшеничного. Вот почему была убита Милена! Понял?

Фролов, одновременно пережевывая рыбное филе и невероятную версию Астровой, выразил несогласие:

– Нет, невозможно, убить совершенно невинного, не причастного к делу человека, тем более женщину, только для того, чтобы отвести от себя подозрение.

– Ах! Ах! Скажите, пожалуйста, женщину! – в сердцах бросила салфетку на стол Вера. – А какая разница? Женщину или мужчину? И тот и другая – Хомо сапиенс.

– Ну как же? Женщина беззащитнее, слабее...

В глазах Веры отразилось глубокое сожаление о столь устаревшем восприятии действительности Фроловым.

– Беззащитнее, слабее! – передразнила она. – Да ты посмотри на этих беззащитных! Как они толкаются в метро. Как хамят. Как давят машинами пешеходов. Как расправляются с конкурентами. Как рвутся к власти. Так что, кого убили, мужчину или женщину, значения не имеет.

– Но все равно, зачем убивать Пшеничную? Только затем, чтобы подозрение пало на ее брата?

– Ну а я что тебе только что говорила? Конечно! Они, он... Чертих знает! Убрали Милавину, подставив следствие удобного со всех сторон фигуранта, Олега Пшеничного. Но вот только Терпугов не попался на эту приманку, видно, он все-таки не такой уж слабый профессионал, приношу свои извинения. И он каким-то образом вышел на настоящего преступника, пока еще, может быть, неосознанно, но преступник заволновался и, чтобы окончательно, как он думает, погубить Пшеничного, убил его сестру.

– Я понял, – успокоил разгоряченную Астрову Фролов. – Что ж, за то, что он меня заподозрил в убийстве, я ему немного отомщу, подкину твою, по-моему, блестящую версию. Для него это будет равносильно тому, как если бы он мне высказал даже очень дельный совет, где следует на полотне приглушить или усилить освещение.

Вера расхохоталась:

– Ой, когда все это закончится, когда с шумным успехом пройдет твоя выставка... Кстати, несмотря ни на что, я уже подобрала две галереи.

– Следует спросить мое мнение.

– Подожди, сначала я снижу цену за аренду, а потом поедем смотреть. Так ты мне не дал досказать мою мысль: когда все это закончится, мы уедем на какой-нибудь остров. И пусть репортеры сходят с ума, куда это исчезли Астрова с Фроловым!

– Ты останешься у меня? – спросил он.

– Нет! Нам сейчас надо крайне осторожно встречаться. Мы оба под подозрением. Пусть все немного уляжется, а то начнутся разговоры, что это я тебя устроила в издательство.

– Не стану спорить, ты права. Повременим, но...

– Обязательно, без этого я не уйду! – задержав на Сергее многозначительный взгляд, прошептала она. – Поэтому пойду приму душ!

По дороге она вынула из сумки заигравший мелодию сотовый.

– Алло! – раздался ее голос из ванной. – Что?! Да пош... – Дальнейшие слова заглушил шум воды.

Когда она вернулась в комнату, на лице ее не было выражения блаженства от только что принятого душа, а только злость.

Сергей, уже тоже собравшийся в ванную, остановился, вопрошающе глядя на нее. Она вынула из волос заколку, тряхнула головой и сама задала вопрос:

– Что? Что ты на меня так странно смотришь? Что-нибудь случилось? – Ее взгляд просветлел непониманием.

– Нет, – ответил он. – Отчего-то показалось, что ты встревожена.

– Ну не без этого. Подполковник Терпутов кого хочешь встревожит своими версиями.

Когда Фролов вернулся из ванной, Вера сидела в кресле и пила коньяк. Он зашел сзади, поцеловал ее в шею. Она ответила не сразу, словно Сергей ей уже опостылел. Провела рукой по его волосам. Он удивленно взглянул на нее.

– Пойдем, – встала она с кресла и пошла в спальню.

Не поинтересовавшись, свежие ли простыни, легла.

– Ну, что ты? – спросила, засмеявшись, но мысли ее были далеко.

И тогда она притянула к себе Сергея и попыталась отделаться, хотя бы на время, от гложащих ее проблем.

– Вера, останься, – попросил Сергей, когда она приподнялась на локте, чтобы взглянуть на часы.

– Нельзя! Вдруг позвонят по домашнему телефону.

– Кто?

– Да твой же Терпутов. Нет-нет, Сережа, – одеваясь в лиловато-розовом свете ночника, говорила она, – надо немного благоразумия, и как только все уляжется...

Сергей нехотя поднялся, накинул халат и глянул в окно.

– Опять снег! Весна и опять снег.

– Что, правда? – подошла к окну Вера.

– Смотри, как кружит вокруг фонарей.

– Не надо, – остановила она Сергея, потянувшегося за брюками. – Не провожай. Что тут, спуститься с третьего этажа. Буду проезжать мимо окна, посигналю фарами, что все в порядке. А то ты такой тепленький, – скользнула она губами по его шее, – еще простудишься.

Сергей проводил Веру до двери и прислушался к торопливому стуку ее каблучков. Вот хлопнула первая входная дверь. Он зевнул и пошел к окну.

Вера, на ходу закидывая на плечо палантин, открыла первую дверь, которая со стуком захлопнулась за ней, и протянула руку к светящейся в темноте тамбура кнопке выхода, как кто-то потянул ее назад, и палантин петлей затянулся на шее.

– А... – тихо вскрикнула она и замолкла.

Ее больно толкнули к стене, продолжая стягивать палантин горло.

– Ну что, стерва, доигралась? Мы предупреждали.

Вера увидела около своего лица длинное лезвие ножа. Глаза, привыкнув к темноте, различили в свете уличного фонаря, проникавшем через верхние окна тамбура, два мужских силуэта. Астрова дернулась. Палантин чуть отпустили. Она жадно вдохнула воздух. Ей тут же надавили на грудь, вжимая в стену. Она попыталась освободиться от державших ее рук.

– Да дайте дыхание перевести!

– Учти, каждое может стать последним, – тихо, но веско произнес один из мужчин.

– Черт с вами! Вымогатели!

Нападавшие возмутились:

– Мы выполнили твой заказ! А ты не заплатила, как было условленно, поэтому сумма удваивается.

– Вы с ума сошли! – прохрипела Астрова. – Откуда?.. – но удар кулаком под ребро не дал ей договорить. Она сморщилась от боли, и слезы побежали по ее лицу.

Прижав руку к ушибленному месту, согнулась и проговорила:

– Мне нужно хотя бы три дня.

– Какие три дня, сука! – размахнулся один, намереваясь ударить ее кулаком прямо в лицо, но другой остановил его и сказал:

– Завтра!

Вера выпрямилась и, тяжело дыша, прохрипела:

– Вы же знаете, никуда не денусь! Послезавтра! Ну нет у меня!..

Мужчины посмотрели друг на друга.

– Ладно. Послезавтра.

– Где? – спросила Вера, растирая ушибленное ребро.

– Да где угодно! Хоть в кафе. Зашла. Поставила пакет и ушла.

– Не годится, – замотала она головой. – Сейчас в кафе за пакетами следят, и потом, не забывайте, я слишком

известна, чтобы вот так зайти и выйти. А тут еще один репортер, сволочь, привязался, думает, что я его не вижу. Ходит чуть ли не следом. Любопытство одолело, кто у меня любовник! Нет, давайте так, чтобы без свидетелей. И мне, и вам лучше.

– За городом, что ли?

– Давайте за городом. Короче, завтра вечером позвоните и договоримся. Все. Пошла! – держась за ребро, проговорила она.

– Смотри, сука! Если обманешь!

– Да ладно вам!

Вера вышла во двор.

Фролов стоял у окна и смотрел на редкие снежинки, кружившие в свете фонаря. И вдруг внутреннее ощущение опасности отвлекло его от мирного созерцания. В голове мелькнуло, что он не слышал, как захлопнулась вторая дверь, и машина Веры до сих пор не проехала перед его окном. Он натянул брюки, рванул дверцу старинного массивного шкафа, отпихнул вещи, висевшие на вешалках, и, вынув автомат с укороченным стволом, выменянный во время гастролей на бутылку водки у одного срочника, бросился в прихожую. Накинул на голое тело куртку и помчался вниз.

В тамбуре никого не было, а входная дверь вот-вот должна была закрыться. Фролов задержал ее рукой и выскользнул на улицу. Дверь захлопнулась. Двое мужчин, о чем-то говоривших друг с другом, не повернули головы. Они шли не торопясь. Впереди них, на расстоянии пяти шагов, припадая на ногу, тяжело шла Вера. Она остановилась у машины, открыла дверцу. Мужчины, проходя мимо, что-то отрывисто сказали ей. Она молча наклонила голову и села за руль.

Фролов притаился в нише для мусорных баков, когда Вера специально сделала круг по двору, чтобы посигналить фарами ему в окно. Едва она выехала со двора, как он бросился следом за мужчинами. Они подходили к своей машине, припаркованной у обочины.

Сергей выхватил из куртки автомат и крикнул:

– Стойте! Руки вверх!

Мужчины остановились, услышав характерный металлический щелчок снятия автомата с предохранителя.

– В чем дело? – спросил один, слегка приподняв руки.

– К машине! Руки на капот, ноги в стороны! – отрывисто выкрикивал Сергей.

Мужчины выполнили его приказание. Фролов, не будучи суперменом из кинофильмов, которые обожают вплотную подходить к врагам, чтобы тем было сподручно выбить у них оружие и завязать драку, предпочитал держать их на мушке на расстоянии.

– Что вам надо от Астровой? – спросил он.

Мужчины не отреагировали.

– Убить, может, не убью, но покалечу на всю жизнь. Выстрел в коленную чашечку и... – предупредил Сергей.

– Слушай, – обратился один к другому, – это, наверное, этот ее...

– Короче, быстро... что вам от нее надо?

– Да пожалуйста, – продолжил говоривший. – Нам лично только процент за посредничество. Копейки. В казино на раз поставить... А вот человеку одному она должна крупную сумму.

– За что?

– За заказ. Он заказ выполнил и тут же, как понимаешь, уехал. А она, стерва, платить раздумала. Мы с ней по-хорошему – не понимает. Сегодня дали под ребро легонько, кажется, дошло. Хорошо, если дошло.

Фролов слушал и недоумевал.

– Подожди, какой заказ?

– Обыкновенный! Парфюмершу она заказала, Милавину, может, слышал?..

Фролов остолбенел.

– Ну так мы поехали, а? – выждав секунд пять, лениво спросил один.

– Проваливайте!

Сергей, продолжая держать их на мушке, отступил в темноту. Мужчины сели в машину и умчались.

ГЛАВА 23

Телефоны Астровой работали в режиме автоответчика. Она выслушивала: «Это я, такой-то, такая-то, позвони!..» Только Олега она предупредила, что по делам должна будет уехать из Москвы дня на два. Он воспринял это известие спокойно, посетовав лишь для приличия. Веру это плохо скрытое равнодушие насторожило. И правильно. Пшеничный уверенно и быстро входил в свою роль богатого молодого мужчины. Ему нравилось, как наперебой в нем заискивали влиятельные отцы дочерей на выданье. Астрова поняла, что надо действовать безотлагательно. Но каким образом? Да к тому же пока было не до Олега. Голова раскалывалась от поисков единственно верного хода, а тут еще ужасно действовала на нервы настойчивость, с какой разыскивал ее Фролов.

Вера сидела в гостиной и ждала одного-единственного звонка. Он раздался, она сразу почувствовала, что это именно он. Шел вызов, Вера не отвечала. Но когда сработал автоответчик, она услышала: «Слушай, сука...»

Схватила трубку.

– Можно и без выражений! – бросила отрывисто, стараясь подавить неимоверное волнение, от которого мелко тряслись руки.

– Все готово?

– Да! – ответила, и перехватило дыхание. «Вот черт!» – Завтра на двадцатом километре Можайского шоссе, у развилки...

В трубке раздался смех.

– Кукла чертова! Это мы будем место тебе указывать!

– Это вы идиоты чертовы! Я же вам говорила, репортер висит. А завтра я еду на съемки фильма. Там будет массовка, короче, много людей. Затеряться – пара пустяков. При

подъезде к этой развилке оставьте машину и идите через рощу на шум, да вы сразу увидите поле и съемочную группу. Я буду сидеть у большой палатки. У ног моих будут два одинаковых пакета. В три часа вы мне позвоните, и я скажу, можно ли подойти.

– А что ж там такое будет, что нельзя?

– Да этот придурок с камерой. Но именно на три у него назначено интервью с одной актрисой.

– Слушай, ну ты набузила...

– Я не хочу никаких проблем. В суматохе, сутолоке ни один человек не заметит вас. Никто не сможет даже сказать, что вы подходили ко мне или вообще там были. Да, я боюсь. На Петровку вызывали. В связи с убийством Пшеничной я под подозрением. Кто их знает, может, менты за мной следят. Короче, я хочу с вами рассчитаться и забыть, понятно?

– Жди! Перезвоним!

– Слышал, что эта сука предлагает? – спросил говоривший с Верой у своего напарника.

– Краем уха!

– Она предлагает приехать за деньгами на Можайское шоссе. Там на двадцатом километре съемки фильма какого-то. Говорит, затеряетесь... Как думаешь, хитрит?

Напарник почесал затылок, пожал плечами:

– А чего нам-то бояться? Ментам ей нас сдавать смысла нет. Если бы заказать хотела, так давно бы сделала. И съемки – не место для киллера. Просто она здорово перетрусил.

– Значит, думаешь, ехать?

– Ну а что мы теряем? Если она нас решила надуть, то мы больше предупредить не станем.

Они еще минут пять поразмышляли, потом позвонили Астровой.

– Мы согласны. Но учти, без фокусов!

– Делать мне больше нечего! – огрызнулась она. – Значит, завтра в три жду звонка. Если все будет нормально, сразу же и заберете. – Вера захлопнула трубку и без сил упала на спинку дивана.

Телефоны продолжали звонить, одни голоса сменялись другими, голос Фролова звучал сумрачно и требовательно.

«Подожди, Сереженька! Завтра, милый, все завтра!..» – мысленно ответила она.

* * *

Солнце еще только-только просыпалось, когда за Верой заехала машина со съемочной группой.

– Доброе утро! – улыбнулся режиссер, помогая Вересесть в «Форд». – Наконец-то выбрали время поговорить со мной.

– Угу! – кивнула она, подавляя зевок.

– А то на всех этих раутах да премьерах не до этого. А вы, как я вижу, любите поспать. Не из писателей-жаворонков, которые чуть свет уже за работой.

– Нет, не из тех. Я из ночных.

– Но мне удалось вас выманить из постели, и вы еще будете меня за это благодарить. Вы увидите восход солнца, вы вдохнете утро...

«Ну конечно, если тебя уже не за что благодарить в постели, то...»

Режиссер еще поговорил о прелестях утренней природы, а потом перешел непосредственно к делу, а именно как он видит экранизацию романов Астровой.

Когда они приехали на поле, выбранное для съемок, Вера выпрыгнула из машины и расцеловалась с знакомой актрисой.

– Не пожалеешь, что приехала, – пообещала та. – Сегодня потрясающие каскадерские съемки.

– В самом деле? Как интересно!

Бодрый ветерок, ржанье лошадей, непонятно куда перемещающиеся массы народа в костюмах, как догадалась Вера, начала тринадцатого века. Витязи на конях, ратники с копьями...

– Я забыла, это что? – обратилась она к актрисе. – Исторический фильм?

– Нет. Смещение времен. Ну эти, как их?.. Коридоры времени. Параллельные миры... В общем-то, должно получиться эффектно.

У большой синей в широкую белую полосу палатки собрались актеры, занятые в главных ролях. Со многими Вера была знакома.

Режиссер уже приступил к съемкам массовой. Вера посмотрела на часы. Было только десять.

«Сколько еще ждать. Нервничать!» Ее передернуло от внутреннего нервного озноба. Актриса истолковала это по-своему.

– Замерзла? Сейчас! У меня в термосе кофе с коньяком. Давай сядем, выпьем!

Они сели за столик, к ним присоединились со своими термосами другие актеры, и завязалась оживленная беседа. Потом Вера осталась одна. Все ушли гримироваться. Нервное напряжение достигло, как ей казалось, предела. Она не могла усидеть на месте. Пыталась отвлечься, глядя на массовку, подходила к каскадерам. Ребята, загримированные под витязей, были один лучше другого. Вера болтала с ними, потом разговорилась с постановщиком трюков, потом подошла к гримерам... И вздрогнула, услышав наконец звонок. Взглянула на часы – три.

С силой выдохнула воздух, а с ним и бывший ее страх и сказала спокойно:

– Слушаю.

– Это мы тебя слушаем!

– Вы меня видите?

– Да.

– Я сейчас пойду к палатке, сяду и поставлю у стула два пакета. Подойдете, возьмете первый. Значит, как сяду, так подходите.

Вера отключила телефон. Оглянулась и медленно направилась к палатке. Рот ее был приоткрыт от тяжелого дыхания. Она шла, точно погруженная в какую-то мысль. И вдруг, подвернув ногу, упала. Однако быстро поднялась, отряхнула брюки и бодро подошла к палатке. Вы-

нула из сумки два пакета, поставила их у стула и села, устремив взгляд на кусты, окаймлявшие с одной стороны съемочное поле, за которым начиналась роща.

Вера вся подалась вперед, увидев двух мужчин, вынырнувших из-за этих кустов. И в этот миг! Ни секундой раньше, ни секундой позже! Из рощи вдруг вырвалась конница. Мужчины только взмахнули руками, видимо, закричали и... «смешались в кучу кони, люди...». Вера вскочила, схватила лежавший на столе бинокль, приставила его к глазам и задержала дыхание. Потом выдохнула и без сил рухнула на стул. Но позволила себе расслабиться лишь на минуту. Затем вновь вскочила и помчалась к тому месту, где топтались и ржали кони, топтались и кричали люди.

Она бесцеремонно прокладывала себе дорогу. Кто-то попытался ее удержать: «Вам лучше не смотреть!»

«Что вы понимаете?! — хотелось крикнуть. — Я хочу это видеть!» Она вырвалась и проскочила вперед.

У ее ног оказались два трупа с раздробленными головами. Многие мужчины отворачивались, кого-то тошнило...

— Как? Каким образом? Охрана! Оцепление! — кричали режиссер и еще несколько голосов.

Один парень из каскадеров с сожалением смотрел на погибших. Вера подошла к нему и сказала:

— Надо бы документы поискать, а то крозь загзет...

— Да! — спохватился парень и, склонившись, принялся отыскивать документы.

Вера присела на корточки, собираясь сказать ему: «Может, уцелели мобильники?» — как он вытащил и документы, и телефоны.

Мобильники были покорежены. Все сосредоточились на документах. Вера накрыла мобильники руками, поднялась, потихоньку выбралась из толпы и пошла...

Еще вчера, когда она была здесь на репетиции каскадеров, она заприметила пруд. Немного влево по полю, за кустами... Бросила мобильники в воду и вернулась к палатке.

Фролов сделал несколько шагов в тень, все еще держа автомат наготове. Заурчал мотор машины. Сергей сунул автомат в куртку и застегнул молнию. Оглянулся. Вдоль всей улицы неярко горели фонари, и не было ни души.

«Соврали! – подумал Сергей и сам себя спросил: – Зачем?.. Но в то же время зачем Вере было заказывать Валентину? Не из-за меня же! – криво усмехнулся он. – Соврали!» – махнул рукой и повернул в сторону дома. Шел, не замечая, что после двух-трех шагов останавливался и застыл в задумчивости. «Но почему они называли именно Милавину? Мало кого еще убили за это время?..»

Фролов вошел в квартиру. Первым желанием было позвонить Вере и спросить правду.

«Так она мне и скажет, – отвел он руку от трубки. – Совет! Причем высокохудожественно. Но все же позвоню. Если она мне не пожалуется, что на нее напали, то...»

Он сам себе не ответил, что... так как уже набрал номер, и раздался голос Астровой.

– Как доехала? – переспросила слегка удивленно. – Нормально. Пробок на дороге не было. Сейчас уже в постели.

Фролову осталось только пожелать ей спокойной ночи.

«Значит, не соврали. Но зачем ей понадобилось убивать Тину?! Прижать, как говорится, к стенке и заставить сказать правду! Нет, не скажет», – прикуривая одну сигарету от другой, размышлял он.

На следующее утро, хмурый, невыспавшийся, он ругал себя, зачем ему понадобилось спрашивать этих подонков о причине их преследования Астровой.

«Но я-то хотел помочь Вере! А вышло, что узнал то, чего не следовало бы знать. Эх!.. – В сердцах пролил он кофе на стол. – Вот теперь мучайся. Оставить все, как есть, не могу, но и правду ведь узнать не представляется возможным. А что она мне там говорила?.. При встрече с Терпуговым намекнуть ему, что кто-то из конкурентов заказал Валентину, а затем, увидев, что он почти вышел на след, заказал Милену, чтобы подозрение пало на Оле-

га Пшеничного. Так... Что ж... Встречу и скажу. А далее посмотрю по обстоятельствам. Надо постараться выяснить, насколько удастся, что у Терпугова есть на Астро-ву, и, кстати, придумать предлог для встречи с ним».

Остановившись на этом решении, Фролов отправился в издательство. После обеда он отобрал несколько разработанных им макетов обложек и пошел к Вежиной.

— Вот, посмотрите! Думаю, из этого можно выбрать, — едва войдя в кабинет, продемонстрировал он макеты.

Ксения устремила на них придирчивый взгляд, а рукой показала: «Садитесь».

Сергей разложил макеты на столе. Из пяти она выбрала два, потом один, именно тот, на который и делал ставку сам Фролов.

— Отлично! По-моему, отлично! — воскликнула Ксения. — А вы молодец! — слегка опустив голову и поднимая глаза поверх очков, проговорила она. — Это новый взгляд на оформление книги. Надо принять меры безопасности. Конкуренты не дремлют. Эти макеты я оставлю у себя в сейфе. Завтра придет Олег, и мы посоветуемся. Думаю, он одобрит.

Сергею было приятно видеть нескрываемое удивление главного редактора издательства. Он с интересом смотрел на Ксению, а она — на него.

«Такая молодая, но отлично знает свое дело», — думал Фролов.

«Надо же! Он, оказывается, действительно талантливый дизайнер, а я думала, очередной протееже», — в свою очередь отметила Ксения и предложила выпить кофе. Сергей согласился.

От Вежиной он вышел в отличном настроении. Работать с редактором, к которому испытываешь симпатию и чувствуешь взаимный отклик, — это простор для творчества.

* * *

Рабочий день окончился, а предлога для встречи с подполковником Терпуговым Фролов не придумал. Но едва он представил себе, с какими мыслями останется

один на один, когда вернется домой, его обуяло злостное нетерпение все выяснить. Вера на звонки не отвечала, чем довела Сергея до точки кипения.

Сам того не замечая, злясь, толкаясь, он вышел из метро и направился в сторону Петровки и вдруг остановился, изумленно глядя на подполковника Терпугова, шедшего ему навстречу.

– Что это ты забрел на Петровку? – спросил Борис Григорьевич.

– Иду сдаваться! – съязвил Фролов.

Они обменялись вялым рукопожатием.

– Ну что? – продолжил Фролов все в том же тоне. – Я по-прежнему первый фигурант?

– По-прежнему, но уже не первый, – усмехнулся подполковник и оглянулся по сторонам. – Может, зайдём, перекусим чего-нибудь? – предложил он.

Сергей пожал плечами:

– Ну давай зайдём.

Они спустились в трактир «У дяди Гиляя», сели за столик. Официант в длинном белом фартуке, только без прибора в волосах, услужливо протянул меню.

– Слушай, Сережа, – просматривая меню, начал Борис Григорьевич, – ты сейчас в издательстве «Стас» работаешь, и, как я узнал, по протекции Астровой?

Не будь у Фролова той же цели, что и у подполковника, – выяснить что-нибудь о Вере, он бы тотчас возмущился, а так сделал вид, что заинтересовался каким-то блюдом и подозвал официанта.

– Это вот у вас что? – ткнул он пальцем в меню и только после этого ответил Терпугову: – Да.

Официант принялся словоохотливо объяснять, Фролов – преувеличенно внимательно слушать.

– Ты ее давно знаешь? – продолжил Терпугов, когда официант, получив заказ, почтительно удалился.

– Веру? – решил уточнить Сергей.

– Да.

– Нет. Несколько месяцев. Случайно познакомились на карнавале, который устраивало издательство. А по-

том, когда у них убили Пшеничную, пошли замены, и она предложила мою кандидатуру. А что?

– Да так... – проговорил в задумчивости подполковник. – Она тебе случайно не говорила, что Милена Пшеничная решила больше не продлевать с ней контракт и вообще задумала убрать ее из издательского бизнеса?

Фролов сделал вид, что задумался.

– Что-то говорила, но, знаешь, так, между прочим.

– Угу! – с удовольствием пробуя уху, проговорил Терпугов.

Сергей последовал его примеру.

– И так же, между прочим, – закончил свою мысль Терпугов, – убила ее.

Фролов поперхнулся и сильно закашлялся.

– Кость попала? – спросил Борис Григорьевич.

Сергей кашлял и кашлял, к глазам подкатили слезы, лицо побагровело. Он встал из-за стола и вышел в туалет. Откашлявшись, умылся холодной водой и спросил у своего отражения в зеркале:

– Это что ж получается? Астрова двоих порешила?! – теперь у него пресеклось дыхание. – Вот это да!.. Вот это автор детективов.

Он вспомнил движение руки Веры, когда окликнул ее на даче, и мысль тогдашнюю: «Убьет и не поморщится!» «Конечно, – вновь подхватил Сергей ту же мысль. – Она ведь только тем и занимается, что придумывает способы убивать людей и устраивать алиби для убийц. Вначале она убрала соперницу в лице Тины, рассчитывая через Олега влиять на его сестру. Ну конечно! – ударил он себя мокрой рукой по бедру так, что брызги разлетелись в разные стороны. – Карнавал! Она все около Пшеничного вертелась, а Тина ей мешала. Да-да-да! – оторвал он бумажное полотенце. – Заказала Тину, стала любовницей Пшеничного, а Милена – кремень. Ничего не вышло. Стоп! – провел он рукой по лбу. – Стоп! А почему она сразу не убила Милену?.. Да потому, что Тина так затянула Пшеничного – не вытянуть. Черт! И все-таки я бы не стал убивать Тину, лучше бы сначала Милену, как бы ближе к

цели. А может, она таким образом задумала запутать следствие? И меня втянула не случайно? О!.. – замотал он головой и проникся уважением к Терпугову. – Господи, да как же в этом можно разобраться? Ну как написать «Спящую Венеру», я понимаю, а вот как разобраться в убийствах Милавиной и Пшеничной, не представляю. Неужели Борису удастся?»

Фролов привел себя в порядок и вернулся за столик.

– Слушай, – обратился он к Терпугову, – я вот все думаю об убийстве Милавиной и никого, кроме конкурентов, не могу заподозрить.

Терпугов, как и следовало ожидать, неопределенно поморщился.

– ...И не согласен с тобой, что Пшеничную заказала Астрова. Скорее, это дело рук все того же конкурента Милавиной. Мне кажется, что ты пошел в нужном направлении и уже почти подобрался к нему. Он запаниковал и убил Пшеничную, чтобы таким образом все свалить на ее брата. Ведь, по сути дела, в выигрыше от этих двух смертей оказался именно он, Олег Пшеничный.

– По твоей версии Пшеничный – ангел, наследства сами падают ему в руки.

– Ну я не знаю... – протянул Фролов. – Просто не могу прийти в себя, если честно. Убитых видел-перевидел, с тобой же ездил, а вот Тина не выходит из головы.

– У меня тоже. Версию о конкурентах не отбрасываю, но в связи с убийством Пшеничной, как я уже тебе сказал, заинтересовала меня особа нашей известной писательницы.

– Ну она-то тут при чем?!

Борис Григорьевич глубоко и удовлетворенно вздохнул, разделавшись с отбивной из телятины, налил в рюмки водку и сказал:

– Она же женщина. А они, женщины, всегда нас за дураков держат. Она сделала ставку на Пшеничного. Закрутить его решила и через него стать во главе издательства.

– Ты думаешь, Пшеничный так и поддался! Он же на сколько моложе! – нутужно расхохотался Фролов. – За чем ему перезрелая авторша.

– А то не поддался, – прищурил глаза Терпугов и откинулся на спинку стула. – Ты же делаешь новые обложки для книг Астровой.

– Допустим, что это просто выгодно Пшеничному как издателю, – с хорошо разыгранным безразличием заметил Сергей.

– Допускаю! Но и то, на чем все держится, – расхохотался подполковник, – не выпускаю.

Фролов растянул губы в улыбке, кивая головой, будто ему тоже смешно.

«Неужели Вера меня обманывает? Меня! С кем! С этим воробьем?!»

– А что, в издательстве не поговаривают еще об их связи?

– Нет! – искренне признался Фролов.

– Ну может, и на самом деле ничего нет, но версия имеет место.

– А с чего ты вообразил, то есть прости, на основании каких фактов ты построил такую версию? – с плохо скрытым раздражением поинтересовался Сергей. – Впрочем, извини, я забыл, что ты все равно не скажешь, – махнул он рукой и принялся выбирать десерт.

– Отчего не скажу? Версия – это не тайна. Пока что она в процессе разработки, моей личной, – выпив рюмочку рябиновой, проговорил Борис Григорьевич. И вдруг лукаво прищурился, склонил голову и снизу заглянул в глаза Фролову. – А ты того... – Взгляд его заискрился от удовольствия поддеть собеседника. – Что, Астровой руку на бедро положить хочешь?

Фролов надул щеки, чтобы возмутиться как можно более достоверно, но Терпугов хихикнул и признался:

– А бедро заманчивое. Крутое, упругое... Случайно рукой задел, когда с ней разговаривал. Поверь мне, Сережа, она не промах. С огоньком!.. Ой, – спохватился он, – чего я тебе все это говорю, ты уж, наверное, без меня во всем разобрался.

Фролов решил отчасти приоткрыться, иначе подполковник мог заподозрить настоящее положение вещей.

– Не спорю, женщина она привлекательная. Поэтому отказываюсь понять, как она могла заказать Пшеничную.

– Да не заказывала она ее.

– Тебя не поймешь, то заказывала, то не заказывала... – недовольно пробурчал Фролов.

– Правильно, не заказывала. Зачем деньги платить и себя под удар ставить. Она ее сама убила, – отправляя кусок пирога с брусникой в рот, просто ответил Терпугов.

Сергей на несколько секунд оторопел, только бровь дернулась.

«Милавину заказала Пшеничную сама порешила. Бред!..»

– Ты не забывай, – продолжал Борис Григорьевич, – что в этом театре ставится пьеса Астровой. Репетиции идут уже месяцев шесть. Она на них зачастую присутствует. Следовательно, здание театра изучила хорошо. К тому же у нее пропуск. Что ей стоило выскочить из-за кулис вместе с балетом, выстрелить в Пшеничную, ей-то отлично было известно, где та будет сидеть, а затем скрыться?.. Повторите пирог! – обратился он к официанту. – И чая еще, пожалуйста!

Фролов сидел с застрявшим в горле куском. С трудом проглотил, едва опять не поперхнувшись.

– Боря, ну алиби у нее есть?

– Да есть! – с явным недовольством отозвался Терпугов, вновь приступая к дымящемуся куску пирога. – Соседка ее видела как раз в тот отрезок времени, когда была убита Пшеничная.

– Ну вот! – не зная, что еще сказать, неловко повел руками Сергей.

– Ну вот! – кивнул Борис Григорьевич. – Я тоже вначале вот так же!.. А потом – бац!.. День-то какой был? – устремил он взгляд на Фролова.

Того даже передернуло, и он оглянулся.

– Какой? – спросил шепотом.

– Воскресенье, двадцать восьмое марта. Переход на летнее время! Пшеничную убили почти в конце спектакля, приблизительно в двадцать один ноль ноль. Но если предположить, что соседка Астровой надела, выходя на прогулку с собакой, именно те часы, на которых она забыла перевести

стрелки, то получается, что, произведя выстрел в двадцать один ноль ноль, Астрова вернулась домой и встретилась с соседкой, у которой на часах вместо десяти вечера были все те же зимние девять.

– Ну это только предположение!

– Не спорю, но запомнил хорошо, как эта соседка все сетовала, мол, столько часов, пока их все установишь на новое время... А что, подумалось мне, если она эти ручные часы и не перевела? Ведь первым делом стрелки на настенных часах переводят.

– Не согласен. Я – на ручных.

– Это ты. Человек работающий. А она – пенсионерка. Наручные часы по привычке надевает.

– И на этом придуманном тобою доводе ты подозреваешь Астрову в убийстве?

– Довод не придуманный, а допустимый!

– Ладно, – подавляя внутреннее возмущение, для видимости согласился Фролов и тут же выдвинул контраргумент: – Но для того, чтобы во время спектакля выстрелить и попасть именно в Пшеничную, нужно быть снайпером, а Астрова, между прочим, страдает близорукостью.

– Сейчас как раз мой человек занимается частными тирами. Вполне вероятно, что Астрова под вымышленным именем ходила стрелять в какой-нибудь тир. Как, например, сама Милена Пшеничная и ее брат.

– Брат, – подхватил Фролов. – А что ж, брат вне подозрений?

– Нет, и он под подозрением. Он, как известно, меткий стрелок. Но у него алиби. Его не было в театре.

– А где же он был?

– В клубе, на деловой встрече.

– Но ведь можно было улучшить момент, выйти...

– Можно, – согласился Терпугов. – Понимаешь, все можно.

– Вообще, странная история. Вспомни! Пшеничного-старшего убили. Милену – тоже. А если предположить, что это Милена убила отца, а брат – сестру? Как?

– Думаешь, ответу: похоже на роман? Отнюдь! И это

допустимо. Пшеничный-старший тогда собирался жениться, вот Милена и спохватилась. Ведь по завещанию в основном все доставалось ей. А по черновику завещания, которым безуспешно потрясала «овдовевшая» невеста, все доставалось той. Так что, Сережа, все допустимо.

– Так отчего ты придрался именно к Астровой?

– Да не придирался я к ней. Просто решил отработать версию, а потом либо отбросить, как неверную, либо арестовать Астрову по подозрению в умышленном убийстве своего издателя. Параллельно отрабатываю версию по Олегу Пшеничному. Тот вообще проходит фигурантом по двум убийствам.

Сергей заказал на посошок по рюмке коньяку.

«Если бы я сейчас сказал Борису то, что мне стало известно о Вере... Он бы, возможно, ее арестовал», – подумал Фролов, пожимая на прощание руку Терпугову.

Расстались в метро. Сергей сел на скамейку. Он не мог идти, так как мысли постоянно его останавливали.

«Вера – убийца! Невероятно! Не может быть!» – говорил он себе, а воображение уже рисовало картину: танцующие на сцене артисты в камуфляже и среди них она. Появляется, прицеливается, как они, и стреляет, как они. Только у них винтовки и автоматы – театральные реквизиты, а у нее самое настоящее оружие. Выстрелила и упорхнула. Фролова бросило в жар. «Выяснить! Немедленно все выяснить!» – Он поднялся, чтобы сесть в поезд, но вновь против воли остановился. – Ведь сам же всегда негодовал упорству кинематографических персонажей, которые, заподозрив кого-то в убийстве, идут объясняться с преступником тет-а-тет. И он, убийца конечно же расправляется с ними, точно так же, как и с предыдущей жертвой. И вот я в такой же роли полного идиота! – здесь Сергей на минуту очнулся и вошел в вагон. – Ну как я ей скажу, что подозреваю ее в убийстве Милавиной и Пшеничной? А как жить, если это подозрение не будет уничтожено?... Я не знаю, еще не разобрал, люблю ли я Веру или нет, но она мне нужна. А тут еще этот Олер!.. Нет, надо выяснить все! – решил он и чуть не расхохотался вслух: – Выяснить все! Да разве это возможно?!»

ГЛАВА 24

Фролов позвонил Вере и сказал, что обедал с Терпуговым и кое-что разузнал. В ответе он не сомневался.

– Приезжай! – в повелительном наклонении произнесла она.

Вера была в странно-приподнятом состоянии, похожем на легкое опьянение. Глаза лихорадочно блестели, речь сопровождалась энергичной жестикуляцией. Она то говорила по телефону, то подходила к зеркалу, пристально смотрела на себя и находила, что еще очень привлекательна. Волосы ее после смерти Милавиной и Пшеничной приобрели сверкающий золотистый оттенок, словно в последнее мгновение она успела похитить его у них.

Телевизор работал с утра. Она уже прослушала сообщение о трагическом происшествии на съемках фильма под Москвой: двое молодых мужчин были сбиты конной группой каскадеров. Она слушала это сообщение в течение всего дня – это бодрило ее, давало новые ощущения. Причем такие, о которых она раньше не подозревала, а если бы подозревала, пришла бы в ужас. На самом же деле все оказалось совсем не ужасно, а захватывающе.

Фролов сразу обратил внимание на ее лихорадочно приподнятое настроение. По дороге он на тысячу ладов строил и перестраивал свой разговор с ней и предпочел натиск – прямо с порога бросить ей в лицо свои подозрения. Она помертвеет от страха, сделает несколько шагов назад, потом бессильно опустится на диван и будет молить его о снисхождении, пытаясь объяснить, что ее толкнуло на преступление. Но в самый захватывающий момент своего мысленного натиска Фролова вдруг охлади-

ло тревожно забившееся в груди сердце, а внутреннее «я» предупредило: «Будь осторожен! Она же убийца!»

Эта мысль впервые с того момента, как он узнал о найме киллера и о подозрениях подполковника, столь отчетливо возникла в его голове, что отмахнуться от нее он не смог.

Когда Сергей вошел, Вера поцеловала его в щеку и вопросительно заглянула в глаза:

– Ну что, сказал Терпугову насчет конкурентов?

– Сказал, – точно нехотя ответил Фролов и прошел в гостиную.

– И что? – идя следом, продолжала спрашивать она.

– Ничего особенного. Но ты права, ты тоже фигурантка в этом деле.

Вера только хлопнула себя руками по бедрам.

– Ха! Да у него все фигуранты! И ты, и я, и Пшеничный.

– Где ты была? Почему не отвечал телефон? Я волновался!

– А ты разве не получил мое сообщение? – удивилась Вера.

– Нет!

– Странно. Дело в том, что я должна была встретиться с одним режиссером. Он хочет экранизировать некоторые из моих романов.

– С режиссером? – переспросил Сергей.

– Да. И он пригласил меня поехать на съемки фильма, над которым сейчас работает.

– На съемки?

– Что ты все время переспрашиваешь?

– Это не на те съемки, где погибли двое мужчин?

– Ты слышал? Ужас! Но я ничего не видела. Это случилось далеко. Я туда даже не подходила.

Фролов закрыл глаза ладонью и тихо проговорил:

– Вера, ведь это ты их убила.

«Идиот, что я несу?!» – пронеслось в голове параллельно сказанному.

Сергей отнял от глаз ладонь. Вера, не мигая, смотрела на него.

– В тот вечер, когда ты уходила от меня, ты задержалась, вернее, тебя задержали в подъезде двое мужчин, – понимая, что уже нет хода назад, начал он. – Я спустился и пошел

следом за ними. У меня был автомат. Я заставил их сказать, почему они преследуют тебя. Ты должна им деньги.

Ресницы Веры дрогнули от изумления.

– Что ты говоришь? Какие двое мужчин? Какие деньги? За что?

– За убийство Милавиной.

Она попыталась рассмеяться.

– Ты понимаешь, о чем говоришь?

– Отлично понимаю. Настолько, что уже рассказал об этом Терпугову.

Вот тут Вера вскрикнула, взвизгнула, точно ее ошпарили, и заметалась по комнате.

– Ты с ума сошел! Я и так у него под подозрением, а тут еще это! Да не заказывала я ее! Я что, ненормальная? – выкрикнула она. – Связываться с киллером! Да это же ужас! Потом сам не будешь рад.

– Что ж, неужели они мне соврали?

– Конечно! А ты Терпугову!.. У, предатель! Что? Что мне теперь делать?

– Сказать правду!

– Правду! – передразнила его Вера.

Ее возмущение искало выход и не находило. Она не знала, что делать. Схватила вазу и со всей силой швырнула ее об пол.

– Не заказывала я Милавину! Только... попросила припугнуть ее.

– Как это – припугнуть и зачем? – несколько успокоенный, спросил Фролов и сел в кресло.

Вера подошла к бару и налила себе рюмку коньяку.

– Почему я должна перед тобой отчитываться? Почему?

– Потому, что надо было быть более осмотрительной.

Я узнал твою тайну и теперь хочу уяснить все до тонкости. Что значит – припугнуть? – Фролов тоже подошел к бару и налил себе виски. Возвращаясь к креслу, чуть обернулся и уточнил: – Это из-за Олега Пшеничного?

Вера злобно усмехнулась:

– Из-за него. А если хочешь знать тонкости, то из-за его сестры!

- Терпугов мне то же самое сказал.
- Да пошел ты со своим Терпуговым!
- Я-то могу пойти, а вот Терпугов!..

Вера закрыла глаза, сжала кулаки и замерла. Видимо, она всеми силами пыталась удержать себя в рамках, но не получалось.

– Ты!.. Ты!.. – выкрикнула она, – поступил, как... – все-таки сдержалась. – Ты возвел на меня поклеп, не выяснив ничего. А теперь захотел установить истину. Да пожалуйста, мне скрывать нечего. Это ты у нас растаял от жизни, как крем-брюле на солнце. Растекся приторным сиропом и засох. Ты выше мелкой борьбы за процветание. Написал пару-тройку картин, публика и критика не умерли от восторга, ты обиделся и пустился в обыденный крутоворот. Корчишь из себя усталого фаталиста: пусть все бредет, как бредет. Я буду лежать на диване, рисовать этикетки, ездить в переполненном, дышащем смрадом метро, отовариваться в недорогих магазинах, жить в непрезентабельном доме и ничего и никого мне не надо. Блестящий крут друзей? Это сборище предателей и злопыхателей! Мне мерзки эти улыбающиеся чудовища! Тоже мне, Руссо двадцать первого века! А вот чем ты лучше? Сидишь, как рак-отшельник, а ведь самому-то хочется выставить свои картины, хочется, чтобы о тебе вспомнили, но что-то сделать для этого – лень, порожденная чувством обреченности – синдромом неудачника. А я вот не желаю быть неудачницей! Не желаю назад, в серую, неизвестную жизнь!

Фролов с презрительной жалостью глянул на нее, возбужденную, со сверкающими злобными искрами глазами, с яростными словами на губах, и сказал:

– Свободная воля – это измышление, чтобы люди не сидели без дела и не изнывали от скуки. Все мы во власти Судьбы. Наше рождение не зависит от нас. Смерть тоже. Неужели тот короткий путь от Рождения к Смерти – это свободная воля человека? Нет, повторяю, она всего лишь измышление, туман, в который многие охотно погружаются и творят, борются, попирают слабых, торжествуют, боясь признаться, что все – от Судьбы! Она не даст, если

таково ее желание, усидеть человеку на месте или не даст сдвинуться с него. Свободная воля... – с иронией повторил он, – что захочу, приложу усилие, того и достигну. Но тогда во что же невидимое, но непреодолимое упирается наша свободная воля, помноженная на упорное стремление, как не на стену, воздвигнутую Судьбой и далее нас не пускающую. Нет, и хоть головой об эту стену. Все равно – нет!

– Пусть так, как утверждаешь ты. Пусть! – с нарочитым смехом неожиданно согласилась Вера. – Значит, судьба не дает мне усидеть на месте. Значит, это она побуждает меня к действию.

Фролов был вынужден согласиться с этим, однако внес уточнение:

– Но не забывай о моральных ценностях.

– Да ладно, – небрежно махнула рукой Вера. – Все же от судьбы. Но перейдем к прозе. Я же тебе говорила, что Милена решила выдворить меня из книжного бизнеса. Почему? Не знаю. Мне было некогда вдаваться в подробности. Скорей всего, она таким образом хотела обновить имидж издательства. Я пыталась с ней договориться, даже шла на то, что выполняла ее приказы – рекламировала Скокову. Но быстро поняла, что все напрасно, Милену не переубедить. И тогда я решила действовать через Олега. Ни к чему скрывать, что он относится ко мне с симпатией. Но Милавина не давала ни малейшего шанса приблизиться к нему. Да, теперь я понимаю, что мой план был далек от совершенства и вряд ли принес бы мне ожидаемый результат. Но тогда я думала, что если ребята поставят Милавиной синяк под глазом, то она на несколько дней будет вынуждена засесть дома и никого не принимать. Таким образом, я смогу серьезно поговорить с Олегом.

– То есть, другими словами, за это время ты хотела переспать с Пшеничным и занять место Милавиной.

Вера наморщила лоб и зло передернула плечами.

– Кто его знает? Заняла бы, не заняла, но я хотела создать. – Она пристально взглянула на Сергея и повторила: – Понимаешь, сама себе создать шанс и использовать его, а не ждать подарка от судьбы. Но произошло

нечто невероятное! Эти двое еще ничего не успели сделать, как кто-то убил Милавину. Они же воспользовались случаем и принялись меня шантажировать.

– А может, это они убили Валентину?

Вера откинула голову назад и рассмеялась.

– Эти? Да ты их видел? Будут они убивать! Да потом Милавина была убита тонко, умело. А эти... с рынка... Уж если бы они надумали ее убить, так пырнули бы ножом или по голове чем-нибудь ударили, подкараулив на улице. Нет, они, повторяю, просто воспользовались случаем.

– Следовало бы им заплатить. Они ведь действовали почти по твоему принципу.

– Вот именно, почти. Ничего не сделали, а ты плати! Да вообще, разве можно насытить шантажистов? Нет, это дело бесперспективное.

– И ты избавилась от них.

– А что мне оставалось делать? Тут или я, или они, – уклончиво ответила она, с лукавой улыбкой глянув на Сергея.

Он вскочил с кресла и схватился за голову.

– Вера, Вера, ты ли это?! Как такое возможно? Хладнокровно подвести людей к гибели!

– А ты хотел, чтобы они меня изуродовали или донесли на меня в милицию? В противном же случае я должна была бы всю жизнь содержать двух бездельников. Рассуди сначала, прежде чем восклицать.

Фролов только развел руками и признался:

– Не знаю. Передо мной никогда не возникала... – он возвысил голос, – и не возникнет подобная дилемма.

– Ой, не зарекайся.

– Да нет, не возникнет, потому что я плыву по течению, потому что я не желаю процветать ценою других.

– А где же ты найдешь пустое место? Нет, сначала надо потрудиться.

– Убрать мешающих.

– Заслоняющих свет, – поправила Вера. – Учти, если не процветать, значит, гнить.

Фролов потер усталое лицо ладонями:

– Хорошо, допустим, ты мне сказала правду. Те двое не убивали Валентину, а, воспользовавшись случаем, стали тебя шантажировать.

– Их больше нет, и не по моей вине, как почему-то решил ты. Они преследовали меня, я их на съемки не приглашала. Сами вылезли на дорогу прямо перед конными каскадерами. Они, вероятно, хотели припугнуть меня, грозя устроить скандал на съемках.

Сергей безучастно кивнул. Он действительно допустил, что те двое оказались неудавшимися шантажистами, но вот что они сами появились из-за кустов именно в момент, когда всадники выскочили из рощи...

– Значит, ты в связи с Пшеничным? – неожиданно спросил он. Но Вера была готова к этому вопросу.

– Нет, – ответила она безо всяких затей.

– Как же нет, когда тебя издают и переиздают?

– Очень просто. Олег оказался Пшеничным не только по фамилии, но и по сути. Это Милена не давала ему хода. Он прикинул, посчитал и пришел к выводу, что я способна приносить большую прибыль, чем какой-либо другой писатель.

– Я должен этому верить?

Вера пожала плечами:

– Между мною и Олегом только деловые отношения. Не стану скрывать, что мы испытываем друг к другу взаимную симпатию, но не более. – Она опустила голову, сжала руки в замок и произнесла тихо: – Я тебя люблю, Сережа.

Фролов молчал, пытаясь разобраться в том, что услышал.

«Вот она, женщина, милая, беспощадная, алчная, и я люблю ее?.. Ведь это адская смесь в привлекательной оболочке. Она сметет всех и меня, если я стану у нее на пути. Способна ли она на любовь?.. Очевидно, да. Только мы с ней по-разному понимаем ее. Мне надо либо порвать с Верой, либо принять ее такой, какая она есть. Но может, она не лжет, что те двое преследовали ее и что она не виновна в их гибели?.. Но как могла женщина нанять бандитов, чтобы они изуродовали другую женщину?.. Однако могла. Черт побери этот слепящий глаза успех! Будь она неприглядно одетой, прибитой жизнью, понравилась бы мне она?

Я мог ездить с ней в одном вагоне метро изо дня в день и ни разу не взглянул бы в ее сторону. Ведь если с женщины снять дорогие наряды, вместо изысканного парфюма обрызгать дешевым, что останется? Тоска!.. Черт! Как это ни парадоксально, несмотря ни на что, она мне нужна», – размышление его неожиданно прервалось, и Фролов крикнул:

– Вера! – замолчал, точно удивившись собственному крику, и более спокойно продолжил: – Терпугов подозревает, что ты убила Пшеничную! Он не доверяет твоей соседке, предполагает, что та могла не перевести часы и, следовательно, когда ты с ней встретишься, было уже десять вечера, а не девять.

– Вот же сволочь! Ведь выдумал все. А ты еще подлил масло в огонь своим доносом, – с негодованием произнесла она.

– Я ему ничего не говорил, – признался Сергей.

– Мило! Устроил мне проверку. Убедился, что на моих руках крови нет, – желчно скривила рот Вера и нарочито вытянула перед ним свои холеные с длинными ногтями руки. – Вместо того чтобы проверки устраивать, лучше бы прикинул, кто мог убить Милавину и Пшеничную, чтобы этот Терпугов наконец-то отвязался от нас. Ты ведь тоже у него на подозрении.

– Легко сказать, прикинь, кто убил!

– Кто? – с недовольством передразнила Вера. – Есть такие...

Фролов устремил на нее тревожно-вопросительный взгляд.

– Что ты хочешь этим сказать?

Вера молчала, точно не слышала его вопроса. Она сидела на пуфе, устало скрестив на коленях руки.

Сергей подошел к ней.

– Ты знаешь, кто убил?.. – сдавленным от волнения голосом спросил он.

– Знаю.

– Отчего же ты не скажешь об этом Терпугову?

– Оттого, что... – Она отвернулась.

– Вера, но если это не ты, то... – Фролов терялся в догадках.

Она похлопала его по руке.

– Не я, не я, успокойся, Сережа, ты такой... – Она с тоской посмотрела на Фролова: – Не то чтобы слабый или совершенно безвольный, ты никакой. Пошумишь, побурлишь и иссякнешь. А мне помощь нужна. Я кое-что накрутила... опять из-за этой чертовой Пшеничной, ой! – приложив руку к груди, спохватилась Вера, – царство ей небесное. Но она просто сживала меня со света. Нам двоим невозможно было существовать в издательстве.

– Но издательство принадлежало ей, – не смог не заметить Фролов.

– Я тоже немало потрудились для его процветания.

Он опустил ся у ног Веры:

– Ну и что ты там накрутила? Можно еще как-то выкрутиться?

– Нужно!

– Тогда рассказывай.

Вера призадумалась, видимо решая, как лучше построить свой рассказ.

– Несколько месяцев назад, – начала она, – я зашла в кабинет Пшеничного. – Глаза Фролова приобрели ярко выраженный стальной оттенок. Руки, сжатые в замок, побелели от напряжения. – И тут кто-то ему позвонил. На дисплее телефона высветился номер. Я совершенно случайно запомнила его. Пшеничный говорил недолго, все отрывистыми фразами и недовольным тоном. В заключение все же послал звонившего подальше. После этого разговора он впал в задумчивость, я поинтересовалась, кто мог так вывести его из равновесия, и тогда он мне рассказал весьма забавную историю. Оказывается, ему звонил, – кто бы ты думал? просто невероятная наглость! – любовник бывшей невесты его отца. Мало того, он и эта девица несколько раз подкарауливали Пшеничного то у клуба, то у казино и даже предъявляли ему ребенка, лет пяти, якобы его брата по отцу. Олег как-то сжалился и дал девице немного денег, так как та пребывала в плачевном состоянии, но они своих преследований не оставили. Принялись посылать письма, требуя устроить им встречу с Миленой. Они хотели до-

биться, чтобы она выделила часть полученного наследства ребенку. В противном случае грозились устроить скандал. Когда же Пшеничный им решительно отказал и предупредил о неприятных последствиях, если они не прекратят преследовать его и Милену, те стали ему угрожать. После этого была убита Милавина. Преступники, сами того не желая, сделали Пшеничного богачом.

– Но при чем тут Валентина?

– Как при чем? Олег любил Милавину. И они убили ее, чтобы показать, что не шутят. Это убийство было предостережением Пшеничным. Но потом, видя, что все попытки встретиться с Миленой тщетны, они разработали новый план. Рассчитывать, что Милена после убийства брата пойдет с ними на переговоры, было глупо, поэтому они решили убить ее, зная, что Олег не столь категоричен, как его сестра.

– Прости, но все, что ты рассказываешь, это скорее не факты, а твои догадки.

– Я бы тоже так думала, если бы не одно обстоятельство... – Вера умолкла, видимо приблизившись к неприятному моменту. – ...Дело в том... короче, скрывать ни к чему, я хотела доставить Пшеничной массу неприятностей, причем любых, ну это свойственно женскому характеру. Поэтому я позвонила этим людям с телефона-автомата по номеру, который запомнила, и сообщила, что двадцать восьмого марта Милена будет в театре. Я рассчитывала, что они, воспользовавшись моей информацией, придут в театр и устроят грандиозный скандал, обвиняя Милену в нежелании помочь находящемуся в нищете ребенку, брату по отцу. Ну, в общем, чтобы они там ни устроили, все было бы хорошо. Пшеничную это могло хотя бы слегка выбить из колеи, а тут я настропала бы Олега, и, очень может быть, мы вместе, еще подключив Ксению, уговорили, уломали бы Милену заключить со мной новый контракт. Но все вышло иначе. Поверь, я этого не ожидала. Но буду рассказывать по порядку. По номеру телефона я установила адрес. Поехала. Посмотрела на бывшую невесту и ее любовника. Естественно, не вы-

давая себя. Поболтала во дворе с соседями. Заглянула в окно, благо, первый этаж. Положение их и впрямь отчаянное. Живут у матери этой самой невесты. Как же ее?.. А, да! Лилия! Мать – скандальная баба. Младшая сестра, кстати, известная модель, Роксана Шагарина. Представляешь?.. А Олег мне говорил, что Милена и его мать накануне женитьбы Станислава Михайловича изловчились собрать компрометирующие сведения о юной невесте, но сообщить, как ты понял, не успели. А тот перед смертью тоже не успел изменить завещание в пользу своей невесты и будущего ребенка, только черновик составил. Одним словом, посмотрела я на эту Лилию и ее друга Валерия Каткова и поняла, что тут что-то не совсем то. Полагаю, они ловко обвели Станислава Михайловича. Но оставим это в стороне. – Вера перевела дыхание. – Теперь о главном. В тот вечер, двадцать восьмого марта, прав Терпугов, я действительно была в театре. Но вот об алиби я не заботилась, потому что не ожидала того, что произошло. Опять прав Терпугов, это игра случая, что моя соседка не перевела свои часы. Я вошла в театр через служебный вход, кивнув охраннику, как знакомому, он, вероятно, и узнал, и не узнал меня. На мне был черный парик и необычный для меня макияж. Я спокойно предъявила ему пропуск, на который он взглянул лишь для проформы. Но все это я делала, не предполагая об убийстве. Просто на всякий случай, еще не зная, как поведут себя эти одиозные личности, я хотела войти в театр незамеченной и, если мне не понравится, что там произойдет, так же и уйти, незамеченной. Но до начала спектакля ровно ничего не случилось, так как Милена приехала перед самым звонком. Антракт она провела в кабинете режиссера. После спектакля намечался банкет, и вот перед ним можно было бы устроить обличительное шоу. Я пошла в туалет поправить грим, выходя, не поверишь, столкнулась с этими... Вид у них был растерянный. Они явно хотели смыться. Этот Валерий сказал, что милиция в зале проверяет документы, а они-де на заработках в Москве. Помогите, мол, выйти. Очевидно, он принял меня за сотрудницу те-

атра. И вот тут я отчего-то решила, что будет лучше и для них, и для меня поскорее удрать. Через склад, где хранятся декорации, я вывела их во двор, обнесенный высоким железным забором. Катков быстро составил разбросанные ящики и вмиг со своей девицей уже был на верху забора. Увидев, что они скрылись, я последовала их примеру. По ящикам взобралась легко, а вот слезать... – усмехнулась Вера, – ...было затруднительно, все руки исцарапала и колени. Колготки пришлось снять в такси. Еще подъезжая к дому, увидела соседку и подумала, что лучше мне с ней не встречаться, я же не знала, что она забудет перевести свои наручные часы, но увернуться от встречи не удалось.

– Слушай, я вот сейчас подумал, почему Терпугов не позвонил твоей соседке и не уточнил, переводила она часы или нет? Ведь не могла же она не заметить свою оплошность на другой день?

– Не сомневайся, звонил, – уверила его Вера. – Но на мою удачу, у соседки старые механические часы, подарок мужа. Поэтому оплошность заметить не удалось. Забыла завести, они остановились. Теперь понимаешь, почему я не могу все вот так запросто рассказать Терпугову?!

– Думаешь, они тебя узнают, если дело дойдет до очной ставки?

Она задумалась, опустив углы губ.

– Вряд ли. Они так торопились сбежать. Но дело даже не в этом. Дело в том, каким образом можно все это сообщить Терпугову, не ссылаясь на меня?

– По-моему, это невозможно.

– Вот и я так думаю. Поэтому необходимо добыть другие доказательства их причастности к убийству.

– Это какие же другие?

– Давай подумаем. Кто был в театре? Жених Милены, Игорь, Ксения и ее друг Новгородцев. Поговори с ними, но так, чтобы они ничего не заподозрили.

– Вера, ты их что, за дураков принимаешь?

– Нет. Но и мы с тобой не глупы. Я все продумала. – Фролову осталось только возвести глаза и иронично

вздохнуть. — С Ксений можно завести разговор случайно. С Новгородцевым — под предлогом того, что ты хочешь написать его портрет.

— С какой стати мне писать портрет какого-то Новгородцева? Кто он? Артист вроде бы?

— Вроде бы, — передразнила его Вера. — Ты же художник, натура непредсказуемая. Вот понравился тебе его нос, взгляд... Захотелось отобразить. И пока будешь делать наброски, подведи разговор к происшествию в театре.

— Но что бы ты хотела услышать от них? Ведь, скорее всего, они ничего особенного не видели.

— Это решим потом. Во всяком случае, у тебя будет возможность сослаться на разговор с кем-то из них, чтобы объяснить, что натолкнуло тебя на мысль, кто убийца Пшеничной.

— Все это как-то вокруг да около.

— А что делать? Еще зайди в театр. Я поговорю с художественным руководителем, кстати, он лично занимается постановкой моей пьесы, и скажу, что хотела бы, чтобы декорации сделал ты.

— Ну, он на это не пойдет. У него наверняка есть свой художник.

— Куда он денется!.. Постановку спектакля финансирует издательство, — разрешила Вера сомнения Фролова. — Между прочим, Пшеничный уже сообщил Терпугову о подозрительной парочке. Но он же не знает главного — что они были в театре. А нам надо, чтобы это стало известно Терпугову. Поэтому ты должен каким-то образом, якобы случайно, выведать об этом. Полагаю, сейчас они в бегах. Но объявятся. Ведь тогда незачем было убивать Милену.

— И когда они объявятся, у Терпугова на них уже будет полное досье, — заключил Фролов.

— И собрать его придется тебе, — оставила за собой последнее слово Вера.

ГЛАВА 25

Дима Бедаков, сидя за стойкой бара, подводил скорбные итоги, с какими он подходил к своему тридцатилетию. Всего пять лет назад – всего-то! – была молодость и непоколебимая уверенность, что скоро он достанет до звезд рукой и станет знаменитым. О!.. Он разбогатеет, купит себе двухуровневую квартиру, дачу, несколько машин, заведет престижную любовницу. Он тяжело вздохнул и допил виски. Поднял палец, чтобы привлечь внимание бармена, и заказал еще. Опершись на ладонь подбородком, Дима смотрел на сверкающие бутылки, рюмки, на бесшумнодвигающегося бармена. Как неожиданно навалилось это тридцатилетие...

Пять лет назад он, молодой, энергичный, подающий большие надежды химик, был принят на работу в только что открывшийся парфюмерный отдел фирмы «Мариола Баят». Владелица фирмы, госпожа Лонцова, лично беседовала с ним. Он обещал – да что там!.. – гарантировал, что через год, максимум два, создаст новый, потрясающий аромат. Ему была предоставлена лаборатория, набран небольшой, но квалифицированный штат сотрудников.

Дима восторгался самим собой. Глянет случайно в зеркало, гордость так и наполняет грудь. Молодой, симпатичный, в очках, что придает солидность, в белом халате, он казался себе великим ученым. А что? Создать аромат на века?! Да хотя бы на десятилетие! Это ли не цель? Даже пусть на год! Но чтобы этот аромат доминировал над всеми, чтобы все женщины сходили с ума, вдыхая душистые, коварные ноты, которые создаст он, Дмитрий Бедаков. Он мечтал не только об отдельных композициях, но, о целой ароматической симфонии, ноты которой играли бы в тече-

ние всего дня. С утра солировал бы ландыш, потом стильный аромат лаванды, переходящий к вечеру в чувственный аккорд амбры, имбиря и розы, потом все затухает, и только ночная фиалка услаждает обоняние во сне.

Дима прилагал все свои силы, чтобы сделать карьеру в парфюмерном бизнесе, но далее пробных флакончиков, которые преподносились покупателям в качестве подарков, дело не продвигалось. Дима понял, что к успеху идти долго. В его положении только озарение могло подарить удачную формулу, но озарение не приходило. А успеха хотелось. И на другом поприще он себя не видел. Всего пять лет назад глаза его горели, с жадностью поглощая новый мир, в который он попал благодаря тому, что стал парфюмером Лонцовой. Кто-то высказал предположение, что вот он, Бедаков, очень скоро выпустит потрясающие духи и что вроде бы одна французская парфюмерная фирма уже делала ему предложение работать на нее. Все это носилось в воздухе вместе с эксклюзивным ароматом его туалетной воды. На этот аромат, точно пчелка, прилетела красавица модель Роксана Шагарина. Роковая Оксана, как она расшифровывала свое имя. Дима потерял голову, понадобились деньги и время, чтобы развлекать роковую любовницу. И вот завтра ему стукнет, именно стукнет, тридцать лет. Возраст прекрасный, но при условии, если ты к этому юбилею пришел, вернее, приехал на машине престижной марки, если кредитная карточка приятно переливается вроде ничего не значащими нулями, но стоящими после такой цифры, за которой они принимают серьезный вес. У Димы ничего этого не было, и миф о его исключительном таланте парфюмера выветривался, как дешевые духи. Не сегодня-завтра ему предложат уволиться по собственному желанию, и это будет катастрофа. Дима не удержал стона, щека противно задергалась. Он спрятал голову в сложенные на стойке руки.

Услышав, как напевает один из последних хитов его сотовый, загадал: «Пусть это будет Роксана!» – и, не глядя на высветившийся номер, поднес телефон к уху: «Да!» У него перехватило дыхание. Разговор длился полмину-

ты, но за эти мгновения Бедаков похолодел, потом его обдало жаром, потом, когда положил телефон в карман, воровато оглянулся, будто кто-то мог его подслушать.

Мучиться размышлениями Дима не стал, потому что не было другого выхода. Да, это был риск, но, отказавшись от него, он рисковал потерять все. Хмель моментально вылетел из головы. Дима расплатился и вышел на улицу. Было, правда, одно большое затруднение, но он надеялся его решить.

После этого звонка не прошло и двух месяцев, как Бедаков с победоносным видом появился в приемной госпожи Лонцовой и через секретаршу попросил срочно принять его. Лонцова встретила Диму почти сочувствующим взглядом. «Пришел просить расчет, – решила она. – Что ж, приятно, что я не обманулась в нем хотя бы как в порядочном человеке». Но Дима бодро поприветствовал своего шефа и выставил на стол пять флаконов с пробными духами.

Лонцова усмехнулась, во взгляде ее, брошенном на Бедакова, читалось: «Все тщетно, Дима. Тебе не удаются композиции. Ноты плохо гармонируют друг с другом, аромат выветривается даже при непродолжительном контакте с телом». Она нехотя взяла пальцами, украшенными крупными перстнями, флакончик с розовато-золотистой жидкостью, вынула пробку и вдохнула... Аромат заинтересовал ее. Прикоснулась пробкой к запястью. Не скрывая удивления, посмотрела на Диму. Опять вдохнула уже с запястья. Проанализировала оставшиеся четыре аромата и пришла в еще большее удивление.

– Да это же парфюмерный Клондайк! – не удержалась от восклицания. – Для русских духов – это великолепно! И что, запах стойкий?

– Вот у этих трех, – указал Дима на флаконы, – несколько месяцев запах будет оставаться на одежде. – А вот у этих я специально сделал яркий, но не стойкий аромат. Многие женщины не любят прилипчивые запахи.

– Отлично! – щелкнула пальцами Лонцова. – Отлично, Дима. Немедленно даю задание дизайнерам. И к концу года мы выпустим собственные духи. Я так давно об этом мечтала. Духи от «Мариолы Баят».

Слух о духах, которые к концу года будут презентованы фирмой «Мариола Баят», разнесся в мгновение ока. Дима ходил, едва не лопааясь от самодовольства.

Лонцова решила постепенно довести своих будущих покупательниц буквально до потери терпения. Сначала она сообщила нескольким, так называемым близким подругам, что ее парфюмер Дима Бедаков создал необычайные духи. Эти подруги сообщили своим близким подругам. Разговоры при встречах не обходились без упоминания о новом загадочном парфюме. Потом Лонцова вроде бы сдалась под натиском двух самых настойчивых приятельниц и дала им вдохнуть новый аромат. Дамы пришли в восторг.

Тонкий стратег госпожа Лонцова старалась предотвратить малейшую оплошность в пока еще скрытой рекламе своих духов. Если начать массированную рекламу, вскружить головы и зажечь нетерпением, то в результате может быть победа, но в равной мере и поражение, поскольку известно, что слишком долгое ожидание зачастую вызывает разочарование. А вот когда законодательницы моды, удостоенные доверия послушать новый аромат, признаются в своем восхищении, сомневаться в восхищении всех остальных не приходится.

Вся эта так называемая скрытая реклама была очень кстати Диме Бедакову. О нем заговорили, его стали показывать по телевизору, о нем вспомнила желтая пресса и даже несколько приличных журналов. Роксана вновь стала его официальной подругой. Ведь именно она будет презентовать в канун Нового года «Дыханье», хит-парфюм от «Мариолы Баят».

* * *

Когда до Фролова долетели слухи о готовящейся презентации духов «Дыханье», он ошеломлен: «Вера оказалась права, — пробилась мысль, вернувшая его к действительности. — Бывшая невеста Пшеничного Лилия Шагарина и ее любовник Валерий Катков убили Валентину Милавину и похитили ее тетрадь с композиционной раз-

работкой духов и технологией их изготовления. Через Роксану они вышли на Бедакова и продали ему эту тетрадь. Бедаков, не теряя ни минуты, сделал духи, о которых мне говорила Тина, и даже название не изменил. Но из-за осторожности начал со вторых, «Дыханья».

Сергей решил попробовать навести справки о Лилии и Каткове. Он приехал в Перловку и разыскал их дом. Поговорил с соседями, потом даже с матерью сестер Шага-риных.

Узнав, что Лилия и Валерий жили какое-то время в Германии, он прикинулся их знакомым и объяснил свой визит матери Лилии желанием разыскать друзей. Увидев под глазами женщины мешки, оглядев обстановку, он, не прощаясь, вышел и вернулся через пятнадцать минут с двумя бутылками финской водки. Мать растаяла и принялась говорить без умолку. Сергей слушал, и в голове его не укладывалось, как такая девушка, действительно напоявшая лилию, судя по многочисленным фотографиям, развешанным по стенам, могла пойти на такое?.. А мать, выпив полбутылки водки под закуску, также принесенную Сергеем, с еще большей охотой продолжала:

— И вот, когда этот старый хрыч Пшеничный отбросил копыта, Лилия осталась с животом и без копейки. Ну Валерка тогда правильно на нее набросился, чуть нос не расквасил, я заступилась. Но Лилька не дура, она тут же Валерке новый план предложила. Живот-то у нее не сильно был виден. Короче, на правах несчастной невесты-вдовы ее принимали там... — подняв руку вверх, указала женщина, — там, у этих богачей. И она так быстро, мы с Валеркой даже не ожидали, подцепила нового старого хрыча. Она-то у меня была девка — загляденье. Даже лучше Роксанки. Мне всегда денег давала, а Роксанка, стерва, лишней копейки матери не даст. «Все равно, мамаша, пропьете». Ее, видите ли, позорит, что мать выпивает. Ну а как тут не запить?.. Я ведь еще не старая. Мне всего-то сорок четыре, другие, вон, в моем возрасте как одеты, как выглядят, как живут!.. А я?! Держалась... Эх, держалась до последнего, все на Лилию рассчитывала. Роксанка, она

пропащая. Жалости у нее нет, – скорбно поджав губы, – заключила женщина и погрузилась в молчание.

Фролову пришлось растормошить ее, налив по новой.

– Ну так мы с Валеркой и не ожидали, – вернулась она к своему повествованию, – что Лилька так быстро опять отхватит богатого! Может, слышали? Милавина!..

Сергей кивнул.

– И что самое поразительное, он, когда уже нельзя было живот скрывать, после признания Лилии задумался на минутку, а потом обрадовался. Говорит, зато я буду уверен, что ты мне родишь сына. У его жены детей не было. Ну вот он и решил развестись с ней и жениться на Лилечке. И вдруг, – горестно уронила она голову на руки и громко всхлипнула, – умер. Умер Милавин от сердечного приступа. Все!.. Наливай! – напомнила Сергею. – Все! – повторила в отчаянии, опрокинув стакан. – Не повезло моей Лиле. Не повезло. Все хрычи откинулись. А у нее уже живо-о-от! – вытянула она руки перед собой. – Ну и уехали они в Германию, уж и не знаю, как Валерке удалось это проверить. Ну, думаю, может, там повезет... Да ты сам все знаешь, не повезло. Тебе-то вон, подфартило, какой ты! – с пьяным кокетством улыбнулась она. – А им нет! Вот и вернулись, только теперь с мальчишкой. Бабушка я уже. Хотели родство установить с Пшеничными, да не тут-то было...

– Где же они сейчас?

– А кто их знает? Что-то опять не заладилось, они и удрали.

Фролов вышел от матери Лилии Шагариной под большим впечатлением от услышанного.

«Насмехаемся мы над романистами, а ведь вот в жизни... – покачивал он головой. – В литературе есть авантюрный роман, любовный, эпистолярный, сентиментальный, а в жизни – чудовищный, циничный, беспринципный... И если кто пишет такие, то все обвиняют автора в выдумке, в намеренно жестком изображении действительности и полной бездуховности героев. А какая тут может быть духовность? Родилась красивая девочка в бедной семье и пока росла, думала, что все вот такие же

бедные, а потом присмотрелась и увидела, что есть жизнь совсем другая, и так ей захотелось в ту, другую жизнь...»

Сергей пришел на вокзал, дождался поезда, занял в вагоне место у окна и задумался, пытаясь глубже вникнуть в то, что он узнал, домыслить то, что было, но о чем знали только Лилия и Валерий Катков...

* * *

В салоне мод «Интальо» менеджер запрещала девушкам приводить своих друзей в служебные комнаты. Но Катков все же ухитрился проникать к Лилии через соседний с салоном магазин «Фарфор». Накинув халат рабочего, он поднимался в служебном лифте на последний этаж и перелезал через решетку, разделявшую длинный балкон. Осторожно заглядывал в окно, на котором Лилия заранее приподнимала шпингалеты, улучал момент, открывал и впрыгивал вовнутрь. Затем, крадучись, спускался по лестнице до площадки, расположенной перед примерными манекенщиц, оттуда звонил по мобильному Лилии, та выглядывала в коридор и говорила, можно идти или нет. Таким образом они встречались уже три месяца. Необходимость толкала их на это. Валерий не мог привести девушку к себе, так как жил с матерью, старшим братом и его женой. Лилии же мать категорически запрещала приводить голодранцев в дом. «Порядочный, солидный мужчина всегда имеет место, где можно уединиться с девушкой, а шаромыжники в нашем положении нам ни к чему!» – не раз предупреждала она дочь.

С Валерием Лилия познакомилась через свою подружку, как-то устроившую шумную вечеринку на даче. Дача не шикарная, домик в три окна, но зато двор, веранда! Веселились, зажигали бенгальские огни, устраивали фонтаны: одни изображали скульптурные группы, другие поливали их из нескольких шлангов водой. В одной из таких групп Лилия и Валерий оказались рядом. В светлом платье, прилипшем к телу и оттого ставшем почти прозрачным, в лучах заходящего солнца Лилия походи-

ла на девушку с обложки глянцевого журнала. Катков почувствовал, что желание, будто ток высокого напряжения, вошло в тело, и понял, что его срочно надо заземлить. Он взял Лилию за руку и повел в глубь сада. Уединения они там не нашли, но так как уже наступила ночь, то было только слышно, что они не одни, но не видно. Лилия не противилась, не строила из себя целомудренную девицу. Ей тоже было необходимо заземление.

Потом Катков придумал, как проникать к ней в гримерную. Там за длинной, от стены до стены, вешалкой с платьями они обоюдно удовлетворяли свою страсть. Лилия рассказывала, какие богатые клиенты посещают их салон, а Валерий жаловался, как ему не повезло в Германии. С какими трудностями он добился германской визы, с какими надеждами приехал в эту страну и как еле унес ноги, обессилев от постоянного недоедания.

– Понимаешь, Лилька, мне уже двадцать пять лет, а я ничего не имею. Думал с ребятами наладить бизнес в Германии, так нет... – вновь начинал он мучившую его историю. – А что теперь делать, не знаю. Брат злится, называет нахлебником, мать ругается... Да я и сам понимаю, но что мне, улицы идти подметать? Я ведь видный парень! – расправлял он плечи, гордо вскидывал голову и краем глаза смотрел на себя в зеркало. – Эх, видно, одна у меня дорога – идти в мальчики к какой-нибудь богатой старой похотливой стерве.

– А как же я? – вспыхивал огонек отчаяния в глазах Лилии, а руки судорожно сжимали ворот блузки.

– Ну если получится, будем изредка встречаться, но вообще, они, эти тетки, ревнивые и никуда не отпускают своих мальчиков.

Лилия едва сдерживала слезы. Ей казалось, что мир рухнет, если Валерий уйдет к богатой стерве. Он бы и ушел, не задумываясь, если бы мог подцепить такую стерву. Но это оказалось не так-то просто. Во-первых, на них и без него было много охотников, а во-вторых, он не имел свободного доступа к ним. Крутился у входа в дорогие рестораны, но его быстро поворачивала охрана. Заходил

в дорогие магазины. Некоторые дамы, далеко за пятьдесят, иногда замечали его, те же, что помоложе, в упор не видели парня среднего роста, в потертых не по изысканной идее кутюрье, а от долгого ношения джинсах и майке, чтобы были видны его бицепсы. Но как он ни старался, подцепить богатую стерву ему не удавалось.

Вначале, когда ему в голову пришла эта мысль, он был абсолютно уверен в успехе и только тянул время, так как не очень приятно обцеловывать не первой свежести тетку. Но когда прикрутило и он ступил на тропу охоты, то некоторых просто отверг.

Из белого «Мерседеса» вышла стройная дамочка. Он рванулся, чтобы пройтись прямо перед ней, но, увидев ее лицо, ускорил шаг. Потом еще раза два он отвергал слишком уродливых, а потом принялся жалеть о них, как об упущенных возможностях, которых больше не предоставляла ему судьба.

«Везет же Лильке! – вдруг подумал он. – Ходит по подиуму перед богатыми мужиками. Одному, другому улыбнулась, бедром вильнула и, глядь, уже любовница. Пусть ненадолго, но все-таки что-то заработает. Эх, рост меня подвел, всего метр семьдесят три, а то бы сам в модели подался!..»

Понимая, что в манекенщики его не возьмут, Катков решил попытать счастья как фотомодель, но во всех агентствах, куда он обращался, ему отказали. Тогда-то он и придумал свой хитроумный план. Пришлось, правда, повозиться с Лилией, которая наотрез отказалась вступать в связь с клиентами. Валерию удалось сломить ее сопротивление только под угрозой, что он уйдет от нее.

– Ты пойми, – втолковывал он в хорошенькую, но непрактичную головку Лилии, – наша любовь зачахнет в бедности. Любовь – это экзотический цветок, которому нужны особые условия. Ну потрахаемся мы с тобой в этой тесной гримерной еще с месяц-полтора, самой же надоест. Я же предлагаю тебе... – Валерий оборвал фразу и прислушался. – Кто-то идет, не иначе твоя мегера. Отопри быстро дверь, – прошипел он и метнулся за вешалку.

Лилия вскочила с пуфа, осторожно позернула ключ в замке, опять села на пуф и уткнулась в книгу. Через две секунды дверь без стука отворилась.

– Слушай, там сейчас на подиуме уже трое работают, но клиентки стервозные попались. Иди-ка еще и ты. Надень «Блестки Парижа», а затем «Коктейль». Ох, я устала!.. – вздохнула менеджер и поспешила в зал.

– Ну вот! – шипел из-за вешалки Валерий. – Иди, надень... Командует, будто ты кукла какая-то. А выйдешь на подиум, не лучше – улыбайся этим старым сукам, лебези перед ними, неужели не надоело? Ты ведь красавица по сравнению с ними! И почему ты серьезно не занялась модельным бизнесом?

– Да!.. – натягивая платье, отозвалась Лилия. – Там со столькими переспать надо!.. Не могу я!

– Ну и дура! Это я тебе от души говорю. Ну что толку, что ты со мной трахаешься, – одно удовольствие. А там дело бы делала!

– Не могу! Там еще и хуже надо быть, и вообще мотаться, как гончая, с кастинга на кастинг, и тоже в глаза заглядывать, выполнять, точно солдат на плацу, команды. Пройдись, повернись, остановись. А потом все эти командиры разбирают девчонок. И что? Были у меня две приятельницы, встречались на нескольких кастингах, так они мне признались: «Со сколькими мы только не переспали, все, гады, обманули. Блесткие слова говорят, щеки для важности раздувают, по телефону чуть ли не с парижскими Домами моделей договариваются о просмотрах, а на самом деле истрахают и отправят. Катись, мол, дальше». Я вначале не поверила. Так меня тоже, – она замолчала, обводя губы карандашом, – трахали, трахали, обещали, обещали... Противно все это. А тут тебя встретила и полюбила! – Она повернулась на пуфе к торчавшей между платьями голове Валерия. – Так полюбила, что не жить мне без тебя!..

– А нам вместе не жить без денег! – бросил в ответ Катков.

Лилия вернулась лишь через час. Усталая, злая. За это время Валерий и поспал, и журналы с полуобнаженными красавицами полистал, и подумал о будущем.

– Лилечка, – ласково приступил он, закрыв предварительно дверь на ключ, – раз мы любим друг друга, значит, должны друг другу помогать. В нашем положении я ничего сделать не могу, а вот ты можешь. Главное, получить приличную сумму денег, а уж потом я возьмусь за дело, и мы с тобой разбогатеем.

– Но как получить эту сумму? – взглянула на него, слегка оживившись, Лилия.

– А вот как! – Валерий приложил ухо к двери, прислушался. – Никого, – прошептал и, согнав Лилию с пуфа, сел сам, а ее взял на колени. – Послушай, сладкая моя, ты повнимательней приглядывайся к клиентам. Будь поласковей, пококетливей.

– Ты что, хочешь из меня проститутку сделать? – обиделась она.

– Ну что за глупости? – для убедительности громче, чем следовало, возмутился Катков и тут же умок. Оба прислушались. – Что за глупости! – уже шепотом повторил он. – Я же говорю, только стартовую сумму. Как наберем, все бросим и уедем в Германию.

Слова убеждения Валерий подкрепил действиями. Лилия была охотница до любовных ласк и согласилась собрать нужную сумму.

Клиент не заставил себя ждать. Станислав Михайлович Пшеничный будто подгадал, когда ему следует появиться в салоне. Едва он взглянул на Лилию, как ему стало жарко. На его приглашение встретиться вечером, она не ответила ни «да», ни «нет», потому что не знала, как поступить. Прибежав в гримерную, все на едином дыхании рассказала Валерию, тот задумался и... придумал легенду об академии легкой промышленности, о милой маме учительнице, о шаловливой, но славной младшей сестренке и сказал, что на первое свидание идти не следует. Пусть изумится бескорыстием бедной девушки.

Расчет оказался верным. Пшеничный такого не ожидал. Он примчался в салон и настоял, чтобы менеджер немедленно проводила его к Лилии. Дверь гримерной была заперта. Менеджер рассердилась и принялась стучать ку-

лаком. Когда дверь открылась, доверчивый, чуть затуманенный, как подумалось Пшеничному от чтения книги, взгляд девушки пронзил его точно током, а на самом деле он был затуманен буквально за минуту до этого окончившимся соитием. Блаженство только начало разливаться по телу Лилии, и взгляд блуждал, пытаясь осознать настоящий момент.

События разворачивались с необыкновенной быстротой.

– Главное, чтобы он не вышел на твою семейку. А то мамаша покроет его трехэтажным, если что не по ней окажется, а эта малолетняя стерва, твоя сестра, отобьет клиента. Ох и шустрая девка! – не удержался Валерий от восхищения. – Всего четырнадцать лет, а как пробивает себе дорогу в модельный бизнес. Уже столько обслужила, кого напрасно, что ж, не без издержек, а кого и точно по назначению. Ведь вот уже в журналах ее морда и задние округлости стали появляться. За просто так не напечатают, – тут он оборвал себя и строго добавил: – Учти! Все зависит от тебя! И чтобы ни мать, ни Роксанка не влезли!

Когда Пшеничный сделал Лилии предложение, Катков возликовал, даже бутылку шампанского в счет будущей круглой суммы купил.

– Ну, Лилия!.. – обнимая ее и задыхаясь от радостного возбуждения, говорил он. – Ну мы и заживем!

– Да как же заживем, Валерик? Я ведь замуж выйду!

– Выйдешь, но с умом! Мы потом придумаем, как от борова твоего избавиться.

Лилия с этим соглашалась, потому что жить с противно колющимися усами и громко храпящим по ночам Пшеничным она никак не хотела. Но неожиданная беременность внесла изменения в план Валерия.

– Ребенок! – восклицал он, сияя от счастья. – Ребенок!.. Да ведь теперь... – он захлебнулся от восторга, – ...теперь пусть составит завещание на тебя и на ребенка. Ты ему вбей в голову, мол, мало ли что может случиться. Я о себе не думаю, а вот маленький...

Лилия хотела было высказать сомнение, что вряд ли ей так быстро удастся уговорить Пшеничного изменить

завещание, да и вообще, чтобы она смогла воспользоваться его плодами, Пшеничный должен умереть, а он крепкий, ничем не больной...

Но Станислав Михайлович опередил свою невесту, он сам сообщил ей о своем решении переписать завещание в ее пользу. Лилия не преминула приписать эту заслугу себе. Валерию осталось лишь восхититься ловкостью своей ученицы.

Но тут возникла проблема, если будет ребенок, а он будет, то глупо разводиться. Ну выделит ему Пшеничный какую-то часть и то – после смерти, а так будет платить алименты, кто знает, какие. А вот если он умрет, не когда-то потом, а немедленно, сейчас, то все... Все!.. При этой мысли Катков погружался в транс, из которого выходил с большим трудом, долго мотая из стороны в сторону головой. Все достанется Лильке! А значит, и ему!.. «Тут надо как следует пораскинуть мозгами! – решил он. – К тому же торопиться некуда». Но ошибся. Розыски, принятые женой Пшеничного Ингой и его дочерью Миленой, насторожили Каткова. Он понял сразу: выиграет тот, кто опередит!..

ГЛАВА 26

Фролов почувствовал дискомфорт: постукивание колес и движение поезда прекратилось. Пассажиры пошли к выходу, он глянул в окно и увидел здание Казанского вокзала.

«На чем же это я остановился? – вернулся Сергей к своим размышлениям, медленно идя по перрону. – А!.. «Выиграет тот, кто опередит!» – так мог думать Катков. Но только вот кто опередил? Кто выиграл от убийства Пшеничного накануне свадьбы? Катков и невеста? Предположим, Лилия, находясь в возбужденном состоянии, не поняла, что Пшеничный ей показал черновик завещания. Она поторопилась поделиться радостной новостью с Катковым, а тот, допуская вероятность того, что жена и дочь Пшеничного могут разоблачить невесту перед женихом, поспешил убить его. Но точно так же можно предположить, что Инга и Милена собрали недостаточный материал, чтобы помешать свадьбе. И тогда они решили убрать отца и мужа. Милена – отличный стрелок. Что стоило ей выстрелить и вернуться на занятия в академию? Огромный лекционный зал. Милена тихонько приоткрывает дверь, заходит и садится на скамью. Если судить по тому, как развернулись последующие события, то выиграли от скоропалительной гибели Пшеничного Инга и Милена, особенно последняя. Каткову же с Лилией оставалось только кусать локти, ругаться друг с другом и выть от злости».

Сергей спустился в метро, и опять застучали колеса...

«Невесту-вдову приглашали к себе на вечера друзья Пшеничного, так как миф, созданный воображением Станислава Михайловича о непорочной невесте, смягчал сердца людей, они по мере своих сил хотели помочь девушке справиться с горем. Вероятно, на одном из таких вечеров она и познакомилась с Владимиром Милавиным.

Милавин пришел к своим друзьям без жены. Они вообще в последнее время очень редко появлялись вместе. Его познакомили с Лилией. Они разговорились. Лилия с трудом удерживалась, чтобы не расхохотаться его шуткам, но, выполняя наставления Валерия, хранила печальный вид. В конце вечера Милавин предложил подвезти ее домой. Лилечка потупила глаза, как она уже делала с Пшеничным, и, смущаясь, сказала, что живет очень далеко, в Перловке.

Дальнейшие события происходили по той же схеме, что и с Пшеничным. Милавин тотчас в своем воображении нарисовал скромную семью: рано поблекшую из-за житейских невзгод мать, очаровательную непоседу младшую сестренку и... предложил Лилии поехать отдохнуть на Средиземное море.

Когда он узнал, что Лилия беременна, то захлебнулся минеральной водой и, выпучив от натуги глаза, принялся громко кашлять. Однако, поразмыслив минуты две-три, решил, что эта беременность – гарантия следующей. Такой осечки, как с Валентиной, уже не произойдет. «Что ж, заменить ребенка отца тоже неплохо. Ведь он будет вылитая Лилечка!..»

Милавин сделал Лилии предложение с отсрочкой, необходимой для того, чтобы развестись с Валентиной.

В Москву Лилия вернулась на крыльях. Она бросилась на шею к Каткову, шепча:

– Валерик, любимый, он сделал мне предложение!

Катков подхватил ее и закружил по комнате. На деньги, которые остались у Лилии после смерти Пшеничного, он теперь снимал комнату.

– А он знает, что ты беременна? – перестав кружиться, озабоченно спросил он.

– Ага! Знает! – сверкая счастливой улыбкой оттого, что она видит своего Валерика, ответила Лилия. – Он сказал, что так даже лучше, потому что его жена не смогла родить ему ребенка. А я уже с гарантией!

– Так он женат!.. – протянул Катков. – Впрочем, ясное дело, престижный мужчина не может быть холостым. Он тебе сказал, что будет разводиться?

– Да, да! Не волнуйся! Смотри, что я тебе привезла, – расстегнула она молнию на сумке.

– Ух ты! – забыв от восторга самого себя, воскликнул Валерий и схватил джинсы. – Класс! – натягивая, восклицал он. – Спасибо, Лилечка! – но тут же настороженно спросил: – А он ничего не заподозрил?

– Нет! Я была предельно осторожна. А потом могла сказать, что это подружка попросила меня купить джинсы и еще кое-что, – игриво взглянула она на него.

– Что?! Что еще?! – стал он допытываться с жадным нетерпением.

– А вот ты меня сперва поцелуй, приласкай, тогда и узнаешь.

Катков, сгорая от любопытства, поспешил уложить Лилию на диван и приласкать несколько торопливо, но с желанием. Беременная девушка-невеста осталась довольна и вытащила из сумки все подарки. Валерий хватал рубашки, майки, шорты, туфли, выкрикивал: «Супер!» – и спешил все примерить. Он был так рад удаче, что решил не торопить события.

«Пусть Лилька выйдет за него, родит, потом посмотрим. А мне надо отдохнуть. Съездить куда-нибудь. Поэтому сейчас только одна проблема, каким образом устроить, чтобы Лилия могла тянуть для меня денежки с Милавина? Да, задача непростая. Видно, без Лилькиной мамы здесь не обойтись: пусть просит на нее. Ну и кое-что из своих денег будет мне передавать. Милавин, несомненно, положит на ее кредитную карточку определенную сумму. Короче, устройсь как-нибудь. Главное, поехать на модный курорт, там я, может, не то что старуху-любовницу подцеплю, а девчушку на выданье с влиятельным папашей в придачу. Я-то парень видный, красивый. Мне и надо-то немного – приодеться. А с этим шмотьем, что Лилька привезла, я – супер!»

Но радость была недолгой. Еще даже не успев начать бракоразводный процесс, Владимир Милавин умер от инфаркта: сел на низкий пуф, чтобы застегнуть туфли, и умер, – вдохнул и выдохнул. В квартире никого не было. Труп обнаружила пришедшая прислуга. Сообщили Вален-

тине, которая в это время занималась в фитнес-клубе. Она примчалась, раскрасневшаяся, в плаще, накинутом на спортивный купальник. Влетела в коридор и замерла перед лежащим на полу Милавиным. Ни одного взмаха ресницами, ни одного вдоха. Можно было подумать, что они умерли оба. Только один от инфаркта, а вторая – от свалившегося на нее и не вместившегося в сознание счастья.

«Неужели все так просто? – стал пробиваться вопрос. – Развода не будет. Цветочная невеста осталась с носом. Забвение, насколько мне известно, Володька не составлял. Значит, все достанется мне!.. Мне!.. – Тут у Валентины перехватило дух, она судорожно задвигала руками, открыла рот и стала жадно глотать воздух, боясь потерять сознание. Ее подхватили, усадили, подали стакан воды. – Все-таки есть справедливость на свете, – внутренне торжествуя и не в силах отвести взгляд от трупа мужа, думала Тина. – Вот так бы сидела и смотрела на него. Какое неизъяснимое блаженство!.. Он хотел выставить меня из этой квартиры, он хотел оставить меня без копейки, он хотел начать новую жизнь со смазливой девчонкой, а вышло, что это я... я начну новую жизнь, в которой отныне не будет ни одного мрачного дня. Я богата и свободна!»

Окружающих беспокоил сосредоточенный, остекленевший взгляд, каким Валентина смотрела на мужа. Ее попытались отвлечь, но она жадно следила горящими глазами за санитарами, упаковывающими труп ее супруга. Она подавила просившуюся улыбку, до боли сжав губы, и щедро оплатила труд санитаров.

Когда все ушли – она добилась этого не без труда, – кто-то, кажется соседка, хотел остаться, но Валентина выпроводила и ее. И тотчас пошла в кабинет Милавина. Взяла его мобильный, по справочнику нашла цветочное имя – Лилия, нажала на вызов и услышала игривое «Алло! Это ты, Володенька?!»

Тина, буквально лопааясь от клокочущей, бурлящей, неистовой радости, с наслаждением выждала небольшую паузу и проворковала, точно ручеек, бегущий по сверкающим камешкам:

– Нет, это его... – вновь пауза, – вдова... – сладостно выдохнула она.

Теперь последовала пауза с другой стороны.

– Не понимаю!.. Кто вы?.. И вообще, что это значит? – прикрикнул голосок.

– Это значит, что ваш, так сказать, жених умер, не вкусив блаженства супружеской жизни с новой женой, – на одном, переливающимся нотками злорадства дыхании произнесла она.

Там опять не поняли. Вернее, испугались понять.

– Как?.. Как это?.. Объясните!..

В ответ Лилия услышала раскаты смеха, и телефон отключился. В это время Лилечка сидела на круглом диванчике одного бутика и мерила обувь на плоской подошве, готовясь к большим срокам беременности. Она растерянно оглянулась, вновь схватила телефон и стала вызывать Милавина. «Это шутка! Чья-то мерзкая, подлая шутка! – Она резко вырвала свою ногу из рук продавщицы, надевавшей на нее туфлю. – Знают, что я беременна, и хотят поиздеваться. – Пошел вызов. Он тянулся дольше вечности и наконец... «Нет! Боже, нет!» – мысленно вскричала Лилия, услышав вновь тот же женский голос.

– Я же уже сказала вам, Милавин умер. Не стоит больше беспокоиться!

Лилия всем корпусом склонилась вперед, потом ее отбросило на спинку дивана. Она пронзительно всхлипнула, и с ней случилась истерика. Кое-как ее привели в чувство, проводили на улицу и усадили в такси. Онемевшими губами Лилия назвала адрес Каткова. Когда Валерий открыл дверь, она рухнула ему на руки.

– Что случилось? – встревожился он, увидев, что Лилии на самом деле нехорошо. – «Скорую» вызвать?

– Нет, – прошептала она, дрожа от охватившего ее ужаса. – Мне сейчас звонила жена Милавина...

Валерий махнул рукой:

– Наплюй, мало что она тебе наплетет!

– Я тоже не поверила, я позвонила по его мобильному, и опять ответила она... Она... Она сказала... – вновь чув-

ствуя ком в горле и слезы, навертывающиеся на глаза, старалась договорить Лилия, – что Володя умер.

Катков остолбенел с открытым ртом.

– Как умер? Отчего? Да нет, не может быть! Здоровый мужик, чего ему умирать?! Она просто издевается над тобой, – нашел он объяснение. – Милавин забыл свой мобильник дома, вот она и решила покуражиться напоследок.

В глазах Лилии сверкнули огоньки надежды.

– Ты думаешь?

– Конечно!

– Но как бы проверить?

– Да очень просто. Позвони ему на работу.

– Ой! – измученно улыбнулась она. – Как я сразу не догадалась. Я-то уж подумала, что опять, как с Пшеничным.

Катков вынул из ее сумки мобильный. Лилия не без трепета набрала номер. Услышав ровный голос секретарши, немного перевела дыхание.

– Мне... – все же сорвалась. – Мне, – откашлявшись, начала вновь, – Владимира... – Она не договорила. Она поняла, сама не отдавая себе отчета, каким образом, что жена Милавина сказала ей правду.

– К сожалению, случилось несчастье... Сегодня утром Владимир Павлович умер от обширного инфаркта.

Рука Лилии бессильно повисла».

Сергей вышел из вагона и перешел на противоположную сторону, чтобы вернуться назад, так как проехал свою станцию.

«Черт возьми, а это увлекает, – размышлять, как поступили известные тебе люди в определенных обстоятельствах. А что, если?! – И даже мысль замерла. – Что, если, – все же осмелился продолжить Сергей, – Тина убила своего мужа? Ей грозил развод, потеря привычной сверхбеспеченной жизни. Мужа она не любила, вероятно, находила отдохновение на стороне. В любом случае, она ничего не хотела менять. Как выйти из такой ситуации?»

Фролов встrepенулся, услышав, что объявляют его станцию. Рванул к дверям, наступив кому-то на ногу. Дама взвизгнула, послала ругательство в спину, но, в принципе, эка невидаль, – наступили тебе на ногу в вагоне метро. Скажи спасибо, что пивом не облили.

Сергей выскочил, прошел по инерции несколько шагов, но, заметив скамью, сел.

«Так как же выйти из грозящей потерей привычного, удобного стиля жизни ситуации? Только убить Милавина! – довольно громко ответил сам себе Фролов. – Но как она его убила? Ведь было вскрытие!.. А что, если Милавину стало плохо, и Тина ввела ему завышенную дозу лекарства? Сердце-то, как выяснилось, пошаливало давно и серьезно, значит, и лекарство, и шприцы в доме были. Вколола и ушла. Милавин полежал, полежал, да надо на работу, сел надевать туфли и тут... А следователю Тина сказала, что это Милавин сам сделал себе укол, так как с утра, перед тем как она ушла в фитнес-клуб, он чувствовал себя не очень хорошо».

Доведя таким образом свою мысль до логического завершения, Сергей поднялся и направился к выходу.

Но, придя домой, он снова вернулся к захватившим его размышлениям.

«Катков не поверил в прямо-таки мистическое повторение ситуации в жизни одной женщины, но вечером по телевизору прошло сообщение о смерти крупного предпринимателя Владимира Милавина. Валерий и Лилия сидели на диване и попеременно вздыхали. Вдруг Катков всполошился:

– Лилька, ты как себя чувствуешь, а?

Она, удивленная его вниманием, прислушалась к себе и ответила:

– Нормально.

– Слушай, Лилька, у тебя же в животе наш клад!

Она, мило сконфузившись, улыбнулась:

– Да ладно тебе!

– Ты вдумайся! У тебя в животе ребенок Пшеничного! Мы этим ребенком прижмем к стенке его наследников. Пусть гады поделятся с маленьким братишкой!

Лилия выдавила улыбку, но глаза ее тревожно заматались из стороны в сторону. Валерий попытался поймать ее взгляд, но ему это не удалось.

– Что? Что? – принялся допытываться он.

– Ничего. Жарко что-то стало.

Валерий заботливо приоткрыл окно.

– Как только родишь, – вернулся он к своей идее, – мы тут же заявим, что появился новый наследник. Они, конечно, начнут кочевряжиться, но я привлеку прессу. А ты, если они не пойдут на мировую, подашь в суд. Не может быть, чтобы ничего не присудили новорожденному.

– А вдруг они не поверят, что это сын Пшеничного?

– Это раньше можно было не поверить. А теперь делают тест на ДНК и установят, что это порода Пшеничных. Слава богу, его не кремировали. В крайнем случае добьемся эксгумации. Пусть потом доказывают обратное!

Лилия прилежно кивала, слушая Валерия. Но весь вечер была задумчивой и отвечала невпопад. Ему это надоело, и он пошел прогуляться. Вернулся под утро и застал Лилию в слезах.

– Валерик, ты только не ругайся, но... может случиться так, что это твой сын.

Катков где стоял, там и сел.

– Как это мой? Да ты что, с ума сошла? Да зачем он нам... мой?

Она подбежала к нему, присела на корточки и, заикаясь, путаясь, попыталась объяснить:

– Ну... я... не уверена... что он твой... но и не уверена, что он... не твой...

– Вот же сука! – разрядил душу Катков. – Учти, не дай тебе бог, если он окажется моим!..

Когда родился ребенок, первое, что сделал Валерий, сдал кровь на установление отцовства. Пока ждал результатов, молился всем богам, чтобы ответ был отрицательным. Но в назначенный день ему радостно сообщили, что отец ребенка – он.

Катков подвел дебет и кредит подарков и денег, полученных Лилией от женихов, и решил вновь отправиться

на завоевание Германии. Лилия с ребенком увязалась за ним. Пять лет он всеми способами пытался выбраться из нищеты, но в результате опять позорно бежал.

С большими трудностями они вернулись в Москву и свалились на голову матери Лилии. Та их хотела сразу выставить за дверь, да внука жаль стало. Но жизни не давала. Перебрав спиртного, шумела, ругалась, протрезвев, начинала пилить. Изредка заходила Роксана, и это было еще худшей пыткой для Каткова и Лилии. Первый безуспешно пытался понравиться успешной модели, вторая ревновала до пены на губах. А Роксана влетала в затхлую комнату, как сверкающая блеска. Высокая, с каштаново-рыжеватыми волосами, шикарно одетая, курящая дорогие сигареты. По телевидению как раз стали показывать ролик, где она рекламировала шампунь для волос.

Роксана не обращала внимания на Каткова, чем доводила того до бешенства, поддразнивала сестру-неудачницу и только племяннику приносила подарки.

— Жаль мальчишку, славенький, в нашу породу, — говорила она, в упор не замечая присутствия хорохорившегося Валерия. — Ну да ладно, вот, — протянула она как-то деньги Лилии, — купи ему, что там надо, — но, перехватив жадный взгляд Каткова, передумала: — Лучше я ему сама куплю.

Так и сделала. Привезла одежду, фрукты, игрушки. Катков только клацал зубами.

— Ну зачем пацану такие дорогие вещи! Родители в обносках ходят, а он разодет, как принц!

После ухода Роксаны он собрал вещи и игрушки и решил хоть за полцены продать соседке, у которой тоже был ребенок, но Лилия и ее мать грудью встали на защиту подарков Роксаны. Катков плюнул и ушел в пивную. После пятой кружки ему в голову пришла идея шантажа брата и сестры Пшеничных. «До анализа доводить нельзя, значит, надо как следует припугнуть!..»

Вернувшись домой, поделился планом с Лилией. Уставшая от нищеты Лилия тотчас согласилась. И они приступили...

Подкараулили как-то у входа в клуб Олега, но тот сразу дал понять, что у них ничего не выйдет. Однако шантажистов это лишь подзадорило. Катков узнал телефон и адрес Пшеничного. Сначала послал несколько напечатанных на компьютере писем, затем принялся звонить и угрожать...»

Сергея отвлекло от размышлений чувство голода. Он пошел на кухню, открыл холодильник и задумался, что бы выбрать, но тревожный клубок мыслей продолжал разматываться с потрясающей скоростью. Фролов схватил, что попало под руку, и машинально положил в рот.

«Чтобы доказать Пшеничному, что они не шутят, Катков с Лилией убивают Валентину, а заодно мстят ей за смерть Милавина. – Неприятный холодок чувственного воспоминания пробежал по его телу. Он постарался поскорее избавиться от уже пережитых ощущений, прогнав всплывший в памяти образ Тины с запрокинутой головой и шарфом, обмотанным вокруг шеи. – Пшеничный оказался не таким трусливым, как о нем думали теперь уже не только шантажисты, но и убийцы. А может, не столь сообразительным?... И тогда Катков с Лилией по наводке Астровой приходят в театр, зная, что там будет Милена Пшеничная. Вера, как она утверждает, полагала, что те задумали устроить большой скандал, рассчитанный на репортеров. Но Катков решил действовать наверняка. Он убил Милену и тем самым дал понять Олегу, что если тот не поделится своим наследством с малолетним «братом», то его отправят вслед за сестрой и возлюбленной».

Фролов рассеянным взглядом оглядел стол, за которым сидел, – чего-то не хватало. «А! Горчицы!...» Он вынул из холодильника баночку горчицы и вернулся к размышлениям.

«Каким-то образом, это надо выяснить, Катков пробрался за кулисы и выстрелил в Милену, после чего они с Лилией попытались скрыться. И тут им по какой-то просто чудесной случайности встречается Вера, которая, по сути дела, дала возможность преступникам уйти. – Фролов, при-

дя в отчаяние от столь непростительно легкомысленного поступка, ударил кулаком по ладони. – Ах ты!.. Но они вернутся, обязательно вернутся, чтобы либо получить деньги от Пшеничного, либо его убить. Вот тут-то и надо будет их подкараулить. Сначала они позвонят Олегу... Значит, его надо предупредить! – Сергей недоуменно пожал плечами. – Однако как-то это все просто получается. Пшеничный даст согласие на передачу определенной суммы, а подполковник Терпугов возьмет преступников с поличным. Такое ощущение, будто кто-то руководит всеми поступками Каткова и его подруги. Направляет их, подсказывает, какой сделать следующий шаг...»

Сергей тряхнул головой, наморщил лоб и придвинул к себе пепельницу.

«А ведь меня тоже направляют. Подсказывают невзначай – сходи в театр, разузнай незаметно для окружающих, как дело было. Поговори с Новгородцевым, переговори с женихом Милены. Значит, хотят, чтобы я увидел в театре то, что было скрыто от других, так, что ли?.. И, лишь сопоставив то, что видели разные люди с разных мест, я увижу цельную картину, которую для отвода глаз нарисовал мастер-убийца...»

– Ладно! – докурив сигарету и обстоятельно погасив ее о дно пепельницы, проговорил он с плохо скрываемым чувством раздражения, – пойду в театр, тем более что предлог для визита туда мне уже обеспечили.

ГЛАВА 27

Но выбраться в театр на следующий день не удалось. Срочно нужно было доработать уже отобранные варианты обложек. Где изменить шрифт, где усилить оттенки, где, наоборот, ослабить слишком бьющий в глаза цвет. Фролов работал с увлечением, тем более что имел под началом неплохих специалистов. В голове же во время перекуров с неизменным постоянством пролетали две мысли: одна тревожная – о том, что он сможет разузнать в театре, а другая – радостная и тоже тревожная – о выставке цикла его рисунков «Последнее впечатление». Вера уже договориалась с владельцем одной очень престижной галереи.

Когда макет обложки новой книги Астровой был готов, Сергей понес показать его Вежиной. Он шел по коридору, придирчиво рассматривая свое творение. С размаху открыл дверь в ее кабинет. Услышав, что кто-то вошел, Ксения подняла глаза. Сергей не смог скрыть улыбку, демонстративно держа перед собой макет. Ее взгляд сосредоточился. Фролов подошел ближе. Она кивнула и выдохнула:

– Отлично! – Жестом попросила положить макет на стол. – Отлично! – повторила она. – Даже лучше, чем я представляла, – и, не удержавшись, провела пальцами по бумаге. – Сергей, мне нет смысла вам льстить, но вы сделали новое. Это редкость в наше время, когда, кажется, что все, что только можно, уже сделано. Вы внесли такие неожиданные нюансы... Великолепно!

Фролов широко улыбался. Забытое, забытое чувство творческой радости вдруг наполнило его грудь. Но тут, словно джинн из бутылки, в сознании возник образ Веры и напомнил, что ему следует поговорить с Вежиной, ведь она тоже была в театре в тот роковой вечер.

«Да, — мысленно согласился Сергей, — лучшей возможности не представится». Он кашлянул, отрывисто вздохнул и сказал:

— Жаль... Жаль, что Милена Пшеничная... хоть она меня и не жаловала, но я уважал ее за умение работать... — «Что я несу? Это же чушь несусветная...»

Но Ксения не придавала значения форме, она почувствовала смысл. Чуть опустила голову и тоже вздохнула, а из-под очков появились две блестящие дорожки.

— Простите, — спохватился Фролов, — вам, несомненно, тяжело вспоминать, тем более что это произошло на ваших глазах.

Ксения вынула из стола пакетик с бумажными платками:

— Не знаю, к счастью ли... Да, все-таки к счастью, я этого не видела.

Фролов выразил изумление:

— Вы же были в театре!

— Да. Но только на первом действии. Неудобно было отказать, сам режиссер прислал нам приглашения. Вначале я немного даже расстроилась, очень хотела посмотреть этот спектакль, а потом оказалось, что все к лучшему, если так можно сказать. Сразу после первого действия мы с Ладимиром... Новгородцевым, — уточнила она, — поехали в клуб. У художественного руководителя его театра был день рождения, и он пригласил Ладимира. — Ксения, слегка задумавшись, усмехнулась с долей грусти. — Не оттого, что он ведущий актер в его театре, а оттого, что он хорошо поет. Вот ведь сам худрук признает, что Новгородцев актер талантливый, а ходу не дает. Никого нет за спиной Ладимира, и потому его талантом пользуется избранный круг. Держат для себя. Многие приглашают его петь на своих юбилеях, вечерах... — махнула она рукой. — Обещают, обнадеживают, но отчего-то не хотят пропустить. Только один из режиссеров сдержал свое слово. Пригласил в телесериал. Роль небольшая, но запоминающаяся. Ладимир сыграл блистательно, — невольно хвастаясь, произнесла она. — Так вот, в тот вечер мы поехали в клуб «Медальон». Бывали там? — Фролов отрицательно мотнул

головой. – Дурацкий клуб: Представляете, каждый, кто хочет, может на неделю, на месяц, короче, за сколько заплатит, вставить свою фотографию в один из огромных медальонов, оправленных в имитирующие драгоценные камни стекляшки. И получается, что ночь напролет ты сидишь в окружении каких-то совершенно идиотских физиономий. Клубу, конечно, прибыль, дураков-то хоть отбавляй.

Фролов расхохотался:

– А по-моему, идея неплохая. Только называться он должен не клуб «Медальон», а клуб дураков.

Ксения тоже расхохоталась:

– Осторожней! Там много влиятельных... дураков.

– К сожалению, их везде много, а не только там.

Они вновь принялись рассматривать макет обложки.

– Да! – вспомнил Фролов наставление Астровой. – Я тут как-то видел Новгородцева... – он замялся, подыскивая следующую фразу, – меня очень лицо его... заинтересовало, как художника. Дело в том, что замыслил я одну картину и... – Фролову стало жарко. – Мог бы я обратиться к нему с просьбой позировать мне, всего два-три сеанса, как вы думаете?..

Ксения рассмеялась:

– Уверена, ваша идея встретит горячее сочувствие в лице Ладимира. Он любит себя на сцене, любит в кино, любит на снимках в журналах, к сожалению, очень редких, а тут ему предлагают запечатлеть его черты на полотне!..

– А вы колючая! Не прощаете актеру маленьких слабостей.

– Ошибаетесь, я их замечаю – это правда, но прощаю все!

* * *

На другой день Фролов позвонил художественному руководителю театра.

– А, да!.. Здравствуйте! Верочка мне говорила о своем желании, чтобы спектакль по ее пьесе оформляли вы, но дело в том, что наш художник уже сделал практически все эскизы...

Фролов был готов выслушать вежливый отказ.

– ...но Олег Станиславович тоже высказал такое же пожелание. Приходите, познакомимся.

«Понятно, Вера и Пшеничного подключила, – отметил Сергей. – Что ж, отбросим за ненадобностью щепетильность и пойдем в театр», – с каким-то странным внутренним спокойствием, под которым притаилось яростное ожесточение, подумал он.

Художественный руководитель театра Михайлов Александр Алексеевич встретил Фролова приветливо. «Сразу видно, что Пшеничный – спонсор спектакля», – улыбаясь, пожал протянутую ему руку Сергей.

Разговор завязался легко. Говорили обо всем и ни о чем конкретно. Было ясно, что Александр Алексеевич не расположен заменять своего художника и поставил себе целью разочаровать Фролова в спектакле. Потому высказывался о пьесе с уважительной иронией. Подтекст читался следующий: «Разве женщина может написать стоящую пьесу? Так, безделушка!.. Я взялся за постановку только из-за спонсорской поддержки, обещанной Пшеничным». Фролов отвечал ему приблизительно в том же духе, мол, все понимаю, но тоже из меркантильных соображений согласился оформлять спектакль.

Беседовали, пили кофе с коньяком, опять коснулись пьесы. Неизбежный телефонный звонок прервал разговор. Александр Алексеевич извинился, Фролов взял чашку с кофе и принялся рассказывать по кабинету. Остановился перед висевшей на стене, так сказать, картиной (30 × 20), оправленной в хорошую раму. Картина была не написана, а наляпана маслом. Что конкретно хотел изобразить ребенок, было не понятно, но чувствовалось, что это была радость.

Михайлов, переговорив по телефону, подошел к Сергею.

– Ташизм. Моя пятилетняя дочь пока отдает предпочтение этой форме, – рассмеялся он. – Ее подарок на мой день рождения. Обожает рисовать. Вместо того чтобы мечтать стать актрисой, вместо того чтобы завороченно смотреть на сцену – пропадает в мастерской художника.

– Ну что ж, она уже мастер, – заметил с улыбкой Фролов, приглядываясь к картине. – Причем своеобразный... – подходя к ней еще ближе, добавил он.

– Пришлось повесить на стену, чтобы утешить. Принесла мне эту картину вся зареванная. Оказывается, не успела она создать свой шедевр, как тут же загорелась преподнести его мне. Схватила холст и помчалась из мастерской прямо в кабинет. И в коридоре кто-то налетел на нее, вот видите, и смазал немного это желтое пятно. Она расстроилась. Чтобы утешить ее, я обещал заказать раму и повесить на стену. Только тогда успокоилась. – Лицо Михайлова помрачнело. – Да... – протянул он, – мой день рождения в этом году не удался, да еще повлек за собой столько неприятностей. Лишь благодаря поддержке Олега Станиславовича дело не приняло критический оборот. Ведь именно в тот день в театре убили Милену Пшеничную. Пришлось даже закрыть спектакль. Компетентные органы нашли его опасным для жизни зрителей. Я говорю о «Мамаше Кураж», – уточнил Александр Алексеевич. – До сих пор не представляю, каким образом убийца проник за кулисы, – развел он руками. – И это как надо стрелять, чтобы в той суматохе выстрелить и попасть!.. Просто мастер высочайшего класса! Потом среди реквизитного оружия нашли винтовку с ночным прицелом и этим... как там они его называли... ПБС, прибором бесшумной и беспламенной стрельбы, ну конечно, без отпечатков. До сих пор меня в покое не оставляют. Косвенно обвиняют в концепции постановки спектакля. Нельзя было выносить на сцену столько оружия, открывать стрельбу... А!.. – провел он подрагивающей рукой по черным волосам. – Тогда из оперы «Евгений Онегин» надо изъять сцену дуэли. Преступник, к примеру, может заменить реквизитный пистолет Онегина на настоящий...

Фролов, слушая Михайлова, о чем-то напряженно размышлял. Затем, попросив разрешения, снял картину со стены и подошел с ней к окну. Кровяное давление при этом у него резко поднялось.

– Знаете что, Александр Алексеевич, – бодро приступил он, – это прозвучит несколько, скажем, смешно, и

это больше свойственно женской логике, но я знавал одного экстрасенса... — Фролов замолк, ощутив сухость во рту. Преодолев неловкость, продолжил: — Так вот, он говорил, что неудачу, если она оставила материальный знак, можно изгнать, ликвидировав этот знак.

Михайлов с нескрываемым любопытством посмотрел на Фролова. Недоумение, как и ожидал Сергей, отобразилось на его лице. Углы губ опустились, лоб наморщился, а в глазах читалось: «Ну вы это... — но мелькнувшая мысль заставила изменить его свое чисто мужское мнение. — А что? Сейчас об этом много говорят и, кстати, среди мужчин действительно встречаются серьезные экстрасенсы».

— Ликвидировать? — заинтересовавшись, переспросил Александр Алексеевич.

— Совершенно верно! — подтвердил Сергей.

— Но каким образом? И где вы нашли этот знак?

— Да вот, — указал он, — на картине вашей дочери. Давайте воспроизведем, как все случилось. Она выскочила из мастерской и помчалась по коридору, держа перед собой холст с только что нанесенными на него масляными красками. Кто-то, не заметив, натолкнулся на вашу дочь и испортил ее картину.

— И вы полагаете, — с сомнением в голосе спросил Михайлов, — что это и есть знак неудачи?

Фролов пошевелил пальцами, обвел кистью руки полукруг и ответил однозначно:

— Да! — Затем все же счел необходимым уточнить: — Во всяком случае, от того, что я подправлю смазанное пятно, хуже не будет.

— Так вы хотите подправить?! — в полном изумлении воскликнул Александр Алексеевич и подумал: «Он оригинал! А так сразу и не скажешь. Интересное, своеобразное, с оттенком мистики мышление. А что?.. — обхватил он длинными пальцами свой подбородок. — Такой может предложить неординарное художественное решение спектакля. Астрова зря не стала бы его предлагать». — Вы хотите подправить прямо сейчас? Тогда пройдем в мастерскую.

Фролов улыбнулся:

– Нет, если вы позволите, я возьму картину и верну ее дня через три.

– Конечно, пожалуйста! Кто знает, может, и впрямь закончится эта жуткая полоса неудач. – Он порылся в одном из ящиков своего стола и протянул Фролову пакет.

Тот поблагодарил и сказал, что неплохо бы взглянуть на сцену.

– Да, прошу! – открыл дверь кабинета Михайлов.

Осмотрев сцену и закулисы, Фролов попрощался с Александром Алексеевичем и поехал домой.

* * *

Войдя в квартиру, Сергей первым делом отправился на кухню. Открыл холодильник и скривился:

– Черт возьми! – Верхняя губа капризно и зло оттопырилась. – Была бы жена, было бы на кого дуться, а на самого себя какое удовольствие? – Он присел на корточки. – Что это там? Кусок пиццы? Вот надоела!.. Стоп! У меня же, кажется, – с придыханием, боясь ошибиться, пробормотал он, – в морозилке пачкапельменей. – Взялся за ручку, сосредоточился, потянул... – Ура! Даже не распечатанная. И горчичка осталась. Еще винный уксус со специями. Живу!.. – включая плиту и ставя кастрюлю с водой, приговаривал он.

Поев и ощутив приятную негу в теле, Сергей перебрался на диван и уже хотел было вздремнуть, как вмиг вспомнил все. Посмотрел на часы и придвинул к себе телефон:

– Позвоню Новгородцеву.

Звонок застал Ладимира в метро на подходе к эскалатору.

– Сергей Фролов? – переспросил он. – Да, Ксения мне говорила о вас. Подъехать? – Он остановился и сразу почувствовал удар в спину: толпа напирала. Чертыхнулся, заметив Фролову, что это к нему не относится, и выбрался из толчеи. – Можно и приехать. Вы где живете? А! – узнав, что тот обитает не в спальном районе, радостно воскликнул Новгородцев. – Тогда я буду у вас минут через пятнадцать.

Между Новгородцевым и Фроловым сразу установился дружеский контакт. Сергей пригласил его пройти во вторую комнату, которая служила ему мастерской, усадил Ладимира на стул, а сам отошел к мольберту, на который прикрепил чистый лист.

Говорили сразу обо всем и, конечно, не обошли убийство Милены Пшеничной.

— Мы с Ксенией уехали после первого действия в клуб «Медальон» и засиделись там допоздна. Кто бы мог подумать?! — с неподдельным сожалением произнес в раздумье Ладимир. — В тот вечер Милена выглядела потрясающе! На ней было такое эффектное платье с бело-лиловыми цветами... Да!.. — продолжил он после паузы. — А мы с Ксенией поехали в клуб. Она сидела за столиком, а я пел на сцене, — говорил он, рассеянно разглядывая развешанные по стенам этюды и картины. Один из этюдов, видимо, заинтересовал его. Он встал и подошел поближе. — Ой, простите, я и забыл, что позирую. А вы мне подарите какой-нибудь набросок с меня?

— Обязательно, — пробормотал Фролов, придирчиво вглядываясь в черты лица Новгородцева.

— Кто что может знать в этом мире? — вернулся к волновавшей его теме Ладимир. — Незадолго до убийства Милены кто-то преследовал Ксению по дороге домой, и, как она мне рассказала, если бы не ее сосед, гулявший на улице с собакой, ее, быть может, тоже убили бы.

— Что? — вышел из-за мольберта Сергей. — На Ксению покушались? И она не обратилась в милицию?

— Ну конечно, нет. Кто будет заниматься убийством, которое еще не произошло. Правда, когда ее вызывали на Петровку в связи с убийством Милены, она рассказала о своем преследователе. Ну и что?.. Хотя все это чрезвычайно странно. Убивают не только Пшеничных, но и тех, кто близок к ним. Помните Валентину Милавину? — Фролов кивнул. — Ну вот. Я, признаюсь, боюсь за Ксению. Думаю, может, ей лучше уйти из издательства? Как думаете?

Сергей закатал спустившийся рукав рубашки.

– Трудно советовать. Но мне лично без Ксении было бы в издательстве грустно. Она такая... – он улыбнулся, – ...милая и в то же время знающая свое дело. Женственная и деловая, если можно соединить эти два столь несхожих определения.

– А вы правы! – подскочил на стуле Новгородцев. – Она поражает порой. То угловата, как ребенок, то серьезна, то просто обворожительно... Умеет носить и строгий костюм, и сверкающее блестками платье.

– Значит, из театра вы ушли после первого действия? – решил уточнить Фролов.

– Да, – повторил Ладимир. – Мы сразу же уехали. Подошли попрощаться к Милене с Игорем и уехали.

Лицо Новгородцева заинтересовало Сергея. Он с удовольствием делал с него наброски в различных ракурсах и ловил себя на мысли, что ему стало приятней писать портрет с живого человека, что мертвый с его «последним впечатлением» уже перестал его волновать. «Значит, пришло время. Цикл окончен. Больше мне нечего сказать. Что ж, просмотрю, отберу, закажу рамы и готов к выставке».

* * *

Несколько дней Фролов был чрезвычайно занят, даже не звонил Астровой. Но когда добытые им факты при сопоставлении дали возможность реконструировать преступление, он помчался к Вере. Та пришла в невероятное возбуждение от услышанного.

– Надо действовать! – выпалила она.

– Интересно, как ты себе это представляешь? Во-первых, я хоть и уверен в своих выводах, но от ошибки не застрахован никто, а во-вторых, нет прямых улик. Вернее, они как бы есть, но от них, я думаю, вполне можно отпереться. Ведь будут задействованы адвокаты.

Вера, обхватив себя за плечи руками, ходила по комнате, тревожа воздух огненно-красным шелком платья: она была приглашена на коктейль, но сведения, сообщенные Фроловым, заставили ее остаться дома.

– К тому же присутствует фактор риска, – продолжал Сергей, – и избежать его можно только одним способом – все рассказать Терпугову.

– То есть сдать Терпугову все козыри, – недобро улыбнулась Вера. – Он нас с тобой подозревал в убийствах, а ты ему всю информацию: нате, пожалуйста, арестовывайте! Нет, ну как это, вот так взять и отдать Терпугову в руки то, до чего доискался сам?

– Но другого выхода у нас нет. И потом, не мое это дело – ловить преступников. Если так случилось, что я стал обладателем ценной информации, то я обязан поделиться ею с представителем закона.

– Не случилось! – голосом, в котором кипела с трудом сдерживаемая ярость, вставила Астрова. – Ты сам, причем с моей подачи, провел частное расследование. Ты добыл эту информацию. – Она остановилась в задумчивости, нервно потирая ладони. – А если все-таки вкралась ошибка? – высказала вслух тревожившее и ее, и Сергея сомнение. – Как мы будем выглядеть?

Фролов вытер платком пот со лба.

– Тогда не знаю! – устав от бесплодного нескончаемого разговора, выпалил он.

– А я знаю! Надо подождать. Затаиться. Все равно, пока Катков не позвонит Пшеничному и не получит окончательного и бесповоротного отказа, ничего не произойдет.

«Все-таки женщина – кошка, – подумал Сергей. – Мужчина бросился бы на преступника, как собака, схватив того за горло, а женщина – затаиться, выждать и вонзить когти».

Вера поджала губы и озабоченно покачала головой:

– Надо все хорошо обдумать. Затем поговорить с Пшеничным, чтобы он знал, как отреагировать на звонок. А уже потом, если возникнет острая необходимость, вызвать Терпугова.

Фролов со снисходительной усталой улыбкой смотрел на нее:

– Я разгадал твой план. – Вера усмехнулась и, приподняв брови, приготовилась слушать. – Ты хочешь сама пой-

мать преступника! Это будет такая реклама, о которой писатели детективов даже мечтать себе позволяют раз в жизни, и то не все. Тираж твоих книг побьет все рекорды. Еще бы! Писательница, сочиняющая детективы, оказалась настолько проницательной, ловкой, умной, что смогла распутать сложнейшее преступление. Выходит, все, о чем она писала в своих книгах, это не плод воображения экзальтированной дамы, а то, что могло и может произойти.

Астрова смерила Сергея долгим взглядом.

– А что здесь плохого? Если ты думаешь, что я утаю твое участие в расследовании, то ты меня плохо знаешь.

Он расхохотался:

– Прости, может, я что-то теряю в твоих глазах, но мне абсолютно все равно, будет написано в газетах о моем участии в расследовании или нет.

– И зря! – не вытерпев, воскликнула Вера, – Надо пользоваться всем, что может придать интерес твоей личности. Художник, создавший цикл рисунков «Последнее впечатление», потрясенный убийством своей бывшей возлюбленной, находит ее убийцу.

Фролов в неподдельном изумлении хлопал ресницами.

– Вера, да ты что? Выставлять напоказ наши отношения с Тиной?..

– Ну можно не выставлять, а просто сказать, что ты, возмущенный столькими убийствами, жертвы которых запечатлены на твоих рисунках, решил лично найти преступника.

– А зачем?.. Зачем об этом говорить?

– Как зачем? Чтобы выделиться. Ведь не каждому дано распутать преступление. Даже профессионалы зачастую пасуют.

– Выделиться... – в раздумье произнес Сергей. – А зачем?

Вера со злой иронией в глазах чуть качнула головой:

– А затем, что я не хочу быть, как все. Не хочу быть серой среднестатистической единицей. У меня талант. Но мир устроен так, что таланту без ухищрений, без помощи не просто заявить о себе. И даже когда о тебе уже знают, надо уметь удержаться на той высоте, куда взобрался.

Иначе свалишься. А после того как вкусил от известности, жить в забвении невозможно. Нет, конечно, — как бы предвосхищая протест Фролова, с жаром продолжала она, — выход всегда есть, даже на выбор: алкоголь, наркотики, самоубийство.

— Ты считаешь, что, если бы тебя вытеснили из книжного бизнеса, ты бы пошла по одному из перечисленных тобою путей?..

— А кем ты видишь меня вне книжного бизнеса?

Он затруднился с ответом.

— Секретаршей? Сотрудницей какой-нибудь туристической фирмы? Мне с моим потенциалом продавать путевки или заваривать кофе?..

Фролов опустил голову. Отчего-то было противно на душе. Вероятно, оттого, что Вера не так уж была не права. Он не вкусил, как она сказала, известности, он только предвосхищал ее, а она, чуть коснувшись, прошла мимо, и что?.. Изнуряющее бесполезное бегство от самого себя и, увы, Вера опять права, алкоголь. И если бы не она, не поданная ею надежда на выставку, чем бы, как бы он кончил свою жизнь?..

«У женщин практический ум. Сейчас у Веры все отлично. Издают и переиздают, но она, раз столкнувшись с вероятностью лишения ее, писателя, возможности быть изданной, испугалась навсегда. И можно понять ее желание обеспечить себе право работать. Что ж, раз я могу ей помочь разоблачить убийцу и даже поймать его на месте преступления, которого не будет, потому что она, писательница детективов Вера Астрова, предотвратит его... Что ж... Для Терпугова — это всего лишь одно из раскрытых им преступлений, а для нее — это тиражи книг, это обеспеченная на годы работа. — Фролов невольно вздохнул. — И все равно, не таким путем должен писатель добиваться издания своих книг, не таким... Но что она, женщина, может сделать?..» Он поднял глаза на Веру.

— Что, все еще сомневаешься, не сообщить ли известные тебе факты Терпугову?.. Конечно, так проще: не надо мне ничего, лишь бы ничего не делать. Никчемная позиция!

– Вера, – Фролов встал с дивана, подошел к ней и, взяв ее за плечи, пристально посмотрел в глаза. – Здесь есть фактор риска.

– Риск есть даже при переходе дороги на зеленый свет.

– Но ведь мы подвергаем опасности чужую жизнь.

– Когда садишься за руль, каждый раз подвергаешь риску чужую жизнь.

– Но... – он не нашелся, что ответить.

– Тогда ползи улиткой по жизни, только смотри, чтобы тебя не раздавили, когда ты помешаешь чужому движению вперед. В конце концов, ты собрал факты с моей подачи. Если бы я не натолкнула тебя на мысль начать с убийства Станислава Пшеничного... Если бы не вспомнила о его невесте-вдове... Да ну тебя!.. – с раздражением бросила Астрова.

– Хорошо, давай доведем следствие до конца. Но если я решу, что опасность слишком велика, я тотчас вызываю Терпугова.

– Конечно. Только я уверена, что до этого не дойдет. Мы сами с блеском возьмем преступника.

– Эту честь я полностью предоставляю тебе.

– Предпочитаешь оставаться в тени?.. Что ж, это даже по-мужски. – Вера взглянула на часы. – Поехали со мной на коктейль. Нам надо развеяться.

– Нет, ты лучше поезжай одна, а я займусь своими рисунками.

– Ой! – воскликнула она. – Как же я забыла!.. Вот, посмотри, – открыв секретер, протянула она ему пригласительные билеты на выставку художника Сергея Фролова.

Сергей взял атласный на ощупь пригласительный, открыл его и залюбовался.

* * *

Фролову казалось, что он все еще стоит в комнате Веры с раскрытым пригласительным в руках, и не верилось в реальность происходящего вокруг. Все, чего он ждал столько лет, вдруг случилось. Персональная выставка

художника Сергея Фролова «Последнее впечатление». На пригласительном билете цитата из стихотворения:

Прощальной свечою зажжется звезда...
Я был или не был? Последним «спасибо»
За то, что я был, разомкнутся уста¹.

Когда было достаточно сказано о новом обретении российской культурой художника Сергея Фролова, когда отозвался тонким эхом звон бокалов с шампанским, в зале наконец воцарилась тишина. Рисунки, на которые приглашенные успели бросить лишь беглый взгляд по приходе, так как необходимо было поприветствовать старых знакомых, обзавестись новыми, оглядеть, кто в чем и кто с кем, встретить легкими аплодисментами появление Сергея Фролова, благодарившего за то, что они откликнулись на его приглашение, хотя все они в основном видели его впервые, но Вера Астрова так рекомендовала быть... Так вот, рисунки, выполненные обыкновенным угольным карандашом, вдруг заставили всех смолкнуть, теряя даже наведенный на щеки румянец, с трепетом вглядываться в чужое последнее впечатление...

Живая теплая слеза из омертвевшего глаза Пшеничного, который унес с собой образ своей невесты; удивленный взгляд Валентины Милавиной, вобравший в себя лишь контуры кабинета... и еще два десятка взглядов, от которых становилось страшно, и разливалась по телу колкая печаль, и отгонялась мысль – а что унесу я?.. И тотчас глаза отрывались от рисунков и жадно ловили, хватали живое: свет, лица, дыхание... Но рисунки притягивали вновь.

Постепенно волна мистического страха схлынула, и зрителей захватило мастерство художника. Странного художника. Где и отчего он, наделенный таким ярким талантом, пропадал столько времени?.. Дамы стали исподволь поглядывать на него – высокого, интересного, с тонкими чертами утомленного лица.

¹ А. Шацков.

Тишина царила необычно долго для выставки, где собрался столичный бомонд, — себя показать и на других критически взглянуть. Но вот кто-то сказал чуть громче: «Великолепно!» Ему ответили: «Потрясающе!» И все принялись поздравлять Фролова.

Восторженные восклицания, пожатия рук, вспышки фотокамер, вопросы тележурналистов. Фролову не казалось, он знал, что это сон... и не хотел просыпаться...

«Неужели мне, серьезному мужчине, нужен этот фирмам? Неужели мне доставляют удовольствие эти фразы, эти вспышки фотокамер? — Он отошел, насколько удалось, подальше от всех и встряхнул головой. Ему было необходимо тотчас разобраться и понять, так ли все это ему нравится? — Если это удовольствие оттого, что мною, Сергеем Фроловым, восхищаются, то я уйду... — Он сделал решительный шаг к выходу. — Я не желаю жить, постоянно испытывая необходимость в чужом восхищении. Я — художник!.. — Мысль оборвалась. Очень трудно было сосредоточиться, но он вернулся к ней. — Я художник, — вдумчиво повторил он, — и мне необходимо признание. Мне необходимо знать, что мои картины нужны не только мне».

Его взгляд пытливо оббежал лица приглашенных. Они были под внешней оживленностью задумчивы, опечалены... Фролов вспомнил их в начале вернисажа — безразличные, скучные, с привычной полуулыбкой на губах — и чуть не воскликнул: «Так ведь это я их опечалил! Я заставил их взглянуть в себя, в других, задуматься... Я художник. Я им нужен!.. — Что-то большее, чем радость, наполнило его душу. Но вновь вкралось сомнение: — Может, я ошибаюсь?» Сергей еще раз пытливо взгляделся в лица собравшихся, прислушался к их мнению, высказываемому не на публику, и вздрогнул, когда его взяла за локоть Вера. Ее глаза были полны слез, которые она умело сдерживала. Лишь только скользнет к краю глаза слезинка, она тут же мизинцем проводила по нижнему веку.

— Сережа, — проговорила она, — ты потряс, ошеломил всех!

— Правда?

– А зачем им притворяться? – обвела взглядом присутствующих Вера. – Они с большим удовольствием выказали бы тебе свою насмешку, если бы ты дал хоть малейший повод. Ведь у тебя еще нет имени, и никто бы не побоялся высказать то, что думает, так как пока еще нельзя заметить в ответ, что он не понял замысла гения.

Приглашенные взяли Фролова в полукруг. И теперь зазвучали не громкие, блестящие фразы, а слова, так, во всяком случае, казалось Сергею, шедшие от сердца.

ГЛАВА 28

Около пяти часов утра Дима Бедаков с компанией посетил уже третий клуб, но усталости он не чувствовал. Его приятели расселись за столиками, и только он один, залпом выпив какой-то коктейль, опять поспешил на танцпол, стремясь раствориться в атмосфере клуба. Ведь он знал, что, если бы не тот звонок, благодаря которому он стал обладателем тетради Милавиной, его бы вежливо и даже с улыбкой сожаления уже выставили бы за дверь фирмы «Мариола Баят». И все! От этой мысли, которая, несмотря на то что все уже позади, упрямо возвращалась, холодок пробегал по спине Димы. Все! Прощай, Роксана, с которой они так хорошо смотрятся вместе и которая в одном интервью даже назвала его своим бойфрендом. Прощайте, клубы, престижные друзья, прощай, будущее. А теперь у него в запасе технологических разработок на несколько лет, а за это время, кто знает, может, он сам создаст уникальную по своему составу композицию.

Ах, как вовремя судьба позаботилась о Диме! Когда крах уже развернул перед ним пропасть отчаяния, в его руках оказалась тетрадь Милавиной. Госпожа Лонцова, по достоинству оценив предложенный им новый аромат, развернула рекламу, и о Диме заговорили, еще даже не вдохнув первозданных нот его творения, а только предвкушая их.

— Завтра воскресенье, можно было бы продолжить... — сам себе сказал он и пошатнулся. — Но нельзя. В понедельник голова должна быть свежей, а мысли ясными. Лонцова как-то дала понять, что мне не следует слишком увлекаться ночной жизнью. «Впрочем, — добавила она, — я вам лишь советую вовремя остановиться, как только по-

чувствуете, что ее результаты отрицательно могут сказаться на вашей работе...»

– Дима, ты что это сам с собой разговариваешь? – подошла к нему Роксана.

– Ага! – обняв ее за талию, ответил он. – Цитирую слова шефа: «Ночная жизнь не должна сказываться на работе!»

– Тогда поехали домой, – зевнула она.

– Но ведь все собираются завтракать в «Бамбуке»!

– Да ну их всех! – сморщилась Роксана. – Лучше дай к тебе.

Бедаков выпятил нижнюю губу и задумался. Винные мысли возмущенно забродили и ударили в висок: «Как это оторваться от компании, чтобы залечь в постель с Роксаной?! Вот если бы с Ликой!.. Тогда... – Бедаков окинул, насколько это ему удалось, сосредоточенным взглядом сегодняшних приятелей, – тогда этих можно и бросить... Да!.. Но только если с Ликой!.. Она подписала контракт с парижским Домом моделей. Она уже на обложках самых престижных журналов... А Роксанка... Нет! Роксанка в данном случае не стоит компании!»

– Ксаночка, нехорошо будет. Поехали позавтракаем со всеми, а потом ко мне.

Роксана рассмеялась и, как в танго, откинулась на руки Бедакова.

– Ну ты и сноб!

– А что здесь плохого? Я хочу иметь приличных, достойных друзей.

– Ладно. Поехали!..

– Потрясающе! – выкрикнул один из приятелей, фоторепортер крупного журнала, и заснял Бедакова с Роксаной. – Какая позировка! Будто я вам ее поставил!..

Бедаков поспешил кивнуть. Роксана усмехнулась и выпустила, презрительно скривив губы, словечко...

«Вот бы в светской хронике этот снимок напечатали, хоть самым маленьким форматом», – размышлял Дима. И потому, когда отправились завтракать в «Бамбук», он смеялся всем глупым шуткам фоторепортера, а перед

тем, как расстаться, сказал, что его снимки в последнем номере – высший международный класс.

* * *

В понедельник свежий, пахнущий собственного изобретения туалетной водой Дима появился в лаборатории. Работа захватила. Опомнился, когда в кабинет заглянул один из сотрудников и сказал, что все уже ушли. Дима потянулся и подумал: «Мне тоже пора. Устал!» Но прежде заглянул в органайзер. Ничего стоящего внимания не обнаружил. Впрочем, на его имя была оставлена контрамарка в театр. «Можно сходить!» Он посмотрел на часы. «К первому действию не успею... Заеду в антракт, может, кого встречу из знакомых, перекинусь словечком. А то все по клубам да по клубам, а уже пора постепенно переходить в категорию тех, кто по театрам, по выставкам... Там надо связи налаживать».

После спектакля Бедаков с одним знакомым зашел в бар. Посидели недолго. Выпили по рюмке коньяку и разъехались.

В подъезд своего дома Дима вошел в отличном настроении. «Сейчас заварю душистого травяного чая, сяду в кресло, включу телевизор и отключусь от всего...» За спиной стукнула автоматически закрывающаяся входная дверь. Бедаков направился к лифту мимо заброшенной комнатки консьержки. Жильцы уже вырезали замок, сняли с пола линолеум, вынули оконную раму и сломали дверь, которая, покосившись, висела на одной петле. «Как только соберу нужную сумму, немедленно продам квартиру в этом плебейском доме...»

Дима внутренне вздрогнул, услышав за собой шаги. Он нажал на кнопку вызова лифта и хотел оглянуться, как почувствовал, что в спину ему упирается ствол. Бедакову казалось, что он отчетливо произнес: «Что это значит?» Но на самом деле он пошевелил губами, не издав и звука.

– Если не будешь делать глупостей, останешься целым, – раздался мужской голос.

Двери лифта открылись, и Бедаков, подталкиваемый дулом, вошел в кабину. Рука в черной перчатке безошибочно нажала на кнопку этажа, где он жил.

Бедаков мысленно молил, чтобы кто-нибудь курил на площадке перед лифтом, хотя что бы он смог сделать? Закричать? Это когда дуло упирается тебе в спину?

Диме со второй попытки удалось справиться с замками собственной квартиры. Вошли.

– Включи свет! – раздался голос. – И проходи в комнату. Он выполнил приказание.

– Садись!

Бедаков сел в кресло и с силой зажмурил глаза. «Не буду открывать! Он не надел мне на глаза повязку, значит, после того, как получит то, что ему надо, убьет меня. А я его попрошу не убивать. Я ведь его не видел!»

Бандит, как определил напавшего на него Дима, тоже сел в кресло и сказал:

– Можешь открыть глаза.

Бедаков проскулил:

– Нет, уж лучше так. Вы берите, что вам нужно, и уходите. Не убивайте только.

– Хватит в жмурки играть! – рявкнул бандит.

Бедаков с испугу открыл глаза... и перевел дыхание. На лицо бандита была натянута шапка с прорезями для глаз. «Значит, убивать не будет!»

– Что... что вам надо? – очень вежливо спросил Дима.

– Мне надо знать, каким образом ты получил тетрадь Валентины Милавиной?

Ресницы Бедакова затрепетали, зрачки расширились, нижняя губа отвисла.

– К... какую тетрадь? Я... я не понимаю... – осторожно выразил он свое непонимание.

Бандит поправил шапку и погладил лежавший на коленях автомат с укороченным стволом.

– Мне, как ты догадываешься, некогда выслушивать твои бредни, – с расстановкой проговорил он. Встал с кресла, подошел к Бедакову и стволом автомата приподнял его подбородок. – Быстро!

Бедаков шумно сглотнул слюну и прошептал:

– Скажу... все скажу... я не виноват... мне позвонили...

– Кто?

– Не знаю! Честное слово, не знаю! – устремил умоляющий взгляд на бандита Дима. Тот отвел дуло чуть в сторону:

– Ну!..

– Я... я... – заторопился Бедаков. – Я... сидел в баре... Вдруг звонок, и голос не то мужской, не то женский... Короче, специально искаженный, предложил мне купить, прошу учесть, купить за десять тысяч евро тетрадь Милавиной. Я... подумал и согласился. Не пропадать же ее разработкам.

– Правильно, – с насмешкой проговорил бандит, – лучше их присвоить.

Руки Бедакова задрожали, голос пропал.

– Тогда... – вновь обретя возможность говорить, продолжил он, – я об этом не думал... Короче, я согласился. Мне перезвонили через несколько дней и назначили место и время: Енисейская улица, третий проезд от станции метро в сторону центра. Деньги положить в бумажный пакет и держать в руке. В двадцать один час. Прежде чем отдать деньги, я, естественно, хотел ознакомиться с содержанием тетради, но все вышло так неожиданно, хотя я это и предвидел отчасти... Я стоял, ожидая мотоциклиста. Об этом столько рассказывают в криминальных новостях! Но он появился, повторяю, настолько неожиданно, что я ничего не успел сообразить. Точно из-под земли передо мной вдруг возник мотоциклист в шлеме с опущенным верхом, одетый в толстую кожаную куртку, и выхватил пакет из моей руки. Признаюсь, я остолбенел и готов был убить себя за то, что так попался. Но мотоциклист, немного отъехав, затормозил, открыл пакет, взял наобум одну купюру, осветил ее фонариком и затем переложил деньги в свою сумку. Я побежал к нему, но он уже сорвался с места, бросив на дорогу сверток. Я наклонился, поднял, сорвал бумагу и увидел тетрадь. Руки не слушались меня, так дрожали... – посетовал Бедаков. – Я прислонился к фонарному столбу и, торопливо просмотр-

рев листы, убедился, что это тетрадь Милавиной. Так что я ее не украл, а купил!

– Убийцы!

Голова Бедакова мелко затряслась.

– Я этого не знаю! Мне предложили – я купил. – Он облизал пересохшие губы. – А что, лучше было бы, чтобы она вообще пропала?

– Лучше было бы честно объявить, что ты выкупил тетрадь, и выпустить духи под маркой Милавиной.

– Кто бы их стал покупать после того, что случилось с ней?

– Вкусы непредсказуемы, – скорее себе, чем Бедакову, ответил бандит. – Но отчего ты начал не со «Снежного ветра»?..

– А вы хорошо осведомлены, – с удивлением заметил тот.

– Так почему ты начал не с первых духов?

– Идея придать строфе аромат мне понравилась, но... Первые духи, «Снежный ветер», слишком сложны по составу. У меня не получились эти блески... Необходимо было время, а ввиду моих личных обстоятельств я был вынужден спешить. Поэтому начал со вторых, с «Дыханья».

Бандит задумался, Бедаков позволил себе шевельнуться, и тут же ствол уперся ему в шею.

– Давай тетрадь!

– Что?! – в ужасе фальцетом воскликнул он и принялся защищаться: – Я же заплатил... я же не украл... Это коммерческая сделка... Я же не знал, что это был убийца, а может, и не убийца, а перекупщик...

Бандит спокойно выслушал сбивчивую тираду и повторил:

– Тетрадь!

– У меня ее нет! – брякнул Дима.

Бандит навел дуло автомата на его колено:

– Сначала хочешь инвалидом стать, так? Ведь все равно после выстрела взвоешь и отдашь.

Дима побледнел, закивал головой, онемев от страха, и показал жестом, что ему нужно пройти в другую комнату. Бандит последовал за ним. Бедаков достал из шкафа обувную коробку и вынул из нее тетрадь.

Бандит перелистал ее и, убедившись, что это именно та тетрадь, сказал:

– Завтра сделаешь официальное заявление, что технологическая разработка духов «Дыханье» принадлежит Милавиной.

Бедаков едва не лишился чувств. Он смотрел в глазной разрез на шапке бандита и молчал, потрясенный его приказанием.

– Нет... – тихо произнес Дима. – Нет... Прошу, умоляю... – его голос приобретал силу, – не принуждайте меня делать это. Для меня это конец.

– Ничего, выживешь.

– Нет! – уже не замечая автомата, бросился он к бандиту. – Нет! Поймите, это крах, это смерть... Мне больше не подняться, если меня обвинят в плагиате. У вас тетрадь, вы можете изготовить все остальные духи. Только оставьте мне эти. Умоляю! – воскликнул он и упал на колени, но не перед бандитом, а от отчаяния.

Он катался по полу, причитая:

– Ну что вам?! Я же отдал тетрадь! Заплатил за одни духи десять тысяч евро! Оставьте мне их. Неужели вам будет лучше, если я покончу жизнь самоубийством? Вы же не убийца. Я не знаю вас, но вы не убийца!.. Я ни за что не сделаю этого признания. А когда вы предадите огласке мою тайну, я... я... выпрыгну из окна.

– Что, настолько бездарен, алхимик, что даже яд себе изготовить не сможешь? – съязвил Фролов, глядя на стенающего Бедакова. «Молодой, а гнилой насквозь, – с брезгливостью подумал он. – Но может и впрямь выброситься с отчаяния... Дурак и подонок!»

Бедаков поднялся с пола и с размаху, так как ноги не держали его, упал в кресло и закрыл лицо руками.

– Радовался, что повезло... а вышло... Это конец!..

Фролов задумался: «Справедливость должна восторжествовать. Духи «Дыханье» принадлежат Валентине. Но если я обнародую правду, этот подонок может покончить жизнь самоубийством. Что от этого Валентине? Насколько я могу судить – ничего. Вот именно, насколько могу, но

не имею права. – Фролов взглянул на скрючившегося Бедакова. – Черт возьми, но я не хочу и тоже не имею права подводить этого подлеца к последней черте. Да, он хлюпик, вор чужих идей, но такой уж он... Валентина простила бы... Да нет, не простила бы, – усмехнулся про себя Сергей, вспомнив характер Тины, – она бы плюнула».

Он открыл тетрадь и, вырвав несколько листов с разработкой технологии «Дыханья», бросил их на пол:

– Живи, подонок! Может, станешь человеком.

Бедаков отнял от лица руки и безумными глазами посмотрел на Фролова, а потом, заметив на полу листы, бросился на колени, схватил их и жалобно завыл от счастья.

– Хотя вряд ли, – пробормотал Фролов и хлопнул дверью.

ГЛАВА 29

Вера примчалась к Сергею чуть свет.

– Что случилось? – открывая дверь, с удивлением спросил он, но, взглянув в ее глаза, догадался. – Он позвонил, да?

Вера, закрыв за собой дверь и припав к ней спиной, проговорила, немного задыхаясь от волнения:

– Да!

– Когда он объявился?

– Вчера к концу дня я заехала в издательство, Олег мне сказал, что звонил Катков и настаивал на встрече. Угрожал, намекал на убийства Милены и Валентины. Олег дал согласие встретиться с ним в выставочном центре «Леонардо».

Фролов, взъерошив волосы, задумался.

– В «Леонардо»?! – размышляя, проговорил он. – В принципе, чем быстрее все закончится, тем лучше. К тому же ничего подозрительного в этом нет. Известно, что Олег Пшеничный выставит там несколько принадлежащих ему картин.

– И в том числе полученную по наследству от Милавиной «Колдунью», – не удержалась от напоминания Астрова, – кисти известного художника Сергея Фролова. Об этом сейчас только и говорят. На закрытый просмотр соберется много народу.

– Пшеничный назначил встречу на день закрытого просмотра? – уточнил Фролов.

– Да!

– Впрочем, это не имеет особого значения. Итак? – он вопросительно взглянул на Веру.

– Итак! – ответила она, бодро улыбаясь. – Я готова к поимке преступника.

– Наша удача, если он воспользуется оружием, а не каким-нибудь подручным средством.

– Конечно, оружием! На этот раз пистолетом, не винтовку же в павильон тащить.

– Но как узнать, где объект будет прятать оружие, чтобы подкараулить его и взять с поличным?

– Объект! – рассмеялась Вера. – Точно определил.

– В принципе, два варианта: либо он заранее спрячет оружие где-нибудь в павильоне, либо оно будет у него.

– Спрячет? – повторила Вера. – Вряд ли. Пистолет небольшой. Зачем рисковать, создавать трудности? Прятать, а потом выжидать момент, чтобы взять обратно. Уверена, пистолет будет у него.

– Ты думаешь? Но как нам быть в таком случае?

– Знаешь что, – после продолжительного молчания начала Вера, – я предупрежу охрану. Скажу, что одна из картин стоит почти миллион долларов. И когда мы уже точно поймем, что оружие у объекта при себе, я крикну: «Пропала!..» Охранники первым делом подумают, что пропала именно эта картина, перекроют выход, а я потребую обыскать всех, потому что вырезать из рамы картину лезвием и спрятать ее на себе – дело нескольких мгновений. И вот тогда наш «объект» придет в страшное волнение и попытается избавиться от оружия. И тут я его, что называется, схвачу за руку. Как, а? – покусывая от возбуждения губы, устремила она вопросительный взгляд на Сергея.

– По-моему, идеальный вариант, – поражаясь лишней раз изобретательности Веры, признался он, но тем не менее уточнил: – Если все же у преступника оружия не окажется, то мы ничего не теряем, кроме шанса взять его с поличным.

– Совершенно верно, – точно успокаивая его, согласилась она.

– Ты что-то очень бледная сегодня, – заметил Сергей. Вера провела рукой по лицу.

– Ну так поднялась чуть свет и волнуясь, не без этого. Я хотела с тобой встретиться еще вчера, но ты укатил на дачу, даже не предупредив меня. А по телефону такие разговоры не ведут.

– Я только туда и обратно. Кое-что из старых набросков понадобилось.

– Ладно, – вздохнула Вера, – обо всем договорились. Я пошла. Надо как следует отдохнуть перед делом, – нервно рассмеялась она.

– А может, все-таки предупредить Терпугова? – осторожно спросил Фролов.

– Нет уж, как решили, так и будем действовать. К тому же риск исключен.

– Хорошо. Значит, ты поднимаешь шум, чтобы получить возможность обыскать публику, – еще раз на прощание повторил Фролов.

– Не волнуйся, шум будет, что надо!

* * *

Официальное открытие выставки «Просветитель», включавшей в себя работы художников и дизайнеров, должно было состояться через день. Половина второго этажа павильона «Леонардо» была разделена передвижными модулями на секции. Закрытый просмотр был устроен только для художников, дизайнеры еще трудились над установкой своих творений. Приглашенные стали собираться к половине восьмого вечера. Они поднимались по широкой лестнице и, направляясь к картинам, проходили через секции с работами дизайнеров. Все окна в этой части здания были задрапированы плотной тканью, чтобы при помощи софитов можно было более эффектно осветить инсталляции.

Многие из приглашенных с любопытством оглядывали дизайнерские находки, некоторые из которых зачастую вызывали вопрос: «А зачем это?»

Поляна с разбитой на ней палаткой, со свернутыми и полуразвернутыми спальными мешками, с туго набитыми рюкзаками; по пластиковому руслу струится ручей, рядом лежит котелок и составлены палки для костра. Ощущение такое, будто поляну только что покинули, видимо, в поисках хвороста. Работа называлась «А завтра».

Другая инсталляция представляла собой интерьер комнаты все с тем же передающимся зрителям ощущением, что ее только что покинули на минуту.

На канаве брошен пеньюар, пол усыпан сухими лепестками роз... и тогда становилось понятным название «Тщетное ожидание». Женщина увяла, а все ждет...

Инсталляция «Разбитая жизнь» была представлена в двух вариантах.

Первый вариант – квадрат, выкрашенный в голубой цвет с белесыми разводами и рассыпанными по нему осколками стекол, которые искусно расположенные софиты заставляли то ослепительно сверкать, то переливаться разноцветными огоньками, и невольно думалось, какая это могла бы быть блестящая жизнь...

Второй вариант представлял, как пытались сложить красивую картину из разноцветной мозаики. Яркую, богатую по колориту, идеальную по композиции. Начали со светлых тонов. Вдруг, откуда ни возьмись, втиснулось коричневое пятно. Цвет восстановили, но потерялись линии, изменился задуманный сюжет. Потом светлые тона исчезли окончательно, вытесненные мрачно-коричневыми, черными с красными вкраплениями всплешек отчаяния... И все сошло на нет.

Фролов задержался около этой композиции. Внутренняя дрожь вышла через пальцы, заставив их несколько раз судорожно сжаться. Еще немного, еще год-два и о его жизни можно было бы сказать точно так же.

Он с трудом отвел свой взгляд и пошел на оживленный шум голосов и яркий свет. Его появление было встречено приветливыми восклицаниями. Сергей отыскал глазами Веру. Она была в приподнятом настроении. Говорила, смеялась, подходила то к одним, то к другим. Фролов поздоровался с Ладимиром и Ксенией, перебрислся несколькими фразами с Александром Алексеевичем Михайловым, потом его кто-то остановил, желая высказаться по поводу «Колдуньи».

– Вера, – окликнул он проходившую мимо Астрову, – все в порядке?

– Не волнуйся! Смотри! – фужер в ее руке дрогнул, и шампанское чуть выплеснулось на пол. – Катков. Вот же...

Действительно, среди приглашенных слонялся сосредоточенно-злой Катков, высматривая Пшеничного, которого не было. Сергея отвлекли от Астровой, но он, насколько это удавалось, следил за объектом, стараясь подстроживать Веру. Впрочем, на нее можно было положиться. Такую сенсацию она не выпустит из рук. Объект, сам того не сознавая, был уже мышью, загнанной в мышеловку.

Фролова подвели к его же картине и принялись хвалить, расспрашивать, удивляться. Подошел официант с шампанским, выпили за успех. Кто-то рассказал анекдот, кто-то сообщил сногшибательную новость, прошли к столу с закусками.

И вдруг раздался вскрик, захлебнувшийся сам в себе, как показалось Сергею. «Вера что-то уж очень! Незачем было так», – подумал он и встретился взглядом с недоуменно смотревшей на него Астровой. Фролов приоткрыл рот, желая спросить: «Это ты так кричала?» И тут вновь раздался вскрик, и в зал вбежала перепуганная девушка.

– Что случилось? – спросил кто-то.

Девушка махнула рукой в сторону дизайнерских инсталляций и произнесла:

– Там!..

Все бросились к узкому проходу между задрапированными окнами и стендами. Ворвавшись в полутемное помещение, освещенное лишь несколькими софитами, никто ничего особенного не заметил, но потом вскрикнуло сразу несколько человек:

– Смотрите, здесь кто-то лежит!

Включили общий свет и увидели у инсталляции «Разбитая жизнь, вариант второй» мужчину, лежавшего на спине. Когда пригляделись, с ужасом отвели глаза. В сонной артерии мужчины торчал острый кусок стекла.

– Наверное, его взяли вот отсюда, – сказал кто-то и показал на постамент, усыпанный стеклами.

– Да ведь это же Олег Пшеничный! – произнес чей-то голос.

У Фролова кровь отхлынула от головы, он пошатнулся. Как в тумане, увидел шелковый палантин Веры, который окутывал ее с плеч до колен поверх удлиненного платья. Вера сделала шаг по направлению к Пшеничному и

упала в обморок. Тут все очнулись, засуетились. Фролов негнушными пальцами набрал номер Терпугова.

– Борис, это я, Сергей... В выставочном центре «Леонардо» убит Олег Пшеничный... Приезжай!.. – с трудом проговорил он и постарался пробиться к Вере, которую усадили на банкетку.

Охранники перекрыли выход. Приехала «скорая помощь» и опергруппа во главе с подполковником Терпуговым.

Фролова поразила озабоченность врача, осматривающего Веру.

– Немедленно в машину! – скомандовал тот.

Астрову унесли на носилках. Оперативники принялись проверять документы.

– Как это случилось? Кто-нибудь видел? – обратился Терпугов к Фролову.

– Вон та девушка, она первая заметила.

Подполковник подошел к девушке и отвел ее в сторону.

– Она ничего не знает, – вернувшись к Сергею, сказал он. – Говорит, собралась уходить и, случайно увидев, что кто-то лежит на полу, закричала. Как думаешь, – после тяжелого вздоха спросил он, – убили куском стекла вот отсюда?

– И да, и нет! Я только вчера осматривал эту установку. Осколки здесь были мелкие и к тому же очень тонкие, – ответил Сергей, не выходя из задумчивости. – Этот кусок стекла сегодня принес с собой убийца и подложил сюда, чтобы позже им воспользоваться.

– Тогда надо искать перчатки, плотную ткань, которой преступник обмотал конец стекла, чтобы не пораниться и не оставить отпечатков, – потирая подбородок, заметил Терпугов. – Сам-то он, скорее всего, скрылся.

– Нет, он не скрылся, – ответил Сергей, глядя в одну точку. – Он попытается вынести перчатки, предполагаю, что перчатки, после того, как его отпустят.

– Ты знаешь, кто преступник? – едва успел понизить голос подполковник.

– Знаю. И знаю, каким образом он заберет единственную улику. Но не напугай его. Беседуй, спрашивай, допрашивай. Я тебе скажу, кого и когда надо брать.

Фролов отошел в сторону. Терпугова обступили, принялись говорить наперебой. Одни требовали, чтобы их немедленно отпустили, другие пытались что-то сообщить.

И тут Фролова точно обдало кипятком.

«Единственная улика!.. Астрову увезли в больницу, не обыскав, не проверив документов. А я, как марионетка на ниточках!.. Но зачем ей было убивать Пшеничного? Этого я не знаю, сейчас не знаю, но уверен, все выяснится, только доказать ничего уже будет нельзя!..»

Сергей готов был рвать на себе волосы, биться головой о стену. О, как его провели!.. Он был не в силах сдерживать себя и зарычал, скрежеща зубами. Ему казалось, что его возмущение, не находя более места в нем, выходит из него призрачным двойником. Но тут раздался чей-то голос, просивший о помощи. Фролов с трудом вогнал двойника и мутными глазами огляделся вокруг. Ладимир Новгородцев, обхватив лишившуюся чувств Ксению, просил принести воды.

– Я ее не пускал... – говорил, оправдываясь, он, – но она все не верила, что Олега убили, и, как увидела кровь...

Кто-то принес фужер шампанского, брызнули в лицо Ксении, она нехотя открыла глаза.

– Ничего, – проговорила, – мне уже лучше, – и повела рукой.

– Да вы положите ее! – подсказали Новгородцеву.

Ксению уложили на спальный мешок, юбка ее черного в блестках платья веером разлетелась по зеленой поляне.

«Вот таким веером застила мне глаза Вера!..» – зло подумал Фролов и рванулся к Терпугову.

– Пойдем! – толкнул он его в плечо.

– Постойте, Ладимир! – крикнул Сергей Новгородцеву, который, бережно поддерживая Ксению, уже направлялся с ней к выходу.

– У нее в сумке, – сказал Терпугову Фролов и замер, боясь собственной ошибки.

У Ксении попросили ее сумочку из черного бархата, расшитого блестками. Сумочка была в виде мешочка на длинной ручке и без замка. Терпугов раскрыл ее и вынул перчатку, которая была сильно порезана чем-то острым...

ГЛАВА 30

Чтобы не впасть в детальную разборку своих непросительных ошибок, находясь еще под влиянием сильнейших яростных эмоций, Фролов работал и думал только о работе. Издательство – театр. Домой возвращался, когда уже не оставалось никаких сил. С Верой он встречаться не хотел. Не мог ее видеть до физической тошноты. Она это понимала и не настаивала на свидании, зная, что эмоции постепенно улягутся, бессильная, бешеная злоба пройдет, и тогда она сможет предложить Сергею взглянуть на случившееся с другой, со своей точки зрения. Только взглянуть! Надеясь, что этого будет достаточно.

Встречаясь с ним в коридорах издательства, она со спокойной улыбкой проходила мимо, но потом оборачивалась и провожала его взглядом. «Ничего, – повторяла она про себя, – время идет быстро. Работа ему поможет обрести нормальный взгляд на события».

Астрова оказалась права. Постепенно плотный туман, замешанный на возмущении, неприятии, обиде самолюбия, стал рассеиваться, и Фролов попытался с максимальным хладнокровием разобраться, как же все-таки не без его помощи убили Олега Пшеничного. Как удалось женщине обвести его вокруг пальца, превратить в марионетку, сделать послушным исполнителем гнусных, подлых, низких замыслов.

Вначале были обрывочные мысли, которые не хотели выстраиваться в хронологическом порядке, так как почти тут же у Фролова закипала ярость, теснившая грудь и искавшая выход в словесных выражениях. Но потом мысли стали упорядочиваться, он уже мог контролировать свои чувства, говоря себе, что чем быстрее с пре-

дельной ясностью восстановит события, тем быстрее покончит с безвременьем, в котором он опять очутился. Благодаря Астровой Фролов ожил, она дала импульс мучившим его своею невысказанностью творческим силам, благодаря ей же потерял жизненные ориентиры...

Когда работа по оформлению спектакля была завершена, Сергей решил съездить на дачу немного отдохнуть.

Осень уже шелестела желтеющей листвой, дождик серебрил воздух грустными нитями. Фролов сварил глинтвейн и с удовольствием расположился на диване. Тепло от горячего напитка разлилось по телу, ослабив нервное напряжение. Мысли стали расплываться, таять. Сергей подложил под спину мягкую подушку и закрыл глаза. «Как хорошо думать ни о чем», – подумал он и предался этому насладительному покою. Но едва он расслабился, как подспудные мысли нарушили блаженное состояние.

«Как же все началось?» – вроде бы просто так задал себе вопрос Сергей. И без каких-либо усилий, без подгонки фактов перед ним прошли события, в которые он оказался вовлеченным волею других. Тогда, шесть лет назад, какое ему было дело до Станислава Пшеничного, увиденного им в первый и последний раз умирающим на широком крыльце салона «Интальо»...

* * *

Станислав Михайлович Пшеничный с улыбкой предвкушения радостей жизни вышел из салона «Интальо». Перед глазами все еще стояла Лилия в подвенечном платье с родинкой над губой и сверкающими от счастья глазами. Он успел сделать только два шага от двери, когда с ним случилось что-то непонятное, чего не было ни разу в жизни: весь мир пошатнулся и сместился куда-то в сторону, а потом вообще перевернулся и померк... Как сквозь сон он разглядел лицо Лилии, и что-то теплое наполнило один глаз...

Выстрел был произведен из пистолета с глушителем марки «Макаров», обнаруженного оперативниками в одной из

машин, припаркованных на Новом Арбате. Незамедлительно был найден владелец этой машины, который, как установило следствие, никогда даже не встречался с Пшеничным.

Первое подозрение в убийстве пало на конкурентов по бизнесу и жену Пшеничного, Ингу, с которой тот накануне развелся. Были проверены алиби дочери и сына Пшеничного и его первой супруги, Зои Петровны. В результате чего следствие зашло в тупик, и дело было положено в сейф до выявления новых фактов.

Факты же появились лишь вследствие новых убийств. Сопоставляя то, что он услышал в ходе возобновленного расследования от Терпугова, с тем, что узнал сам, Фролов прояснил для себя подоплеку этих преступлений.

* * *

Зоя Петровна, первая супруга Пшеничного и мать его дочери Милены, имела родную сестру, Тамару, у которой тоже была дочь, Ксения. Тамара, не прожив в браке и двух лет, развелась со своим мужем, неисправимым неудачником, в надежде обрести нового, такого, как Стас, муж старшей сестры. Зависть не давала ей покоя. Сестра с семьей на Золотых Песках отдыхает, а ее Стас из милости по льготной путевке отправил в Лазаревскую. Сестра в трехкомнатной квартире живет, а она — в двухкомнатной. У сестры дом в трех шагах от метро, а ей до метро на автобусе ехать надо.

Какова же была ее радость, когда она узнала, что Стас решил развестись с Зоей, чтобы жениться на другой. Ей об этом с какой-то равнодушной кривоватой усмешкой сообщила сама Зоя. Тамара сразу не оценила всю значимость этого события, потому что не поверила, а когда поверила, осознала, то почувствовала, как радость острой стрелой пронзила ее от макушки до пяток. Глаза заблестели, рот расплылся в улыбке, которую она поспешила скрыть. И, опустив голову на руку, сочувственно завздыхала. Но все равно!.. Все равно Зойка с Миленкой продолжали жить лучше нее. Стас исправно платил алименты да еще время от времени передавал через своего шофера конверт с деньгами. На дни рождения Милена

всегда получала от него дорогие подарки. И в школу Милена пошла английскую, а Ксения – в обыкновенную. «Вот, – бурчала Тамара, обращаясь к дочери, – какая несправедливость на свете. Бросил Зойку, а о Миленке не забывает. А твой отец тебя знать не хочет».

Мать, сколько помнит себя Ксения, была занята устройством своей жизни. Сначала все с кем-то сходилась, но, быстро оценив перспективы совместной жизни, уходила. Была она пусть не столь красива, сколь привлекательна: огонь в глазах, стройная фигура, легкая поступь. Но постепенно фигура стала расплываться, лицо терять четкие контуры. Девушкой ее уже называли только старушки. Как ни крутилась, ни извивалась, все устроилось, не как она того хотела, а как судьба повелела.

Тем временем Ксения подросла: высокая, стройная, с коротко подстриженными волосами цвета каштана, черными, точно вычерченными бровями, затаенно-кокетливым взглядом и с присущим только ей чувством стиля в одежде. Любой пустяк на себя наденет, а он смотрится лучше, чем на других дорогие импортные вещи. Окончила школу с отличием, сама поступила в университет.

Как-то после занятий Ксения с Миленой решили пойти в кафе – поболтать, покурить, выпить кофе. Не успели они сделать несколько шагов, как Милена радостно воскликнула:

– Папка! – И бросилась к черному «Мерседесу». Ксения осталась стоять. Через минуту Милена повернулась к сестре и поманила ее рукой. Ксения подошла к машине.

– Папа предлагает нам поехать вместе с ним в «Коломбину»!

– Да?! – радостно подхватила Ксения.

«Коломбина» – очень дорогое кафе, так сказать, для избранных. Проходя мимо него, Ксения всегда замедляла шаг, бросая острый взгляд на окна, почти полностью задрапированные шторами на первом этаже и переливающиеся огнями по вечерам на втором.

– Садись в машину! – весело скомандовала Милена, открывая заднюю дверцу.

Ксении показалось, что она утонула в комфортабельной мягкости сиденья. Милена болтала без передышки, обнимая отца за шею через спинку кресла. Пшеничный посмеивался, но ему была приятна необузданная ласка дочери.

— Ну ладно, Миленка, задушишь, — сказал он и повернулся назад, чтобы взглянуть на Ксению.

— Это сколько же я тебя не видел? — спросил он, обращаясь скорее к себе, чем к девушке. — Лет, наверное, пятнадцать, а то и больше. Ты тогда еще в детский сад ходила. Да... — протянул он с игривостью в голосе, — изменилась, и, знаешь, в лучшую сторону.

Ксения с Миленой рассмеялись.

— Ну, как живете с матерью? — продолжал Пшеничный. — Замуж она еще не вышла? А впрочем, куда ей! Тебе уже пора!..

Не успели они войти в кафе, как навстречу к ним поспешил сам директор, он поздоровался с Пшеничным, который с гордостью представил ему свою дочь, а заодно и Ксению, назвав ее племянницей. Директор при этом как-то так улыбнулся, что Пшеничный со смехом махнул рукой и протянул:

— Да нет...

На столе, покрытом белоснежной скатертью, появились широкие фужеры с шампанским, прозрачные чашечки с мороженым, всевозможные муссы, сладкие птифуры.

— Ну, девушки, за вас! — поднял фужер Станислав Михайлович.

Ксении ужасно понравились вальяжная уверенность Пшеничного, его костюм, часы, сотовый телефон и даже щеточка усов. Он же, поймав ее взгляд, заказал еще шампанского. Когда она, извинившись, поднялась, чтобы выйти в дамскую комнату, рука Пшеничного слегка, как бы случайно, скользнула по ее бедру.

— Пап, а поехали в какой-нибудь ночной клуб! Гулять так гулять! — заглядывая ему в лицо, предложила Милена.

— Э... с удовольствием бы, но, — Станислав Михайлович посмотрел на часы, — не могу.

– Ну пап, – очень осторожно, следя за реакцией отца, все же попыталась уговорить его Милена.

– Вся в меня, – рассмеялся Пшеничный. – Гулять так гулять. А мы вот как сделаем. – Он вынул из бумажника деньги и протянул дочери. – Гуляйте, девчушки, но только без меня. А как домой надумаете, позвоните, я за вами машину пришлю.

В другое время Ксения мысленно воскликнула бы: «Вот здорово!» – а сейчас лишь выдавила улыбку. Ей представился мягкий полумрак ночного клуба и рядом Пшеничный, которого можно было бы покорить... ведь он мужчина.

Шампанское раззадорило фантазию. «А что? Остал же он тетю Зою, женился на другой, молодой. Сейчас эта молодая уже старая – сорок лет. А мне только девятнадцать, и он так поглядывает на меня, даже не удержался, рукой провел по бедру...»

– Что, Ксения, задумалась? – вывел ее из-под влияния грез Станислав Михайлович.

Она чуть вздрогнула и мотнула головой.

– Опьянела, наверное.

– Если что, звони, – протянул он ей свою визитку.

А Милена уже чмокала его в щеку, приговаривая:

– Папка, ты – это праздник! – И, повернувшись к Ксении, спросила с задором: – Классный у меня папка, правда?

Ксения чуть задержалась с ответом, улыбнулась и, взглянув с женской раскованностью прямо в глаза Пшеничному, выразила свое согласие необычным для нее взволнованным грудным голосом:

– Да, классный!

Станислав Михайлович с повышенным интересом окинул взглядом Ксению, чуть шевельнул губами и сказал:

– Ну что, куда вас подвезти? Домой, наверное, наряды сменить?

– Да-да! – скороговоркой подхватила Милена.

Ксении это предложение очень понравилось. Значит, она останется с Пшеничным одна в машине, шофер не в счет, так как по дороге сначала завезут Милену... Но Милена спутала все карты:

– Ксюшу везти далеко. Поехали ко мне, я ей дам какое-нибудь платье.

Ксения была вынуждена согласиться. Когда они уже садились в машину, Пшеничный слегка подтолкнул ее сзади, чуть пониже спины...

Недвусмысленное прикосновение немного подвыпившего Пшеничного Ксения расценила как то, что она поправилась ему.

Всю последующую неделю она конспектировала лекции автоматически, потому что сконцентрироваться на том, что говорил преподаватель, не могла. Мысли, получившие толчок в реальном пространстве, заискрились и закружились в фантазийном полете. «Вот это была бы бомба, вот это был бы взрыв!.. – Улыбка вспыхивала на ее губах, затуманенный взгляд шурился от блестящих грез. – Я выхожу замуж за Пшеничного и становлюсь мачехой Миленки. Ух!..» Дыхание пресеклось. Ксения, напрягая память, попыталась вспомнить Ингу. Она ее видела как-то в магазине вместе с Миленой.

Вежина подошла к ним, и Милена познакомила их. Тогда впечатление было ошеломляющее. Инга была одета необыкновенно красиво и очень дорого. Волосы были пострижены коротко, по-модному. Держалась она с подчеркнутым достоинством и, не замечая продавщиц, только указывала, что еще хочет примерить. Ее взгляд скользил по вещи, затем по зеркалу, которое отражало ее, потом с легким вопросом обращался к Милене и несколько раз по тому же поводу остановился на Ксении, что невероятно польстило самолюбию девушки. Она с таким восхищением смотрела на Ингу, что та пригласила ее зайти вместе с ними в кафе выпить чего-нибудь прохладительного.

Ксения отметила независимое, уверенное, абсолютно не заискивающее отношение Милены к своей мачехе. Она была с ней на равных. Вежина, ненавидя себя за свое внутреннее пресмыкание, попробовала чем-то возразить Инге. Инга так посмотрела на нее, что девушка смешалась, опустила глаза и извинилась, сказав, что, несомненно, была не права.

Теперь, вспоминая ту единственную встречу, она пыталась воспроизвести в памяти лицо Инги.

«Э, да какое это имеет значение. Ей сорок. И она уже, без сомнения, надоела Станиславу. А он так смотрел на меня!.. – Мурашки пробегали по телу Ксении. – Мужчина он видный... – Мысль потерялась, и послышался голос преподавателя, что-то говорившего о древнегреческой трагедии... – Видный тем, что полный! – со всем чистосердечием призналась сама себе. – А ведь противно будет с ним... Потом не иначе прозову его толстым боровом. Нет, но все же его взгляд... В нем было такое желание, какое может захватить, несмотря ни на что. Надо изловчиться так влезть в глаза и душу Станислава, чтобы он только обо мне и думал. Ведь другого такого богатого я вряд ли встречу. Круг моего общения ограничен такими же, как я, ну чуть лучше, чуть хуже. Да и вообще, это будет гром средь ясного неба, кувалдочкой по голове и тетке Зойке, и Миленке, и Инге заносчивой. Да, там еще обретается Олег, сыночек Станислава. А Милена мне как-то говорила, что Станислав к нему большими отцовскими чувствами не пылает, считает его за никчемного мальчишку. Недаром Миленка однажды обмолвилась, что Пшеничный составил завещание в основном на нее. А если я выйду за Станислава, то он его переделает в мою пользу. А как окончу университет, буду работать вместе с ним в его издательстве».

К концу последней лекции у Ксении стало учащенно биться сердце. Она ждала, что не сегодня-завтра Пшеничный встретит ее после занятий. Она выходила позже всех, чтобы ее сразу можно было увидеть. Крутилась на высоком крыльце, потом медленно спускалась, всем существом ожидая, что ее сейчас окликнут. Но прошла неделя, потом вторая, а Пшеничный не появлялся.

«Да он так вообще забудет о моем существовании, – заволновалась Ксения. – Что же делать?.. – Она вынула из сумки его визитную карточку. – А что, если позвонить? И что? – пожала она плечами. – Еще скажет – перезвони, сейчас занят. И потом, не свидание же мне ему назначать. А если я приду к нему прямо в издательство под конец рабочего дня?

Предлог у меня есть. Мол, хочу, Станислав Михайлович, по окончании университета работать у вас, как вы на это смотрите? Он мне предложит сесть в кресло, нальет рюмочку коньяку, а почему нет? Заговоримся... глядь, и ужинать пора. Позвонит домой, скажет, что задержится. И поедем мы с ним в какой-нибудь шикарный ресторан. Он не упустит случая побыть со мной наедине. Я же не из тех, что вешаются на шею и берут деньги. Я чистая, невинная... Ну почти...

Референт Пшеничного, Ангелина Максимовна, вошла в его кабинет и сказала:

– К вам, Станислав Михайлович, какая-то девушка, говорит, что ваша знакомая.

Пшеничный удивленно вскинул брови.

– Как ее зовут?

– Ксения Вежина.

– А!.. – широко улыбнулся Станислав Михайлович и, откинувшись на спинку кресла, покрутился вправо-влево. – Пусть зайдет. Это дочь сестры моей первой жены, некоторым образом племянница, – пояснил он.

Ангелина Максимовна понимающе кивнула и, задержавшись на минутку, сказала:

– Племянницы опасны для мужчин вашего положения. С ними держисься запросто, считая их еще девочками, а они уже давно выросли и смотрят на вас жадными женскими глазами.

– Пшеничный добродушно рассмеялся.

– Ну да и вы, дядюшки, тоже не упустите случая «отечески» похлопать по спинке юную племянницу, – с веселой иронией продолжала Ангелина Максимовна.

Пшеничный расхохотался еще пуще:

– И откуда вы все знаете, Ангелина Максимовна?

Ангелина Максимовна, неожиданно застыдившись, отвела глаза.

– Так ведь и сама была когда-то племянницей. Ну, – одернула она безукоризненно сидевший на ней жакет, – пойду, что ли, приглашу вашу, – произнесла она с ударением и после паузы добавила: – ...племянницу.

Пшеничный кивнул.

Через секунду в кабинете появилась Ксения. Она, радостно улыбаясь, подошла к столу. Пшеничный тоже улыбнулся, сказал, что рад ее видеть, и предложил сесть в кресло.

Ксения элегантно опустилась на мягкое сиденье и закинула ногу за ногу.

– Я, Станислав Михайлович, позволила себе обеспокоить вас... – начала она нарочито официально, так как в дверях все еще стояла Ангелина Максимовна.

– Простите, Станислав Михайлович, я вам сегодня больше не нужна? – спросила та.

– Нет, я скоро сам поеду домой, – ответил он и с трудом сдержал улыбку, поймав в ее взгляде предостережение.

– Да, так что ты хотела? – обратился Пшеничный к Ксении, когда они остались одни.

– Я хотела бы, если это только возможно, по окончании университета работать в вашем издательстве. – Пшеничный ничего не успел ответить, как Ксения продолжила: – Никто не сможет вас обвинить в протекции родственникам, ведь мы с вами родственники не настоящие, а так... – Игриво глянув на него, она встала с кресла и подошла к шкафу, чтобы рассмотреть выставленные там книги. Глаза Пшеничного последовали за ней и остановились на точке ниже спины.

«Худовата, но девчонка с огоньком. Ясно, что ей надо не только устроиться в моем издательстве, но и...»

Станислав Михайлович подошел к ней.

– Никто не имеет права обвинять меня ни в чем. Это мое издательство, хоть всех своих родственников приму на работу. А мы с тобой и в самом деле не родственники, – устремил он пристальный каре-желтый взгляд на девушку. Она выдержала его, и в лице ее даже промелькнуло разочарование, когда Пшеничный отвел глаза, не подкрепив взгляд хотя бы прикосновением руки.

«Чего же надо ей?.. Стать моей любовницей? – не на шутку озадачила его Ксения. – Положим. Но я слишком хорошо знаю скандальный и алчный характер ее матери. Если вдруг что, хлопот не оберешься. – Ксения тем време-

нем вынимала из шкафа книги, смотрела их, делилась мнением с Пшеничным, тот ей отвечал, но думал о своем. – А может, она решила меня с Ингой развести?.. И это не исключено. – Станислав Михайлович, слушая Ксению, очень внимательно разглядывал ее. – Недурна. Но я люблю с крутыми бедрами, эти новомодные унисексуальные девочки-мальчики меня не волнуют. Я предпочитаю по старинке – чтобы у женщины все было, что надо. И уж очень она напористая. Наверное, ждала, что я ей позвоню или заеду за ней после занятий. Не дождалась и решила взять инициативу в свои руки. Короче, вся в мамашу...»

Ксения поставила книгу в шкаф. От волнения у нее пересохло в горле, и она стала покашливать. «Черт, придется действовать самой».

– Ну так что, Станислав Михайлович? – теперь она устремила на него недвусмысленный взгляд.

– В каком смысле? – опешил он.

Ксения рассмеялась, покачала головой и села на диван, высоко закинув ногу за ногу.

– Станислав Михайлович, не считите за труд, подайте мне, пожалуйста, мою сумку, она в кресле.

Пшеничный вздрогнул, точно вышел из-под гипноза, взял сумку и подал ее Ксении. Она поблагодарила. Он сел рядом.

– Я закурю, – сказала Ксения, вынув из сумки сигареты.

– Может, коньячку за встречу выпьем? – спросил Станислав Михайлович.

– С удовольствием. Полагаю, что коньяк у вас отменный... Впрочем, как и все остальное...

Пшеничный, подойдя к бару, обернулся и встретился со взглядом женщины, которая знает, чего хочет.

«Заманчиво! Заманчиво... но... Нет, шалишь, девочка... Не в моем ты вкусе. Были и такие, как ты, и другие. К чему мне с тобой связываться? Только проблемы. Не дай бог, дойдет до твоей матери, тут же и Милена, и Зоя, и Инга будут в курсе. Зачем мне это? Хочешь прельстить меня своей невинностью. Да не нужна она мне. Тем более что после первого же соприкосновения ничего от нее не останется... если, правда, она еще у тебя есть».

Он разлил коньяк в рюмки и, предложив одну Ксении, вновь сел на диван. Она чуть пригубила коньяк и слегка подалась корпусом к нему.

— Станислав Михайлович, — искрились ее глаза, — так вы меня возьмете в свое издательство? Возьмете? — игриво приподнялись ее тонкие брови. Она придвинулась к нему еще ближе и, будто ей очень весело, сказала: — А я хочу вас поблагодарить за приглашение в «Коломбину». — Ее губы коснулись щеки Пшеничного. — Как вы пахнете... — прошептала она. — Какой это одеколон?.. — Губы опять коснулись его щеки и, как бы случайно, скользнули по его губам. Пшеничный не ответил. Ксения удивилась. Рассмеялась нарочито громко. И, растерявшись, сделала большой глоток из рюмки. Поперхнулась. Прикрыла рот ладонью.

Пшеничный одним глотком покончил с изысканным коньяком и сказал:

— Ты, Ксения, не из тех женщин, которым удастся заполучить богатого мужа. Ты всю молодость будешь тщетно гоняться за преуспевающими мужчинами, недоумевая с каждым годом все больше и больше, отчего это менее красивые или менее умные отхватывают себе потрясающих мужей, а ты все на том же месте с теми же кандидатами: неудачниками, середнячками, ну и им подобными... Я вот тебе совет дам, потом спасибо скажешь. Мягче будь, женственнее, что ли... Завлекай, но не столь откровенно. Ты на меня не обижайся. Я тебя понимаю. Хочется стать вдруг богатой. Ты и подумала, Инга сумела меня развести с Зоей, так почему ты не сможешь? Чем ты хуже?!

Ксения отодвинулась от Пшеничного и презрительно рассмеялась:

— А вы много о себе воображаете, Станислав Михайлович. Ничего я такого не думала.

— Да ладно, мы же свои!.. Не из той ты породы женщин, которым преуспевающие мужья в руки даются. Ты слишком напористая, высокомерная, и хочешь прикинуться славной девочкой, да во всех твоих движениях,

словах, взглядах чувствуется алчная женщина. Мужчины таких не любят. Ты скажешь, тогда откуда же берутся алчные жены?.. А просто те более ловкие, хитрые, более артистичные, талантливые, что ли... Признаться, я и сам до конца в этом вопросе не разобрался. А тебе на роду написано выйти замуж за середняка. Ведь никто не преуспел на поприще замужества – ни твоя мать, ни твоя тетка. Ну вышла она за меня, а удержать не смогла. Еще больше скажу, и Милене заказан завидный муж. Она такая же, как вы. Мать твоя слишком уж агрессивная по отношению к мужчинам, а тетка твоя, наоборот, какая-то апатичная, мечтательная. Милена же больше в твою мать. Но у нее, благодаря мне, будет другая судьба. На ней женится достойный мужчина, потому что она Пшеничная, потому что она моя дочь.

Вежина поднялась с дивана, едва сдерживая бешеную злобу на себя за свою неуклюжесть, на Пшеничного, который так легко разгадал ее хитроумный план.

– А я вам повторяю, что вы слишком уж вознеслись! – брызнув слюной, выкрикнула она. – Да на что вы мне? Старый, толстый, противный боров... Я действительно не избалована судьбой. Вы пригласили в дорогое кафе, я хотела только поблагодарить вас, поцеловать. Что же такого было в моем поцелуе?

Пшеничный почувствовал, что устал.

«Кто дал ей право кричать в моем кабинете? Оскорблять меня!.. Что она себе позволяет?.. Дрянь!..»

– Проваливай! – он злобно двинул рукой, точно подталкивая ее к двери. – Проваливай, маленькая дрянь!

У Ксении перехватило дыхание. Прерывающимся от гнева голосом она крикнула:

– Вы об этом очень горько пожалеете!

– Испугала! Иди уже! Тварь...

Ксения не помнила, как очутилась на улице. Ее шатало, точно крепко выпившую. Сквозь пелену бешеного гнева она разглядела скамейку. Села, но прийти в себя не смогла. Ей хотелось только одного: убить Пшеничного –

немедленно, сейчас. Скрытая деревьями, она увидела, как Пшеничный вышел из издательства и сел в машину.

— Убить, убить гада!.. — шептала она.

* * *

Только по прошествии нескольких дней Ксения постаралась разобраться в том, что произошло. Она очень боялась, что Пшеничный расскажет о случившемся Милене, но потом рассудила, что ему это ни к чему. И тут закружилась мысль: «А что, если он прав? Что, если я, как и мать, всю молодость буду тщетно бегать за преуспевающими мужчинами?.. Ведь чутью Пшеничного надо отдать должное. Дурак так не разбогатеет. Так что же мне делать? — сидя по ночам на кровати, обхватив подушку руками, думала она. — Жить, как живу, не хочу, но не умирать же!»

В одну из таких ночей ей вспомнились слова Пшеничного.

— Что это он там про род говорил? — поразмыслив, поняла: — Это он к тому, что каждому по его роду воздается. А какой мой род? — задумалась она, пытаясь вспомнить все, что слышала от бабушки и матери. — А род у меня непростой, — параллельная мысль, которая, в принципе, больше не покидала ее после разговора с Пшеничным, опять затмила все остальные: — Вот бы убить его! Ну и что? Миленке все достанется. А если и Миленку?.. Кому все достанется? Тетке Зойке! А что тетка Зойка будет делать с издательством одна? А тут я!.. — собственное размышление увлекло ее. — Убить? Странный какой-то глагол. Убить! А что лежит в его основе? Месть? Невозможность поделить что-то? А по-моему, лень. Ведь я могла бы отомстить Пшеничному тем, что своим трудом создала бы конкурирующее издательство. Потом путем интриг, подкупа и всяких необходимых для успеха действий разорила бы его. Он валялся бы у меня в ногах, а я бы выставила его за дверь. Но для этого надо трудиться. Причем не год и не два, может, десятилетия, без обязательного удачного результата.

В основе же убийства – лень, нежелание создавать новые материальные ценности, стремление отбирать, экспроприировать. Это витает в воздухе нашей страны. Это черная, обратная сторона ее духовности. Создавать – долго, жизни не хватит. Момент, когда можно было что-то ухватить, пришелся на мое детство. Так что мне – только отбирать или перераспределять. У меня прадед, дед – истые коммунисты. Прадед имения, дома, ковры, драгоценности отбирал. Убивал, не задумываясь. Для него убить что плюнуть. Чекист. Разбогател. Сумел увернуться, устоять, когда других отправляли в советские концлагеря. Награбленное завещал деду, да во время войны все состояние прахом пошло. Отец был сомневающимся неудачником. А вот я – в прадеда Федора. Истая. На что глаз положу, то непременно должно моим стать.

И вдруг неожиданно в голове Ксении выстроился четкий план по овладению издательством Пшеничного. Сначала надо устранить его самого. По завещанию, насколько было известно, издательство перейдет Милене. В случае же ее смерти, если она к тому времени не выйдет замуж, все унаследует мать.

– Значит, действовать надо немедленно, – пришла к выводу Ксения. – К тому времени я окончу учебу, вотрюсь в доверие к Милене, и она пригласит меня работать уже в ее издательство, а когда Милены не станет, кому тетка Зойка будет вынуждена довериться в вопросах управления, как не мне! А там посмотрю. Если тетка не будет слишком мешать, пусть живет и получает свои проценты.

Жизнь Ксении приобрела четкий смысл. Она поставила перед собой задачу в несколько этапов экспроприировать капитал Пшеничного, но возник вопрос, каким образом убить его?.. По телевидению только и говорили что об убийствах, показывая трупы с задранной одеждой. При этом голос диктора сообщал, что начато следствие, которое, как всем было известно, почти никогда не выявляло преступника.

Ксения поняла, что ей надо научиться стрелять. Изменив внешность, попросту надев парик, под чужим име-

нем она записалась в частный тир. Глаз у нее был необычайно меток. Хладнокровие давало возможность полностью сосредоточиться на мишени. Она ходила стрелять в тир почти каждый день. А на занятиях в университете стала надевать очки. «Близорукость, осложненная астигматизмом», — вздыхая, говорила она всем.

Когда Вежина почувствовала, что не промахнется, встал вопрос, где достать оружие? Помог случай, впрочем, если бы и не помог, она все равно бы выкрутилась.

Часто в университет ее вместе со своей дочерью завозил отец подруги. Иногда, не дождавшись машины у подъезда, девушки шли к гаражу.

— Что, опять проблемы? — спрашивала Ксения, глядя на «Жигули».

— Ничего, подождите в гараже, погрейтесь, сейчас заведется, — получала в ответ.

В гараже внимание Ксении давно привлекал ящик, закрытый на замок. Она догадалась, что в нем оружие. Отец подруги был военным, ушедшим со службы в связи с ранением, полученным на Кавказе. Ксения сделала слепок с ключей и однажды, когда отец подруги уехал по делам в другой город, проникла в гараж. Топором сбила замок с ящика и обнаружила разборную винтовку, оснащенную оптическим прицелом, пистолет марки «Макаров» с глушителем и несколько коробок патронов. Чтобы подумали на подвыпивших подростков, подбросила несколько бутылок и украла какие-то запчасти. Потом, конечно, их выбросила.

Вернувшийся из командировки отец не стал поднимать шум из-за нескольких пропавших запчастей. Он боялся даже заикнуться, что в его гараже была совершена кража. Не дай бог, каким-то образом узнают о пропавшем пистолете. Подозрение пало на дочь, которая заходила в гараж, чтобы взять банку с огурцами. Вероятно, так решили в семье, она забыла закрыть гараж на замок. Девушка отрицала до последнего, но потом сама согласилась, кто его знает, наверное, забыла. Ведь замок не был взломан.

Тем временем Ксения тщательным образом подготовила пистолет к делу. Смазала, протерла, уничтожив следы отпечатков. Несколько пробных выстрелов сделала за городом, в небольшой рощице. Теперь осталось только подыскать наилучший вариант для устранения Пшеничного. Она не могла, не привлекая внимания, нанимать машины, чтобы следовать за его «Мерседесом». Поэтому приходилось выбирать между двух мест. Либо убить его у дома, где он жил, либо около издательства. Время тоже было ограничено, утро или вечер. Но неожиданно все завершилось с невероятной скоростью. От Милены Ксения узнала, что Пшеничный разводится с Ингой, чтобы жениться на манекенщице из салона «Интальо», что на Новом Арбате.

«На Новом Арбате... – задумалась она. – С одной стороны, трудно притаиться, много народу, но с другой стороны, легко исчезнуть...»

Долго думать не было времени. «Если Пшеничный женится, то все перепишет на новую жену, а та не замедлит с ребенком. Тогда не разберешься, кто наследник. Подкараулю-ка я его у салона. Он туда, по словам Милены, частенько заезжает».

Ксения ходила к салону в течение недели и заприметила среди припаркованных напротив него автомобилей одну «Шкоду». Вероятно, ее владелец работал на Новом Арбате. Вежина слышала, что есть такое устройство, с помощью которого можно определить частоту сигнала в момент постановки и снятия автомобиля с сигнализации. Покрутившись на рынках, она нашла продавца подобного рода товара. Затем пару раз оказалась неподалеку от владельца «Шкоды», когда тот ставил и снимал свою машину с сигнализации.

Подготовив таким образом себе плацдарм и отметив, что Пшеничный обычно заезжает к невесте около часу, чтобы вместе пообедать в ресторане, Вежина стала его поджидать.

В тот день он появился у салона ровно в час. Ксения знала, что минут через пятнадцать он выйдет вместе со

своей манекенщицей. Она сняла «Шкоду» с сигнализации, открыла дверцу, села, опустила стекло, приготовила пистолет и стала ждать.

Пшеничный почему-то долго не появлялся, а потом вышел один, без невесты, в сопровождении охранника. Чуть задержался в дверях, сделал шаг, второй... Ксения, как на стрельбищах в тире, совершенно хладнокровно навела на грудь Пшеничного прицел и плавно нажала на курок. Пшеничный пошатнулся, его повело немного в сторону, при этом ноги как-то смешно заплелись, и он рухнул на крыльцо.

Бросив пистолет на пол, Ксения выскользнула из машины, сняла перчатки, засунула их в карманы широких брюк и направилась в сторону подземного перехода. Выйдя с другой стороны, она увидела, как вокруг Пшеничного собирается толпа. Ксения прибавила шаг и вскоре уже спускалась в метро.

ГЛАВА 31

В университет Вежина попала как раз к перемене. Зашла в туалет, сняла черную каскетку, серую майку с длинными рукавами, брюки и оказалась в ярко-желтой коротенькой кофточке и плотно облегающих джинсах. Снятые вещи сложила в сумку, в которой раньше лежал пистолет, и спустилась во двор университета. Подбежала к контейнерам, оглянулась, подожгла при помощи зажигалки сумку и забросила ее в контейнер.

На семинаре Ксения сидела на своем обычном месте.

У Терпугова даже отдаленно не мелькнула мысль о дочери сестры первой жены Пшеничного.

Убийство Пшеничного вызвало большой шум: среди бела дня на центральной улице столицы убит известный издатель. Чуть ли не каждая уважающая себя газета сочла необходимым высказать свое мнение по поводу этого преступления. На телевидении в новостях, в программах, посвященных разгулу криминала в столице, убийство Пшеничного по дерзости исполнения заняло первое место.

Был момент, когда Ксению охватил страх. «А что, как выйдут на меня?..» Все жилки мелко затряслись, и стало холодно. Свет в комнате был погашен, и только телевизор с застывшим кадром убитого Пшеничного освещал кресло, в котором сидела Ксения.

– Нет, – стуча зубами, прошептала она. – Никаких улик нет.

И как бы в подтверждение ее слов диктор сообщила, что киллер вряд ли будет найден, так как он либо уже покинул пределы России, либо убит. Компетентные органы сошлись во мнении, что убийство было заказным, а значит, расследовать его почти не представляется возможным.

Сразу после выстрела Ксения запретила себе думать о Пшеничном. Но спустя год ее саму заинтересовала ее же реакция на совершенное убийство. Тень, дух и тому подобные потусторонние образы ее не преследовали. Уличить ее в преступлении, как показало время, оказалось невозможно. Так чего же бояться?..

«Это когда мотив ясен, когда можно установить прямую связь между убийством и полученной от него выгодой, тогда можно выйти на преступника. А мне какая выгода от убийства Пшеничного? – забавлялась рассуждениями Вежина. – Да никакая. Я его за всю жизнь раза два-три видела. Выгода – его дочери и сыну. А я-то тут при чем?..»

Однако, когда Милена встала во главе издательства, Ксения потеряла покой. Все, правда, шло по ее плану. Она сумела стать необходимой Милене, она сумела убедить ту, что ей, ее двоюродной сестре, можно доверять. Пшеничная предложила Ксении занять должность главного редактора. Какой карьерный взлет! Однокурсницы взвыли от зависти. Но видеть Милену на столь высокой ступени было для Вежиной каждодневной мукой, которую усугубляло сознание, что своим положением Милена, не зная того, обязана ей. Однако необходимо было выждать время.

Решение Милены пригласить в издательство Олега сразу не понравилось Ксении. Она исподволь пыталась отговорить сестру, но та взяла курс на семейственность в бизнесе.

«Голова закружилась! – наедине с собой изливала злобу Вежина. – Еще бы, со студенческой скамьи да во владелицы издательства. «Род Пшеничных должен стать знаменитым», – передразнивала она Милену перед зеркалом. – Скажите пожалуйста – Пшеничные! Тоже мне, Мамонтовы или Елисеевы со Смирновыми!..»

Но это, как оказалось, было только началом великих замыслов Милены. Громом среди ясного неба стало для Вежиной известие, что все состояние, движимое и недвижимое, Пшеничная завещает своему братцу Олегу. И лишь в случае смерти последнего все перейдет к ее матери, Зое Петровне.

Ксения была готова пустить себе пулю в лоб. Она похудела, почернела, она не могла ни работать, ни есть, ни думать. В голове, точно гвоздь, сидела одна мысль, что это она сама усадила Милену в кресло владельца издательства «Стас».

Милену, обеспокоенную здоровьем двоюродной сестры, предложила той поехать в Баден-Баден. Но Ксения отказалась наотрез. Она знала, что лекарство для ее выздоровления находится в Москве.

«Ничего, подожду еще немного, – приказала себе Вежина и добавила, бледнея от ужаса: – Только бы это ожидание не затянулось на десятилетия. Да нет, все в моей власти, – глядя на экран ноутбука, ответила она сама себе. – В принципе, смерть Пшеничного мне тоже принесла дивиденды. Во-первых, я отомстила ему, а во-вторых, я работаю главным редактором в его издательстве. Он, если это ему дано знать, от злости лопается. Да только не затем я его убивала. – И она вновь вернулась к мысли о сроке ожидания. – Милену может выйти замуж и пересмотреть завещание. Значит, нельзя терять времени. Придется сначала убрать Милену, а затем Олега».

Вежина стала готовиться ко второму убийству. И тут неожиданно Валентина Милавина до потери рассудка влюбляется в молодого Пшеничного. Обычно осторожная, она теряет чувство опасности. Вежина тем временем не преминула втереться к ней в доверие, обставив все так, что Милавина сама стала искать ее расположения, так как ей нужен был верный человек в издательстве.

– Олег такой красивый!.. – вздыхала Валентина. – Увлекающийся... – уже заранее как бы извиняя его, говорила она. – Однако я знаю по опыту, если увлечение прервать в самом начале, оно более не вспыхнет... – Ее взгляд с немой мольбой останавливался на Вежиной. – Ксения, я тебе так доверяю...

Ксения улыбалась, понимающе кивала и успокаивала влюбленную вдову:

– Я присмотрю за ним. Это, не стану скрывать, и в наших с Миленой интересах, чтобы у него были серьез-

ные отношения только с одной женщиной. Он такой воспламеняющийся, что мы, признаться, опасаемся всех этих веселых и алчных девиц...

– Ну и отлично! – восклицала Милавина.

И вот как-то она обмолвилась при Ксении, что подумывает составить завещание в пользу Олега.

– Как ты на это смотришь? – спросила Валентина.

Ксения задумалась... и чуть не задохнулась от открывшейся перед ней перспективой.

«Если взяться за дело с умом, то у меня будут все шансы стать одной из самых богатых женщин страны...» Она с трудом восстановила дыхание.

– Ну что?.. – допытывалась Тина.

– Твои деньги, и ты имеешь право оставить их любимому человеку. Только, – замялась Ксения, – не говори Олегу, что кто-то еще в курсе твоих намерений. Он у нас непредсказуемый, если до него дойдет, что ты еще кого-то посвятила в свой замысел сделать его наследником, он может наотрез отказаться.

– Ты права. Все! Забудь! – рассмеялась Валентина.

Ксения перевела разговор на другую тему и исподволь с повышенным вниманием принялась рассматривать кабинет Милавиной.

Вежина и не предполагала, насколько захватывающими окажутся фантазии на тему убийства.

«Главное, – думала она, лежа на диване дома или в свободную минуту отдыха в своем кабинете, – это то, чтобы второе убийство ничем, ни единым штрихом не напоминало первое. Почерк должен быть совершенно иным. Кому выгодно убрать Милавину? Конкурентам! Вот под них и надо работать. Раздорский, Лонцова, Неклинов, – перечислила она имена основных соперников Милавиной в парфюмерном бизнесе. Совет директоров она предпочла не трогать. – Итак! – вдохновлялась Ксения. – Из трех кандидатур меня более привлекает господин Неклинов, чья сексуальная ориентация окутана голубой дымкой... Как бы убил он? – Она закрыла глаза и постаралась, насколько возможно, перевести свое сознание на «0». В голове началась чехарда. Обрыв-

ки мыслей, воспоминания, совершенно глупые, ничемные, путались, сменяя одно другое и утомляя мозг. Потом немного улеглись. Сознание постепенно освобождалось от хлама давно прошедших событий, становясь все светлее и светлее, и, наконец, все стало белым, как нетронутое полотно художника. Запрограммированный вопрос повторился уже без усилий Ксении: «Как бы убивал Неклинов?» – «Нежно, – получила она ответ. – Нежно, красиво...» – «А как бы убивал Раздорский?» – не удержалась она от любопытства. «Нежно, с любовью... Ведь он одно время был увлечен Милавиной...» – «А Лонцова?» – «Нежно, как бы сожалея, и ласково, чтобы не причинить боль...»

Вдруг весь внутренний взор Ксении заволок черный туман. Сосуды головы сжались, и кровь, пульсируя, с трудом проходила по ним, грозясь разорвать самый узкий. В испуге она открыла глаза и замерла, боясь пошевелиться. Когда пульс немного замедлил свое биение, она осторожно вздохнула, не поворачивая головы, открыла ящик стола, вынула ароматический стик Анти-стресс и сделала несколько нажатий шариковым аппликатором на виски и запястья.

«Значит, убивать надо нежно», – сделала вывод Вежина. И план нежного убийства в общих чертах был мысленно набросан. Потом пришлось заняться более скучными, но необходимыми деталями. А когда в торговом центре «Елисаветинский» Ксения увидела фигурки трех очаровательных маркиз, выставленных по случаю предстоящего карнавала, она поняла, что это последний штрих в ее плане.

* * *

Все прошло как в хорошо отрепетированной пьесе. Олег в присутствии Вежиной позвонил Валентине и посетовал, что вынужден задержаться в издательстве. «Я заеду за тобой позже», – солгал он. После чего подмигнул Ксении и сказал: «Пусть посидит в бутике и поработает над своими ароматическими композициями, а я расслаблюсь по полной программе в одном милом бордельчике». Ксения понимающе улыбнулась и пожелала приятного вечера.

За час до закрытия она вошла в «Елисаветинский». Покупателей было достаточно, чтобы не привлечь внимания охранников. Минут сорок спустя пассаж стал понемногу пустеть. Ксения, одетая в черные эластичные брюки, темную куртку, с сумкой через плечо, тоже не спеша направилась к выходу и вроде бы на минутку задержалась, чтобы еще раз взглянуть на кокетливых маркиз. Выждав, когда камера слежения на миг выпустила из поля зрения маркизу в платье цвета пармской фиалки, избежала на постамент и юркнула под ее пышную юбку. Притаилась, слушая биение собственного сердца.

Постепенно в пассаже погас общий свет и зажглись дежурные лампы.

Все внимание Ксении было сосредоточено на бутике Милавиной. Вот за стеклянной дверью возникла фигура менеджера Ирины Михайловны, и в этот же миг из-под юбки маркизы вылетело несколько кусочков льда, которые упали у порога бутика. Ирина Михайловна открыла дверь, сделала шаг и поскользнулась. Пока она чертыхалась, потирала ногу и пыталась разглядеть, на что же она наступила, Ксения успела забросить в щелку между дверью и проемом небольшой металлический крест. Выждав приблизительно еще с полчаса, чтобы увериться, что Ирина Михайловна, спохватившись о чем-либо, не вернется обратно, Вежина выползла из-под юбки маркизы и подобралась к двери. Войдя в бутик, подняла металлический крест и спрятала в сумку. На цыпочках приблизилась к кабинету Милавиной и заглянула в него: Валентина сидела за столом, занятая чтением своих записей.

Вежина встала на четвереньки и вдоль стены, куда не попадал свет от лампы, пробралась за спинку кресла Милавиной. В это время та поднесла к носу какую-то эссенцию. Бесшумно, словно тень, Вежина открыла бутылочку с хлороформом, наплатала им сложенную в несколько слоев марлю и, едва Валентина отвела от носа флакон с эссенцией, приложила марлю к ее лицу. Валентина вздохнула и мягко откинулась на спинку кресла. Убрав с лица своей жертвы марлю и спрятав ее в пакет, Ксения вынула из сум-

ки длинный бежевый шарф и обмотала его вокруг шеи Милавиной. Секунду помедлила, концентрируя силы, и затянула его. По телу Валентины прошла крупная дрожь, и она открыла глаза... но уже ничего не увидела.

Вежина тем временем взяла со стола тетрадь с записями. Поддавшись любопытству, заглянула в открытый сейф и обнаружила серебристый замшевый мешочек. Рука самопроизвольно потянулась к нему. В нем оказался удивительной формы флакон духов. «А не те ли это духи, о которых несколько раз упоминала Тина?.. Жаль, если пропадут. Она говорила, что это нежный взрыв в парфюмерном искусстве. Пока вызовут милицию, кто-нибудь вполне может их украсть», – поэтому Ксения спрятала флакон в свою сумку. Затем поправила длинные концы шарфа, придав податливому материалу изысканную волнительность линий...

Выйдя из-за кресла на середину кабинета, взглянула на произведение своих рук.

– Убила нежно, с любовью, – проговорила с улыбкой себе под нос и вышла из бутика.

Устроившись, как можно более удобно, под гостеприимной юбкой маркизы, дождалась появления первых работников торгового центра...

Уже спускаясь в метро, подумала: «Знал бы прадед Федор, в каких условиях мне приходится добывать состояние!.. Это в его время просто было. Пришел, арестовал, расстрелял и завладел всем, что приглянулось, да еще дочек дворянских попортил. А я?.. На какие ухищрения мне приходится идти, чтобы добыть то, что он росчерком маузера получал. Да!.. Но род! Должен род Вежиных опять выдвинуться. Не случайно мать записала меня не на фамилию отца, а на свою, Вежина. Будешь доволен, прадед Федор. Наш род опять будет на плаву! – Ксения окинула веселым взглядом ехавших с ней пассажиров. Но что-то, по-видимому, ее смутило. Она опустила глаза в пол и принялась покусывать ногти. – ...Нет, я абсолютно нормальная! – ответила она на встревоживший ее вопрос. – С психикой у меня все в порядке. А что такого ненормального в желании хорошо жить? По-моему, ненормально – это сидеть в своих бе-

тонных каморках и лопаться от зависти. А быть довольным, живя в них, вот это уже поистине полная и неизлечимая патология. Но на самом деле именно так все и обстоит. Ученые же доказали, что абсолютно нормальных людей практически нет. Всего несколько процентов. Вот те, кто добился права пользоваться всеми благами жизни, и составляют эти несколько процентов. Все остальные – ненормальные, умеющие довольствоваться малым, смиряться, жить кое-как. Они люди?! – Ксения с трудом удержалась, чтобы не расхохотаться. – Да они волков безжалостнее. Плодят себе подобных на ту же муку, что сами претерпевают. Сами мы, мол, мучаемся от такой жизни, так и вы, детки наши, помучайтесь. Им отопление, воду горячую отключают, а они рожают. И лежит этот ребеночек синий от холода с пневмонией, кандидат в инвалиды. Потом запихнут его в детский сад, чтобы работать ему же на пропитание, а он там опять холодный, не тем кормленный... В общем, издеваются так, что волку и в голову не придет. Но каждый волен жить, как того хочет. Я вот ведь тоже из нищеты выкарабкалась, потому что оказалась нормальной. Но нужен был толчок к движению. И он мне не был ниспослан эксклюзивно, нет. Я просто смотрела какую-то программу, новости, что ли? И миллионы других ее смотрели, и вот процент нормальных из этих миллионов сделал для себя такой же вывод, как и я: надо выбираться из нищеты. А репортаж был все о том же, о бедных и богатых. И подумалось мне, живем мы в одной стране в одно и то же время, но как на разных планетах. «Кто-то должен представлять на Западе русскую элиту, – сказал в том репортаже самодовольный толстомордый дядька, катясь с горы на каком-то альпийском курорте. – И это хорошо!» – добавил, щурясь от зимнего солнца. «Хорошо, – согласилась я с ним, – но только когда ее представляешь ты, а не кто-нибудь другой. Вот после этого репортажа и разыграла во мне кровь прадеда Федора, хозяина жизни. Что его – то его, а чего не хватает, возьмет и никого не спросит».

Ксения опомнилась и услышала, что подъезжает к своей станции, бросила взгляд сожаления на сидящих в наполненном тяжелым дыханием вагоне и вышла.

Потом она вместе со всеми ужасалась убийству Милавиной, утешала Олега и узнала, что тот, оказывается, получал письма с угрозами и даже виделся с его отправителями – бывшей невестой своего отца Лилией Шагариной и ее бойфрендом Валерием Катковым.

Что могла мысленно воскликнуть Ксения? Только: «Великолепно! События можно повернуть таким образом, что подозрение в убийстве Милавиной падет на них».

* * *

Когда театр принял пьесу Астровой к постановке, Ксения подсказала Милене, что было бы неплохо, если бы издательство выступило в качестве спонсора. «Пьеса будет иметь успех. Она актуальна, остроумна, с виртуозно закрученной интригой. В наших интересах сделать так, чтобы театр не затягивал с ее постановкой». Таким образом, Вежина получила доступ в театр.

Ее частые появления за кулисами, в кабинете художественного руководителя, на репетициях ни у кого не вызывали вопросов. Ознакомившись с репертуаром, она подобрала несколько пьес, в которых по ходу действия использовалось оружие, но премьера «Мамаши Кураж» привела ее в восторг. Режиссер все сделал так, чтобы можно было убить и скрыться никем не замеченной.

Ксения занялась разработкой деталей плана. Однако надо было поднапустить туману, показать, что ее жизни тоже грозит опасность. Тогда она разыграла преследование, взяв в свидетели своего соседа, Василия Петровича. Она знала, в какое именно время он выводит на прогулку овчарку, и рассчитала по минутам свой бег по аллее, ведущей прямо к дому. Еще в вагоне Вежина выбрала себе «преследователя». Крепкого молодого человека в темной куртке и вязаной шапочке, надвинутой почти на глаза. Она несколько раз, как бы невзначай, встретилась с ним взглядом. Парню Ксения понравилась. Отчего не познакомиться, если девушка вроде не против? Ксения вышла из вагона, парень последовал за ней. Очутившись на ули-

це, он ускорил шаг и окликнул ее. В ответ Вежина тоже ускорила шаг, выронив при этом из-под мышки глянце-
вый журнал. Парень ухватился за журнал, как за отлич-
ный предлог. Он поднял его и громко позвал: «Девушка!»
Ксения уже скрылась в аллее. Он поспешил за ней. Она
оглянулась и пустилась бежать. Парень, не понимая, в
чем дело, бросился следом.

«Перепуганная» Ксения столкнулась, как того и ожи-
дала, со своим соседом. Тотчас из аллеи выскочил парень.
Увидев Ксению, прячущуюся за спиной мужчины, его зло
рычащую овчарку, он слегка пожал плечами и сказал:

– Девушка, я же вам кричал, чтобы вы остановились!
Вы журнал потеряли!

Этим случаем Вежина продемонстрировала всем, что
кто-то охотится за близкими Пшеничных. Убита Мила-
вина, подруга Олега. И, может быть, сорвана попытка
убийства двоюродной сестры Милены. «Побольше неяс-
ности, нелогичности, побольше фигурантов – это запута-
ет дело», – небезосновательно полагала Ксения.

В тот день, когда они с Миленой были лично пригла-
шены режиссером на спектакль «Мамаша Кураж», у Ла-
димира Новгородцева было выступление в клубе «Меда-
льон», поэтому после первого действия Ксения с ним уеха-
ла из театра.

Позже, когда Фролов с подачи Астровой предпримет
попытку расследовать убийства Милавиной и Пшенич-
ной, он обратится с просьбой к Новгородцеву позировать
ему и пригласит того к себе домой.

Разговор почти сразу же коснулся убийства Пшенич-
ной. Ладимир заметил, что, к счастью, Ксения не видела
Милену с простреленной головой.

– Мы с ней уехали в клуб «Медальон», я там высту-
пал, – сказал он и не удержался от вздоха: – В тот вечер
Миленка выглядела потрясающе! На ней было такое эф-
фектное платье с бело-лиловыми цветами...

Фролов мысленно отметил: «Артист внимателен к де-
талям!» – и поинтересовался, якобы просто так, чтобы под-
держивать разговор:

– А Ксения в чем была? Тоже... – он сделал паузу, будто сосредоточился на рисунке и лишь по инерции продолжил: – ...с цветами?

– Нет! – замотал головой Владимир и, спохватившись, извинился: – Простите, забыл, что позирую. Ксения была в черной тунике из такого.... переливающегося материала и на голове сверкающая золотая шапочка. Да, еще шерстяной палантин, но это когда мы выходили на улицу.

Фролов закончил первый набросок. Владимир выразил желание взглянуть. Сергей снял лист с мольберта и показал. Новгородцев сильно сощурил глаза, поднялся с табурета и подошел ближе.

– Здорово! Как вы ухватили главное в моем характере! – воскликнул он.

А Фролов про себя отметил: «А ты, оказывается, близорукий».

– Что, сколько диоптрий? – спросил он, когда Владимир вновь сел на табурет.

– Много, – посетовал тот. – Почти шесть. Не вижу ни глаз партнеров, ни их мимики, вся сцена в тумане. Иногда это сильно мешает. Но вообще-то привык. Работаю на слух, – рассмеялся он.

Сергей молча кивнул и попросил Новгородцева сесть в профиль.

«Значит, в вечер убийства Вежина была одета во все блестящее. В клубе она сидела за столиком для своих. Со сцены он хорошо виден, а для остальных посетителей почти незаметен. Как могла поступить Ксения? – задумался Фролов. – А хотя бы так. Выскользнуть из сверкающей туники, под которой было черное облегающее трико с длинными рукавами, бросить шерстяной палантин на спинку стула, на него набросить тунику, а сверху положить золотую шапочку.

Близорукий Новгородцев, видя переливающуюся тунику и золото шапочки, был уверен, что Ксения все время оставалась на месте. Поэтому он подтвердил Терпугову, что Вежина весь вечер находилась в клубе. Правда, не исключено, что Владимир мог подойти к ней в промежут-

ке между выступлениями, но у Ксении, несомненно, была заготовка на этот случай. «Вот, я же тебе говорила, сделай операцию по коррекции зрения, но ты боишься. Поэтому сегодня я специально пропала прямо из-под твоего носа, и ты это заметил, только когда подошел и пошарил рукой. А я стояла неподалеку и наблюдала...» предугадал вероятный ответ Вежиной Фролов.

Официанты же обслуживают клиентов и на столик для своих внимания не обращают, это они умеют делать. Мимо Ксении мог пройти менеджер, директор клуба, ну еще кто-то, но мог и никто не проходить во все полчаса ее отсутствия. Потому что вечеринка была закрытая и концертные номера были отобраны по усмотрению заказчика. Вечер открывался канканом, которым обычно заканчивают, но...

Балет был недоволен.

– Сумасшедший дом! – наперебой выкрикивали девушки. – Сразу после канкана – в театр, там в пять минут надеть военную форму, выйти на сцену, исполнить танец десантников, опять бегом в автобус, а тут тебе баварская полька.

– Девочки, не шуметь! – перекрывал их возмущенные выкрики голос руководителя. – Нам хорошо заплатили за эту суматоху. Веселей смотрите! Да к тому же вам и не привыкать!

Полуголые девушки и юноши по узкому коридору поспешили в автобус, вместе с ними с сумкой в руке в салон вошла Ксения. Автобус тотчас тронулся. Пять минут – и служебный вход театра. Танцоры бегут мимо охранника в гримерные. Затем мужчины поднимаются на колосники, девушки идут за кулисы. Раздается боевая музыка и... сцена заполняется десантниками.

Стрельба, прыжки, эффектные поддержки с элементами акробатики. И в тот момент, когда девушки-десантники взяли на прицел зрительный зал, среди них оказалась и Ксения. Она тоже с профессиональной непринужденностью вскинула свою винтовку, прицелилась и выстрелила. В это время мужчины-десантники стали спускаться по веревкам, девушки оставили сцену и переводили дыхание за кулисами. Задачей Вежиной было переодеться быстрее всех

и влиться в группу танцоров уже у служебного выхода. Вернувшись в гримерную, она сняла форменную одежду, спрятала в сумку и опять осталась в черном трико. Она заранее выбрала себе место, где ей лучше всего ожидать появления танцоров. У служебного выхода, за колонной.

Ксения едва успела выскочить из гримерной, когда услышала, что танец на сцене уже окончился. Она стремительно пошла по коридору и вдруг на что-то натолкнулась. Опустила глаза и увидела девочку лет пяти, как ей показалось, с картиной в руках. Ксения с таким напором налетела на ребенка, что ее средний и безымянный пальцы отставили отпечатки на невысохшей краске. Она чертыхнулась и поспешила дальше. Балет не заставил себя ждать. Опять автобус. Опять служебный вход клуба «Медальон». Ксения выглянула из-за портьера, отделяющей служебное помещение от зала. Ладимир пел. Туника нетронутой лежала поверх палантина. Она потянула ее к себе, затем взяла шапочку и очки, которые лежали под шапочкой и тоже отбрасывали свет, когда на них попадали лучи софитов.

* * *

На Олега, возглавившего издательство, Ксения смотрела как на творение своих рук. Первое время Пшеничный выглядел очень озабоченным. Видимо, боялся последовать за любовницей и сестрой, но потом сознание, что он стал одним из богатейших и влиятельнейших людей страны, успокоило его. «Попробуй достань меня!» К тому же он считал, что ему известен убийца. Если еще и были сомнения, то после слухов, что парфюмер фирмы «Мариола Баят» Бедаков создал новые духи, они исчезли окончательно. Астрова ему все объяснила. Бедаков — любовник Роксаны, сестры Лилии. Следовательно, Катков убил Милавину, украл тетрадь и через Роксану продал ее Бедакову.

Милиция объявила Каткова и Шагарину в розыск.

В свое время Ксении не понравилась идея Милены избавиться от Астровой. Ксения считала, что у Веры большой творческий потенциал и что она еще будет полезна

издательству. Она даже с некоторым сожалением поглядывала на Веру, думая: «Вот, только вырвалась из нищеты, безвестности, только превратилась, насколько это возможно с ее физическими данными, в привлекательную женщину, как Милена решила ее затолкнуть обратно. И что будет в результате? В год она растолстеет, опустится, обозлится и станет противной теткой. Другая на ее месте, конечно, вот так просто бы не сдалась. Согласна, трудно, да практически невозможно противостоять Милене, но один, последний выход всегда есть. Я бы, к примеру, оказалась на месте Астровой, убила бы Милену. Но Верке повезло, что мои планы совпали с ее тайными мечтами, а уж в них-то она наверняка кромсает Милену на мелкие кусочки и бросает на съедение собакам, а те не едят... слишком уж ядовита Миленка. Когда я возглавляю издательство, я вызволю из тьмы забвения писательницу Астрову и вновь зажгу ее звезду. Вот ведь везет же людям просто так, — вздыхала Вежина. — А я должна сама!»

Милена даже еще не успела окончательно избавиться от Астровой, как Ксения Вежина избавила ее от жизни.

Слезы, вздохи, скорбные лица сотрудников. Бледный Олег, бледная, едва держащаяся на ногах Ксения... Момент прощания в издательстве был самым душещипательным. Вежина искренне желала Милене царства небесного и всего самого хорошего. «А мы уж как-нибудь здесь, — шептала она, — без тебя обойдемся».

Первым распоряжением Олега был приказ приступить к переизданию и изданию новых романов Веры Астровой. Ксения одобрила его действия. Ей понравился и новый главный художник, принятый Пшеничным, Сергей Фролов.

«Пожалуй, после того как Олег отправится к своей сестре, я Фролова оставлю. У него своеобразный взгляд на обычные вещи. И поразительное чувство цвета. Он умеет так точно подбирать оттенки, что обложка притягивает к себе хотя бы мимолетный взгляд: после чего покупатель, даже обратясь к другой книге, вновь вернется к той, первой. С ним легко работать. Он не ленив, всегда приносит несколько, причем очень достойных вариантов. Есть

из чего выбрать», – серьезно размышляла Ксения, подбирая себе штат дельных сотрудинок.

Если бы Вежина знала!.. Если бы ей так не запали в душу слова «Коли он живет, стало быть, все в его власти»¹. Если бы она не прошла с равнодушием мимо других слов того же писателя «Подлинно есть фатум на свете!»², а призадумалась, сделала бы выводы... Но мы предпочитаем любоваться, точно кристаллом, теми фразами, которые нам близки по духу. Ксения согласилась с писателем, что все в ее власти, и упустила из виду его предостережение о фатуме...

Фролов в приподнятом настроении вошел в кабинет Вежиной и с порога продемонстрировал ей один из вариантов обложек для новой книги Астровой. Она подняла глаза, и в ее взгляде он прочел одобрение. Это был всего лишь миг. Потом Ксения пошарила рукой по столу и надела очки.

– Отлично! – произнесла она.

Фролов, как ему тогда показалось, не обратил внимания на тот факт, что страдающая близорукостью Ксения смогла рассмотреть макет обложки с такого расстояния. Он подошел к ней, положил макет на стол. Она с нескрываемым восторгом провела по нему пальцами... Глаза Фролова остекленели...

Ксения хвалила его, не жалея эпитетов, потом принялась рассматривать другие образцы, а Фролов уловил в воздухе аромат «Снежного ветра»...

«Не может быть!.. Этого не может быть!..» – мысленно воскликнул он и вновь посмотрел на пальцы Вежиной, указательный и средний, – на них мерцали блески. Он осторожно скользнул взглядом по ее шее и увидел сверкающую дымку.

Сергей вышел из кабинета Вежиной в совершенном замешательстве. Ему хотелось немедленно рассказать Вере и Терпугову об удивительном факте совпадения. Но он побоялся подставить симпатичную ему Ксению, не

¹ Ф. Достоевский «Идиот».

² Ф. Достоевский «Подросток».

разобравшись, каким образом у нее оказались эти духи с блестками, которые пропали из сейфа Милавиной.

По настоянию Астровой Фролов отправился в театр, чтобы приступить к оформлению спектакля по ее пьесе. Режиссер был не очень рад его появлению, так как имел собственного художника, с которым у него уже была общая художественная концепция будущего спектакля, но звонок Олега Пшеничного заставил его пересмотреть эту концепцию.

В кабинете режиссера Фролов обратил внимание на рисунок маслом, сделанный его пятилетней дочерью о вечер убийства Милены. Острым взглядом художника он рассмотрел на нем чьи-то отпечатки. Отпечатки его заинтересовали. В ходе разговора ему удалось выяснить, что кто-то налетел на девочку, когда та шла по коридору, неся впереди себя еще не высохший рисунок. «Она была очень огорчена», — заметил режиссер. Фролов любезно предложил подправить рисунок. Режиссер не смог отказать.

В то же день Сергей отнес в частное экспертное бюро этот рисунок, с четким отпечатком чьего-то среднего пальца и более слабым безымянного, а также макет обложки, по которой провела пальцами Ксения. О результате экспертизы старался не думать, однако постоянно ловил себя на том, что волнуется, каким же будет ответ.

— Да нет, смешно, чтобы я вдруг изобличил убийцу. И потом, даже предположить невозможно, что Ксения могла убить Валентину и Милену, — рассуждал вслух Фролов, меряя шагами свою мастерскую.

Результат оказался сногсшибательным. Отпечатки на рисунке и на макете обложки были признаны идентичными. Фролова бросало то в жар, то в холод. Он не мог поверить, осознать... Он помчался к Вере.

Астрова лишалась дара речи, когда только попыталась признать как версию, что Вежина — убийца. Она с размаху села на диван и долго молчала, устремив взгляд перед собой. Потом надтреснутым голосом попросила Сергея налить ей «Чиндзано». Выпив бокал вермута и выкурив сигарету, Вера предложила Фролову свой план

действий. Он сначала хотел категорически отказаться, но она сумела его убедить.

– Никакого риска. Как только Олегу позвонит Катков, я сделаю так, что он непременно пожалуется на этого шантажиста Ксении. И скажет ей, что решил с ним встретиться на выставке «Просветитель», чтобы при журналах обвинить в шантаже и тем самым положить конец преследованиям.

– Но вот это и опасно. Вежина вполне может воспользоваться выставкой, чтобы убить Пшеничного и свалить убийство на Каткова.

– Исключается! Потому что Олега на выставке не будет.

– То есть? – не понял Фролов.

– Я ему отсоветую связываться с Катковым в присутствии журналистов. Скажу, что будет лучше устроить встречу в каком-нибудь кафе, где за соседним столиком будет сидеть подполковник Терпугов.

– Ну если так... – протянул Сергей.

Каково же было его, нет, не удивление, а шок... когда он увидел Олега Пшеничного лежащим в луже крови с куском стекла, вонзенным в сонную артерию. Он не верил собственным глазам. До него, как сквозь сон, донеслось, что Астровой стало плохо. Потом он увидел, как ее унесли на носилках. И несколько минут был уверен, что это Вера убила Пшеничного. Но обостренная интуиция подсказала ему, где искать последнюю улику.

– Зачем? Зачем ей понадобилось, чтобы Вежина убила Пшеничного? – изводил потом себя всю ночь вопросом Сергей.

Он сотни раз безрезультатно звонил на сотовый Веры. Он уже собрался ехать к ней в больницу, но передумал.

– Все равно не дадут поговорить. Да и разве она скажет правду? Как я мог пойти у нее на поводу?.. Но ведь ее предложение исключало всякий риск. Почему? Почему Пшеничный приехал на выставку?.. Нет, нет, – нервно проводя руками по волосам, твердил Фролов, – надо было все рассказать Борису. Он бы не допустил убийства. Я! Я виноват в смерти Олега. Я!.. – Ужас, холодный, мерзкий,

остановил его бег от стены к стене, и вдруг на него нахлынуло страшное своей безысходностью отчаяние. Стало так тошно, что потянуло к окну.

Фролов схватился за голову и выбежал на улицу. До утра бродил по городу. Заходил в клубы, пил, но не пьянел, перебрасывался словечками с проститутками, но отказывался от их услуг, опять выходил на улицу, жадно вдыхал воздух, а перед глазами все стоял мертвый Пшеничный... Бежал от собственных видений по переулкам и вновь оказывался у стойки бара. Пил, пил... Злым, трезвым вернулся утром домой и позвонил Астровой. Ее домашний телефон не отвечал. Сотовый тоже продолжал хранить выводящее Фролова из себя молчание. Тогда он позвонил в клинику. Ему сообщили, что госпожа Астрова чувствует себя недостаточно хорошо, но, вероятно, днем, после обеда, ее можно будет навестить.

Фролов пришел после обеда. Ему назвали номер палаты. Он поднялся на третий этаж, подошел к двери и постучал.

– Войдите! – раздался слабый голос Веры.

Он вошел, ее глаза засияли.

– Как я рада! – протянула она ему навстречу руки.

Сергей, не замечая этого движения, спросил с порога:

– Почему Олег пришел на выставку? Мы ведь договаривались с тобой!

Вера скорбно опустила голову и тихо ответила:

– Не знаю!

– Но зато Вежина это знала!

– Ах, – откинула голову на подушку Вера, – не надо, Сергей, умоляю. Я сейчас не могу, не должна... Я... я... беременна.

– Что?! – Фролов воскликнул с таким недоумением, будто случилось что-то из ряда вон выходящее.

Он смотрел на Веру, она на него. Было тихо. Солнечный свет освещал сквозь белые занавеси палату. Сердце дрогнуло в груди Сергея. Взгляд смягчился...

Как вдруг из коридора донесся шум, крики. В палату постучали и, не дожидаясь позволения, открыли дверь.

Ввалилось сразу человек шесть с фотокамерами, с диктофонами.

— Умоляем простить! Мы на минутку! Всего один вопрос! Это правда, что вы, госпожа Астрова, являетесь супругой убитого вчера Олега Пшеничного?

Фролов отошел чуть в сторону и сложил на груди руки.

«Ну до чего и в самом деле эти репортеры настырны и бессовестны в своих выдумках!» — презрительно шевельнув губами, подумал он.

Сергей ожидал, что Вера с возмущением ответит кратким «Нет!» и все сейчас же уйдут. Но она как-то странно потупила взор, поджала задрожавшую нижнюю губу и сказала:

— Да!

Фролову показалось, что он либо спит, либо сошел с ума, либо и то и другое одновременно.

Фотокамеры засверкали вспышками.

— Когда и где было ваше бракосочетание?.. Кто были свидетелями?..

Но тут появилась больничная охрана, и фоторепортеры были выдворены из палаты.

Фролов смотрел на Веру, Вера на него. Она ждала вопроса. Но его не последовало. Сергей опустил голову и пошел к двери.

— Сережа! — приподнялась на кровати Вера. — Сережа! — Он обернулся. — Сережа... — Она в растерянности тербила простыню. — Ты... ничего...

— Ничего, — сухо бросил он и взялся за ручку двери.

— Это... это... — донеслось до него, когда он уже вышел в коридор, — твой ребенок!

Фролов зло усмехнулся:

— Да будет тебе врать, Пшеничная вдова!

ГЛАВА 32

Убийство Милены повергло Олега в состояние шока. Он потерял чувствительность к чему-либо. И это было еще благо для него, потому что потом над ним возобладало только одно чувство – чувство страха.

– Вера! Вера! – бросался он в объятия Астровой. – Меня убьют. Убьют, как отца, как Тину, как Милену. Это рок!

Вера прижимала к себе его худое трепещущее тело и спокойным, рассудительным голосом увещевала:

– Ну какой рок?! Рок – это то, что невидимо. А в данном случае мы отлично знаем, кто убийца. Любовник бывшей невесты Станислава Михайловича, Катков.

Вера говорила об этом с уверенностью. Она сама направила Каткова в театр, позвонив тому из ночного бара. Для этого она воспользовалась мобильным, оставленным кем-то на столике.

– Ну хорошо, – соглашался Олег. – Но мне от этого не намного легче. Катков выждет момент и убьет меня. А может, дать что-то, ну, этому ребенку?..

Вера всплескивала руками и патетическим голосом произносила одну фразу:

– Ни в коем случае!

– Но как мне обезопасить себя?

– На данный момент волноваться не стоит. Каткову нет смысла убивать тебя до тех пор, пока он не убедится, что ты не пойдешь с ним ни на какой дележ наследства. Сначала он тебе позвонит и, используя убийства Валентины и Милены как наглядный пример того, что ожидает тебя, будет настаивать на встрече...

– Ну а потом? Потом что?.. – в нетерпении спрашивал Олег.

– Дорогой, дай мне несколько дней, и я придумаю идеальный план, как тебе раз и навсегда обезопасить себя и от Каткова, и от совета директоров, и от всех остальных.

Слова Астровой вернули мужество Пшеничному, и на людях он держался спокойно, с достоинством. Но по вечерам впадал в панику, требуя, чтобы каждую ночь Вера проводила с ним. Она позаботилась и об этом и, чтобы какое-то время не встречаться с Фроловым, завалила его работой: подготовка к выставке «Последнее впечатление», разработка макетов обложек для ее книг и еще уговорила заняться оформлением спектакля по ее пьесе.

Когда Фролов сообщил ей, что знает, кто убийца Милавинной и Пшеничной, Вера при всем своем изощренном писательском воображении не поверила Сергею. Но он предъявил ей улику – отпечатки пальцев на детском рисунке маслом.

– Дактилоскопическая экспертиза подтвердила идентичность отпечатков на рисунке и на макете обложки, до которой дотрагивалась Вежина. Да к тому же, я в этом абсолютно уверен, духи «Снежный ветер» с блестками находятся в сейфе ее рабочего кабинета.

Вера попросила Сергея помолчать. Она села за компьютер и прикинула план действий Вежиной. Скрупулезно, шаг за шагом, оценивая выгоду каждого.

– Ого! Значит, и Станислава Михайловича пристукнула она. Вот это полет воображения! Вот это уверенность в своих силах! Кто бы мог подумать?..

Астровой удалось убедить Сергея ничего не говорить Терпугову, а дать возможность ей самой с шиком взять убийцу.

Когда за Фроловым закрылась дверь, Вера долго ходила из комнаты в комнату, курила, садилась за компьютер, что-то набрасывала, уничтожала, терла виски, щелкала пальцами, уловив какую-то мысль, потом брезгливо морщилась, глядя, как та лопается, подобно мыльному пузырю, испуская радужные искры. Несколько дней Вера разрабатывала план, оттачивая его грани, чтобы они были твердые и неприступные, чтобы малейшие подозрения

скатывались по ним, как слеза. «Главное, – исключить фактор риска, – повторяла она, садясь отдохнуть от рассмотрения всевозможных вариантов. – Да он и так, сам по себе исключается. Все в конечном счете зависит от правильно просчитанных действий. А я просчитывать умею».

Она подняла телефонную трубку и разыскала Олега.

– Верочка! Астрочка моя! Я как раз еду домой! Приезжай!

– Да, дорогой! Соскучилась! Целый день не виделись!

Вера не занималась долго макияжем и выбором заводящего сексуального наряда. От нее исходила энергия действия, мощная, властная, подчиняющая. Придя к Олегу, она прижалась к нему и сказала:

– Я нашла единственный и окончательный способ обезопасить твою жизнь.

Пшеничный, не выпуская Астрову из объятий, сел вместе с ней на диван и устремил на нее горящий любопытством и надеждой взгляд.

– Ты должен немедленно жениться! – словно сообщая сакральную тайну, произнесла она.

Пшеничный поморщился и выпустил сквозь зубы:

– Фу!.. Я-то думал!..

– А что ты думал? – приступила к обработке своего «алмаза» Вера. – Только жена и твой ребенок способны защитить твою жизнь. – Увидев явное сомнение в его глазах, она продолжила: – Смотри сам, какой смысл Каткову, если ты женат и у тебя будет или есть ребенок, убивать тебя? Чтобы отомстить? Разве он дурак? Зачем ему месть, которая не принесет ни копейки? Предположим, он убивает тебя сейчас, тогда у него есть шанс, заплатив, кому следует, отсудить часть наследства малолетнему сыну Станислава Михайловича. Кто выступит против него? Только мать Милены, Зоя Петровна, с которой легко справится хороший адвокат. Да еще так, что большая часть наследства Пшеничных пойдет малолетнему сынку, а не ей.

Олег погрустнел, слишком ярко представив себе картину дележа его имущества после его же смерти.

– А что, если этот сынок вовсе и не сын моего отца?

Этот вопрос не понравился Вере, поэтому она решила ответить быстро и уверенно:

– Можно предположить и такой поворот событий, но, устранив тебя, – спокойным голосом, словно она говорила о само собой разумеющихся вещах, – они устраняют и главного оппонента. Наймут пару пронырливых адвокатов, и те докажут, что этот ребенок – сын твоего отца. Да хоть эксгумацию сделают, если понадобится, уже заранее имея на руках нужное заключение экспертизы.

Пшеничный сник настолько, что Вере пришлось налить ему рюмку водки.

– Пей! Пей! – сказала она в ответ на его вопрошающий взгляд «чем бы закусить». – Второй закусишь, – наливая, проговорила она. – А вот если ты будешь женат и у тебя будет ребенок, – не переводя дыхания, продолжала с азартом Вера, – то какой смысл Каткову убивать тебя, когда ты сделаешь завещание на жену и ребенка?

Пшеничный выпил третью рюмку и пошел на кухню. Открыл холодильник и взял банку с корнишонами.

Вера последовала за ним. Тоже выпила и закусила.

– Да! Но как это мне вдруг жениться и как это сразу ребенок?.. – развел руками Олег.

– Ну конечно... – вздохнула Вера и чуть отвела взгляд в сторону, – насчет того, чтобы жениться... Но вот ребенок... Ребенок уже есть.

Олег опустил на стул и с удивлением посмотрел на нее.

– Что ты этим хочешь сказать? – отдаленно догадываясь, но все же сомневаясь, спросил он.

Вера ответила просто:

– Я жду от тебя ребенка. Ему, кстати, уже восемь недель.

Олег моргал ресницами, точно услышал нечто необычное, такое, что могло произойти только с ним.

– Ну что смотришь на меня? – потрясла она его за плечо. – Будто ты единственный на свете мужчина, от которого женщина может ждать ребенка.

Олег улыбнулся, как бы говоря: «Э, что ты понимаешь!..» – и прошептал:

– Конечно, единственный. Ведь это мой ребенок. – Он вслушался в это слово и повторил: – Ребенок!..

– Вера! – Олег вскочил со стула и обнял ее. – Вера, что же ты молчала?

Она рассмеялась:

– Я и сама узнала всего месяц назад. Некогда было сходить к врачу. Так, думала, ничего особенного... А потом не знала, как тебе об этом сказать, не хотела, знаешь, услышать, что тебе это все равно. А вот когда поняла, что ребенок – это твое спасение, решила. Мы даже можем Каткова сдать милиции, только боюсь, что улики против него слабые, поддержат и выпустят. Но попутать – нелишнее.

Олег не находил себе места от возбуждения:

– Вера! Как? Как это можно сделать?..

– А все очень просто. Катков тебе позвонит и будет настаивать на встрече, уверена, он не заставит себя ждать. Когда хочется есть и не хочется работать, тогда не тянут с шантажом. Ты согласишься. Это его не насторожит, он решит, что ты испугался и готов пойти на компромисс. Где бы назначить встречу? – задумалась Вера. – Ну это мы посмотрим по обстоятельствам, главное, чтобы были репортеры и много приглашенных. Выставка, презентация чего-нибудь, неважно. Выбрав удобный момент, ты объявишь о том, что мы с тобой поженились и ждем появления наследника. Катков от такого поворота событий хоть на минуту, да потеряет бдительность. И охранники, которых я заранее обо всем предупрежу, скрутят ему руки. Каков ход, а? Высший пилотаж в рекламном бизнесе. Издательство «Стас» не только издает детективы, но и само ловит преступников. А затем под прицелом репортерских фотокамер мы с тобой передадим Каткова милиции. Нет, ты представляешь?.. – ликовала Вера. – Такого еще никогда не было! И даже если Каткова отпустят за недостатком улик, – продолжала она, – ему уже не под силу будет истребить Пшеничных. Колосьев станет слишком много!

В глазах Олега засветились лихорадочные огоньки. Он потирал руки, ходил по гостиной, бубнил что-то себе под нос.

– Да!.. – воскликнул он. Вера напряглась, как струна, ожидая согласия, но Пшеничный разочаровал ее. – Все верно. Но как-то вот так жениться... Я не знаю, – глупо улыбаясь, подошел он к ней и взял ее лицо в свои ладони. – Я тебя люблю, Верочка-Вербеночка, но жениться... Натура у меня беспокойная... Я семейный, конечно, но только после сорока.

У Веры сердце оборвалось. Она побледнела и, дернувшись, отошла от Олега. Тот так и остался с поднятыми ладонями.

«Вот же подонок! – борясь со злыми слезами, мысленно возмущалась Астрова. – Такой шанс! Единственный и неповторимый!.. Но ничего, – нашла она точку успокоения, – Вежина тоже ничего не получит. Вернее, получит сполна. Срок длиною в жизнь. Э!.. – сжав кулаки, неистовствовала Вера. – Мне-то от этого не легче. Ну какое-то время я еще буду иметь вес в издательстве. Но потом этот придурок начнет менять девок. А сколько юных дарований будет на него вешаться!.. Одна из них и вытеснит меня. Не писательским талантом, разумеется, а доставленным сексуальным удовольствием. И все начнут читать бред юной особы, упакованный в заманчивые обложки. А она будет посмеиваться над ними с рекламных плакатов, убеждающих, что ее романы – это синтез тончайшей иронии, глубочайшего интеллекта, нового взгляда на мир. Ведь ей только двадцать! Как будто никто так не смотрел на мир, когда ему было столько же. Каждое молодое поколение – это те же штаны, только наыворот. Ну кто, кто кончил иначе, чем все остальные? Что, после двадцати кому-то из многообещающих юных дарований вновь станет девятнадцать? Что, не появятся морщины, не засверкает лысина или целлюлит не обезобразит тело? Да все то же! Та же борьба с каждой морщиной, то же желание выглядеть моложе своих лет. А я?! Я!! – Она настолько предалась своим размышлениям, что, заметив Олега, с удивлением подумала: – Что делает здесь этот подонок?..» И тут одна мысль точно бросила ей в глаза горсть блестящих искр. Она даже зажмурилась и замотала из стороны

в сторону головой. Чему-то тонко улыбнулась, подошла к Олегу, потрепала его по волосам и сказала:

– Поступай как знаешь! Я ребенка хотела, и он у меня будет. А ты оставайся свободным. Только уж будь осторожен. Катков еще не пойман и по-прежнему опасен. Мне даже кажется, что у него на почве навязчивого желания получить часть наследства Станислава Михайловича произошел какой-то сдвиг в психике. Убивает налево и направо. Ужас! – Она опустила глаза и, скорбно вздохнув, призналась: – А мне хочется, чтобы мой ребенок запомнил хотя бы смутный образ своего отца. Только не подумай, что я намекаю на то, чтобы ты его официально признал. В этом нет никакой необходимости. Я просто... Понимаешь, просто хочу, чтобы он тебя увидел, – ласково заглядывая ему в глаза, закончила она свою мысль и тут же перевела разговор: – Олежек, давай ужинать. Что там у тебя есть в холодильнике?

Олег мотнул головой в сторону кухни, мол, иди, но сам не двинулся с места. Он стоял, прислонившись к высокому книжному стеллажу, и думал. Думал с обидой: «Как она легко согласилась с тем, что меня могут убить! Вначале предложила мне защиту, но едва я сказал, что еще молод, что еще не способен стать хорошим мужем, как она преспокойно отправилась на кухню ужинать, высказав только одно пожелание: чтобы меня не убили до тех пор, пока ребенок не сможет запомнить отца, хотя бы смутно... Вот же дрянь, а? Значит, наплевать на меня, да?»

– Значит, наплевать на меня, да?! – возвысив голос, пошел он в кухню.

Вера подняла на него удивленные глаза.

– Что? – не поняла она.

– Как это что? У тебя только одно желание, чтобы твой ребенок, – выделил он голосом «твой», – запомнил хотя бы смутный образ отца.

Вера очень выразительно пожала плечом, отшвырнула нож, которым нарезала в салат огурцы, и сказала:

– А что ты хочешь? Я тебе практически сделала предложение. Но не из корыстной женской цели – выйти за-

муж, а чтобы – звучит напыщенно, но в данном положении, когда Пшеничных убивают одного за другим – чтобы защитить тебя. Ты же дал мне понять, что еще слишком молод. Что я должна, по-твоему, делать? Насильно тянуть тебя под венец, кричать, что во мне вызревает новая пшеничка?! – она захлебнулась от обиды.

Но последние слова произвели на Олега невероятное впечатление. Он подошел к ней, погладил ее по животу и прошептал:

– Новая пшеничка...

Сколько длилась пауза?... Во всяком случае, Вера успела себя поздравить, что избрала верный тактический ход. Если бы она начала настаивать, доказывать, рыдать, Олега это только разозлило бы. А так, полная свобода действий, поступай как хочешь. И стало обидно, потому что когда тебе предоставляют свободу действий, то тем самым проявляют свое равнодушие. «А!.. Поступай как знаешь. Я тебе сто раз объяснять, как было бы для тебя лучше, не буду». И это сработало.

– Вера, – осторожно прижимая ее к себе, глотая слезы умиления, проговорил Олег, – я хочу, чтобы ты вышла за меня замуж и чтобы у нас выросла новая пшеничка.

Она ответила ему долгим поцелуем.

За ужином Вера высказала мнение, что в настоящий момент, когда еще не закончился официальный траур по Милене, устраивать даже небольшое свадебное торжество, нехорошо.

– Я думаю, нам надо расписаться тихо, без какой-либо огласки, только в присутствии свидетелей. Причина, побудившая нас столь поспешно после смерти Милены вступить в брак, такая, что никто не осудит.

– Кого бы пригласить в свидетели? Я думаю, Ксению! – предложил Олег.

– Ни в коем случае! – чуть не подавилась салатом Вера. – В издательстве никто, в том числе и Ксения, не должен знать о нашем решении. Несомненно, у Каткова там кто-то есть. Не дай бог, она случайно проболтается. Нет! Только не из издательства. Пригласи кого-нибудь из твоих дру-

зей, с которыми ты не связан бизнесом. Да, и самое главное, надо будет в тот же день, как распишемся, переделать завещание. Потому что оно дамокловым мечом висит над тобой. Ведь по нему все достается матери Милены, а с ней Катков разделается в два счета. Нам надо торопиться.

«Ну что ж, – решил захмелевший от водки Олег, – женься! Это единственный выход для меня. Вера – она умная. Слушать сплетни не будет, за мною следить – тоже. Зачем ей лишние проблемы? – Голова его соскользнула с ладони, он усмехнулся и опять положил голову на ладонь. – Сын... сынок... – Олег блаженно улыбнулся, – новая пшеничка... А ведь это счастье?! – Мутными глазами он посмотрел на Веру. – А она красавица!»

– Вербеночка! – потянул он к ней руки.

Наступила ночь. Те, кого заботы отпустили, уснули, те, кого они схватили за горло, приняв таблетки снотворного, впали в тяжелую дрему. Не спал только Фатум. Его дыхание касалось погруженных в сон людей, его страшный потусторонний смех заставлял их вздрагивать и просыпаться в холодном поту, беспомощно моргать глазами, видя перед собой отблески пламени и уродливые фигурки пляшущих бесов...

Фатум не спал, он вообще никогда не спит. Он играет в свои азартные игры, ставка в которых человеческая жизнь. Сегодня он поставил на красное, и Ксения Вежина была обречена. А Вера получила на руки козыри – удачу даже в мелочах. Опасное везение. За ним всегда следует расплата.

ГЛАВА 33

Четыре человека ждали звонка Валерия Каткова: Сергей Фролов и Олег Пшеничный, чтобы наконец схватить убийцу; Ксения Вежина и Вера Астрова, чтобы вопреки Фатуму самим стать вершительницами своих судеб. Впрочем, вершила Вежина, Астрова же лишь повернула события в нужном для нее направлении. Перевела стрелку, и Судьба Ксении Вежиной, мчавшаяся со сверхзвуковой скоростью, не заметила подставы и сломя голову полетела в западню.

Астрова разработала план с ювелирной точностью, чтобы каждая грань ее кристального преступления отражала то, что было надо ей, и застилала сиянием то, чего не надо было видеть никому.

Катков, скрывавшийся вместе с Лилией и сыном у своей двоюродной тетки в Иванове, позвонил Пшеничному. Олег ожидал этого звонка, но все равно его стала бить дрожь. Ведь он говорил с убийцей. Он дал согласие на встречу, попросив перезвонить завтра.

– Мне надо выбрать время и место. Я ведь, в отличие от вас, работаю, следовательно, занят.

Катков хотел было пустить в ход угрозы, но Пшеничный, как ему посоветовала Вера, отвечал ледяным голосом, что дату и время он скажет завтра. Шантажист был вынужден принять условие.

Едва Олег положил трубку, как поднял вновь и набрал номер Астровой:

– Вера, он позвонил!

– Немедленно давай ко мне! – скомандовала она, любясь крупным бриллиантом на обручальном кольце.

Все произошло так, как будто она сама написала эту страничку своей жизни. Вечером, когда обычный район-

ный ЗАГС готовился к закрытию, к его дверям подъехали черный «Мерседес» и серебристый «Вольво». Навстречу маленькой процессии из четырех человек поспешила заведующая.

– Здравствуйте! Как я рада! – придерживая высоко подпрыгивающую от быстрой ходьбы грудь, говорила она, обращаясь к Астровой и в то же время с любопытством поглядывая на трех мужчин – кто же жених?

– Галина Тимофеевна, мы можем приступить немедленно? – спросила Вера.

– Конечно! Проходите в мой кабинет.

– А то стоит замешкаться, как репортеры проведуют, налетят, а нам с Олегом это совершенно ни к чему.

– Да, понимаю! – воскликнула Галина Тимофеевна, а сама подумала: «Эх, а я бы наоборот, чтобы все знали, все смотрели! Пусть завидуют! Если бы я была Астровой!.. – Она подавила вздох и невольно отметила: – Значит, не все знаменитости врут, что известность утомляет».

Она пригласила новобрачных и их свидетелей сесть в кресла, а сама, как положено, надев перевязь, встала за стол. Несколько казенных слов, четыре росчерка, и свидетельство о браке было уже в руках Веры. Через день был готов новый паспорт и составлено новое завещание, согласно которому Пшеничный Олег Станиславович все свое движимое и недвижимое имущество завещает своему будущему ребенку, опекуном которого назначает его мать и свою жену, Веру Евгеньевну Астрову-Пшеничную.

И теперь Астрова-Пшеничная потягивалась на широкой кровати и поглаживала живот, в котором подрастал не новый колос рода Пшеничных, а маленький Фролов.

– Мамочка о тебе позаботилась заранее! – нашептывала она ему. – У тебя будет все, что нужно человеку, остальное достигнешь благодаря таланту. А талантливым ты будешь обязательно!..

Раздался звонок в дверь, Вера нехотя поднялась и пошла открывать.

– О!.. – обхватил руками Олег свою жену. – Ты у меня стала поправляться.

– Вот что значит выйти за хорошего, заботливого мужа, – со счастливой улыбкой ответила она.

– Как Пшеничка, растет? – проходя в комнату, шутил Олег.

– Растет! Ласковый такой, умненький... – голосом, в котором была разлита нежность, проговорила Вера. – Что, позвонил-таки? – садясь в кресло, резко сменив тон, уточнила она и по привычке потянулась за сигаретой. – А! – спохватилась, недовольно поморщившись.

– Да! Я сказал, что ответ дам завтра.

– Отлично! Отлично! – постукивая ногтями по подлокотнику кресла, говорила сама себе Вера. – Где бы нам назначить встречу с этим подонком?.. Слушай! Лучшего места, чем выставочный центр «Леонардо», не найти.

– Ты имеешь в виду выставку «Просветитель»?

– Ну да! Ты же тамставляешь картины из своей коллекции. На закрытый просмотр соберется весь наш бомонд, будут фоторепортеры. Официальное открытие выставки через три дня. Дизайнеры еще возьмется со своими творениями. Я, кстати, вчера была там, выбирала место для «Колдуньи». Решено, назначай Каткову встречу на послезавтра в выставочном центре «Леонардо». Скажешь, что оставишь ему пригласительный на входе. И все, больше ничего не делай. Остальное я возьму на себя.

Олег задумался, стараясь представить себе, как все будет.

– Вера, а о чем мне говорить с Катковым?

Она расхохоталась:

– Да он к тебе и подойти не успеет. Сделаем так. Ты удержишься минут на сорок. Когда же подъедешь, позвонишь мне снизу, а затем поднимаешься на второй этаж и в соседней секции с инсталляциями дизайнеров будешь ждать моего звонка. Я выберу наиболее подходящий момент, позвоню тебе, и ты войдешь в зал. Нас обступят репортеры, и ты объявишь, что мы поженились. Каткова возьмут с открытым от изумления ртом.

На следующий день Вера в платье цвета лаванды и широкой накидке с рукавами из шифона влетела в здание издательства. Она держалась прямо, легко ступала в туфлях на высоких каблуках. Ее интересное положение еще сутки должно было оставаться в тайне. Она зашла в бухгалтерию что-то уточнить, затем заглянула к художникам поздороваться, а затем, не спеша, направилась к Вежиной, еще раз прикидывая, как бы ухитриться невзначай выдать ей некоторую информацию.

Астрова приоткрыла дверь кабинета и заглянула. Вежиной не было. Она вошла. Села в кресло спиной к полуоткрытой двери, вынула мобильный, маленькое зеркальце с платком и замерла, приложив к уху телефон и внимательно смотря в зеркальце. Раздались легкие, едва слышные шаги, в зеркальце отразилась фигура подходившей к кабинету Вежиной. Вера несколько громче, чем обычно, проговорила:

– Да, с Катковым надо покончить раз и навсегда. Очень хорошо, что ты договорился встретиться с ним завтра на выставке. Только послушай, Олег, я подумала, что будет лучше, если ты опоздаешь к началу минут на сорок. А потом, как придешь, позвонишь мне. Затем поднимешься на второй этаж и подождешь рядом, ну там, где выставлены работы дизайнеров. Я к тому времени соберу вокруг себя репортеров и позвоню тебе. Ты войдешь, и Каткову будет просто некуда деться. Таким образом, мы с тобой разоблачим преступника. Реклама тебе, как издателю детективов, а мне, как автору, обеспечена!.. Отлично, правда? – имитировала она разговор с Пшеничным. – Значит, как войдешь в соседнюю секцию, позвонишь и будешь ждать моего звонка. Что?.. Да, конечно. До завтра! – захлопнула крышку телефона Вера и втянула в смятый платок зеркальце.

Через несколько секунд раздался возглас Вежиной:

– Вера! Здравствуй! Рада тебя видеть.

Вера повернулась, сияя улыбкой:

– Я по делу. Меня что-то смущает обложка к последнему роману. Вроде бы неплохо, но чего-то не хватает или, наоборот, лишнее.

– Да? – удивилась Вежина. – Сейчас посмотрим. – Она открыла ящик стола и вынула образец обложки.

– Ой, Ксения, – пригнувшись к столу, интимным шепотом начала Астрова, – Олег тебе говорил, что ему этот, Катков, звонил и требовал встречи?

– Да! – кивнула Вежина. – Вот подлец! Олег, конечно, рискует... – Она прикусила язык и вопросительно взглянула на Веру.

Вера усмехнулась:

– Не волнуйся. Олег мне сам сказал, что хочет сдать его репортерам. Ведь это такая реклама!

– Еще бы! Только рискованно, – высказала свое опасение Вежина.

Вера всплеснула руками:

– Да чего ж тут рискованного? Что, Катков вытащит пистолет и начнет отстреливать репортеров? Охранники будут заранее предупреждены. Они с Каткова глаз не спустят. Не успеет рукой шевельнуть, как его скрутят. Я все продумала. Недаром столько лет пишу детективы. Ну не милиции же такую сенсацию сдавать! Ты представь, издательство «Стас» не только издает детективные романы, но и само ловит преступников. Каков ход? Да он миллионов стоит!

Ксения глубоко вздохнула и покачала головой с нескрываемым восторгом в глазах.

– Впечатляет!

– Еще как!

– Значит, милиции не будет. Обойдемся, так сказать, своими силами?

– Да! – заносчиво подтвердила Астрова.

Они посмотрели друг другу в глаза. И каждая подумала, что козыри у нее, а меч Фатума занесен над другой. Но из двух ошибается один. И о своей ошибке он узнает в последний момент, когда повернуть колесо событий не представляется возможным. В жизни обратного хода нет.

«Итак, выставка картин из частных коллекций в центре «Леонардо», – подумала Ксения, глядя на закрывшуюся за Астровой дверь. – Отлично! Пусть берут Каткова, но только

не за три, а уже за четыре убийства, – дала она свое согласие и приступила к разработке схемы нового убийства. – Астрова, не подозревая, выболтала самое главное: Олег будет ждать ее звонка в секции с инсталляциями дизайнеров, одна из которых произвела на меня большое впечатление и подсказала, какое выбрать орудие убийства. Кусок стекла. Я его заранее подброшу на постамент. Еще мне понадобится перчатка из плотной кожи... Вот, пожалуй, и все!»

* * *

Последнее убийство, по расчетам Вежиной, должно было ввести ее в деловую элиту. Но не сразу. Сначала nasledницей состояния и владелицей издательства станет Зоя Петровна Пшеничная. Конечно, она может продать издательство, положить деньги в банк, но... она фанатично любит русскую литературу и потому с головой бросится в издательский бизнес. Однако какое-то время спустя поймет, что у нее ничего не получается. Казалось бы, что такого – издавать книги? Слава богу, не первый век этим занимаются люди, но, увы! И тогда она прибегнет к помощи своей племянницы Ксении.

Таким образом, постепенно все нити управления окажутся у той в руках. Зоя Петровна будет только подписывать то, что найдет нужным указать ей племянница. Будь Зоя Петровна менее щепетильна, она продолжала бы играть роль главы издательства, но совесть ей этого не позволит. И поэтому она предложит Ксении занять ее место. Если же она этого не сделает... то племянница позаботится, чтобы Зоя Петровна либо села в результате несчастного случая в кресло инвалида, либо сразу отправилась вслед за дочерью. «Что-то у Пшеничных не заладилось, скосил Фатум золотые колосья славного рода начисто», – вертелись под странную, никогда ранее не слышанную музыку мысли в голове Ксении.

Она выбрала неяркий наряд: открытое платье из шелка цвета черной сливы и шарф, прикрывающий обнаженные плечи. К нему взяла сумочку из черного бархата, в

которую положила плотную кожаную перчатку и кусок стекла, подобранный по случаю у одной стройки.

На выставку она приехала за полчаса до начала. В некоторых секциях еще трудились дизайнеры. Но у инсталляции под названием «Разбитая жизнь, вариант первый» никого не было. Ксения присела на корточки, чтобы лучше рассмотреть, что же все-таки остается от разбитой жизни, и, открыв на коленях сумочку, рукой, перевитой шарфом, вынула пакет, из которого на сверкающие в свете софитов осколки выпал длинный острый кусок стекла. Затем она спустилась вниз. Проходя мимо урны, выбросила пакет. Остановилась у зеркала и принялась поправлять волосы. Ее заметили знакомые, подошли к ней, и все вместе они поднялись в зал с картинами из частных коллекций.

Официанты в ускоренном темпе обносили приглашенных шампанским. Астрова была в платье цвета расплавленной меди. Плечи ее покрывал широкий палантин, ниспадающий густыми складками до колен. Она красиво поддерживала его правой рукой, на безымянном пальце которой сверкало кольцо с бриллиантом.

Вежина все время находилась недалеко от Веры, и когда раздался звонок по сотовому, то она услышала ее слова: «Как договорились». Спрятав телефон в сумочку, Астрова обвела гостей взглядом и, слегка возвысив голос, привлекла по возможности внимание всех к себе.

– Я хочу вам рассказать, каким образом Олегу Станиславовичу пришла идея приобрести несколько полотен.

– Кстати, а где же он? – раздался вопрос.

Вера на секунду встретилась глазами с Фроловым и ответила:

– Будет, непременно. Он звонил и предупредил, что, к сожалению, вынужден задержаться.

Вежина прошла по узкому проходу между секционными стендами и задрапированными окнами и очутилась в слабо освещенной части зала дизайнерских инсталляций. Она вынула из сумки перчатку, надела ее и, наклонившись, взяла с пьедестала с битым стеклом свой осколок. Зажала

его в руке и встала за полуразрушенную колонну композиции «Поиск Атлантиды».

Сердце успело стукнуть раз шесть, когда в секцию вошел Олег. В его руке был телефон. Он с нетерпением ждал условного звонка от Веры. От нечего делать Олег принялся рассматривать композиции. Размытая мозаика инсталляции «Разбитая жизнь, вариант второй» привлекла его внимание. Он слегка наклонился, глядя на печальные, стонущие изгибы мозаики, как почувствовал острую, нестерпимую боль и с удивлением увидел кровавый фонтан, бьющий из его горла... Вежина замерла. Ей показалось, что звук падающего тела привлечет внимание гостей. Но нет. Шум голосов остался таким же ровным и веселым. Она метнулась к «полянке» и сунула перчатку в один из рюкзаков. Потом на пальчиках пробежала к стенду, отделяющему один зал от другого, и вновь очутилась на выставке картин. Еще несколько шагов – и она в самом центре. Смех, восклицания, звон бокалов, улыбки и беспрестанные, не умолкающие ни на секунду разговоры.

Фролову казалось, что Вежина не покидала зал. Но в принципе, он не столь уж пристально следил за ней. Он же знал, что Пшеничный не придет. И только ждал, когда Вера поднимет шум и в дело вступит охрана: прекроет выходы и приступит к обыску.

Когда раздался крик, Фролов вздрогнул и подумал, что Вера уж слишком... Каково же было его удивление, когда он увидел, что кричала не она...

Потом началось что-то непонятное. В соседней секции обнаружили труп Пшеничного с осколком стекла в сонной артерии. Астровой стало плохо. Вызвали «скорую». Фролов позвонил Терпугову. Веру увезли, и был момент, когда Сергей подумал, что это она убила Олега. Но, взяв себя в руки, он решил удостовериться в правильности или ошибочности первоначальной версии. И когда Новгородцев положил лишившуюся чувств Ксению на «полянку», понял, что та рукой, обвитой шарфом, может незаметно вытащить из рюкзака улику и положить себе в сумку. Ведь она постаралась, чтобы ее обыскали в числе первых, значит, теперь можно взять перчатку и уйти!

Следствие по делу, как его окрестили «трех Пшеничных и Милавиной», обещало быть долгим. Вежина отпиралась ото всего. Даже от собственных отпечатков пальцев, оставленных на рисунке дочери режиссера в вечер убийства Милены, и от отпечатков на флаконе духов, украденных из сейфа Валентины.

Когда на очной ставке Фролов рассказал ей о секрете этих духов, Ксения не нашлась что ответить.

Дима Бедаков трясся как осиновый лист и днем и ночью. Он боялся, что станет известно о продаже ему, как он теперь догадался, Ксенией Вежиной тетради Милавиной. Опасение Бедакова оказалось не напрасным. Его уволили, а духи получили название «Дыханье Валентины».

Был риск. Острые могли переименовать «Дыханье Валентины» в «Посмертное дыхание». Но госпожа Лонцова сумела найти оригинальный выход из непростой ситуации, когда деньги в производство и рекламу уже вложены:

– Валентина, подобно знаменитому композитору, оставила нам ноты своих парфюмерных произведений. И мы должны их исполнить. Это будет симфония ароматов в память о ней, – прочувственно сказала госпожа Лонцова на презентации духов.

Вера Астрова, еще не вступив в права наследования, уже успела обговорить с госпожой Лонцовой все пункты будущего контракта, так как после вступления даже тетрадь Милавиной будет принадлежать ей.

Месяц спустя после ареста Вежиной Сергей случайно столкнулся в театре с Новгородцевым. Они посмотрели друг другу в глаза и молча пожали руки.

– Сергей, я вам давно хотел напомнить о вашем обещании подарить мне хотя бы один из набросков, – сказал Владимир.

Фролов ответил, что он может зайти к нему в любое время и сам выбрать наиболее понравившийся. Новгородцев не заставил себя ждать.

– А! – хитро прищурил он левый глаз. – Вы, оказывается, когда я вам тут позировал, уже догадывались, что Ксения – убийца. И не предупредили меня! – говорил он, рассматривая наброски. – Хорош! – задержал внимание на рисунке, выполненном в полупрофиль. – А вдруг она и меня... того?.. Убила бы?

Фролов вяло поморщился:

– Зачем?

– Ну а вдруг? – не унимался Новгородцев.

– Кстати, вы ее навещали?

– Я? – ткнул себя пальцем в грудь Владимир и замер. Потом пожал плечами и произнес в раздумье: – А что?.. Вообще, – машинально продолжая перебирать эскизы, признался он, – бывают в жизни неприятные моменты. Вот как вдумаясь, с кем я любовью занимался!.. После того, что произошло, я, ради интереса, попытался дойти до самой низменной черты моей сути. Заставил себя, насколько удалось. Много всякого противоречивого испытал, понял, что могу так и так поступить, но вот убить, сознательно рассчитав выгоду, не смог бы. А репортеры на меня набросились! – рассмеялся вдруг он. – Менеджер одной телекомпании звонил, предлагает клип снять с моим участием... Я вот эти три возьму, а?

Сергей кивнул.

– Говорят, Ксения головой об стенку бьется. Кричит, что это не она, – сказал Фролов.

– Конечно, не она, а бесы! – пошутил Владимир. – Но что поделаешь, если они вселились именно в нее. – Помолчал. – Вот ведь... Убила четырех человек и убеждает, что не она. Монстр. И как я с ней?..

Еще месяц спустя хит-парад возглавил клип Владимира Новгородцева «Моя девушка. Исповедь мужчины, любившего девушку-убийцу».

Фролов был настолько поражен этим клипом, что заснул перед телевизором.

«Любил!.. Ведь любил же!.. И даже на этом заработать решил. Мерзкий тип».

ГЛАВА 34

Вежина билась об стенку головой и кричала, пытаясь доказать недоказуемое. Ужаснее всего были моменты, когда она уходила в себя и возвращалась в недавнее прошлое. Ксения до мельчайшей детали восстанавливала разговор Астровой с Пшеничным по мобильному телефону, когда она затаилась за приоткрытой дверью своего кабинета. Теперь она понимала, что этот разговор был рассчитан на то, чтобы заманить ее в западню. Да, Астрова действовала наверняка.

«Исчадие ада! Продумать все до мелочей, предусмотреть самый незначительный поворот событий. Да ей-то что? Она при любом раскладе в стороне», – сжимала Вежина голову ладонями с такой силой, точно хотела ее раздавить.

Приступ небывалого бешенства накатил на Ксению, когда она узнала, что Астрова, оказывается, успела выйти замуж за Олега Пшеничного и что теперь она – Астрова-Пшеничная, владелица издательства «Стас». А путь ей расчистила, проложила, да еще устлала ковровой дорожкой она, Ксения Вежина. Умная, хладнокровная, умеющая просчитывать на несколько лет вперед, способная, словно крокодил, затаиться в тине и выжидать, выжидать... Как, когда Астрова перехватила ее гениальную идею присвоения издательства?..

На Ксению надели смирительную рубашку и поместили в одиночку с обитыми войлоком стенами.

– Какая странная нынче мода, – проговорила она, оглядывая себя. – Это от кого? От Дольче и Габбаны? Или от Готье?..

Помешательство длилось секунд пять. Страшный спазм сжал голову, кровь остановилась, а потом забила

фонтаном, горечь наполнила гортань, огнем запылал желудок – сознание вернулось.

– Моя жизнь, моя уникальная, неповторимая жизнь, – упав на пол, бисерно запричитала Ксения, роняя крупные слезы, – пропала... пропала...

* * *

Премьера спектакля по пьесе Астровой-Пшеничной прошла успешно. Особенно было отмечено критикой художественное оформление спектакля, выполненное Сергеем Фроловым. Вера мельком увидела Сергея в фойе во время антракта. Он тоже заметил ее и поспешил смешаться со зрителями.

Он не хотел видеть Астрову и видел ее повсюду. На экране телевизора, где она делилась своими планами о будущем издательства; на обложках журналов, где она со светлой грустью вдовы прижимала к себе ребенка, родившегося после гибели отца; в газетах, сообщавших о первом появлении известной писательницы Астровой-Пшеничной на заседании совета директоров акционерной компании.

Вера не звонила Фролову, она ждала, что он придет. Придет хотя бы посмотреть на своего сына. Но Фролов вместо этого подал заявление об уходе из издательства, отказался от предложения художественного руководителя театра подписать контракт на оформление трех спектаклей и продал все рисунки из цикла «Последнее впечатление». Сердце Веры объял страх. «Неужели он задумал уехать?... А как же я?... Мы?» – взглянула она на сына, которого назвала Сергеем.

Она позвонила Фролову сама.

– Сережа, – начала тоном, будто ничего из того, что произошло, никогда не было, – ты не мог бы сегодня вечером заехать ко мне?

Он ответил сразу, даже не задумавшись:

– Нет!

– А завтра? – удивленная таким прямым ответом, все-таки спросила она.

– Нам незачем встречаться!

– А... – Вера замялась. – А... сын... мой... Ты же его не видел! – вложила она особый смысл в свои слова.

– Что мне смотреть на твоего сына? – прозвучало в ответ.

Астрова не хотела верить в то, что произошло. В то, что Фролов оставил ее.

– Говорят, ты собрался уезжать. Врут? Слухи?

– Нет, не врут. Собрался.

– Куда?

– В Германию.

– Надолго? – под аккомпанемент бьющегося сердца обессиленным голосом продолжала спрашивать Астрова.

– Подписал контракт с одним театром на три года, а там посмотрим...

– Сережа, – прошептала она каким-то трогательно-беспомощным голосом, – Сережа, прошу, зайди ко мне, – вздохнула и добавила: – Попрощаться перед дорогой.

– Хорошо! Завтра вечером, – согласился он.

Вера положила трубку и задумалась, облокотившись на руку. Она сидела в кресле, утопая в волнах пеньюара, волосы, слегка приподнятые заколкой, под своею тяжестью спустились на затылок и рассыпались по плечам. Она сдернула заколку и почувствовала боль в глазах от колючих слезинок.

– Нет, Сергей, ты не уедешь! Ты нужен мне здесь. Ты единственный человек на свете, которому я полностью доверяю. Без такого человека нельзя. – Вера подобрала волосы и провела пальцами под глазами, стирая слезы. – Завтра вечером ты узнаешь, что никуда не едешь. А неустойку за невыполнение контракта с немцами я уплачу.

Она весело стукнула ладонями по подлокотникам кресла, легко поднялась, подошла к зеркалу и затянула на себе пеньюар.

– Ну есть еще немного лишнего... Но что делать? Диету не приемлю, значит, только фитнес-клуб два раза в день. До тех пор, пока не обрету былые девичьи формы, – кокетливо подмигнула она своему отражению.

Астрова была уверена, что сумеет найти слова, чтобы убедить Фролова остаться.

«Он уже попробовал, что такое успех, и удалиться от него в германские туманы будет не так-то легко», – придавая живость прядям волос, которые слишком старательно залакировали в салоне, размышляла она.

– Ведь просила же, – злая морщинка врезалась в лоб, – чуть-чуть. Так нет, им лишь бы дольше сохранялась форма! Ну вот так – ничего, даже хорошо, – несколько раз потряхнув головой, сказала Вера.

На ней было платье из ажурного полотна бледно-лимонного цвета с расклепанными книзу рукавами. Она застегнула фермуар на колье с подвеской из желтого бриллианта и посмотрела на часы.

– О! – невольно вырвалось у нее. – Я забыла назвать ему мой новый адрес! Значит, он согласился приехать, только чтобы отвязаться от меня, а сам и не думал встречаться...

Глаза наполнились слезами обиды, грозя скатиться по напудренным щекам. Но раздался звонок. Вера порывисто выхватила из сумки телефон.

– Ты!.. – выдохнула с нескрываемой радостью.

– Привет. Я приехал и узнал, что ты, оказывается, уже почти два месяца, как сменила квартиру. Потом я и сам вспомнил. Видел в метро у кого-то журнал, где на снимке ты была в какой-то большой комнате...

– Да, Сережа, я купила новую квартиру. Запоминай адрес...

Минут через сорок раздался звонок в дверь, Вера взглянула на экран монитора и увидела Фролова. Вначале у нее была задумка открыть дверь с сыном на руках, но потом она передумала, найдя такой ход слишком тривиальным. Это слабые женщины используют детей как средство принуждения к браку. Вера встретила Сергея, будто не было более полугода разлуки.

– Проходи! – дотронулась она до его руки.

Фролов вошел и внимательно посмотрел на нее.

– Даже похорошела, – удивленно произнес он.

Вера провела его в большую, обставленную светлой мебелью гостиную с высокими окнами, камином за стеклянным экраном, усадила в кресло и предложила выпить.

Подошла к стойке бара, продуманно красиво потянулась за бутылкой, чтобы платье приподнялось и бедро приоткрылось в самом соблазнительном ракурсе.

Наполнив два стакана, перемешала стеклянной ложкой джин с тоником и вернулась к Фролову.

– За нашу встречу! – приподнимая стакан, предложила она.

Сергей вопросительно взглянул на нее:

– Пьют за встречи радостные, а не вынужденные. Я пришел, потому что ты попросила.

Он отпил из стакана и опять вопросительно взглянул на Веру.

– Говори! Ты же меня за этим звала. Что тебе надо мне сказать такого, что ты еще не успела?

– Однако, – не удержалась она от упрёка в голосе, – разве нам с тобой не о чем поговорить?

Сергей сцепил пальцы, но было заметно, как они подрагивали от внутреннего напряжения.

– По-моему, своим... – он запнулся, – своим пособничеством в убийстве Пшеничного ты сказала все.

– Что? – протянула с широко открытыми от возмущения глазами Вера.

– То, что ты страшный человек. Ты хладнокровно обрекла Пшеничного на смерть.

– Ах, вот ты о чем... – словно успокоившись, проговорила она и вынула из пачки темно-коричневую сигарету. Прикурила от зажигалки и села напротив Фролова. – Я не знаю, зачем, почему Олег приехал на выставку. У нас с ним был договор, что он на ней не появится.

Фролов тонко улыбнулся:

– Я бы поверил тебе, причем совершенно искренне, если бы ты столь скоропалительно не вышла замуж за Пшеничного и не вынудила его составить новое завещание в твою пользу и в пользу ребенка.

– Сережа... – громко и с негодованием начала Вера, – я его назвала Сережей, – чуть тише произнесла она и уже шепотом закончила: – Наш с тобой сын.

Фролов, откинувшись на спинку кресла, расхохотался:

– Сергей Олегович Пшеничный не может быть моим сыном.

Вера скривила свои блестящие от губной помады губы:

– Ах, вот ты о чем!

– И об этом тоже. И вообще, нам не о чем говорить. Ты только попусту потратишь свое драгоценное время. Тебе и издательством надо руководить, и в совете директоров заседать, и книги писать... Я пойду лучше. – Он допил джин и поднялся с кресла.

– Нет! – ухватила его за плечо Вера. – Ну с чего ты решил, вбил себе в голову, что я сознательно подставила Олега под удар?! – с негодованием воскликнула она.

Фролов грустно смотрел на нее, некогда такую любимую и такую чужую теперь...

– Я не знала, что он придет на выставку, – словно перемотав кассету, начала вновь Вера.

– Да все ты знала! – в отчаянии от ее лжи резко махнул рукой Сергей.

– Нет! – точно дразня его, категорически ответила она.

– Ах, нет? – с нарочитым смирением произнес Фролов, опустив глаза и сжав руки в замок, чтобы не залепить Вере пощечину. – Значит, если бы Пшеничного не убили, ты бы продолжала оставаться его женой и не сказала бы, что ребенок от меня.

Она сосредоточенно молчала несколько секунд, а потом ответила:

– Какое-то время – да! Но потом я бы развелась с Олегом. И он был бы вынужден платить алименты. А мы бы с тобой поженились.

– Вера! Вера! – Сергей встряхнул ее за плечи так, что локоны ее прически вздрогнули. – Вера, не лги! Не сочиняй на ходу! Он бы платил алименты, а все завещал бы ребенку от новой жены, и это устроило бы тебя? – Грима-са боли и негодования перекосила его лицо. – Нет! – отве-

тил он сам. — Ты перехватила замысел Вежиной. Ты ее руками убила последнего Пшеничного. Хотя, если разобраться, виноват в этом я. — Фролов подошел к стойке бара и налил себе рюмку водки. — Я, будто первый на свете мужчина, не имеющий опыта поколений, доверил любимой женщине тайну, от которой зависела жизнь другого человека. Невероятная, доисторическая глупость, — развел он руками. — Как только ты узнала, кто и, главное, с какой целью устраняет Пшеничных, ты составила свой план, и Вежина стала такой же марионеткой в твоих руках, какой уже был я. Затем ты опутала Пшеничного. Он послушной рукой, водимой тобою, подписал брачное свидетельство и составил новое завещание. Одну марионетку убили, другую отправили в дом с решетками, третья, притянутая за последнюю уцелевшую нить бывшего чувства, — перед тобой, но я ее разрываю.

Вера встала с дивана, сделала шаг к Фролову и сказала, устремив на него немигающий взгляд:

— Постой, не разрывай! Подумай!..

— Тебе советую сделать то же самое! Подумать! Как будешь жить дальше?.. Ты же убила Олега!

Вера усмехнулась уголками губ:

— Я никого не убивала! Запомни! А насчет твоего совета подумать... — Она снисходительно смерила его взглядом. — Я очень хорошо подумала. И хочу поделиться своими мыслями с тобой.

— Она замолчала, вынула из пачки новую сигарету, закурила и села на высокий табурет перед стойкой.

— Я шла по жизненной колее, как рабочая лошадь: детский сад, школа, институт, офис... И так бы я дошла до своего логического конца. Но зачем-то судьба, вот зачем? — изогнувшись, она заглянула в глаза Фролова, облокотившегося на стойку бара, — приняв облик Станислава Михайловича Пшеничного, дала мне возможность оторвать взгляд от колее и увидеть мир! Единственный и неповторимый. Прекрасный! Я увидела, что жизнь — это не череда дней, это череда созиданий. Откуда ты знаешь, что там, — подняла она руку, указывая вверх, — будут оценивать толь-

ко за праведную, ничего никому не дающую жизнь. Ну просидела бы я затворницей да еще девственницей, злой, ненавистой, прикрывающейся маской смирения. Но я никому ничего не дала бы: ни тепла, ни работы, ни жизни. Я пишу книги – и одним дарю отдохновение, другим даю работу. Я родила ребенка! Я делаю, даю, творю... У жизни есть свои законы. Никто не в силах их поменять. Сильный творит жизнь, слабый прозябает. И не хочу я все время думать о смерти. Что потом – наказание или воздаяние. Мне дана жизнь, и я хочу жить, не прозябая и стеноя, а дыша полной грудью. И я хочу, чтобы мой ребенок не тратил время на восхождение, а имел все для яркого старта.

– За счет других! – вставил Фролов. – Вера, ты, как бандит с большой дороги, обираешь и спокойно смотришь, как убивают других.

– Род Пшеничных был обреченным. Колосья оказались гнилыми.

– И ты с помощью Вежиной вырвала их, освободила место и засеяла астрами, – со злой иронией продолжал Сергей.

– А что бы хотел ты? Чтобы Вежину арестовали, а Олег остался бы жив и я... – сухость в горле помешала ей говорить. – И я, – выпив воды, вновь начала она, – опять попала бы в кабалу прихоти Пшеничного. Хочет – напечатает, не хочет – выгонит.

– Так что ж, по-твоему, все писатели должны перебить своих издателей, чтобы занять их места? Ты доходишь до абсурда.

– Взгляни на абсурд с другой стороны, и ты поймешь, что ничего этого я не имею в виду. Мне был предоставлен шанс. Я могла бы отвергнуть его или же воспользоваться. Я воспользовалась. Однако, если бы Пшеничному было суждено остаться живым, он бы остался.

– Но ведь ты сознательно подвела его к смерти. Твой брак с ним, новое завещание – это его предсмертные действия, и определила их ты.

– Я предложила ему. Он согласился. Он оказался слишком слабым для этой жизни. Он по ошибке попал к сильным мира сего.

– И ты исправила эту ошибку.

Вера ответила просто:

– У каждого в этой жизни своя миссия. Мне надо сделать очень многое. Я и так потеряла время, пребывая на задворках. Пойдем! протянула она свою руку к руке Сергея, но не посмела коснуться ее.

Он, не спрашивая куда, последовал за ней. Проходя по коридору, Фролов через приоткрытую дверь увидел портрет «Колдуньи» и остановился.

– Даже ее ты получила в наследство. Кто бы мог подумать, что Владимир и Валентина Милавины, Станислав, Милена и Олег Пшеничные трудились и создавали для того, чтобы дать начало роду Астровых, то есть Полыниковых, – вспомнил он настоящую фамилию Веры.

– Я не так неблагодарна. Пшеничные останутся как орнамент. Но ты забыл о Фроловых, – взяв все-таки Сергея за руку, она ввела его в детскую комнату, посреди которой в манеже сидел мальчик.

Движением головы Вера отпустила няню.

Фролов присел перед манежем и долгим взглядом посмотрел на ребенка.

– Сережа, останься! – раздался сзади ее голос. – У нас есть все. Мы обеспечены, независимы. Только вдумайся, твое творчество свободно от унижающей обыденности. Ты можешь писать картины, работать для театра, для издательства. Ты можешь выразить все, что дано тебе.

Фролов тяжело поднялся, провел рукой по голове ребенка.

– Мне дано глупое сердце и привередливая душа. Ты уж прости... – тоскливо улыбнулся он. – Если поймешь...

– Сережа! – бросилась она за ним. – Сережа!

Он задержался перед комнатой, где висел портрет «Колдуньи».

– Можно я побуду с ней недолго?

– Конечно! – желая удержать его еще хотя бы на миг, за который может произойти все, даже самое несбыточное, ответила Вера.

Фролов вошел в комнату и притворил за собой дверь.

Вера, закрыв лицо руками, бросилась в спальню. Давясь слезами, она молила Бога, чтобы он оставил Сергея ей.

Фролов стоял перед портретом золотоволосой колдуньи и ласкал ее взглядом. Потом оглянувшись, вынул из внутреннего кармана пиджака флакон с краской и кисточку. Подошел ближе и в раскрытой книге, которая лежала перед колдуньей, латинским шрифтом написал:

«Ты, читающий эти строки, мой сын».

«Если он действительно мой сын, — решил Фролов, — то непременно пленится колдуньей и из любопытства заглянет в ее книгу. И, кто знает, может, захочет разыскать меня. А чтобы ему это было незатруднительно, я постараюсь не затеряться. Если же он сын Астровой, то ему будет не до картин...»

Вера вздрогнула, услышав, как захлопнулась входная дверь. Слезы навернулись на ее глаза, а губы прошептали с щемящей сердце усмешкой: «Пшеничная вдова!..» И странная, незнакомая ей пустота вползла в душу...

Литературно-художественное издание

Серия «Городской роман»

Тяна Веснина

КТО ХОЧЕТ ПРОЦВЕТАТЬ

Роман

Художественные редакторы *О. Адаскина, И. Сыркова*

Технический редактор *Т. Тимошина*

Корректор *И. Мокина*

Компьютерная верстка *А. Павловой*

Компьютерный дизайн *Н. Пашковой*

ООО «Издательство Астрель»
129085, г. Москва, пр. Ольминского, 3а

ООО «Издательство АСТ»
667000, Республика Тыва, г. Кызыл, ул. Кочетова, 93

Наши электронные адреса: www.ast.ru
E-mail: astpub@aha.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
во ФГУП ИПК «Ульяновский Дом печати»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

По вопросам оптовой покупки книг
«Издательской группы АСТ» обращаться по адресу:
г. Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж
Тел. 215-43-38, 215-01-01, 215-55-13

